

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. В. БАХРУШИН

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

IV

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА
В XVII В.

СИБИРЬ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ
В XVI – XVII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. ЗИМШН, Н. В. УСТЮГОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН,
В. И. ШУНКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

По первоначальному плану издание «Научных трудов» покойного члена-корреспондента Академии наук СССР С. В. Бахрушина должно было составить три тома.

В течение 1952—1955 гг. этот план был выполнен: в 1952 г. вышел из печати том I, в 1954 г. — том II и в 1955 г. — том III (в двух частях).

В то время, когда заканчивалась работа по выпуску в свет третьего тома, в Московском отделении Архива Академии наук СССР, куда поступил личный фонд С. В. Бахрушина, были обнаружены ранее не опубликовавшиеся рукописи ряда ценных научных исследований этого видного историка. Это обстоятельство вызвало необходимость дополнить издание четвертым томом, включив в него не известные широким кругам научной общественности работы С. В. Бахрушина.

Предлагаемый вниманию читателей том IV «Научных трудов» состоит из монографии «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.» (с приложением текста переписных книг г. Красноярска 1671 г.) и статьи «Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв.»

Монография «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.» — одно из самых значительных исследований С. В. Бахрушина по истории Сибири, результат большого, многолетнего труда. К ней близко примыкает опубликованная во 2-й части III тома «Научных трудов» статья «Енисейские киргизы в XVII в.». К сожалению, С. В. Бахрушин не успел завершить работу над рукописью, что не могло не сказаться на некоторых главах и параграфах монографии. Так, например, слишком бегло оказались освещенными вопросы о коренном нерусском населении Красноярского уезда, о положении русского крестьянства и др. Автор не успел сделать общих выводов из своего исследования. Но все это не снижает научного интереса публикуемой монографии, которая является, несомненно, важным вкладом в изучение истории Сибири. До сих пор не было крупных специальных работ, посвященных истории Красноярска и его уезда в XVII в. Исследование С. В. Бахрушина, отличающееся, несмотря на некоторую незавершенность, широким охватом вопросов, богатством и свежестью фактического материала, образностью и живостью изложения, восполняет весьма существенный пробел в сибирской историографии. Работа интересна еще и тем, что позволяет показать развитие взглядов С. В. Бахрушина на некоторые узловые вопросы истории Сибири.

Отдавая дань высказанной им ранее ошибочной точке зрения о преимущественно военно-промысловом характере освоения Сибири русскими в XVII в., С. В. Бахрушин вместе с тем расширяет круг своих научных интересов, обращаясь к новым для него сюжетам. Характерно, что в данной работе он, на примере Красноярского уезда, специально останавливает внимание на различных сторонах развития производительных сил Сибири, на истории крестьянства и земледельческой колонизации. Это свидетельствует о творческом росте С. В. Бахрушина как историка-марксиста.

Интересным и ярким исследованием (хотя также не вполне законченным) является статья «Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв.» о торговых и культурных связях Сибири со Средней Азией. В этой работе С. В. Бахрушин развивает ряд положений, косвенно затронутых им в других исследованиях¹.

* * *

Основные материалы монографии «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.» находятся в делах 134 и 135 фонда 624 в Московском отделении Архива Академии наук СССР и представляют собой машинописные тексты со значительным количеством авторской правки и рукописных вставок. Оригинал статьи «Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв.» (автограф С. В. Бахрушина) включен в дело 80 фонда 624.

Предварительное изучение материалов монографии показало, что С. В. Бахрушин в течение 20—40-х годов неоднократно возвращался к этой работе, редактировал ее, вносил дополнения, уточнял формулировки и т. п. В связи с этим ряд глав и параграфов исследования сохранился в различных вариантах. Редакция при подготовке рукописи к печати, останавливаясь на своем выборе на последних по времени вариантах.

Названия глав и параграфов, а также их нумерация принадлежат в основном С. В. Бахрушину. Поскольку не удалось обнаружить общий план исследования, редакция сочла себя вправе при разборе и систематизации материалов монографии, находившихся нередко в состоянии россыпи, внести частичные структурные изменения, уточнить названия некоторых глав и параграфов. Так, например, параграф о ясаке, который был отнесен С. В. Бахрушиным к главе о хозяйстве русского населения, было признано более целесообразным включить в главу о народах Красноярского уезда. Судя по нумерации С. В. Бахрушина, глава о русской колонизации должна была следовать за главой о хозяйстве русского населения. Редакция поменяла местами эти главы, так как без предварительного знакомства с вопросами русской колонизации и положения русского населения уезда трудно составить должное представление о хозяйственных занятиях красноярцев. Не имея общего названия монографии, принадлежащего С. В. Бахрушину, редакция дала ей заглавие: «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.»

Основные принципы подготовки данного тома к печати остались прежними, как они изложены в предисловиях к предыдущим томам издания. Проверка научного аппарата выполнена лишь в отношении печатных произведений. Ссылки на архивные материалы, как правило, не проверялись. Публикуемый текст переписных книг 1671 г. по Красноярску сверен с подлинником, хранящимся в ЦГАДА.

Редакция выражает глубокую благодарность Московскому отделению Архива Академии наук СССР и его заведующему Б. В. Левшину за любезно предоставленную возможность пользоваться материалами личного фонда С. В. Бахрушина, а также рецензентам Н. А. Баклановой и Б. О. Долгих за их полезные замечания.

Том IV «Научных трудов» С. В. Бахрушина подготовлен к печати под редакцией В. И. Шункова и А. А. Преображенского.

Научно-вспомогательная работа и указатели выполнены А. П. Виноградовой.

¹ См. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I. М., 1955); «Сибирские служилые татары в XVII в.» (там же, ч. 2. М., 1955).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА
В XVII В.

ВВЕДЕНИЕ¹

Основание Красноярска на верхнем течении Енисея в 1628 г. является одним из эпизодов колонизации Сибири.

Это наступление на восток начинается очень рано. Еще феодальный Новгород, нуждаясь в пушнине для торговли с Готским «заморьем», с такой же быстротой, с какой впоследствии Русское государство овладело северной полосой Азии, распространил свою деятельность на промысловые угодья всего обширного Заволочья и уже в XI в. сделался хозяином Печорского пути, открывавшего ему дорогу в «полунощные страны».

Новгородская колонизация Заволочья долгое время, однако, ограничивалась бассейном Двины. Оба склона северного Урала имели для Новгорода значение исключительно своими пушными богатствами, спрос на которые уже тогда предьявляли рынки южной Руси и Прибалтики. За пушниной и шли сюда новгородцы «лесовати» белку и соболя, собирать дань мехами с туземцев или выменивать у них «скорую» (меха) на железные изделия. Львиная доля добычи шла в руки новгородского феодала-боярина и крупного купца. Новгородские бояре организовывали ватаги ушкуйников и самовольно, без санкции Великого Новгорода, бросали их на грабеж и промысел. На почве таких военно-промышленных экспедиций возникали среди земель, населенных угро-финскими племенами, укрепленные городки, вроде Орлеца на Двине, и создавались на границах русской колонизации те обширные латифундии новгородских бояр в Заволочье, которые затем служили опорными пунктами колонизации.

Аналогичный процесс наблюдается и на окраинах владений московского великого князя. Здесь исходным пунктом промышленного продвижения на восток естественно сделался Устюг, на границе Пермской земли. Во второй половине XIV в. на устье Выми образуются владения пермских владык, под патронат которых попадают туземные вымские князья, а потом и зауральские остяки (ханты) и вогуличи (манси). Позже, после завоевания Казани, на верховьях Камы раскидываются владения Строгановых, имеющие тенденцию расширяться «за Камень», в долину Тобола.

Таким образом, в начальной своей фазе русское продвижение за Урал происходило двумя способами. С одной стороны, «для торговли и промыслов» проникали к зауральским туземцам купцы и промышленники, протаривая дорогу; с другой — крупный феодал обосновывался на вновь открытых землях, и пользуясь как базой построенным им в пограничной области городком, продолжал захват территории дальше на восток.

---

¹ С. В. Бахрушин в этой работе (см. также стр. 39, 42, 45 и др.) дает одностороннюю «военно-промышленную» характеристику русской колонизации, переоценивает роль феодалов в этом процессе, упуская из вида стихийное движение народных масс на новые малозаселенные земли в целях их хозяйственного и прежде всего земледельческого освоения. (См. также редакционные примечания в предыдущих томах «Научных трудов» С. В. Бахрушина: т. II, стр. 224; т. III, ч. I, стр. 16 и т. д.).— *Примечание редакции.*

Феодалное государство выступило с завоевательными целями гораздо позже. Московское великое княжество в своем стремлении к распространению границ на восток действовало очень осторожно, предпочитая использовать результаты деятельности отдельных феодалов. Долгое время московские великие князья ограничивались тем, что поддерживали пермских владык в их стремлении подчинить своему влиянию вычегодских коми и зауральских остяков и «вогуличей», а позднее, с значительными колебаниями, санкционировали строгановское наступление на Сибирь. Энергичное наступление Москва начала лишь в XVI в., когда она сделалась столицей сильного централизованного государства.

До середины XVI в. Камский путь за Урал был закрыт казанскими феодалами, путь Печорский был слишком удален от великорусского центра. При небольшой емкости рынка потребность в мехах вполне удовлетворяли охотничьи районы по эту сторону Урала. В XVI в. намечаются предпосылки возникновения «всероссийского рынка», начало складывания которого, по определению В. И. Ленина, наблюдается примерно с XVII в.² Развитие торговых сношений с Западом и Востоком, ускорявшее этот процесс, не могло не отразиться на сильном повышении спроса на меха. Решающее значение имело, несомненно, с одной стороны открытие англичанами морского пути в Россию и создание русского торгового порта первоначально в Ругодиве, а после неудачного окончания войны за Ливонию — в Архангельском городе на Белом море, а с другой — включение в состав территории России всего торгового пути по Волге, открывавшее доступ к рынкам Средней Азии.

И с запада и с востока русскому рынку предъявлялось теперь повышенное требование на пушнину. Английские торговые агенты рыскали повсюду Северному Поморью для скупки мехов и уже в начале 80-х годов XVI в. стали перебираться через Урал на Обь; одновременно и русское купечество делает первые слабые попытки завязать непосредственные сношения с Западной Европой. Вся пушнина почти целиком поглощается иностранным спросом. В 70-х годах на Москве «соболей продажных» добыть было почти невозможно, все они направлялись прямо через Соль Камскую к Колмогорам для мены на «немецкие» товары.

Открывшийся спрос на пушнину со стороны заграничных рынков всколыхнул русских феодалов, купцов и промышленников, толкнув их на поиски новых «соболиных мест». Начинается энергичное «проведывание» путей за Урал. В 1574 г. Строгановы, обосновавшись на Каме, выступают с проектом захвата дороги в глубь Сибири путем постройки на Тоболе, Иртыше и Оби укрепленных пунктов не только «для береженья» от туземцев, но и для «опочива охочим людям», т. е. промышленникам. Несколько позже, по их поручению, производится обследование путей на Обь и готовится экспедиция для открытия дороги в Китай. Около 1580 г. имеет место снаряженный теми же Строгановыми поход Ермака, завершившийся разгромом Сибирского царства. В царствование Федора Ивановича москвич Лука организует морскую экспедицию «проведывати Обского устья».

Движение «охочих людей» на сибирские промыслы принимает в XVI в. такой стремительный характер, что уже к концу этого столетия часть территории Западной Сибири не только была обследована, но и в значительной степени захвачена русскими. На севере, Печорским путем, поморскими промышленниками была открыта богатая пушным зверем Мангазея — на восточном берегу Обской губы, первые известия о которой

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137—138.

относятся к началу XVI в. Тяга в эту страну усилилась, по-видимому, под влиянием английского купечества, живо заинтересовавшегося рассказами о Мангазее (Molgomzaia). В конце столетия Мангазея фактически была захвачена торговыми и промышленными людьми из поморских городов, закрепившими свои мирные приобретения постройкой укрепленных факторий — острогов и городков, из которых они собирали дань в свою пользу с туземцев. Из Мангазеи поморы проникали и в «Тингусию», упоминающуюся еще в 70-х годах; в конце XVI в. на Енисей уже ходили торговые люди с товарами и на промыслы.

С середины XVI в. усиливается движение в Сибирь и по другому пути, по Каме и ее притокам. С падением Казани в 1552 г. путь этот сделался совершенно свободен, и по нему устремились на промыслы ватаги «охочих людей» и торговые люди, «остяцкую куплю деющие». В 1572 г. восстание местных жителей, известное в источниках как «черемисский бунт», захватило врасплох большие партии русских купцов и «ваташиков» на Каме и Чусовой. В том же направлении «за Югорский камень» энергично наступали Строгановы, вторгаясь все глубже в промысловые угодья туземцев. В результате бассейн Туры, или «Тахчей», еще до Ермака номинально вошел в состав русских владений. Смелой попыткой проникнуть в глубь владений «сибирского салтана» явился поход самого Ермака, увенчавшийся блестящим успехом. По существу это было военно-промышленное предприятие, организованное на частные средства Строгановых, которые за свой счет снабдили своих «наемных казаков» всем необходимым для похода в расчетах на добычу и в лучшем случае — на некоторое расширение своих владений. Последствием дерзкого набега явился развал Сибирского юрта, единственной достаточно сильной для сопротивления государственной организации за Уралом, благодаря чему широко открылся путь в Азию.

В конце XVI в. захват зауральских земель принимает новый оборот. В дело энергично вступает государство, нуждавшееся в деньгах для удовлетворения потребностей господствующего класса и проведения в жизнь отвечающей его интересам внешней политики. Эта потребность могла быть частично удовлетворена продажей за границу сырья, в частности пушнины. Главной побудительной причиной к наступлению феодального государства за Урал и была нужда в пушнине для обмена на европейские товары. Казна в Русском государстве являлась самой крупной, временами монопольной, участницей развивавшейся торговли, дававшей ей средства, необходимые для предпринимателей. Не имея, однако, достаточно хорошо организованного аппарата, феодальное государство в первое время предпочитало идти по стопам тех частных предпринимателей, конкурентом которых оно являлось. Первые попытки Москвы проникнуть в страну мехов относятся ко второй половине XV в., но походы 1485 и 1499—1500 гг. за Урал дали в сущности очень незначительные результаты, установив лишь номинальную власть московских государей над остяцким населением нижней Оби. Планомерное наступление за Урал начинается лишь с середины XVI в. и ведется первоначально скорее дипломатическими средствами, чем военными. После падения Казани признал себя вассалом Москвы владетель Сибирского царства Эдигар, теснимый соперничавшими с ним бухарскими Шейбанидами, и обязался платить дань пушниной; после его поражения и смерти воцарившийся на его месте Кучум не решился сразу порвать эти вассальные отношения и некоторое время продолжал считаться данником Москвы. Одновременно, в 1558 г. русское правительство приняло под свой патронат приобских остяков при условии уплаты ясака. Таким образом вырабатывалась

система эксплуатации зауральских туземцев на началах вассальной их зависимости. Агрессивная политика Строгановых нарушала эту систему, и из Москвы раздаются гневные укоры в том, что они «отводят от царского жалования» вогуличей и остяков, и их «задирают», и «тем задором ссорят царя с сибирским салтаном».

Однако, по мере того как выяснялись результаты агрессивной политики Строгановых в Западной Сибири, правительство постепенно изменяло свой образ действий и использовало их деятельность в своих собственных интересах. Захват столицы Сибирского царства «наемными казаками» Строгановых вызвал посылку правительственных войск на Иртыш, а утверждение промышленников на берегах Тазовской губы привело к снаряжению правительством двух экспедиций в Мангазею, в 1600 и 1601 гг.

Таким образом, после смелых военно-промышленных авантюр частных предпринимателей с конца XVI в. наступает период планомерной военной оккупации Сибири силами правительства и по планам, вырабатывавшимся в столице. Очень скоро была покорена большая часть «агарянских весей», входивших в состав бывшего Кучумова царства. В течение одного десятилетия русские заняли нижнее течение Иртыша с Турой, Тавдой и Тоболом, объясачили остяцкие племена по нижней Оби и оттеснили на юг остатки Кучумовой орды. На развалинах столицы сибирских «салтанов» возник русский военно-административный центр, унаследовавший от нее старые традиции власти и господства, — Тобольск. На юге Тара, построенная в 1594 г., надолго определила крайний пункт продвижения русского царизма в Барабу.

В границах бывшего Сибирского царства продвижение русских не могло, однако, остановиться. В западной части Сибири наиболее ценный пушной зверь — соболь был уже в значительной степени «испромышлен». Русские промышленники и, особенно, энергичные коми-зыряне уже искали новых угодий на востоке, в далекой Мангазее, на Енисее, на среднем течении Оби. В ту же сторону направляются и усилия правительства. С построением Сургута (1594), Нарыма (1598), Кетска (1605) русские феодалы стали твердой ногой на средней Оби, в самом центре самоед-остяцких племен Пегой орды (селькупов); в 1604 г. на Томи, в стране еуштинских татар, вырастает «Томский город», которому суждено было играть крупную роль в жизни зауральской колонии как окружному центру, организовавшему наступление на «горные волости» Алтая. В 1618 г. к югу от него, на верховьях Томи, вырастает Кузнецкий острог.

Здесь, в «порубежных горных волостях», русское наступление было на целое столетие остановлено воинственными племенами теленгутов и енисейских киргизов, монголами кемчикских алтын-ханов и постоянным опасением «калмыцких приходов».

На севере, по следам промышленников, правительственные войска проникают в Мангазею, этот передаточный пункт, которым шла енисейская пушнина на Обь.

Основной целью оккупации был ясак. Все средства были хороши, чтобы заставить туземцев нести пушнину в государеву казну. Искусно использовалась туземная племенная знать, при помощи которой удавалось передко мирным путем добиваться уплаты дани; разжигалась межплеменная вражда сибирских народов, чтобы при помощи кодских остяков покорить пелымских вогуличей или при содействии еуштинских татар и чатских мурз организовать оборону границы от калмыков. В случае упорного сопротивления организовывались в крупных масштабах военные экспедиции для устрашения непокорных. После того как население туземной волости подчинялось требованию уплаты ясака и «шертовало», спешно

строился укрепленный острожек, который должен был держать в повиновении население.

Эти городки, разбросанные по неизмеримым пространствам тундр и тайги, и были главными опорными пунктами владычества русского царизма в Сибири, откуда производился сбор ясака и происходило дальнейшее обследование и объясачение страны; они же служили местом сбора десятинной пошлины с промыслов русских людей.

Так, уже в первые годы подчинения Сибири определились две струи русской колонизации, вызванные общими причинами и преследующие одинаковые цели.

С одной стороны, по путям, проторенным новгородцами, из года в год шли «через Камень» поморские промышленники все глубже на восток, в поисках пушнины, на которую предъявляли непрекращавшийся спрос иностранные рынки; с другой — ради той же пушнины правительство строило свои городки, укрепленные фактории, снабжало их артиллерией и другим вооружением, «прибирало» служилых людей для покорения неясачных «землиц» и для собирания ясака с «землиц» ясачных, заводило «государеву пашню» для прокормления гарнизонов, организовывало таможенные заставы, чтобы отбирать, в виде десятой пошлины, часть добычи промышленников в казну.

С каждым годом процесс захвата «соболиных мест» идет все стремительнее. К первой четверти XVII в. относится проникновение промышленных людей с нижнего Енисея на Вилюй и на Лену. Несколько позже, около середины XVII в., разворачиваются военно-промышленные предприятия торговых людей по открытию новых земель, напоминающие по размаху и по достигнутым результатам предприятия Строгановых, — походы Ярофея Хабарова в Дауры, экспедиции Федота Алексеева и Семена Дежнева для обследования морского пути кругом «не обходимого» Чукотского мыса. В 70-х годах торговые люди, по собственной инициативе, найдут путь в столицу богдыхана.

С своей стороны и правительство проявляет усиленную деятельность по объясачению новых «землиц». Новые хозяйственные и политические потребности, намечающиеся в XVII в., требуют больших средств от феодального государства, еще не оправившегося от последствий крестьянской войны и иноземной интервенции начала столетия. Пушнина в государственном бюджете Москвы XVII в. занимает не последнее место. В проекте росписи, представленной правительством Михаила Федоровича земскому собору 1616 г., — «мягкая рухлядь» дает около 16% всего доходного бюджета, составляя 40 092 руб. Эта пушнина являлась своего рода запасным золотым фондом, откуда черпались средства и на уплату жалованья, и на подарки иностранным «потентантам», и на производство торговых операций. Из этого же источника кредитовалось московское купечество, ведшее торговые дела с Персией и Западной Европой. Отсюда лихорадочная поспешность, с которой правительство торопится расширить район эксплуатации пушных богатств за Уралом.

Первые годы царствования Михаила Романова ознаменовываются утверждением русской власти на Енисее. В 1618 г., на волоку между Кетью и Енисеем, вырастает Маковский острожек, обеспечивающий господство на пути к Енисею. В следующем году построен Енисейский острог, откуда начинается объясачение тунгусских и бурятских племен. Естественным последствием основания Енисейска явилась попытка распространения русской власти на верхнее течение Енисея и постройка в «Тюлкиной земле», на р. Каче, Красного острога — будущего Красноярска. И здесь, как во многих местах Сибири, состоявший на службе у фео-

дального общества торговый капитал шел впереди движения. Еще раньше, чем возник военно-административный центр в земле качинских татар, к ним проникают русские купцы и начинается оживленная торговля, в которой деятельное участие принимает енисейская администрация.

Городу Красноярску выпала в истории Сибири своя особая роль. Поставленный на границе с Киргизской степью, он преследовал задачи не столько объяснения окрестных племен и эксплуатации промышленных угодий верхнего Енисея, сколько военной обороны от монгольских и тюркских племен с юга. До 1703 г., когда произошло выселение в пределы Джунгарии значительной части енисейских киргизов, Красноярск вместе с защищавшим подступы к нему с юга Караульным острогом оставался единственным оплотом русской колонизации со стороны степи, пограничной крепостью, за «хребтом» которой укрывались и Енисейск, и Томск, и отчасти Кузнецкий острог. Военный форпост, Красноярск в течение всего XVII в. жил жизнью военного лагеря, всегда под угрозой нападения, всегда под оружием. Из года в год подгородные деревни выжигались «воинскими людьми», пашни вытаптывались, уездные жители уводились в плен или убивались. Он перенес несколько осад со стороны киргизов и калмыков. Были моменты, когда самому существованию Красноярска грозила непосредственная опасность, как, например, в 1653 г., во время нашествия Алтын-хана, или в 1664 г., когда он был осажден Сенгетайшою. Условия военного стана среди земель «немирных» и воинственных соседей наложили своеобразный отпечаток на весь быт Красноярского острога. Настоящее разбойничье гнездо, он живет для войны и войною. На красноярском рынке пушнина отступает на второй план перед взятым с бою «ясырем». В атмосфере непрерывной резни складываются типичные черты красноярского служилого человека XVII в.: склонность к своеволию и буйству, жестокость и падкость до наживы и — выше всего — вольнолюбие, дух непокорства и независимости.

1704 год является поворотным пунктом в истории Красноярска. С отходом на юг енисейских киргизов, с отказом джунгар от притязаний на Киргизскую степь, с разрывом державы алтын-ханов Красноярск утрачивает свое стратегическое значение; к югу от него, на месте бывших кочевков воинственных киргизов, в 1707 г. вырастает Абаканский острог, в 1709 г. — Саянский, и Красноярск тем самым перестает быть пограничной военной крепостью. Вместе с тем изменяется уклад жизни старого Красноярска XVII в.

Глава I

ОСНОВАНИЕ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА

В начале XVII в. сведения русских о той местности, где впоследствии возник г. Красноярск, были очень смутны. Они узнали о ней, когда утвердились на Кети, на пути с Оби на Енисей, от кетских остяков, которые и послужили им проводниками далее на восток. Эта страна первоначально была известна под названием «Тюлькиной земли»¹, по имени князька, сын которого («Тюлкин сын») упоминается в одном документе 1608 г.²

В какой мере смутны были представления русских об этой Тюлькиной (Тюлкиной) земле, показывает то, что они считали ее жителей остяками³. От туземцев они знали, что «Тюлкин сын и со своими остяками живет податно к киргизским людям», которым он давал ясак. Кроме Тюлкиной земли, русские источники несколько позже упоминают землю Васанскую, т. е. населенную асанами, соседнюю с нею землю Бохты, населенную бохтинцами, и землю Онпальскую.

Русские, однако, скоро проведали дорогу в эту Тюлкину землю, манящую их самой своей неизвестностью. «А от Тунгусского устья,— писал кетский воевода Чеботай Челищев в Тобольск к князю И. С. Куракину, на основании сведений, собранных у участников в походе 1610 г. на Енисей,— вверх по Енисее 3 дни ходу дощаником до порогу, а порогу, господине, на Енисее 2 версты, а выше порогов итить 3 дни до Тюлкиных людей»

Первую попытку объяснить Тюлкину землю приходится, кажется, отнести к 1607 г., когда кетский воевода Владимир Молчанов «посылал для государева ясаку на Енисею к Тюлкину сыну и к их людям». Попытка оказалась неудачной. Рассчитывая на поддержку киргизов, Тюлкин сын и его люди ясака не дали и ограничились присылкой «соболишек худых» в виде «поминков», что означало желание сохранить добрососедские отношения, но отказ от подданства⁴. В дальнейшем кетская администрация пыталась использовать кетских остяков для подчинения Тюлкиной земли, поручая князю Намаку уговорить тюлкинских людей платить ясак. В декабре 1612 г. Намак, придя в Кетский острог с ясаком, сообщил, что «тунгусы и из Тюлкиной земли хотят платить ясак»⁵. В связи с этим уведомлением, посланным в следующем году из Кетска к князю Намаку, ясачным сборщикам Ваське Пшенишникову и Яньке Шпаковскому было поручено идти из Кадысской волости на Енисей в «тунгусы» и в Тюлкину землю. Однако Намак не повел их ни туда, ни сюда, не желая, очевидно, пропускать русских к енисейским туземцам. В Тюлкину

---

¹ ЦГАДА, Портфели Миллера, 477, II, № 7, лл. 1—1 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

землю пошел брат Намака Атобай и лучший человек Кадысской волости Епея, но они принесли только 60 соборей ясаку и 13 соборей поминков, под тем предлогом, что Тюлкину землю воевали буряты и «отгромили» приготовленную для уплаты ясака пушнину⁶. Позже тюлкинские люди платили — в 1617 г. 2 сорока соборей, в 1618 г. — 2 сорока с половиной, из них 50 соборей в Кетск и 50 в Томск⁷.

При отдаленности Кетского острога от Тюлкиной земли и необходимости пользоваться в сношениях с нею при посредничестве туземцев о каком-либо прочном завладении верховьями Енисея не могло быть и речи. Оно оказалось возможным лишь с основанием в 1619 г. Енисейского острога, который и сделался опорным пунктом для распространения владычества в бассейне этой реки. Угроза, которую представляло появление отрядов служилых людей на Енисее, была очень скоро учтена киргизами, которые пытались уже зимой 1618/19 г. поднять тюлкинцев на совместный поход под Томск и Кузнецкий острог⁸. С основанием Енисейска Тюлкина земля была «поворочена» от Кетского к вновь построенному острогу, от которого она отстояла не особенно далеко: «А до Тюлкиной землицы от Енисейского ходу конем 4 ден, а до киргиз и до Тубы 8 ден»⁹. Однако и теперь захват страны шел очень медленно вследствие недостатка средств и сил. Асаны, номинально признав русскую власть, ограничивались ничтожными взносами пушнины. В 1621 г. «из новой землицы Вазанской» поступило всего 3 худых собора и 7 недособорей,¹⁰ в 1623 г. — 20 соборей, в 1624 г. — 11 соборей. В 1626 г. енисейский воевода Андрей Ошанин посылал поэтому атамана Василия Алексеева «с товарищи» призывать «васанских людей», не считая их фактически покоренными, но и эта экспедиция не достигла места назначения. По окладу 1628 г. с Васанской землицы полагалось взять 40 соборей¹¹.

Не более удачны были попытки объяснить объясчить Онпальскую землицу, князец которой Байтерек платил в 1621 г. 10 соборей, в 1622 г. — 5 и в 1629 г. — 15 соборей¹². Доходы с самой Тюлкиной землицы, во главе которой теперь упоминается князец Татуш, были тоже первое время невелики. В 1617 г., как сказано выше, тюлкинцы платили в Томск и в Кетск всего 100 соборей. С основанием Енисейска это количество ясака совсем не повысилось; в 1621 г. они платили 99 соборей, из которых 19 недособорей, в 1622 г. — 124 собора, в 1623 г. — 100 соборей, в 1625 г. — 99. Сто соборей «с неокладных волостей Тюлкиной землицы» числились в ясачных книгах еще в 1628 г.¹³

Попытка распространить ясак и на Тубу кончилась полной неудачей, так как в 1625 г. тюлкинцы не захотели везти посланного к тубинцам из Енисейска стрелецкого десятника Михаила Шорина¹⁴. В деле объясчения Тубы Енисейск столкнулся с конкуренцией Кузнецкого острога, откуда в 1626 г. воевода Федор Голенищев-Кутузов посылал в «новые земли» — Мутарскую (Моторскую) и Тубинскую — служилых людей, чтобы

⁶ Портфели Миллера, 477, II, № 7, л. 7.

⁷ Там же, л. 8. В 1619 г. до Маковского острога дошли слухи, что киргизы подымают тюлкинских людей, асанов и бохтинцев, против Кетского острога; тюлкины люди, однако, «им отказали, мы не идем» (Архив АН СССР, 21.4.17, № 8).

⁸ Портфели Миллера, 477, II, № 7, л. 23.

⁹ ЦГАДА, Сиб. прик., стб. 12, л. 107; Портфели Миллера, 477, II, № 7, л. 16 об.

¹⁰ Сиб. прик., стб. 12, л. 51, 342; Г. Ф. Миллер. Сибирская история. — «Ежемес. соч.», 1764, март, стр. 223.

¹¹ Сиб. прик., кн. 22, л. 494.

¹² Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 223, 224.

¹³ Сиб. прик., кн. 22, л. 493 об. О неокладном ясаке см. ниже.

¹⁴ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 228.

привести «под государеву высокую руку тех новых людей Мутарцов и Тубинцов», и взял с них ясак; в следующем году он простер свои замыслы и на новую «Киченскую» (Качинскую) землю и даже посылал по ясаку «в Киргизы в Обраев улус»¹⁵.

Но если объясачение Тюлкиной и прилегающих к ней земель шло медленно, то с необычайной стремительностью пробивает в нее путь торговый капитал. В Тюлкину землю бросаются для торговли и служилые люди и купцы. Она служит, в частности, рынком, откуда енисейские служилые люди приобретают «для государевы службы» лошадей в обмен на русские товары¹⁶. В 1626 г. упоминается о поездке в Тюлкину землю за пушниной торгового человека Мамрука Косицына, и он был, конечно, не единственным купцом, проникшим на Качу. В торговле русских купцов деятельное участие принимают и представители енисейской администрации. В 1626 г. воевода Андрей Ошанин послал «товару своего в Тюлкину и в Качинскую землю на 600 р. по их иноземской руке» с названным выше Мамруком Косицыным; он понуждал енисейских крестьян и стрельцов на их лошадях перевозить через Маковский волок в Енисейск товары как его самого, так и его компаньонов Косицыных; по-видимому, одинаковые отношения у него существовали и с Наумом Пахомовым, крупным торговым человеком того времени, крестьянином всесильного царского свояка князя Ю. Я. Сулешова. Во вновь открытых землях торговцы распоряжались как в завоеванной стране: Мамрук «наметывал сильно» воеводские товары на иноземцев, и враги Андрея Ошанина утверждали, что «от того те земли от его Андреева насильства от великого государя отложились».

Между енисейскими служилыми людьми, глядевшими на Тюлкину землю как на свою законную добычу, и приезжими из русских городов торговыми людьми на почве эксплуатации населения бассейна Качи неизбежно должна была возникнуть конкуренция, которая приняла неожиданно ожесточенный характер и нашла яркое выражение во время вспыхнувшего в Енисейске в мае 1626 г. возмущения.

Поводом для возмущения явилось случайное обстоятельство. Служилые люди под начальством атамана Василия Алексеева, посланные Андреем Ошаниным для усмирения тунгусского князца Тасейка, вместо того побили и забрали в плен ясачных питских тунгусов; опасаясь ответственности, они «поставили меж собою образ пречистые богородицы на том, что им убойства, что побили и [в] полон поимали... государевых питских ясачных людей, не носить никому и сказывать, будто они побили... государевых изменников князца Тасейка». Когда тем не менее обман их вскрылся, они подняли мятеж: «круг завели и запись меж себя одинашную написали и руки к записи приложили, что им его, Андрея, ни в чем не слушать и под суд не даватися», и даже хотели убить воеводу в съезжей избе. Обычное в сибирских условиях явление осложнилось, однако, враждою служилых людей к приезжему купечеству, которому покровительствовал воевода, тесно с ним связанный своими собственными торговыми операциями. Они собирались побить торговых людей Ивана Косицына и Наума Пахомова, которые ушли на двор к воеводе, но и сам воевода не смел ходить в съезжую избу, «потому что его и торговых людей хотят побивать до смерти, а животы и товары грабита и хотят бежать неведомо куда».

Среди торговых и промышленных людей началась паника: «от того убивства хотят, покидав животишка свои, бежать». 9 мая, «в Николин

¹⁵ РИБ, т. VIII, № 11 (XXXV). «Акты, относящиеся к истории Сибири», стб. 472. 473.

¹⁶ Сиб. прик., стб. 12, л. 114.

день вешний», произошло событие, которое привело к открытому взрыву. В этот день Мамрук Косицын, «исторговався», вернулся из Тюлкиной земли и по приказу воеводы стал носить мягкую рухлядь из судна на воеводский двор. Тогда служилые люди во главе с Василием Алексеевым выломали у острога замок и цепь и пошли на приступ воеводского двора, стреляли из пищалей и луков по окнам, «мало из лука не убили самого воеводу; двери у сеней пищальными дулами сломали и окна и стены из пищалей насквозь испробили». Воевода едва отсиделся с торговыми и промышленными людьми. На приступе было убито несколько человек, в том числе торговые люди — казанец Яков (Якушка) Минин, Федосий Михайлов Курсин и двое гулящих людей; один промышленный человек был избит ослопами; человеку Ивана Косицына переломили ногу и т. д. Сами служилые люди представляли дело иначе, утверждая, что они явились к Андрею Ошанину, у которого «в ту пору пир был на торговых людей», с заявлением, что И. Косицын, «приехав из Тюлкиной земли с мягкой ряхлядью, того товару на гостин двор и в лавки не носит, а носит к тебе на двор» и что Андрей Ошанин сам первый напал на служилых людей, «и в той поры сносили на его Андреев двор его, Андреев, товар, мягкую рухлядь»¹⁷.

Основание Енисейского острога, таким образом, не разрешало с точки зрения правительства вопроса о Тюлкиной земле. Выгодами создавшегося положения воспользовались торговые люди, администрация, служилые люди, а количество собиравшегося ясака не показывало тенденции к повышению. Очевидно, для урегулирования дела необходимо было создать специальный административный центр на верховьях Енисея. К этому побуждали и соображения чисто стратегические. С верховьев Енисея русским владениям грозила постоянная опасность со стороны многочисленных воинственных кочевых племен, енисейских киргизов и родственных им народов, за спиной которых стояли могущественные монгольские владетели. Енисейск, с его небольшими военными силами, был в сущности беззащитен от натиска, шедшего с юга. «В Енисейском остроге,— писал Андрей Ошанин,— государевых служилых людей 100 человек стрельцов, а Енисейский острог место дальнее и украинное, дале того места нет, и от всех сибирских городов удалело». В 1626 г., в связи с бегством в Тюлкину землю двух остяцких князцов, Енисейск пережил настоящую панику. По полученным известиям, «киргизские и тюлкинские люди хотели де быть к Енисейскому острогу войною»; отряд тюлкинцев в 20 чел. приходил на Кеть в Кадцкую волость и взяли в Тюлкину землицу местного князька Епею со всем его племенем, «а у них же в Тюлкиной землице в ту пор, были в скопе многие люди — киргизы, тубинцы, моторцы и саянцы и хотели быть к Енисейскому и Кетскому острогам войной». Воевода Андрей Ошанин, «для приходу киргизских и тюлкинских людей», спешно укрепил город, сделал «к старому острогу новый острог, и ров круг острогу выкопал крепкий..., и надолбы круг острогу поставил крепкие и башню новую и ворота проезжие сделал и старый острог укрепил» и сидел в осаде более трех месяцев в ожидании неприятеля. По слухам об опасности из Тобольска был послан в Енисейск сын боярский Богдан Аршинский со служилыми людьми и артиллерией.

Необходимость со стратегической точки зрения обеспечить фланг Енисейска постройкой на Каче острога была превосходно мотивирована бывшим енисейским воеводою Яковом Хрипуновым в Казанском дворце¹⁸ в

¹⁷ Сиб. прик., стб. 12.

¹⁸ «Казанский дворец» — учреждение, ведавшее первоначально Сибирью; впоследствии из него выделился специальный Сибирский приказ.

1624 г.: «А только де тот острог поставится, и в Енисейском де остроге можно и сту человеком, для того что тот Енисейский острог будет за хребтом. А только де того нового острогу ставить не послать, и в Енисейском остроге без прибавочных людей быть не уметь, для того что Енисейский острог место дальнее, за всеми сибирскими города, украинный город, и приходы к нему воинских людей частые, да и государевых ясачных людей, которые платят в Енисейский острог ясак,— тем енисейским служилым людям, 100 человекам, уберечь от воинских людей немочно, что государевых ясачных людей воинские люди воюют ежегод»¹⁹.

Вопрос о постройке острога в Тюлкиной земле встал поэтому тотчас по возникновении Енисейского острога. Уже тобольский воевода Матвей Годунов писал в Москву о Тюлкиной земле, в результате чего было получено предписание расспросить служилых людей, «которые в Енисейском остроге бывали», «мочно ль в Тюлкинской земле острог поставить и пашню завести?»²⁰. Но настоящим инициатором будущего Красноярска был первый енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов, посланный в Енисейск в 1623 г. Он отправил прикомандированного к нему из Москвы Андрея Ануфриевича Дубенского с служилыми людьми «вверх по Енисею реке в новые земли»; экспедиция рассмотрела «в новой Качинской землице» (как теперь все чаще называют Тюлкину землю) на Енисее, «на яру, место угоднее, высоко и красно, и лес близко всякой есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев де острог на том месте поставить мочно». На основании данных, добытых экспедицией, 25 сентября 1624 г. Хрипунов отправил в Тобольск «чертеж... урочищам и местам, где мочно быть в Тюлкиной земле острогу». Одновременно с этим другая копия чертежа была послана государю с самим Андреем Дубенским, везшим в Москву енисейскую соболиную казну. Представляя чертеж в Москву, Хрипунов писал: «Только де государь велик в Тюлкину землицу послать своих государевых ратных людей и велит поставить на том месте острог, и которые де немирные землицы приведут под государеву царскую высокую руку и ясак с них учнет собираться, и государю будет прибыль не малая».

Тогда же в 1625 г. состоялось в Москве и принципиальное решение поднятого вопроса. Михаил Федорович, «отписки слушав и чертежи смотрев», указал «на том месте в Качинской землице вверх по Енисее на Красном Яру поставить острог»; одновременно «для того острожного поставления» было намечено и наиболее компетентное лицо — сам Андрей Дубенский; ему же поручено было «прибрать в Тобольске ратных людей» для экспедиции.

Из Москвы тобольскому воеводе было предписано проверить сведения, сообщенные Дубенским, и «про то место по росписи, по чертежу, спросити тобольских... служилых людей, которые в Енисейском остроге бывали». В Тобольске допрошены были дети боярские Павел Хмелевский, Михаил Байкашин, Максим Трубчанинов, Михаил Ушаков и служилые люди Дмитрий Ядровский с товарищи (из них первые трое исполняли обязанности воевод в Енисейском остроге, пока не назначен был в 1623 г. воевода из Москвы). Они отозвались полным неведением относительно того места, «где присмотрел Андрей Дубенской под острог, Красного Яру именно прозвищем», но со слов посылавшихся в Тюлкину землю ясачных сборщиков сообщили ряд сведений о Качинской земле: «...и в той де Качинской землице места угоди есть, острог поставити и пашня пахати немалая мочно... А только де в Качинской землице острог поставят, и братских и

¹⁹ Сиб. прик., стб. 12, 84, 85, 95, 118, 121.

²⁰ Там же, стб. 158, л. 137.

киргизских и иных земель людей под государеву царскую высокую руку приведут, и государю будет прибыль немалая». Они же предложили и план самого предприятия: «для того острожного поставленья в тое Качинскую землицу послать... государевых служилых людей 500 человек, а запас бы тем служилым людям изготовить в Енисейском остроге года на два или три напред той посылки». Андрей Дубенский, находившийся в то время уже в Тобольске, пояснил про Качинскую землицу, «что и Качинская землица, что Красный Яр, а приняли то место Красным Яром Андрей Дубенской с ратными людьми, потому что то место красно гоже»²¹.

Таким образом, все сомнения, казалось, были устранены. 12 октября 1625 г. была послана в Тобольск соответствующая царская грамота²².

Тем не менее экспедиция не состоялась за отсутствием средств. Тобольский воевода Дмитрий Тимофеевич Трубецкой не смог опустить Андрея Дубенского: «сказал, что в Сибири... государевой казны столько не было, чем пожаловать ратных людей, которым было идти... на Красный Яр». Об этом писал в Москву и его преемник князь Андрей Андреевич Хованский. Вопрос рисковал заглохнуть, как это часто случалось в практике старой Москвы. Андрей Дубенский бесплодно «волочился» в Тобольске, не отпускаемый «без государева указа» ни в Москву, ни на службу, когда одно новое обстоятельство напомнило Москве о Качинской земле²³. 26 мая 1626 г. в Москве была получена красноречивая отписка енисейского воеводы Андрея Ошанина с жалобой на недостаточность енисейского гарнизона для объясачения окрестных туземцев. По-видимому в связи с этой отпиской, 2 октября имел место в Казанском дворце опрос Якова Хрипунова²⁴. Хрипунов энергично поддержал свою мысль о постройке острога на Красном Яру. «А только б де за Енисейским острогом, где он, Яков, посылал Андрея Дубенского, поставить острог, и в том де будет государю многая прибыль, и мягкой рухляди учнут собирать с ясачных людей вдвое и строе Енисейского острогу, а надобно де послать для того острожного ставленья 500 чел. служилых людей с вогненным боем, а от того Красного Яру до Томского города 10 дней ходу конем, а до Кузнецкого острогу две недели ходу, конем же, а киргизам будет утеснение великое для и того, что до киргизов от того Красного Яру конем 7 дней ходу, и сверх мягкие рухляди сбору, в лошадах и в десятой пошине будет многая ж прибыль». В заключение он развивал подробно стратегические выгоды, которых можно ожидать от постройки нового острога.

Через полтора месяца, 15 ноября, в Москве получена была отписка самого Андрея Дубенского с просьбой разрешить неопределенное положение с вопросом о Красном Яре категорическим указом²⁵. На отписку Дубенского последовала резолюция: «Выписать, как он отпущен, и как его велено из Тобольска послать и сколько с ним людей велено прибрать, и зачем он по ся место не отпущен», и, наконец, 13 декабря 1626 г. состоялся «государев указ»: «велено в Сибири, в Тобольску и в иных сибирских городех, для тое посылки в Качинскую землю на Красной Яр прибрать четыре человека атаманов, да четыреста человек казаков... на том Красном Яру на реке на Енисее поставить острог, а послать гех новоприборных атаманов и казаков из Тобольска в ту Качинскую землю

²¹ СГГД, ч. III, № 78, стр. 299—304; Сиб. прик., кн. 6, л. 333 об.; Архив АН СССР, 21.4.17, лл. 116—121; РИБ, т. VIII, № 11 (XIII), стб. 387.

²² Дата царской грамоты — Сиб. прик., кн. 6, л. 444.

²³ Сиб. прик., стб. 18, л. 10; РИБ, т. VIII, № 11 (XIII), стб. 387.

²⁴ Сиб. прик., стб. 12, лл. 116—118.

²⁵ РИБ, т. VIII, № 11 (XIII), стб. 387.

указал государь с Андреем Дубенским, а пищали тем новоприбранным атаманам и казакам указал государь... послать с Москвы»²⁶. Оклад Дубенскому и его ратным людям было постановлено выдать вперед на два года, считая с 20 июня 1627 г., когда экспедиция должна была двинуться в путь, по 20 июня 1629 г.²⁷

С получением указа в Тобольске началась энергичная подготовка к экспедиции²⁸. Мы видели, что эксперты — и Яков Хрипунов и тобольские дети боярские — намечали состав экспедиции из корпуса в 500 чел.; экономное московское правительство уменьшило эту цифру до 400 чел. Но и этого числа не удалось набрать в Тобольске, Томске и других сибирских городах, еще очень слабо населенных²⁹. Набрали только 300 казаков и атаманов, «а больше того прибрати не добыли», а именно — трех атаманов, шесть пятидесятников, 24 десятника и 270 рядовых; им было выдано, считая Дубенского, денежного жалованья 3138 руб. и хлебного — 3360 четей ржи и 624 чети круп. Пищали (ружья) для их вооружения были присланы из Москвы; порохом и свинцом, по полфунта того и другого, они были снабжены в Тобольске; кроме того, им выдано было 206 копьев, недостающие 64 копья предполагалось выковать в Енисейске, «а железо на то копейное дело послано из Тобольска». С отрядом шла артиллерия: одна пищаль полковая (пушка), к ней 27 двухфунтовых ядер; в Енисейске предписывалось взять еще одну пищаль, затинную, к которой посылалось 100 пулек железных, «да к ней же велено взять пульки в Енисейском остроге, которые к той пищали готовы»; пушечных запасов было отправлено 40 пудов пороху и 20 пудов свинцу. Кроме угрозы «огненного боя», предполагалось привлечь туземцев и «лаской», т. е. «государевым жалованьем»; поэтому «для тамошних землиц людей, которые учинятся под государьской высокой рукой», предназначалось 5 аршин сукон летчинных, 17 фунтов меди в котлах, полпуда олова сухого в блюдах и полпуда камня «одекую»³⁰; для тех же целей предстояло израсходовать посылавшиеся на «неокладные расходы» запасы: 20 четей муки, 10 четей круп, 10 четей солоду ржаного и муки овсяной, 10 ведер вина горячего, 2 пуда меду, 2 пуда хмелю. Для будущей государевой пашни предполагалось взять в Енисейске «на завод на семена 30 четей ржи, 30 четей овса, 2 чети ячмени». Экспедиция должна была ехать водою на судах, предоставленных в Тобольске, до Маковского острога на Кети, откуда начинался сухопутный волок на Енисейск. В Енисейске предстояло сделать 10 кочей (больших судов) силами самих участников экспедиции, взяв в Енисейске двух или трех мастеров. «На судовое и острожное дело и для всяких поделок плотничных» Андрей Дубенский получил все необходимые инструменты: пять топоров, шесть напарей³¹ больших и малых, 10 тесел, четыре оборотни, пять пешен, 10 заступов, три долота, девять скобелей, 20 свердел, четыре тесника, четыре просека, шесть пазников, да в Енисейске было предложено взять у сотника Петра Бекетова долото, напарью и скобель; далее «кузнечные снасти» — наковальню, молот двоеручный, клещи; «а достальные

²⁶ СГГид, ч. III, № 78, стр. 302, 303.

²⁷ Сиб. прик., стб. 160, л. 109; СГГид, т. III, № 78. Копию XVIII в. с наказной памяти, выданной А. А. Дубенскому тобольскими воеводами князем А. А. Хованским и дьяками Иваном Федоровым, Степаном Угодским (Угодным) 1 июня 1627 г., см. в Архиве АН СССР 21.4.20 (отмечу описку в отчете Дубенского: «Андреевичу» вместо «Ануфриевичу»).

²⁸ Сиб. прик., стб. 160 (откуда почерпнуты все подробности об экспедиции).

²⁹ Там же, стб. 18, л. 10.

³⁰ «Одекуем» называли род бисера, имевшего большой спрос среди туземцев.

³¹ Напарь — большие сверла, употреблявшиеся при постройке судов.

снасти, что ему надобет, велено ковати в Енисейском остроге кузнецам, которые у него в служилых людех, из того железа и укладу, которе с ними послано»; «а на мехи послано 2 кожи белые, мягкие, и мехи велено сделать кузнецам, которые с Андреем посланы». На кузнечную снасть и на всякие расходы Дубенский получил 2 пуда железа и полпуда укладу. Наконец, ему были выданы к острожным воротам два засова и пять замков круглых, и к трем государевым амбарам три замка немецких круглых, «да на судовое дело послано 2000 скоб судовых, 150 гвоздей штивершковых, а достальные скобы и гвозди... велено делати в Енисейском остроге». Специально для плавания по Енисею экспедиции нужно было «судовых запасов на 10 кочей, в которых идти служилым людем из Енисейского острогу в Качинскую землицу»,— 4 тыс. аршин холста на парусы (по 400 аршин на парус); но так как в Тобольске нашлось только 2465 аршин холста, то велено «взять ему [Дубенскому.— С. Б.] по городом у воевод готовые парусы, с которыми они [воеводы.— С. Б.] отпущены из Тобольска». Из остальных «судовых снастей» Дубенский получил 10 якорей и 1971 сажень веревок и бечев всякого названия; кроме того, предполагалось взять в Томске 329 сажень. В Томске не хватило 640 сажень на «ноги», «а взять не откуд»; вместо того послано было 30 пудов лык с приказанием служилым людем «те лыки... переделать... в веревки на кочевые снасти».

Экспедиция выехала в июне 1627 г.³² на 16 дощаниках, одном струге однодеревном и пяти лодках; в Томске к ней должны были присоединиться новоприборные служилые люди, которых Андрей Дубенский прибрал в Томске.

По Иртышу и Оби шли «наспех и днем и ночью беспеременно», чтоб замороз не взял». Трудности начались на р. Кети, где суда «заняли... мели великие,— на местах воды было в пол-аршина, а в глубоком... мeste воды только в аршин без четверти».

Тут, как это часто случалось, выяснилось, насколько плохо была подготовлена экспедиция. Суда не были рассчитаны на плавание в мелких местах,— «в меру велики добре и грузом глубоки, большие статьи дощеникам воды было надобе в 2 арш., а средней статьи дощеникам воды было надобеть в полтора аршина, а меньшие статьи дощеникам было надобе в 1¼ арш.»; из дощаников, на мелких местах, запасы на берег «для льготы» было не в чем выгружать,— павозков больших у дощаников не было, и служилым людем приходилось, стоя в воде, самим проталкивать суда: «И мы, государь,— жаловались они,— бродили на многих мелях, и идучи по Кети реке, по вся дни беспрестанно, и от водного, государь, брожения в осень, от замороза и озноба повсяднего, мы, холопи твои, перепухли и перецынжали». Для облегчения передвижения по мелким местам на мелях устраивали «вороты» и грузные суда тянули через мели в четыре ворота. Маковского острога достигли поздней осенью. Здесь выгрузили запасы из дощаников и построили 10 изб для зимовья. В течение зимы переволокли запасы на волок в Енисейский острог «на нартах собою»; груженую нарту тянули неделю, и обратно с порожними нартами приходили на четвертый день. Для возки запасов служилые люди по пути в Тобольске купили 52 лошади и погнали в Енисейский острог, но на дороге 20 лошадей пали, а остальные уже в Енисейске попадали «с перегону и с голоду». До Енисейска экспедиция до-

³² Наказная память, выданная Андрею Дубенскому тобольскими воеводами князем А. А. Хованским с товарищи, помечена 1 июня 1627 г.— Г. Ф. Миллер. Указ соч., стр. 233 (копия XVIII в. открыта В. А. Смирновым). Жалование участникам экспедиции должно было идти с 20 июня.

бралась в самом жалком состоянии: «Да съели, государь, мы, холопи твои,— жаловались в челобитной служилые люди,— пойдучи из Тобольску до Макутского (Маковского.— С. Б.) острогу и через волок, в бесхарчице, годовые свои полные оклады, и от повсяднейной, государь, беспрестанной работы мы, холопи твои, перепухли и перецынжали, и многие, государь, в Макутском остроге померли без отца душевного и без отпевания... И многие, государь, мы, холопи твои, не мога запасов, своих окладов, волочить за волок в Енисейский острог, и те, государь, с себя продали последнее свое платьишко — шубенки и зипунишка и обувишко, и наймовали на свои оклады енисейских пашенных крестьян запасы свои возить за волок в Енисейский острог, а давали, государь, мы холопи твои, от возки со 65 четв. 3 р. и больши». «А мы, государь, холопи твои, в те поры людишка нужные и переусталые и неможные цынгой, в повсяднейной волоките обезножили, волоча свои запасенка за волок». Они сильно голодали: «на харчишку испроелся, цокупали гнилой просольной рыбешки гривенку фунтовую с осени 10 денег... и наготу и озноб и великую нужу терпели». Тяжелые условия похода способствовали нервному и возбужденному настроению служилой массы, отразившемуся в попытке убить енисейского воеводу.

Мы наблюдаем здесь явление, обычное в административной практике Москвы XVII в.: недостаточную предусмотрительность и организованность предприятия. Не сумели даже воспользоваться советом тобольских детей боярских, которые рекомендовали заранее заготовить продовольственную базу в Енисейске.

Участников экспедиции ожидали в Енисейске новые труды. Едва они «свои запасенки наволочили», Дубенский опять послал их в Маковский острог за оставшейся там казенной поклажей; изнемогши «государевых запасов волоčiti собою», они продавали с себя платье и нанимали пашенных крестьян перевозить государеву кладь, заплатив за провоз 24 руб. Согласно инструкции, в Енисейске предстояло построить суда для поездки вверх по Енисею. На Николин день вешний (9 мая) 12 дощаников были готовы; кроме того, построены были три струга больших ертаульных, «чтоб подняли те струги по 30 человек и больше». Когда дощаники погрузили, они все-таки не подняли всей клади, и пришлось сделать еще один дощаник. «А сделать, государь, было дощаника, нам, холопам твоим, под те государевы хлебные запасы и стругов ертаульных от повседнейной и беспрестанной работы немочно,— плакались служилые люди,— потому что мы людишка нужные и переусталые, от бесхарчицы перецынжали и не могли, государь, мы, холопи ваши, подняться и, обрываючи с себя и достальное платьишко, продавали и долгились промежу себя великими долги, и дощаник, государь, мы купили под ваши государевы хлебные запасы... и дали за него 10 руб. и ваши государевы хлебные запасы в дощаник погрузили».

Из Енисейска экспедиция выехала тотчас по вскрытии Енисея, вскоре после Николина дня. До «большого порогу грузными дощаниками шли три недели»³³; на пороге дощаники легчили, запасы из дощаников изо всех на берег носили». Всего на пороге «поднимались дощаниками две недели, и, поднимаючись, и достальные свои платьишка от воды перегноили и подрали»³⁴. От порога до Красного Яра шли еще три недели.

³³ А. Дубенский писал (Сиб. прик., стб. 160, л. 22), что они приплыли в Качинскую землю 17 мая 1628 г.; надо полагать, здесь описка: должно быть 27 мая.

³⁴ Есть известие, вероятно преувеличенное, что Дубенский «на порогах стоял 7 недель и едва поднялись на пороге в судах и тремя стами человек» (Сиб. прик., стб. 12, л. 282).

Продвигались по неизвестной и враждебной стране «бережно и острожно», на ночлегах и на обеденных стоянках по лесным местам засеки крепкие засекали, а [на] чистых... местах, где лесу нету, на всяком ночлеге и на обеде ставили городки дощаные, слышачи от иноземцев дурную думу, чтоб на нас никакие люди безвестно не пришли и никоторого дурна не учинили». Добравшись до намеченного места, «берег взяли», по-видимому, без особенного сопротивления со стороны туземцев. Сохранилось даже известие, что «за порогом Андрея Дубенского встретили тулкинские князья Татуш и Обытай и лошадей ему давали на острог лесу возить»³⁵.

Для начала спешно поставили «городок дощаный» и «круг острожного места... надолбы укрепили накрепко, а лес березовый на надолбы носили на себе к острожному месту с версту и больши»; затем «судовое пристанище очистили» и от самого Енисея провели надолбы до острога. Обеспечив себе известную безопасность от неожиданных нападений, служилые люди «учали березовый лес носить на себе к надолбам, учали острог ставить, а иные... пошли по сосновый лес вверх по Енисею реке с атаманом с Иваном Кольцовым (160 чел.) для башенного и хоромного лесу, выше Красного Яру, и ехали до бору в стругах ертаульных и наехали бор и добывали сосновый лес на... острог и на башни и на съезжую избу и на иную всякую поделку, и добывали тот лес 2 недели, а лес волочили с бору до Енисея реки за версту и дале на себе и припровалили лесу 1200 слег больших и из березового лесу и соснового... острог поставили, около острогу рвы накопали», поставили башни и все другие казенные здания «устроили совсем наготово».

Постройка собственно острога потребовала очень немного времени: его «поставили на боголепное Преображение» 6 августа (ст. ст.), а «на Успенъев день острог весь отделили». После постройки острога предстояло озаботиться «зимовьем», жильем для самих служилых людей. Сосновый лес, «припроваженный водою», «исшел весь на острожной ставке и на хоромной, на башни... и во всякую в государеву поделку», поэтому отряд в 180 чел. под начальством Ермака Евстафьева поехал опять за лесом вверх по Енисею и в трех «днищах» «наисккали бор и привалили соснового лесу 1800 дерев больших... на свои избенки»; и добывали его три недели и «волочили на себе к Енисею реке больши версты», из этого леса «зимовье себе поставили на десяток по избенку».

Вся обстановка, в которой шли работы, — временные укрепления на стоянках, спешная стройка «городка дощаного», многолюдные экспедиции за лесом, — показывает, что, несмотря на заверения Татуша и Обытая, Дубенский имел основания опасаться сопротивления со стороны воинственных и вольнолюбивых туземцев. Действительно, попытка помешать постройке острога имела место. 26 июля, когда работы еще далеко не были закончены, качинские и аринские татары «приходили к острогу войной в кукях и панцырях». В бою из русских были ранены 2 чел., а у нападающих «многих мужиков побили», после чего «качинские и тюлкинские мужики откочевали от того острогу прочь в степь вверх по Енисею». 17 августа Дубенский послал их преследовать атамана Ивана Кольцова с отрядом в 140 чел., которые многих побили и взяли в плен³⁶.

15 октября 1628 г. в Тобольске была получена официальная отписка А. Дубенского с извещением об удачном исполнении поручения³⁷.

³⁵ Сиб. прик., стб. 12, л. 201.

³⁶ Архив АН СССР, 21.4.17, л. 123; Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 236.

³⁷ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 235.

Вновь основанный острог в первые годы своего существования известен в документах под названием «Красного» или «Нового Качинского острога». Лишь постепенно ему присваивается имя Красноярского острога.

В первый момент новый острог далеко не оправдал возлагавшихся на него надежд, и разочарование в этом отношении было настолько велико, что даже возникли сомнения в целесообразности всего предприятия.

Во-первых, давала себя чувствовать отдаленность нового Качинского острога от других центров Сибири, особенно в отношении продовольствования. Снабжение гарнизона продовольствием было сопряжено с невероятными трудностями и ложилось тяжелым бременем на малочисленный енисейский гарнизон, на который была возложена обязанность возить хлебные запасы «зимним путем» от Маковского острога до Енисейского и затем доставлять его в Красный острог «по первому водяному пути, не упустя воды». При таких условиях неизбежны были постоянные задержки, губельно отражавшиеся на новом остроге. 7 октября 1630 г. вновь назначенному в Красный острог воеводе Архипу Акинфьеву били челом атаман Дементий Злобин и все служилые люди: ввиду несвоевременного доставления припасов, «для тое скудости и босоты», они просили об отпуске их за хлебными запасами в Енисейский острог, чтобы им в Красноярске «голодную смертью не умереть». Воевода отпустил челобитчиков, а сам остался «с невеликими служилыми людьми в Красном остроге, с кем бы ему можно зимою в городе быть». Оставшиеся с воеводою в Красном остроге «покупали у татар сарану и курлык дорогою ценою и последнее свое платышко на курлыке и на саране подтавали татарам». Попытка обзавестись собственной пашней закончилась тоже неудачно; во время киргизского набега в августе 1630 г. скот был отогнан и хлеб пожжен и потоптан конями. С другой стороны, и из Енисейска в Москву шли жалобы на разорительность для енисейских служилых людей доставки хлебных запасов на Красный Яр.

Вместе с тем очень скоро выяснилось, что и расчет на доходы, которых московские феодалы ожидали от постройки нового острога, далеко не оправдался. Собственно Качинская земля была немногочлюдна и малопродуктивна. А дальше, в степи, многочисленные и воинственные племена кочевников не только с успехом сопротивлялись царским служилым людям, но и были достаточно сильны, чтобы оспаривать у них ясак с окрестных племен и своими набегами угрожать безопасности вновь построенного острога. В таких условиях Красный острог мог создать себе ясашный округ лишь при наличии значительных военных сил, которые позволили бы распространить его влияние на отдаленные туземные волости и заставили бы киргизов и тубинцев по крайней мере отказаться от своих притязаний на земли, захваченные русскими. Попытки красноярцев объяснить Канскую землю и особенно далекую и густо населенную Братскую землю на Уде и на Ое не могли удасться сразу. Вместе с тем и подгородные туземцы, имея постоянную поддержку со стороны своих вчерашних сюзеренов — киргизов, далеко не сразу подчинились, и к тому же подвергались постоянным набегам с их стороны. «И нам, холопом твоим, — жаловались красноярские служилые люди в 1629 г., — тех твоих государевых ясачных людей невеликими людьми оберечь немочно, что киргизы люди конные, а мы, холопи твои, пешие, и впредь нам, холопом твоим, твоих государевых ясачных людей оберечь не уметь, что ясачные люди живут в степи, а места, государь, пришли не лесные,

и пешим оберегати не уметь»³⁸. Поступление ясака с Качинской земли продолжало быть незначительным. В 1628/29 г. было собрано всего 358 соболей на ничтожную сумму 169 р. 58¹/₂ к.; десятинной пошлыны с промыслов поступило всего 39 соболей на 23 рубля³⁹.

Тяжелые условия службы на окраине, полуголодное существование, при отсутствии добычи, способствовали деморализации красноярского гарнизона. Жертвой общего озлобления сделался атаман Иван Кольцов, которого служилые люди убили за недоставку провианта. Поход против бурят в 1630 г. принял характер набега на Енисейский уезд; служилые люди по пути грабили русских торговых и промышленных людей, пытались ворваться в Енисейский острог и грозили убить воеводу Василия Аргамакова.

Постройка острога в Качинской земле явилась самым сильным разочарованием для енисейской администрации и енисейских служилых людей, у которых из рук ускользал лакомый кусок. Обращаясь в Москву с жалобами на малолюдство Енисейского острога, они рассчитывали на усиление местных военных контингентов, которое позволило бы произвести захват Тюлкиной земли и «братских» (бурятских) улусов. Вместо этого был создан самостоятельный военный центр, который не только вырвал из состава Енисейского уезда Тюлкину и Васанскую земли, но выступил претендентом на Братскую землю, и в отношении продовольствования явился новой и тяжелой обузой для енисейских служилых людей.

С точки зрения енисейцев стратегическое значение нового острога было ничтожно. «А что, государь, Андрей Дубенский острог поставил в Качинской землице, и тот, государь, острог Енисейскому острогу от тунгусских и от налягов и от чипогуров и от братских людей и от других землиц не оборонь,— писал в Москву Василий Аргамаков,— потому что стал острог от Енисейского острогу в стороне, а не за Енисейским острогом... А те, государь, тюлкинские люди тебе, государю, ясак дают в Енисейский острог, как и острог стал на Енисее, а от Енисейского острогу ходу судном недели с две».

С еще большим раздражением жаловались на вторжение красноярцев в пределы Енисейского уезда и на полную ненужность нового острога енисейские служилые люди, увидевшие в соседнем гарнизоне нежелательных конкурентов в деле эксплуатации местного населения. 25 сентября 1629 г. они подали красноречивую челобитную, направленную против соперников: «А они, государь, красноярцы, живут за нашими головами даром; не учинили тебе, государю, прибыли нисколько, повезли к тебе, государю, на прошлый 137 (1628/29) г. только 9 сороков соболей, и то взяли с енисейских же ясачных людей, и не окупили, государь, они своими головами ни одного дощаника, во что тебе, государю, один дощаник стал в их подъем... А ближних, государь, волостей берут ясак к себе на Красной Яр с тех же людей, которые, государь, люди нашу же работою платят ясак в Енисейской острог, а они, государь, своим насильством и воровством те волости от Енисейского острогу отняли к себе на Красный Яр, и ясак на ясак емлют, а тебе, государю, пишут, будто те земли они привели под твою царскую высокую руку вновь. А и острог, государь, Красноярской поставлен на Енисейской же ясачной земле; прежь, государь, посланы бывали в те места из Енисейского острогу годовальщики человек по десяти и имали, государь, с тех качинских

³⁸ Сиб. прик., стб. 12, л. 516.

³⁹ Там же, лл. 443—444.

с тюлкинцев ясак в Енисейский острог столько же, что ныне тебе собирают, и пишут к тебе, государю, ложно и называют новою землицею». Енисейская администрация не сразу отказалась от своих прав на Тюлкину и Васанскую земли. Еще в 1629 г. был отправлен из Енисейска служилый человек Вихорко Савин с товарищи для сбора ясаку в той местности, где поставлен Качинский острог⁴⁰.

Енисейские челобитные и описки не остались втуне. В Москве большое впечатление произвели инсинуации насчет невыгодности постройки Качинского острога; и с той прямолинейностью, которая характеризует еще недостаточно оформившуюся бюрократию XVII в., здесь поспешили признать и исправить ошибку. Уже 1 августа 1630 г., ровно через два года после основания Красноярского острога, из Москвы была послана в Тобольск грамота⁴¹ с мотивированным распоряжением «с Красного Яру острог свести». Государь «вперед в том остроге воеводам и служилым людям быти не велел, потому что Ондрей Дубенской тот острог поставил, назвався сам, а сказал, как... на Красном Яру острог поставит, и в том... государю будет прибыль великая»; но в отпуске ратных людей, в денежном и хлебном жалованье и во всяких подьемах за это время от нового острога учинились только расходы многие, «а прибыли... в том остроге ни малые не учинилось, только Ондрей Дубенской прислал... к государю к Москве с Красноярского острогу... 8 сороков 38 соболей с пухки и с хвосты... да с торговых и с промышленных людей десятиных 39 соболей», да и те он собрал с ясачных людей, с которых и без того ясак собирали в Енисейск. По этим соображениям государь указал воеводе Архипу Акинфьеву «быти к Москве, а служилых людей, двух человек атаманов и пятидесятников и десятников и рядовых казаков, всего 202 чел., указал... перевести из Красноярского острогу в Енисейской острог, а достальных служилых людей, атамана и пятидесятников и десятников, всего 101 чел., ... с Красного Яру перевести на свою государеву службу и велел им служить в Томском городе». Воеводе, возглавлявшему вновь организованный Томский разряд (округ), князю Петру Ивановичу Пронскому было одновременно предложено выяснить, «мочноть вперед тому острогу в том месте на Красном Яру быти, а в него б посылати из Енисейского острогу на время служилых людей по невелику, человек по 40 и по 50, или того острогу убавить, а сделать б по людем невеликой острожек, как и Мелеской и Макуцкой (Маковский.— С. Б.) острожки; и будет... мочно на Красном Яру острожку быти, и служилых людей в тот острожек на годовую из Енисейского острогу посылать». Денежное жалование годовальщики должны были получать в Енисейске, а для хлебного жалованья, чтобы не приходилось посылать запасы из Енисейска, предписывалось «в том острожке устроить пашенных крестьян, сколько человек пригоже», и «напахивать бы на тех годовальщиков... государева хлебного жалованья годовые оклады теми пашенными крестьяны». Но если окажется, что «острожку на Красном Яру и в нем и малым людем быти непристойно» и «государеву делу [от того] никоторые прибыли не чаять», то острог предписывалось уничтожить совершенно, «и на том... месте никакому острожку быти... [государь] не велел, и служилых людей посылать и даровых расходов без рассмотрения... государеве казне не чинити». «Пушки и пушечные запасы — зелье и свинец — и церковное строение, и попа и дьякона» предписывалось перевести в Енисейский острог с теми же служилыми

⁴⁰ Там же, лл. 230—231, 389 и сл., 526.

⁴¹ Там же, л. 440 и сл.

людьми, и церковь (которую не считалось возможным уничтожить) «воздвигнуть в Енисейском остроге». Итак, судьба Красноярска была решена: в лучшем случае он превращался просто в небольшое укрепленное зимовье Енисейского уезда, в худшем — уничтожался до основания.

Указ об уничтожении нового острога подтверждался затем неоднократно. В царской грамоте от 27 апреля 1630 г. на имя енисейского воеводы князя Семена Ивановича Шаховского⁴², в которой сообщалось о радостной для Енисейска вести, поручалось: «Как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тем енисейским всяким людям сказал наше милостивое слово, что указали есмы Красноярского острогу больших людей свести и их тех людей для нашего дела и промыслу оставить в Енисейском остроге 200 человек, а вперед им на красноярских служилых людей хлебных запасов не везти». 31 января 1631 г. к наказу, выданному вновь назначаемому в Енисейск воеводе Ждану Васильевичу Кондыреву, была приложена особая память относительно уничтожения Красноярского острога⁴³. 18 мая 1681 г., по случаю челобитной красноярских служилых людей о хлебном жалованье, задержанном в Енисейске, последовала в Москве краткая резолюция, свидетельствовавшая о том, что вопрос считался решенным окончательно: «В столп.⁴⁴ По государеву указу, о том Красноярском остроге и о служилых людях послан указ в Томской наперед сего». По другой красноярской челобитной, приблизительно в то же время, состоялось аналогичное постановление: «Наперед сего государев указ о том Красноярском остроге послан в Томской город, велено тот острог свести и людей вывести в Енисейской и Томской город».

Решение об уничтожении Красного острога стало проводиться в жизнь. 150 чел. из красноярского гарнизона было переведено зимой 1630/31 г. в Енисейск. На смену воеводе Архипу Акинфьеву новый воевода уже не был назначен из Москвы. По-видимому, для ликвидации острога был временно командирован из Тобольска Василий Кожорев⁴⁵.

Однако непрактичность нового шага была настолько очевидна, что не могла не вызвать возражений. Менее всего рационально было бы оставление небольшого острожка с незначительным гарнизоном на степной окраине, где требовались очень значительные силы для «обереганья» захваченной территории от феодальных набегов южных соседей. Совершенное же уничтожение острога означало бы полный отказ от эксплуатации Тюлкиной земли, на какую жертву правительство, как мы видим, решалось неохотно. Уже 21 апреля 1631 г. в Москву пришел протест красноярского воеводы Архипа Акинфьева, получившего распоряжение перевести в Енисейск 150 чел., а других 150 чел. оставить (временно?) на Красном Яру: «И теми де служилыми людьми, ста пятидесятью человеки... пашенных крестьян и ясачных людей не оборонить и по хлебные де запасы в Енисейской острог посылать будет с Красного Яру некого, и в остроге де такими малыми людьми сидеть от киргизских людей и от иных немирных землиц не с кем... А которые де землицы приведены под государскую высокую руку около Красного острогу, и они де, послыша Красному острогу свод, и в ясачных де людех учинилась смута великая, а которые де прибегают из киргиз, аринцы и качинские люди, и они де сказывают, что хотят киргизы под Красной

⁴² Сиб. прик., стб. 12, л. 401 и сл.

⁴³ Там же, стб. 30.

⁴⁴ Соответствует нашему выражению «в архив».

⁴⁵ Сиб. прик., стб. 30, л. 506.

острог войною приходить и служилых людей побить и наших ясачных людей разорить,... и Красного де острогу отнюдь свести не уметь; хотя б де и вся триста человек была, ино де есть кого под государьскую высокую руку приводить, людей де около Красного острогу гораздо много. А только бы на Красном Яру служилых людей были де 300 чел., и ясачного де сбору в Красном острогу сбира[лось бы] много, а как де будет с кем усмирить киргизы и тубинцы, и в Красном де остроге чаять торгов многих от киргизских и от алтыновых людей и от иных землиц, а киргизы де и тубинцы люди небольшие, только многими землицами завладели и многое дурно чинят»⁴⁶.

Еще энергичнее и авторитетнее прозвучал протест со стороны главного города Томского разряда. Здесь отлично учитывалось стратегическое значение нового острога, и когда князь Пронский, которому было поручено в этом деле действовать «по рассмотрению» и «произвести сыск», обратился к томским служилым людям, то «Томского города головы и дети боярские и служилые люди» единодушно заявили, что «Красноярского острогу свести или оставить в нем невеликих людей никоим меры не уметь потому, в прежних де годех, как Красноярского острогу не было, и киргизские люди с другими немирными землицами прихаживали под Томской город и на ясачные волости войною не на одно время, и нашего ясаку не давали долгое время, а как де Красноярской острог поставили, и киргизских людей под Томской и на... ясачные волости войною от тех мест не бывало, и учили [государю] ясак давать по-прежнему, а кочуют де киргизские люди меж Томского города и меж Красноярского острогу, а Красноярский острог стал у них у киргизских людей за хребтом.- А только с Красного Яру острог свести, или, не сводя острогу, оставить в нем невеликих людей, человек 40 или 50, и киргизским людем будет свободно, [а] красноярским служилым людем и пашенным крестьяном от них стеснение будет велико, и на ясачные волости учнут киргизские люди ходить войной»⁴⁷.

Протест со стороны Томска заставил в Москве пересмотреть вопрос; и с той же легкостью, с какой было принято решение об уничтожении Красноярского острога, в Москве теперь отменили его. Последовал новый указ⁴⁸: «На Красном Яру острогу быть по-прежнему и служилых людей, которые были переведены с Красноярского острогу в Енисейской острог, перевести в Красноярской острог». 20 февраля 1632 г. послана была (соответствующая царская грамота в Томск, гласившая: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б из Енисейского острогу служилых людей, которые переведены из Красноярского острогу, 150 человек, велели отпустить на Красной Яр по прежнему нашему указу». Вместе с тем томские воеводы уведомялись, что «воевода в Красноярской острог послан от нас с Москвы». Этим воеводою был Никита Иванович Карамышев, который получил наказ уже 25 января 1632 г.⁴⁹. Согласно наказу, ему предстояло принять город у Кокорева.

⁴⁶ Там же, л. 549.

⁴⁷ Там же, л. 547.

⁴⁸ Там же, стб. 30, л. 554.

⁴⁹ Там же, л. 506 и сл.

Глава II

НАРОДЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

1. БЫТ НАРОДОВ ЛЕСОСТЕПИ

В 1627 г. киргизские князцы заявили сыну боярскому Дмитрию Черкасскому, убеждавшему их платить ясак по 10 соболей с человека: «Всего де киргизов, прямых людей, 100 человек... и по 10 соболей с человека дать нам не с чего, тем де государь нас и досталь от своей государевой высокой руки отгоняет; которые природные холопи киштыми наши были, и те наши киштыми за ним, государем, и ясак со всех нас собирает в Томской город, а с иных в Кузнецкий острог и в Мелесской... И нам самим... по 10 соболей давать не с чего, и собирать нам не с кого, живем в степи, а по лесу на лешнях не зверуем, и соболей не добываем, и больше 100 соболей ныне, да и вперед, ясаку с нас не будет, в том его государева воля»¹.

Во всех переговорах об ясаке киргизы поэтому упорно повторяли, что ясак платят не они сами, а их киштымы, «для того, что они де люди служилые... зверя добывать не умеют». И так, киргизы, живя в степи, не умеют промышлять зверя, они люди военные, живут на конях; соболей добывают их киштымы, кочующие в пограничной лесной полосе.

Канская или Котовская земля считалась многолюдной. В середине XVII в. туземцы насчитывали в ней 215 ясачных людей. В действительности же ясачные книги второй половины столетия считали в ней от 200 до 300 чел. Однако наряду с котовцами в это число входили и инородные элементы. Постоянные перекочевки и войны способствовали отрыву от главной массы котовцев отдельных родов, которые судьбой были закинута на юг; так, в верховьях Енисея, в Яринской земле, в 70-х годах упоминается Котовский улус в составе 11 чел.

Родственное котовцам племя составляли асаны, или васаны. В 1629/30 г. Васанская земля на р. Кане насчитывала один улус в 21 чел., в 1638/39 г. — в 15 чел. В 1640/41 г. асаны делились на Асанскую волость в составе 12 чел. и на «тое ж Осанские волости» Тупораков улус — из 13 чел., всего 25 чел. Во второй половине столетия Асанская волость заключала в себе двух боеспособных мужчин, а Тупораков улус — в среднем 15 — 20 чел. Часть асанов находилась в пределах Енисейского уезда. С. Ремезов определяет местожительство «красноярских асанов» — между Енисеем и Оной (на чертеже Енисейского уезда), в окрестностях Надпорожской слободы (на чертеже Красноярского уезда). В Енисейском уезде они обитали в Чадобской волости на реках Усолке и Оне². Кроме асанов, в ее составе были камасинцы (Шалашкин улус); к ней была присоеди-

¹ Сиб. прик., стб. 886, лл. 172, 290, 288.

² О местожительстве асанов в Енисейском уезде см. Сиб. прик., стб. 1214, л. 584, также J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, III. Геттинген, 1751, стр. 397. О расселении племен Верхнего Енисея и их составе см. монографию Б. О. Долгих. Родоплеменной состав народов Сибири в XVII в. (печатается). — *Примечание редакции.*

на и «Инголоцкая земля» (Инголоцкий улус, в среднем в 15 чел. ясачных), население которой — «братские киштымы» — резко отличалось от остальных канских туземцев³. Возможно, что отдельное племя составляла и Теленгутская волость (в районе р. Тумансета)⁴; в 1638/39 г. ясак в ней платили всего 4 чел.; но во второй половине XVII в. ясачное ее население достигало свыше двух-трех десятков человек и к началу XVIII в. возросло до 43 чел. Племенные группировки подразумевают и названия улусов Початского и Ангашского (Ангашская волость).

Вся Канская земля в целом делилась в XVII в. на 15 улусов, из них Пантыков, Жибардамов, Байгин, Темсенев, Именев, Таганак, Араксеев — по-видимому, котовские, Тупораков — асанский, Шалашкин — камасинский, Инголоцкий — братских киштымов без обозначения племенного их состава. Остальные улусы были: Торсуков, Алышпаев, Тагы, Ангашский и Початский.

В верховьях Кана обитали камасинцы; они составляли здесь четыре улуса: Бугучаев, Тотаров, Куйгин, Байгин, и одну волость, Ургунскую, насчитывавшие во второй половине XVII в. от 60 до 110 с лишком взрослых мужчин. Кроме того, «камасии» составляли, как сказано, один улус в Котовской земле — Шалашкин (в среднем 30 ясачных).

К Камасинской земле примыкала земля кашинцев, живших в верховьях р. Маны. Ясачная Кашинская земля в XVII в. состояла из семи улусов (Тубайков, Кургулов, Мунгатков, Угуманов, Яргашин, Мунтуков и Тагинский), насчитывавших от 30 до 60 с лишним ясачных людей. Но кашинцы не все были покорены в XVII в., и в верховьях Енисея, выше Караульного острога, еще во времена С. Ремезова жили «конные кашинцы немирные», кочевавшие в верховьях рек Қомы и Убея. Два улуса этих конных кашинцев (Тубочаков и Абыгатов) одно время платили ясак в Яринской земле.

В двух днях пути от Тубинской земли начиналась горная Саянская земля; путь пересекали «трои горы каменные, а на них снег зимою и летом беспрестанно и оболочка на тех горах лежали», как писали в 1616 г. тарский атаман Василий Тюменцов и десятник Иван Петров. В неприступных ущельях Саянских гор, «меж гор и лесов», разбросаны были «в розни» улусы саянцев, прикрытием для которых от внешних врагов служили «по речкам горы, каменя и леса черные большие» и «порог Саянской», прерывавший течение Енисея. Безопасность и обилие пушного зверя и оленей способствовали тому, что в лесистых долинах Саян скопилось значительное население. Тюменцов и Петров определяли его численность по слухам в 5 тыс.⁵ Цифра эта была, конечно, преувеличена. Но самый факт населенности Саян не подлежит сомнению. В середине XVII в. в Красноярск сообщали, что в «Саянском камени» — два улуса каратаргатов, человек со 100, два улуса эжотов, человек с 300, да казатов человек с 70; в другом случае говорится о двух саянских улусах, в которых было юрт с 90 и больше. Из других племен в Саянах упоминаются коеты⁶.

Особняком на отлете, в крайнем северо-восточном углу, под ведомство Красноярска попала случайно часть территории, населенной многочис-

³ Об Инголоцкой земле — Сиб. прик., стб. 90, л. 285 и сл.

⁴ Там же, л. 287.

⁵ Ю. В. Арсеньев в предисловии к изданному им «Статейному списку посольства Спафария» ошибочно читает «6000».

⁶ Стб. 513, л. 68; стб. 1052, л. 603; ЦГАДА, Монгольские дела, д. 1616 г., лл. 8—9. Ясак платили в конце XVII в. в Саянской земле улусы Яркетархи, Ажиянков, Карчитаев, Хахив, Коетский, Шавчигаев, в составе всего 54 чел. в 1693/94 г. (кн. 1057, л. 159 об.; кн. 811, л. 421). В 1682 г. «Саянские земли князец Какажеучи» участвовал в походе на Кузнецк.

ленным и воинственным племенем братских людей (бурят), главная масса которых находилась под властью Енисейска, а именно бассейн р. Уды.

Братская земля была многолюдна. В 1646 г. томские служилые люди писали в челобитной: «А тех, государь, братских людей много, во всех улусах тысяч 70 и больше, и те, государь, все сами сбруйны и лошади у них в сбруе ж»⁷. На долю Красноярска приходилось из них несколько сот «ясачных мужиков». В середине столетия ясачные книги считали их вместе с саянцами в среднем 250 чел., но в 1693/94 г. их насчитывали уже 487 чел. ясачных.

В состав братских людей, плативших ясак в Красноярск, входил ряд отдельных племен: ашахабаты, мангерики, кирбиты, шоломоты, корчуны (в том числе иские корчуны), кайсоты, калгаты, шарайцы или шарайты, еюдинцы, ухарцы, туралики или туралицкие буряты, караноты и др. На границе с Енисейским и Иркутским уездами кочевали «большие браты булагаты», «широпоты и иркеты»⁸.

Каждое из этих племен имело свою территорию кочевий, свои «кочевные дороги». «Откочевали де они недалеко, — говорил проводник служилым людям, проникшим в Братскую землю в 1646 г., — с своей де земли некуда кочевать»⁹. Все братские были разбиты на ряд улусов, носивших либо название по своим князьям (Иланков, Узунов, улус князца Дючки, Мангилиев), либо по племенному своему составу (Ашахабатский, Иских корчунов, Туралицкий, Шарайтский, Кочемарский, Каранотский, Удинский, или Еюдинский и др.).

Удинские буряты в основе были скотоводческим народом; они держались степи, и охота за пушным зверем играла у них второстепенную роль. Ашахабаты первоначально давали ясак небольшой, «для того, что не сказывают на земле зверя, а живем де мы в степных местах, а не в тайгах». У отдельных хозяев были очень значительные табуны коней и стада рогатого скота и овец. В одном случае у удинского ясачного человека враги отогнали 180 лошадей; в другом — тобольский сын боярский Матвей Юдин отнял у ашахабатов 230 лошадей и 200 коров. Братские люди снабжали русских лошаадьми и продуктами скотоводства, козлиными тулупами, козлиными и бараными малахаями с околами козлиными, которые им самим служили одеждой, и яргаками козлиными¹⁰. Время от времени буряты откочевывали, однако, «для зверовья» в более лесистые места. Охотились на оленей и лосей, на волков, на пушных зверей; в бурятском хозяйстве мы находим ролдуги олени, оленины, камасы «сохатинные», одеяла и пимы волчьи¹¹. Рыбная ловля тоже служила подсобным средством существования, русские находили у них в юртах «рыбные ловли неводы»¹².

Среди прочих кочевников Красноярского уезда удинские буряты выступают с чертами сравнительно более высокой культуры. У них, как и у прочих их соплеменников, процветает производство художественных се-

⁷ Сиб. прик., стб. 90, лл. 288—289.

⁸ Об иркетах см. стб. 1052. Корчуны входили в состав ашахабатского племени, как видно из стб. 1317, л. 203. Хайсотская земля была крайней бурятской областью, куда проникли красноярцы (стб. 380, лл. 155—156). Сведения об отдельных племенах рассеяны в стб. 90, 252, 623, 1288 и др. Ср. М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа, под ред. Н. Н. Козьмина, стр. 50—52 (там же и библиография).

⁹ Стб. 252, л. 26.

¹⁰ Сиб. прик., стб. 1052, л. 581; стб. 1288, лл. 70—71; стб. 380, л. 97; стб. 802, л. 109; стб. 1317, лл. 23, 204.

¹¹ Стб. 1052, л. 581; стб. 1288, л. 70, 71.

¹² Стб. 90, л. 289.

ребряных изделий. Бурятские пояса с насечкою серебряною, сайдаки и стремена, «насеканы серебром», ценились русскими¹³.

Отдельные братские улусы были невелики. В 1657/58 г., например, в Шарайтском улусе считалось всего восемь ясачных, в Кармагинском — столько же, в Кангасском — семь, в Качемарском — шесть, в Байгиринском — пять, в Кубалицком — четыре, в Иланкове — три, в Агалицком — два. Но невозможность охранять и пасти стада в одиночку заставляла их сохранять значительные группировки под главенством какого-нибудь воинственного и влиятельного князца. В 1647 г. князец Оилан объявил у себя в девяти улусах 134 чел., хотя, собственно, его улус через 10 лет заключал в себе всего трех взрослых мужчин. Другой «лучший человек» Коктей объявил в двух Корчунских улусах 60 чел.¹⁴ Эти крупные военные объединения составляли в достаточной мере грозную силу. Князец Оилан не даром был «страшен» всем своим соседям.

Военное могущество братских людей очень скоро на себе почувствовали их слабосильные соседи. До русского завоевания даже качинские туземцы подвергались нападением бурят. В 1613 г. они отказались платить ясак русским, «потому что де их воевали братские люди». Но особенно страдало от них население бассейна Кана. Сюда буряты проторили издавна военную дорогу на «Братский перевоз» для грабежа и сбора дани. В 1623 г. прошел даже слух, что братские люди перекочевали на Кан, неизвестно для чего, — «жить на Кан реку или на которых землиц людей пришли войною»¹⁵.

Утверждение русских на Кане не прекратило набегов бурят. Еще в 30-х годах братские люди и их киштымы приходили войною на Канскую землю, побивали туземцев, забирали в полон их жен и детей, брали с них ясак и разоряли до основания. Поэтому как только возник Канский острог, котовские князцы Именек и Таян обратились к русским с просьбою оборонить их от врагов. Объясачение канских туземцев русскими и основание Канского острога не сразу остановили бурятское наступление на Кан. Оилан в 1647 г. сознавался, что он на «государевы ясачные волости прихаживал войною, потом прежде сего он, Оилан, имал с них ясак, а нынеча де учали они быть ему непослушны»¹⁶.

Покорение Бурятской земли русскими в середине XVII в. положило предел этому наступлению. Буряты были включены в состав России и наряду с другими народами Сибири стали подвергаться эксплуатации со стороны царизма.

Разница в хозяйственном быте бурят и соседних с ними котовцев бросалась в глаза русским. В записке «Из Красноярска сухому пути в Иркутской» 1702 г. говорится, что от р. Кана до Удинского острога кочуют красноярские ясачные люди «в редких местах и малолощадны, а от Удинского зимовья и до реки Оки и по Оке людные и многолощадные»; ниже снова повторяется, что «от реки Кана до Удинского зимовья кочуют Красноярского зимовья и малолощадны, а от того Удинского зимовья до реки Оки по рекам и по лесам и по лугам кочуют красноярские ж ясачные иноземцы того Удинского зимовья и многолощадны». Здесь очень рельефно показаны две характерные черты, отличающие быт скотоводов-бурят от быта котовцев: обилие скота и многолошадство их родов, характеризующие более высокую степень благосостояния.

¹³ Сиб. прик., стб. 1288, л. 69.

¹⁴ Стб. 292, л. 40; ДАИ, т. III, № 28, стр. 107.

¹⁵ ЦГАДА, Портфели Миллера, 477, II, зл. 8, 25.

¹⁶ Сиб. прик., стб. 90, лл. 285, 37.

Отмечая различие в хозяйственном быту степняков и их киштымов, отразившееся на всем строе их жизни, не следует, однако, проводить это различие слишком далеко. Охота и рыбная ловля играли известную роль в хозяйстве первых, а скотоводство оставалось одной из главнейших отраслей хозяйства вторых. Но географические условия, в которых протекала жизнь тех и других, не могли не оказать влияния на сравнительное значение этих отраслей хозяйства в их экономической жизни.

Рогатый скот и лошади служили единицей обмена при торговых сношениях туземцев с русскими¹⁷. Мясо коровье, лошадиное и даже козлиное служило для питания. Овчины бараньи и козлиные шли на платье; общераспространенной одеждой были тулупы козлиные, иногда крытые ролдугою (русские ценили «добрый тулуп козлийный» в 1½ рубля)¹⁸. Качинские татары искусно выделывали из кож «седла красные добрые», поставляя их даже русским¹⁹.

Особняком стоят некоторые племена оленеводов на окраинах Красноярского уезда: саяны в Саянских горах, инголоцкие «оленные мужики» на р. Кане; в Саянской степи в начале столетия основным предметом питания было оленье мясо²⁰.

Скотоводство не являлось, однако, главным средством существования туземцев в окрестностях Красноярска. Таковым была, по-видимому, охота. Качинские и аринские татары «стреляют по зверю и по птице» и «всякий зверь бьют, чем они кормятся». «Преж сего на наших землях водился зверь, дикие козы,— говорили качинские татары в середине столетия,— и тот зверь мы... преж сего на зверовые побивали и тем зверем были сыты и одежны». Для птичьей охоты туземцы покупали у русских пищали²¹. Наряду с охотой на дичь, охотились и на пушного зверя. На соболиные промыслы ходили в тайгу. Так, в 1692 г. пять аринских татар «ходили для ясачного промыслу в тайгу, что усть реки Большого Кемчюга и промыслили 10 соболей». На соболиные промыслы обычно ездили на лошадях. Скитания за соболем по лесу не были лишены известной опасности; бывали случаи, когда охотники забредали в чащу и замерзали. Аринцы на бобровых речках «промышляют бобры ежегод». Особенно обильны были «соболиные и всякие ловли» у канских, котовских и камасинских татар²². Охота на пушного зверя в первую очередь позволяла качинским и канским туземцам удовлетворять непрерывные требования ясака со стороны одновременно эксплуатировавших их соседей — киргизских, монгольских, бурятских феодалов и русского царизма; часть пушнины шла на продажу, и соболиные шкурки служили средством обмена, особенно в сношениях с русскими²³. Наконец меха шли и на одежду; упоминаются шубы бобровые, лисьи и рысьи, тулупы соболи, «околы» шуб, опущенные выдрюю, и т. д.²⁴. Крупное значение охоты в хозяйстве способствовало выделению из среды подгородных татар специалистов-мастеров по выделке луков, к которым обращались с заказами даже русские служилые люди²⁵.

¹⁷ Сиб. прик., стб. 446, л. 100. За девку Санкай качинский татарин Курта и новокрещен Иван Айкан заплатили, например, 14 скотин (стб. 380, л. 49).

¹⁸ См., например, кн. 70, стб. 1057, л. 16 об.; стб. 980, лл. 152, 153, 360; стб. 380, л. 8.

¹⁹ Стб. 980, л. 153.

²⁰ ЦГАДА, Монгольские дела, д. 1616 г., л. 9; Сиб. прик., стб. 90, л. 285.

²¹ Стб. 513, л. 7; стб. 446, л. 99—100.

²² Стб. 446, лл. 110, 162; стб. 90, л. 254; стб. 1317, л. 562; И. П. Кузнецов Исторические акты XVII ст. (1633—1699), Томск, 1890, № 23, стр. 60.

²³ Стб. 446, л. 100.

²⁴ Стб. 802, лл. 91, 249; стб. 980, л. 360.

²⁵ Стб. 980, л. 112.

Кроме охоты, пропитание давала и рыбная ловля. Ястынцы, например, ходили для рыбного промысла вверх по Енисею на речку Толдат²⁶. Для канских туземцев рыба, наряду с дичью, являлась, по-видимому, главным предметом продовольствия; в 1702 г., когда мангазейский воевода Ю. Ф. Шишкин, ревизовавший красноярскую администрацию, ехал из Красноярска в Иркутск, на Кане к нему приехали туземцы на лошадях с рыбою. Для рыбной ловли пользовались берестяными лодками²⁷. Охота и рыбная ловля и являлись основными средствами пропитания у туземцев. Поэтому «когда Красноярского уезду в волостях рыбный промысел и звериный лов бывает мал, люди, которые кочуют по лесам и по степям, многие с голоду умирают»²⁸.

Тяжелые экономические условия, побудившие скотоводов обратиться к охоте и рыбной ловле, заставили качинских татар перейти и к хлебопашеству. Еще до появления русских они сеяли курлык (род гречихи) и ячмень, и в первые годы существования Красноярского острога русские служилые люди вынуждены были покупать у них курлык дорогою ценою и на посев яровые семена «ячмени пуд по рублю и дороже».

Земледельческие работы лежали преимущественно на женщинах и рабах; качинские татары говорили в 1666 г., «что де без нас курлыки жнут жены наши и холопи». Во время киргизского набега в 1635 г. женщины и дети подгородных татар были застигнуты на пашнях. О значении земледелия в хозяйстве качинских татар свидетельствует один факт. В июле 1666 г. на Удинский уезд напал киргизский князец Ереняк; в погоню за ним из Красноярска послан был отряд русских служилых людей и татар. Поход затянулся, было время жатвы, и татары стали бить челом, «чтоб их в город отпустили и чтоб курлыки не пропали», — погоню пришлось прервать²⁹. По некоторым намекам можно заключить, что земледелие существовало и у котовцев³⁰.

Наряду с более или менее правильным хлебопашеством красноярские туземцы широко потребляли коренья дикорастущих растений и делали запасы сараны и урака. «А как де писали отписку, — говорил в 1666 г. новокрещен Иван Айкан, — яз де в то время не был, копал сарану». Но обязанность копать сарану лежала главным образом на женщинах и детях. В 1635 г. многие из них были захвачены в плен киргизами, «сарану и коренье копаючи». На «лабазах», где хранились запасы и «животы» туземцев, всегда имелись кузовы сараны³¹.

Примитивное земледелие не спасало, однако, от голодовок. Туземцы жаловались на частые неурожаи. «Да у нас же, государь, божиею волею, почал поедать сеяной наш хлеб курлыки и ячмени находий гад, кобылка почала родиться из земли ежегодно и на всходах выедает хлеб из корени, и оттого, государь, почали мы быть наги и босы и голодны», — писали в челобитной качинские татары³². В 1657/58 г. в Канской и Камасинской земле «за хлебной скудостью» ясачные люди «зиму всю пролежали с голоду», а многие «померли голодной смертью»³³.

²⁶ Стб. 1317, л. 41.

²⁷ Стб. 90, л. 284; стб. 1059, л. 697; кн. 1372, лл. 549—549 об.

²⁸ Стб. 1067.

²⁹ Кн. 6, л. 435; стб. 12, л. 515; стб. 802, л. 73; стб. 49, л. 184. О пашнях аринских татар — см. кн. 1054, л. 119.

³⁰ См. кн. 384 — ясачная книга 166 г., где говорится о «хлебной скудости» в смысле неурожая в Канской земле.

³¹ Стб. 802, л. 75; стб. 380; стб. 75, л. 8; стб. 49, л. 184.

³² Стб. 513, л. 7.

³³ Кн. 384, лл. 42 об., 47, 52, 54 об., 55 об., 56.

Спрос на меха и продукты скотоводства, предъявляемый монголами и русскими, и потребность в металлах и тканях способствовали развитию торгового обмена между красноярскими «иноземцами» и более культурными соседями. Единицами обмена, как сказано, являлись лошади, рогатый скот и соболиные и бобровые меха. От калмыков красноярские татары получали хорошее вооружение. На войну качинцы и аринцы выезжали «в кюяках и панцирях», «в бумажниках» и в «наручниках мунгальских» с шишаками и шлемами на головах, вооруженные «сулемами» (саблями), и русские охотно, хотя и недешево, приобретали у них все эти предметы восточного вооружения; особенно ценились «кюяки добрые под сукном», за которые платили до 10 руб.³⁴

С другой стороны, у русских служилых людей покупались в обмен на скот и пушнину пищали для охоты и войны³⁵. Путем торговли, вероятно, попадали в юрты подгородных и канских «иноземцев» котлы, топоры, ножи и другие изделия из железа и меди, шелковые ткани³⁶, наконец, предметы роскоши, как пояс «серебром навожен и золочен», несомненно бурятского происхождения³⁷. Торговля не могла не осложнить экономического быта красноярских туземцев. У качинцев появляются в обращении русские деньги, притом в довольно значительных суммах (50, 30 руб.)³⁸. Они сами начинают ездить для торговли в более отдаленные волости³⁹. У аринцев завязывается своеобразная «немая» торговля с соседними тунгусами (эвенками) Енисейского уезда. В 1649 г., например, аринские татары Урна и Сеги жаловались, что два тунгуса взяли в их отсутствие у них на лабазах пять тулупов козлиных, семь козлин, три кузова сараны и урака и суму лосиную; «а в то де место они, тунгусы, положили... 2 палмы (ножи на длинном древке), да котлишко, да венец оловяной, а у него привязан бисер с одекуем». Сделка, очевидно, показалась невыгодной аринцам, и они обвинили тунгусов в краже⁴⁰.

У наиболее культурных из красноярских туземцев — качинцев — существовали некоторые ремесла. У них были мастера, которые умели искусно делать луки, саадаки, кожаные седла и находили себе заказчиков даже среди русских. Среди качинских татар упоминается и серебряник; туземные женщины ходили в украшениях местного изготовления, таких, как «серьги татарские одекуйные, по концам у тех серег 15 корольков одекуйных»⁴¹. Котовцы умели ковать железо и выделывать из него топоры, ножи и др.⁴²

Условия скотоводческого и охотничьего хозяйства способствовали сохранению кочевого образа жизни среди красноярских татар. Все они жили в «кочевных юртах», т. е. кибитках, внешний вид которых представлен на двух примитивных рисунках, заменявших подписи на показаниях подгородных туземцев, данных в 1686 г.⁴³ Кибитки эти покрывались белыми войлочными «кошмами»⁴⁴. В своих «кочевных юртах» кра-

³⁴ Сиб. прик., стб. 160, л. 76; стб. 380, л. 148; стб. 1288, л. 230; стб. 366, л. 110; стб. 802, лл. 91, 244, 256, 258; стб. 446, л. 100; стб. 1052, л. 700; кн. 1057, л. 16 об.

³⁵ Стб. 466, лл. 99—100, 284; стб. 1052, л. 701. О покупке ножей см. кн. 1214; канские туземцы умели и сами выделывать ножи и топоры, но, вероятно, худшего качества.

³⁶ Стб. 802, л. 244.

³⁷ Там же, л. 284.

³⁸ Стб. 802, лл. 244, 248; стб. 980, лл. 360, 477; стб. 380, лл. 143, 145, 146, 148.

³⁹ Об этом см. ниже, в главе о торговле.

⁴⁰ Стб. 380.

⁴¹ Стб. 980, лл. 112, 153; стб. 1288, л. 148; стб. 380, л. 143.

⁴² Стб. 1052, л. 639 и сл.

⁴³ Стб. 980, л. 358 об.

⁴⁴ Там же, л. 193.

сноярские туземцы кочевали со стадами по своим стародавним «кочевным дорогам». Те из них, которые занимались земледелием, временно оставались для посева курлыка и, собрав жатву, двигались дальше.

Подвижность туземного населения Красноярского уезда выражалась в беспрестанных перекочевках из пределов русских владений «в киргизы» или в Тубу и обратно. Всякий набег киргизов или калмыков на Красноярск сопровождался уходом с ними подгородных татар с женами и с детьми, рогатым скотом, лошадьми и со всеми «животами», а через несколько лет, не ужившись на новых местах, татары опять «выбегали» на старые свои кочевья⁴⁵.

Весной 1697 г. влиятельный среди качинской татарской знати Корочик Тайларов, оскорбленный воеводою Семеном Дурново, говорил, что «недели через две он соберет качинских татар всех и будет стоять против Красноярского города в степи в березняке и из березняка де он... многолюдством, всем своим собранием, с ружьем приедет в Красноярский город и стольнику и воеводе Семену Ивановичу Дурново поклонится, а поклонясь же, он, Корочик, с качинскими своими татарами от Красноярска откочует со всеми своими жителями»⁴⁶.

Каждое племя делилось на несколько небольших улусов, которые соответствовали родам. Размеры этих улусов были неодинаковы. Из аринских улусов самым маленьким был улус Канбирев, в котором в конце столетия было всего трое боеспособных мужчин, самым крупным — Абытаев (Абыдаев) улус, насчитывавший временами свыше 30 мужчин. В Качинской земле в 1649 г. Мунгатов улус состоял из самого Мунгата и двух ясачных людей (позже в нем имелось 10—11 взрослых мужчин), а в самом большом, Силошином улусе, число боеспособных мужчин доходило в конце 70-х годов до 41. Улус качинского служилого татарина Корочика Тайларова в конце столетия заключал в себе шесть юрт и представлял довольно внушительную силу; когда воевода С. И. Дурново пытался арестовать Тайларова, то он и его сыновья отбились от служилых людей, а сам он в город не поехал, «а ездит на коне... и с детьми своими в панцирях и в куяках» и хвалится, «что де я вам жив в руки не отдамся»⁴⁷.

«Канские котовские мужики», по отзыву русских, живут «невеликими улусы»⁴⁸. Действительно, в 1640/41 г. из девяти улусов в Котовской землице только в двух, Тымаковском и Жибардамовом, числилось более 10 боеспособных мужчин (11 и 12), в одном (Хантонов улус Погурской волости) их было три, в трех (Араксиев, Илинаков и Темсенев) — четыре, в Именекове — шесть, в Байгине — семь и в Таганакове — восемь. Но позже, за отдельными исключениями (Араксеев улус насчитывал в последней четверти XVII в. только четыре-пять ясачных людей), котовские улусы гораздо крупнее, и в их числе есть такие значительные, как Жибардамов, Пантыков, Байгин, Таганаков, в которых боеспособных мужчин было больше 20. Среди камасинских улусов Бугучеев и Куйгин насчитывают в XVII в. свыше 20 чел., а Байгин — редко свыше 10 чел. У кашинцев встречаются очень мелкие улусы; так, в Кургуловом улусе

⁴⁵ Положение С. В. Бахрушина об «уходе» подгородных татар вместе с киргизами после каждого набега последних вызывает законное сомнение. В действительности нередко основную роль играл насильственный увод ясачного населения киргизскими или джунгарскими феодалами. Об этом писал и сам С. В. Бахрушин (см. «Научные труды», т. III, ч. 2, М., 1955, стр. 214). — *Примечание редакции.*

⁴⁶ Сиб. прик., стб. 1288, л. 215. Под термином «ружье» в XVII в. обычно понималось оружие вообще, а не только огнестрельное. — *Примечание редакции.*

⁴⁷ О нем см. стб. 366, л. 122; стб. 988, лл. 215—230.

⁴⁸ Стб. 90, л. 294.

в 1665—1671 гг. был всего один взрослый мужчина, в Тубайкове, в те же приблизительно годы,— два, в Абыгатове в 1679 г.— 3 чел. и т. д. К сожалению, сведения о численности отдельных улусов по ясачным книгам не всегда точны, так как при частых перекочевках и обычных случаях укрывательства «улусные люди» частично оставались, может быть, незарегистрированными. В приводимое число не входили рабы, которых при постоянных войнах между туземцами было много у местного населения красноярских подгородных волостей. Рабы приобретались не только путем набегов, но и путем покупки. Ими пользовались для домашних работ. Холопы кочевали с лошадьми и рогатым скотом, жали курлык вместе с женщинами. Когда русский рынок стал предъявлять требования на несвободный труд, среди подгородных татар имели место случаи приобретения полона для перепродажи⁴⁹.

Каждый улус являлся, надо полагать, отдельным родом, возглавлялся родоначальником, по имени которого он обычно и назывался: Силошин улус — по имени Силоши и Базаракова (Качинская земля), Татушев и Абытаев (Абыдаев) в Аринской земле — по князям Татушу Абыдаеву и Абытаю; в Котовской земле Тымаков улус князца Тымака был переименован после его смерти в Пантыков — по имени его сына, Пантыка Тымакова, и т. д.

Племя возглавлялось одним или несколькими князцами, или «лучшими людьми» (по русской терминологии), носившими тюркское название ясаулов⁵⁰. Когда в 1628 г. Андрей Дубенский вступил в Качинскую землю, его встретили за порогом аринские князцы и Абыдай и предоставили ему лошадей возить лес для постройки острога. Татуш и в дальнейшем упоминается в качестве князца. После русского завоевания он был освобожден от ясака, принят на службу и получал жалованье в 6 руб. в год; точно так же сын его, Бабук Татушев, состоял на государевой службе с жалованьем в 5 руб., а позже другой его сын, Бугачей,— с жалованьем в 2 рубля. Под русской властью выступает рядом с Татушем другой лучший человек, Омочай Куташев, который в 30-х годах получал государево жалованье вместе со своим сыном Балыком Омочаевым (по 4 рубля)⁵¹.

В Котовской земле в момент ее подчинения было восемь улусов с населением 97 чел.; во главе ее упоминаются князцы Тымак с пятью сыновьями и 17 улусными людьми (всего 23 чел. в улусе) и Темсенек с четырьмя сыновьями и 12 улусными людьми (17 чел.) и «улусный лучший мужик Аргачек, а улусу у него 8 чел.»

Таковы немногочисленные сведения о племенном строе красноярских туземцев, которые могут быть почерпнуты из источников того времени.

Духовная культура красноярских туземцев не была высока. Письменности не было даже у качинских и аринских татар. Под документами подписи им заменяли условные «знамена», т. е. схематические рисунки, изображавшие преимущественно предметы вооружения (копье, саблю, лук со стрелой, рогатину, саадак со стрелами), иногда — юрту, изредка — подобие солнца. Бросается в глаза, что рисунки эти гораздо более примитивны, чем у некоторых других сибирских народов (например, у хантов). Впрочем, некоторые подписи сделаны, по-видимому, по-мон-

⁴⁹ Сиб. прик., стб. 366, л. 110; стб. 802, л. 244; стб. 1052, лл. 545—546; стб. 980, л. 477; стб. 380, лл. 49—51; стб. 1317, л. 443 (холопы, «которые того улусу лошадей пасут»).

⁵⁰ См., например, стб. 980, л. 138.

⁵¹ Кн. 49, л. 183; кн. 144, л. 252; стб. 12, л. 233; кн. 70, л. 132; кн. 1057, л. 48; стб. 90, л. 535. Впоследствии Абыдай отъехал во главе 30 чел. «в киргизы» и участвовал в набегах на русские владения (стб. 49, лл. 323, 377; стб. 112, лл. 365, 567).

гольски; и если это так, то надо предположить, что монгольская грамотность проникала и на берега Качи, хотя и в очень скромных размерах⁵². Не имея письменности, красноярские татары пользовались символическими изображениями для выражения своих мыслей. Во время похода на бурят в 1635 г. канские татары «сделали из береста месяц в половину» и объясняли русским служилым людям: «как де и та половина месяца минует, да другая половина месяца после этого будет, тогда де мы до людей дойдем»⁵³.

В религиозном отношении среди населения Красноярского края в XVII в. господствовал шаманизм. При воеводе Герасиме Никитине имело место любопытное дело, ярко рисующее местные религиозные представления: по челобитию татарина Кубана был посажен «за пристава» его соплеменник Чиначейко за то, что он «у него, Кубана, прилетев с шайтаны, удавил жену, а доводил на него шаманщик, а шаманщик де сказал, что служат ему 70 шайтанов, а Чиначейку служат 200 шайтанов». Чиначейко не отрицал, что «шайтаны ему служат», но не сознавался в своей причастности к смерти Кубановой жены. На четвертый день «за караулом Чиначейку шайтаны удавили». Такова картина жуткой демонологии красноярских туземцев того времени⁵⁴.

Из приведенного дела видно, что каждый шаман имел в своем подчинении определенное количество духов — «шайтанов», иногда достигавшее нескольких сот. Шаманами могли быть и мужчины и женщины. Звание шамана переходило по наследству. Так, бохтинский шаман, которого видели Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин в 1740 г., унаследовал свою должность от своего отца, а ястынская шаманка — от своей бабки; они утверждали, что могут доказать свое «шаманское происхождение» до седьмого поколения.

Гмелин сохранил нам описание наружности виденных им красноярских шаманов и их камлания. При исполнении своих обязанностей они выступали обвешанные «массой маленьких звериных шкурок, орлиных когтей и пудом с лишним всякого железного барахла»; шапка бохтинского шамана была украшена стоячими перьями, шапка ястынской шаманки была обшита нитками, которые спадали вниз и покрывали ей почти все лицо. Обязательной принадлежностью костюма шамана во время камлания были кожаные чулки (unti); у шаманки чулки эти были спереди обшиты вдоль красной шерстяной тканью, простроченной по краям лошадиным волосом. Шаманский барабан с обратной стороны был украшен железными колечками, которые во время пляски «усугубляли шум от железных украшений на платье и от барабана». Палки для барабана были несколько толще, чем обычно. Качинская шаманка, которую видели академики в Красноярске, перед началом камлания облачилась в платье из голубой китайки, обшито красной тканью; позади с плеч спускалось несколько длинных пестрых нитей с ракушками; платье стягивалось поясом, что, если верить Гмелину, совсем не было обычно для костюма женщины немолодых лет; на ногах у нее были красные кожаные сапоги; на голове — круглая, заостренная кверху, шапка из выдры, опушенная соболем и украшенная на макушке стоячими перьями; барабанные палки были обшиты бобровым мехом. Самое камлание подробно описано Гмелиным, точно так же, как и праздник кумыса, общий для народов Красноярского уезда и якутов⁵⁵.

⁵² Стб. 380, лл. 138—140; стб. 980, лл. 150—151 об.

⁵³ Стб. 90, л. 280.

⁵⁴ Стб. 802, л. 388.

⁵⁵ J. G. Gmelin. Указ. соч., III, стр. 325, 330—340, 347—354, 440—450.

Одной из любопытных черт как камлания, так и «праздника кумыса» является кормление шайтанов, которое производилось путем брызгания в воздух воды или кумыса.

В основе культа демонов-шайтанов лежал, несомненно, культ мертвых. «Они выказывают священное благоговение к умершим,— пишет про Красноярских туземцев Гмелин,— особенно к своим предкам». Выражением этого культа было погребение с покойниками их имущества. У Красноярских татар сохранился также древнетюркский культ вод и гор. Во время «праздника кумыса» шаман обращался с молитвой к соседним горам и речкам, кончая реками Абакан и «Кем-Хатунь» («госпожа Кемь»), т. е. Енисеем⁵⁶.

Широко распространено было поклонение священным камням, «куртуяк-ташам», т. е. каменным старухам. В Абаканской и Сагайской степях по Абакану и Аскызу было рассеяно немало таких «куртуяков», пользовавшихся суеверным почитанием туземцев. Это были иногда простые менгиры, «стоящие камни» («на подобие строения на четыре угла..., как едущему издали видятся на подобие так стоящих людям или иному чему животному»); таковым была, например, «каменная старуха» на Аскызе — «плоский камень алебастровой породы, неправильные выпуклости которого одно только испорченное воображение татар могло принять за изображение старухи; рядом с нею стоял небольшой белый песчаник, который считался ее дитятей»; другим священным камням приписывалось сходство с животными: с маралами (камень «сын») или с лошадью («алташ»)⁵⁷. Иногда этим камням искусственно придавались грубые человеческие черты. Такими «болванами», по русскому выражению, были, например, в Абаканской степи «кичик-куртуяк» («малая старуха»), «большой менгир с человеческого лицом, и «улуг-куртуяк» («большая старуха»), большая, «совершенно круглая, искусственно отесанная и несколько заостренная к концу каменная баба в человеческий рост, «с большим широким лицом и высокою остроконечною шапкою», но «безо всякого обозначения членов тела», или «казан-кыс-таш» («заяц-девка-камень») за Черным Июсом. Все названные куртуяки были еще в первой половине XVIII в. окружены религиозным почитанием окрестного кочевого населения; к ним «бывало от идолопоклонников богомолье и приношение жертв». Их угощали «из благодарности и благочестия после удачной охоты..., полагая, что куртуяк относится с участием к тем, кто совершает это жертвоприношение»; проезжающие мимо священного камня татары «никогда не упускают случая принести... [ему] в дар что-нибудь из своих припасов, как-то мясо, коренья и т. д.»⁵⁸.

У подножья куртуяков путешественники XVIII в. находили кучи сараны; у человекообразных менгиров губы были смазаны салом и жиром, смешанным с китайским табаком,— дань «поклонения, уваженья и любви» мимоезжих туземцев; кругом, на прутьях, воткнутых в расселины камней, висели обрывки тряпок и кожи, символически заменявшие собою приношение цельных одежд. Такое же значение символической замены настоящей жертвы условной имели разбросанные на земле речные голыши «особого вида и цвета», форма которых напоминала лошадей и других животных. Приношению жертвы предшествовал обряд троекратного объезда верхом на лошади вокруг куртуяка; еще в XVIII в. даже принявшие христианство туземцы «так суеверят и ездят», и вокруг почитаемых

⁵⁶ I. G. Gmelin. Указ. соч., III, стр. 346.

⁵⁷ Там же, стр. 442.

⁵⁸ Там же, стр. 284, 286—287; В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. I, СПб., 1891, прилож. стр. 16, 17; т. I, вып. III, СПб., 1894, стр. 94, 95, 144, 145.

каменной «видно, что верхом езжено и дорога протоптана». В культуре каменных марала и лошади, возможно, следует видеть пережитки зоолатрии.

2. ОБЪЯСЧЕНИЕ НАРОДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Сибирские города XVII в. преследовали одну основную цель: они должны были служить военно-административными центрами для сбора ясака с туземцев и для дальнейших захватов «немирных землиц». Такая задача лежала и на Красноярске, но вследствие его пограничного положения задача эта значительно осложнялась. В лице енисейских киргизов и поддерживавших их монголов Красноярск встретил сильных и настойчивых противников, не только в течение целого столетия с успехом сдерживавших наступление русских феодалов, но и стремившихся к той же цели, как и они,— овладеть богатым соболем и другим пушным зверем и таежными пространствами. В течение целого века Красноярску приходилось не столько организовывать наступление вверх по Енисею, сколько отстаивать захваченную русскими территорию от натиска кочевников и выносить на себе их удары.

Тотчас после основания Красного острога начинается энергичное объяснение окрестных туземцев. Качинцы, аринцы и ястынцы, после попытки сопротивления, очень быстро вынуждены были подчиниться ввиду невозможности бороться с наличием в центре их земли укрепленного города, защищаемого сильным гарнизоном. Но сразу примириться с новым положением они не могли. В 1639 г. среди «подгородных татар» вспыхнуло восстание; изменили все аринцы, качинцы и ястынцы «без остатку»; они приступили к Красноярску, в котором налицо в тот момент было всего 70 чел. гарнизона; их с трудом отбили, но не без урона для служилых людей.

Восставшие отогнали у красноярцев лошадей и скот и бежали «в киргизы». Посланный вдогонку атаман Демьян Злобин разбил их наголову и отбил коней и скот.

В мае 1640 г. аринские и качинские татары совместно с тубинцами и котовцами напали на с. Есаулово⁵⁹.

Впоследствии подгородные татары более ни разу не пытались самостоятельно вступать в борьбу с завоевателями, но когда имели место набеги киргизов, они обычно присоединялись к ним и выступали сообща, «что де татарский изычай непостоянный, которая сторона мочнее, туды они и шатаются»⁶⁰.

На северо-запад продвижению красноярцев ставили предел границы Томского уезда. Карательная экспедиция против кизылов, организованная в 1631 г. при содействии аринских татар для наказания за убийство проезжавших через их страну красноярских казаков, создала только недоразумения между администрацией обоих заинтересованных городов⁶¹. Поэтому военные усилия красноярцев направились в другую сторону, на северо-восток, в бассейн Кана с его богатыми соболиными угодьями, за эксплуатацию которых русские в течение всего века вели борьбу с бурятами и тубинцами.

⁵⁹ Сиб. прик., стб. 90, л. 238; стб. 53, лл. 148—149; стб. 112, л. 515; стб. 49, лл. 323, 377.

⁶⁰ Стб. 513, л. 133.

⁶¹ Кн. 3, л. 107б об.; стб. 49, лл. 319—321.

От Красноярска до Кана считали «ехать летними днями 3 дни на конях»; более продолжительный зимний путь на лыжах с нартами требовал только дней 10⁶².

28 августа 1628 г., едва закончив спешную постройку острога на Каче, Андрей Дубенский уже послал атамана Ермака Остафьева в Котовскую землю. Остафьев в течение трех недель плыл по Кану на двух дощаниках, преодолевая пороги, и у порога Араксиева (получившего свое название от Араксиева улуса), показавшегося ему непроходимым, поставил зимовье. Отсюда он послал за ясаком к котовским князьям Темсенуку и Тымаку и завязал с ними сношения. Однако попытка задержать Темсенука в качестве аманата чуть было не обострила отношений; он был выпущен, и котовцы внесли небольшой ясак.

В следующем 1629 г. обследование р. Кана продолжалось; новая партия казаков была отправлена Дубенским в верховья Кана, откуда перешла на Ману и объясачила камасинского князца Байгу.

На Кане, однако, красноярские служилые люди столкнулись с другими претендентами на этот славившийся своей пушной лесной район. На канской территории стоял тубинский князец Коян с своим улусом, и завоевание Котовской земли приняло характер войны из-за нее с тубинцами. Борьба эта завершилась захватом в плен Кояна. Но в 1634 г., во время набега киргизов на русские владения, канские туземцы схватились за оружие; в 1635 г. вновь вспыхнуло восстание, вызванное новым нашествием тубинцев на Кан⁶³; несколько ясачных сборщиков было убито, до 60 ясачных людей уведено в Тубу.

Это восстание заставило принять некоторые меры к упрочению позиции на Кане. В 1636 г. был отправлен «вверх по Кану реке острог ставить» атаман Мирослав Кольцов с отрядом в 50 чел. Он поставил острог на новом месте, «вверх по Кану пониже Братского перевозу», перенял у туземцев «рыбные и соболиные и всякие ловли и перевозки и кочевные дороги», учинил им «большую тесноту» и принудил их тем к покорности⁶⁴. В 1640 г., однако, в связи с наступлением тубинцев, в Котовской земле с новой силой поднялось восстание, во время которого острожек, построенный Кольцовым, сильно пострадал.

В 1646 г. казачий десятник Павел Волховицкий, по поручению воеводы П. Протасьева, в то время ведшего войну с братскими людьми, построил Канский острог заново, или по крайней мере сильно его укрепил, превратив в серьезную крепость⁶⁵.

Русские власти не без успеха использовали междуплеменную рознь туземцев и добились того, что в 1653 г. ясачные люди Канской земли, разоренные набегами тубинцев, обратились через ясачных сборщиков в Красноярск с просьбой «в Канской земле в острожке устроить жилецких людей с женами и с детьми на житье человек с 50..., чтоб их, канских татар, было кому от грабежу тубинских князцов оберегать», так как присылаемых из Красноярска годовальщиков, человек по 10 в год, для этой цели было недостаточно. Воевода Михаил Скрыбин горячо поддержал эту мысль. «И только, государь,— писал он,— в Красноярском остроге прибирать охочих людей в тот Канский острожек на житье из служилых и из гулящих людей, и в тот, государь, острожек охочие люди и на житье

⁶² Сиб. прик., стб. 90, л. 275.

⁶³ Г. Ф. Миллер. Сибирская история.— «Ежемес. соч.», 1764, апрель, стр. 294—299, 319; Сиб. прик., стб. 161, л. 54; стб. 49, л. 321; стб. 53, лл. 148—149; кн. 202, лл. 378 об.—379; стб. 12, л. 507.

⁶⁴ Стб. 90, л. 214; кн. 70, л. 379.

⁶⁵ Там же, л. 31; стб. 292, л. 70. В 1697 г. острог этот, пострадавший от набега тубинцев, был возобновлен атаманом Кольцовым (стб. 366, л. 234).

будут и без жалованья, из одной пашни, чтоб им на себя пашню пахать; только, государь, им дать сперва на завод, по чему ты, государь, укажешь, что, государь, в той земле места хлебородные и реки подошли рыбные, и озер рыбных около Канского острожка много». В Москве, однако, усомнились, чтобы все это можно было сделать так легко, и последовала резолюция, положившая на время предел всем планам колонизации Канского края как средства более прочно завладеть им: «не велеть до государева указа, для больших лишних расходов»⁶⁶.

Завоевание Котовской земли открывало дорогу дальше на северо-восток, в Братскую землю, вопрос о завоевании которой, сулившем богатую добычу для сибирских служилых людей и обильный ясак для казны, был, начиная с 20-х годов, очередным вопросом русской политики в Сибири. По всей Сибири ходили слухи об ее многолюдстве, обширности и богатстве. В этом направлении открывались широкие возможности, манившие искателей приключений перспективами грабежа. За теми немногочисленными братскими улусами, ясак с которых поступал в Енисейск, тянулись до неизвестных пределов другие «неясачные» улусы, в которых «русские люди не бывали», «а ясаку с них не имывали, потому что послать некого, служивых людей мало»⁶⁷.

С первого же момента обоснования на Красном Яру красноярские служилые люди, разочарованные в расчетах на добычу и ясак с окрестного немногочисленного туземного населения, обратили свои взоры в сторону далекой Братской земли. В 1629 г. партия красноярских служилых людей появилась под Енисейским острогом, требуя выдачи им хлебных запасов для похода «на братьев». Енисейский воевода и гарнизон «от них убереглись», и они пошли вверх по Тунгуске и, соединясь с Яковом Хрипуновым, посланным для проведывания серебряной руды, воевали бурят, живших на р. Оке и уже объясаченных енисейцами, погромили улусы князцов Кодогуня, Бабрака и Братая и «поимали ясырь». На следующий год они вернулись из своей разбойничьей экспедиции с богатым полоном, но енисейская администрация отобрала у них ясырь и жаловалась в Москву на их самочинные действия⁶⁸. Енисейские служилые люди не без пафоса протестовали против вторжения красноярцев в области, которые они — енисейцы — считали своей законной добычей. «Дай нам, холопам своим,— писали они царю,— тебе государю вперед послужить и не вели, государь, наступать красноярским казакам на наши кровавые заслуги и не вели, государь, тех землиц отогнати от своей царской милости, которые мы, холопы твои, тебе, государю, своею работою и кровью учинили подручны»⁶⁹.

С объясачением Котовской земли в руках красноярских служилых людей оказывался другой путь в братские улусы по Кану, минуя Енисейск: «конем ехати летними днями скорою ездою 8 дней и больше»⁷⁰.

И тут опять русские искусно использовали межплеменную вражду. Канские туземцы страдали от постоянных набегов братских людей и их киштымов. Поэтому, едва попав под власть русских, они стремились их

⁶⁶ Стб. 446, л. 283 и сл. Позже само правительство вернулось к этой мысли, однако не сумело организовать заселение Канского края вследствие все того же переизбытка экономии.

⁶⁷ Стб. 12, л. 479.

⁶⁸ Там же, лл. 394, 455, 479; стб. 30, лл. 58—63; Г. Ф. Миллер. Сибирская история.— «Ежемес. соч.», 1764, апрель, стр. 299.

⁶⁹ Там же, л. 426.

⁷⁰ Стб. 90, л. 275. После окончательного покорения удинских бурят стали опять пользоваться прежним путем через Енисейск, так как Кан с его порогами был мало судоходен. Сухопутный путь с Кана на Уду был мало употребителен.

оружие направить против своих соседей. Уже в 1628 г. они побуждали русских приступить к завоеванию братских улусов, обещая свою помощь⁷¹. Поэтому в 1632 г. Никите Карамышеву, при отправке его на воеводство из Москвы, было поручено выяснить, «мочно ль братских людей привести под государеву царскую высокую руку и какие прибыли государю с них чаять»; есть известие, что при нем Дементий Злобин произвел успешный набег на землю бурят⁷².

В 1636 г. атаман Милослав Кольцов, как мы видели, завершил подчинение Канской земли и поставил в ней острог, обеспечивший прочное господство русских в бассейне Кана. В декабре того же года во вновь поставленный острожек явились котовские князцы Таян и Именек со всеми своими улусами и стали звать служилых людей на Инголоцкую землю, жители которой, «киштымы», т. е. подданные братских людей, производили набеги на канских туземцев. Кольцов расспросил их про дорогу; князцы сказали, что ходу восемь дней. Кольцов тогда «удумал и умыслил своим умышлением и завел службу неведомую не противно меры... в дальнюю Братскую землю на братских людей зимою на лыжах и на нартах». Не решаясь, однако, пускаться в военную авантюру с своими 50 соратниками, он написал «о службе» воеводе Ф. М. Мякинину в Красноярск. Красноярские служилые люди отнеслись скептически к «умышлению» атамана, которого вообще не любили в Красноярске; они заявили в съезжей избе воеводе, что «подлинно знают, что Братская земля от Красноярского острогу удалела, и братские люди близко не кочуют...» и что «ту... службу, он, атаман, завел напрасно и не противно меры и не по изможению, и про братских людей не подлинно знаючи». Вследствие этого протеста Мякинин предписал Кольцову предварительно произвести новое расследование. Кольцов, однако, подтвердил, что «нартыным ходом до первых братских людей до князца до Иланка... 10 дней ходу, и запасу де надобет с собою служилым людям на 10 ден, и вожи де подлинно знающие». Мякинин, убедившись доводами атамана, послал к нему атамана Емельяна Тюменцова с 90 служилыми людьми и тремя аринскими татарами. Как только прибыл этот вспомогательный отряд, Кольцов послал в канские улусы к князцам и велел им «сказать про многих государевых воинских людей и звать на государеву службу». Они пришли на пятый день, после чего двинулись в поход. Восемь дней шли пустыми местами. Тогда в войске началось брожение. Недовольные «учали круги заводить и ворочать назад». Но Кольцов настаивал на своем и «водил и волочил» войско в течение еще шести дней. Войско едва двигалось вперед, останавливалось «на всякий день по трою и по четырежды»; образовывались то и дело «круги», на которых есаул Дружинка Сидоров убеждал воротиться назад: «что-де вы вперед спешите? Назад де лучше идти». Шли уже 15 дней, запасы, рассчитанные на менее продолжительный поход, кончились, «ели кожаные лоскутишка и поршнишки лыж, подволоки и ременья съели и великую нужу и голод терпели напрасно», от голода и службы все «притомилися». Войсковые есаулы приступили к Кольцову: «куда де ты, атаман, по пустым местам ходишь и войско за собой волочишь? Разоришь служилых людей напрасно». Войско открыто вышло из повиновения. Дружинка Сидоров кричал «во все войско» на атамана при канских татарах: «мы де тебя не слушаем» и угрожал ему смертью его отца, убитого служилыми людьми. Тогда и канские туземцы, участвовавшие в походе, «учали... мняться и говорить, уж то де государевы люди государю служить не хотят», и многие разошлись по своим улусам.

⁷¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 298.

⁷² Стб. 30, л. 513; стб. 292, л. 36; Архив АН СССР, 21.4.18.

Аринские татары, наоборот, настаивали на продолжении похода. Наконец, нашли подлинного вожа, братского киштыма, который повел войско на инголоцких людей князцов Кожу и Киштайка, но оказалось, что они откочевали «для зверовья», покинув пустое зимовье. А когда Кольцов захотел преследовать их с «легкими» людьми, то вспыхнул открытый бунт в войске. Дружина Сидоров с товарищи ему отказали наотрез: «нам де не идти, мы де назад воротимся». Напрасно заверял их вож и «не велел ворочаться, конечно де я вас доведу до братских людей, откочевали де они недалече», напрасно звал их вперед атаман, говоря: «худо назад воротиться, дошед до братских людей и до земли и до их кочевья, что позорно будет царскому имени». Дружина Сидоров и его товарищи «сместили... всем войском и поворотили назад». Атаман, по его словам, «заплакав», воротился. С своей стороны и Кольцов подал челобитную, доказывая, что неудача произошла всецело «от бунтовства» Дружинки и его соумышленников, которые теперь и «научают» других служилых людей бить на него челом ⁷³.

Неудача похода 1637 г. остановила на некоторое время дальнейшие попытки завоевания Братской земли из Красноярска. Набеги братских на Канскую землю возобновились с новой силой, и от них ясачным людям «учала быть теснота немалая». Наконец, в 1642 г. воевода Алферий Баскаков получил из Москвы указ о походе на братских людей. Не решаясь по прежнему опыту начинать войну одними красноярскими силами, он обратился за подмогой к Томску, но не получил ответа, и вопрос о походе остался открытым. При нем объяснена была только «Инголоцкая землята братских киштымов» в числе 10 чел. В январе 1645 г. на имя сменившего Баскакова П. И. Протасьева в Красноярск пришла новая грамота о походе на братских людей с предписанием писать в Томск о присылке вспомогательного отряда, но несмотря на просьбы и отписки, из Томска помощи не было. Указ о братской войне встретил сильную и упорную оппозицию со стороны томских служилых людей, испугавшихся дальности и трудности похода. Также неудачна была попытка привлечь к совместным военным действиям киргизов и тубинцев. Тогда Протасьев в июне того же года своими силами снарядил в Братскую землю под начальством тех же атаманов Милослава Кольцова и Елисея Тюменцова экспедицию из 330 красноярских служилых людей и татар.

Экспедиция на этот раз увенчалась успехом. 4 августа двум наиболее могущественным братским князцам, Оилану и Номче, было нанесено решительное поражение: в бою было побито до 70 чел. братских, пали сам Номча и двое из сыновей Оилана; Оилан с тремя другими сыновьями спаслись бегством: его жена и сын Изень, раненный в бою, вместе с женою попались в плен; всего «жен и робят» взято было 86 чел. После этой решительной победы Протасьев послал в 1647 г. к Оилану уговаривать его платить ясак. На этот раз Оилан подчинился и приехал в Красноярск добивать челом. Он выразил готовность платить ясак и остаться в аманатах, за что воевода согласился отпустить его жену и его сына Изеня с женою. Одновременно Оилан бил челом (вероятно, по инициативе администрации) о постройке острожка на р. Уде «для обереганья их, братских людей, от иных немирных земель от войны и для... ясачного сбору». Протасьев запросил служилых людей, бывавших на Уде, которые указали на «угожее место» для постройки острожка, повыше р. Мары. 26 июля воевода отпустил с братскими людьми атамана Елисея Тюменцова с пешими казаками для постройки острога ⁷⁴.

⁷³ Стб. 90, лл. 275—291.

⁷⁴ Стб. 292, лл. 33—47; Архив АН СССР, 21.4.18.

Острог Тюменцовым был поставлен и первое время упоминается под названием Покровского, вероятно, потому, что был заложен или окончен постройкой 1 октября; его также звали Братским, пока окончательно не установилось за ним название Удинского острога.

«А защита, государь,— писал воевода М. Дурново в Москву,— большая Покровский городок сибирским городам, Красноярскому уезду, и Томскому и Енисейскому, а как Покровского городка не было, и они воевали, братские люди, Енисейский уезд и Красноярской и Томской, тубинцев, а ныне, государь... братским людем в те уезды воевати и ходити невозможно; Покровский, государь, городок поставлен на дороге».

Подчинением Оилана и постройкой городка на Уде, однако, не сразу было достигнуто полное замирение Братской земли. Племянники Оилана князцы Узун и Чиначей со своими родичами не шертовали и побуждали своих киштымов не вносить полного ясака; князец Чиначей отказался идти в аманаты, а в 1650 г. посланные к ним за ясаком девять служилых людей были перебиты. Сам Оилан в 1651 г. внезапно откочевал со своим улусом из-под Удинского острога в дальние кочевья, перестал платить ясак и другим ясачным людям запрещал платить. Послать к нему с «выговором» из Красноярска не посмели, «потому что он мужик обманчивый и чтоб ...государевых служилых людей не побил».

В 1652 г. Андрей Бунаков снарядил служилых людей и подгородных татар для похода на Узун и Чиначей и на всех братских людей, которые были с ними «в воровской мысли». Буряты потерпели жестокий погром; много людей было побито, улусы разорены, жены и дети взяты в плен. Чиначей пал в бою; Узун бежал к булагатам и «отбыл» из войны; его жены и дети попали в плен. В 1653 г. Узун поэтому был вынужден явиться в Красноярск, «принес свою вину», выразил готовность платить ясак и служить государю и бил челом о выкупе жен и детей. Вместе с тем он обещал провести красноярских служилых людей до Большой Булагатской земли, в которой было, по его словам, до 600 мужчин. Воевода Михаил Скрябин отнесся благосклонно к его предложению, дал ему на выкуп одну из его жен, подарил «для его службы» однорядку суконную и материи на шапку.

Действительно, булагаты, жившие по Ангаре и Унге, теснимые из Енисейска, были доведены до крайности и готовы были подчиниться Красноярску и платить ясак в Удинский острог с тем, чтобы прекратились набеги енисейских служилых людей. Четыре булагатских князца прислали с Узуном челом ударить московскому государю и просили о присылке к ним «для договору и шертованья».

Таким образом, открывалась возможность распространить владения Красноярска еще дальше на северо-восток. С Узуном для приведения к ясаку булагат были посланы служилые люди Федор Обухов и Степан Акараков и толмач Иван Архипов Айкан. Но они опоздали. Енисейский воевода Афанасий Пашков в том же 1653 г. уже направил в «новую Булагатскую Братскую землю» для «острожной ставки» сына боярского Дмитрия Фирсова с служилыми людьми и 30 семей ссыльных людей для заведения пашни. Когда Федор Обухов с товарищи прибыл к булагатам и стал просить у них ясака, то они ему ясака, конечно, не дали, потому что с постройкой Балаганского острога им необходимо было подчиниться Енисейску.

Осенью того же 1653 г. удинский приказчик Михаил Ярлыков, очевидно осведомленный о неудаче миссии Обухова, послал отряд в 30 служилых людей и с ними ясачных братских из Удинского острога на булагатов; они убили 6 чел., захватили много женщин и детей в плен и отогнали

лошадей и скот. Енисейский воевода жаловался в Москву на набег на ясачную территорию своего города, и из Москвы последовал строгий «заказ» красноярским служилым людям воевать ясачных людей Енисейского уезда, а Ярлыкова за его набег было предписано подвергнуть надлежащему наказанию. Таким образом, дальнейшему наступлению Красноярска на север, в Бурятскую землю, был положен предел. Крайней бурятской областью, куда проникли красноярцы, была Кайсотская земля, но здесь опять они столкнулись с наступлением, шедшим из Енисейска, так как она входила в ясачный район Иркутского острога⁷⁵.

Попытка из Удинского острога произвести объяснение Саянской земли, слух о многолюдности которой доходил до Красноярска, тоже не имела успеха. Соседство с монголами и неприступность Саянского «камня» делали бесплодными все старания ясачных сборщиков в этом направлении. В конце столетия несколько саянских улусов стали было платить ясак (улус Ерки Тархи, Кюетов и др.), но около 1699 г. они откочевали под державу монголов и вышли из-под русской власти. В 1690 г. дали аманата каменные моторцы, обитавшие в верховьях р. Упсы.

3. ЯСАК

Главной притягательной силой, привлекавшей в Красноярский уезд русских, была пушнина. При феодальных способах эксплуатации пушные богатства выкачивались, главным образом, «тапи militari» — военной силой. Оружие было тем решающим средством, которым только можно было понудить туземцев давать завоевателям ценные шкурки. Таким образом, основным способом получения пушнины из Красноярского уезда был в течение первого столетия существования Красноярска ясак, принудительная дань, взysкиваемая с туземцев, иначе говоря, военный грабеж.

Ясак, как форма эксплуатации со стороны победителей и как юридическое признание подданства, не был, как мы видели, новостью для красноярских туземцев. В течение ряда лет население бассейнов Качи и Кана платило ясак, или албан, монгольским и тюркским завоевателям, вторгавшимся в его пределы из степей, — монголам, джунгарам, киргизам, тубинцам, бурятам.

Московские феодалы в данном случае явились преемниками и конкурентами своих предшественников, феодалов монгольских и тюркских, и этим объясняется сравнительная легкость, с которой происходило объяснение Качинской и Канской земель.

Как общее правило, подчинению туземцев ясаку предшествовала военная экспедиция, которая должна была показать им реальную мощь новых претендентов на их пушнину. Иногда дело ограничивалось простой военной демонстрацией; но в случае упорства в ход пускалось оружие, и «погром» принуждал к покорности. Произведенное раз впечатление затем использовалось в дальнейших сношениях с окрестным населением, и нередко удавалось принуждать к уплате ясака одной угрозой карательной экспедицией.

Но безразлично, мирными или военными средствами было достигнуто подчинение «иноземцев», — условия этого подчинения устанавливались особым договором с их князьями и лучшими улусными людьми, скрепляе-

⁷⁵ Стб. 446, лл. 287, 291, 250; стб. 380, лл. 155—156; Архив АН СССР, 21.4.18 В 1657 или 1658 г. атаман Милослав Кольцов ходил на «неясачных шоломотов, кирбитов и шарайтов» и взял с них ясак; предложением карательной экспедиции послужил набег, который они в предыдущем году произвели на ясачных бурят (стб. 1567, лл. 125—126).

мым «шертью», т. е. присягою, сопровождаемой символическими обрядами вроде питья собачьей крови или питья с золота у киргизов⁷⁶.

В 1647 г. «со всей своей землицей» подчинился бурятский князец Оиланко и 6 июля приехал в Красноярск в сопровождении четырех улусных людей и лучшего человека Корчунской земли Коктея. Воевода П. А. Протасьев «для их, братских людей, иноземства» распорядился учинить им встречу «красноярским служилым и всяким людям и татарам на конях в сбруе и с оружием, и велел учинить стрельбу из мелкого оружия и из пушек, для... того, что он, братский князец Оиланко, многим иноземцам, киргизским и тубинским татарам, и... государевым ясачным людем был до сех мест страшен, и они, многие иноземцы, из Киргизской земли съезжались его, братского князца Оиланка, смотреть». 10 июля имел место официальный прием князца воеводою в съезжей избе. Оиланко и Коктей «ударил челом государю» 26 соболями, которые воевода приказал у них принять. Затем воевода через толмача обратился к новому царскому подданному с речью и «рассказал [ему], твое величество, что многие окрестные государства и кочевные орды тебе, великому государю... покорны, и земля Сибирского царства, и колмаки, и мунгалы издавна под державою вашего царского величества, а которые люди дальние, и, не ведая твоего царского величества, были тебе, великому государю, непокорны, и на тех непослушных людей велел ты, великий государь... посылать своих государевых воинских людей с огненным боем» и т. д. В заключение длинной речи воевода обнадеживал бурятского князца, что «после его, Оиланкова, разорения» царь «положил на свое царское милостивое рассмотрение» и не велел казнить попавшихся в плен родичей Оилана (его жену, детей и внучат), ожидая его «покорства»; теперь, когда Оиланко «добил челом», государь пожалует его и примет его со всеми его улусными людьми под свою «высокую руку» и чтобы они «были надежны на его милость». В ответ на воеводскую речь Оиланко говорил, «что де он преж сего слухом слышал про тебя, великого государя, а достаточно де про твоего государское величество не ведал, был в своей земле владетелен и никому дани не даывал, а на твои де государевы ясачные волости прихаживал войною... и в том де пред тобою, великим государем..., виноват, а ныне де он рад под твоею царскою высокою рукою быть в вечном холопстве», и бил челом об освобождении полона, в частности своей семьи. Воевода потребовал, чтоб Оилан учинил с ним «договор о аманатах и о... государеве ясаку», чтобы он сообщил точные сведения о количестве своих улусных людей и шертовал вместе с своими спутниками и с сыном, находившимся в плену. «На шертованье» они объявили количество людей, с которых теперь полагалось взыскивать ясак, и Оилан бил челом о постройке острожка на Уде «для обереганья их, братских людей, от иных немирных земель от войны и для... государева ясачного сбору». 26 июля братские люди были отпущены, после того как договорились об аманатах, кому из них остаться в закладе в городе. С ними отпущен был для постройки острога, переписки ясачных людей и сбора ясака атаман Елисей Тюменцов. Оилан и Коктей получили в подарок небольшие отрезы сукна⁷⁷.

«Договор», закрепленный шертью, не всегда был достаточно прочной гарантией покорности и уплаты ясака. В 1625 г., например, киргизские князцы на упреки Петра Сабанского в том, что они не исполняли данной ими шерти, простодушно отвечали, что томские воеводы приводили их представителя по остяцкому, а не по их киргизскому обряду, и «князцам и:

⁷⁶ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства. СПб., 1787, стр. 441—443.

⁷⁷ Сиб. прик., стб. 292, лл. 33—42.

их улусным людям та шерть стала нелюба, что приводили их по остяцки, а не по их вере»⁷⁸. Когда в 1657 г. красноярский пятидесятник Родион Кольцов, согласно полученной им от воеводы Михаила Скрыбина «наказной памяти», упрекнул Лауцзана в несоблюдении им и его отцом шерти и напомнил, что за отца его, Эрдени, шертовал в Томске его двоюродный брат Дурал-Табун и что в Монгольской земле вторично шертовали сам Эрдени, его «учитель» лаба Даин-Мерген-Ланза и тот же Дурал-Табун, то Лауцзан спокойно отвечал, что де «о том государев воевода послос посылает, да и в наказах пишет, что де отец мой шертовал, и в Томском городе шертовал Дурал-Табун, Даин-лаба; отец де мой хотя и шертовал, он де стар, а лаба шертовал — тот умер, Дурал-Табун шертовал в Томском городе, тот де умер же, а я не шертовал»⁷⁹.

При кочевом образе жизни туземцев шерть меньше всего обеспечивала от самого простого способа уклоняться от ясака — от бегства, откочевки в «дальние волости». Это явление постоянно имело место в жизни Красноярского уезда. Чтобы удержать ясачных людей под властью и контролем русской администрации, необходимы были более реальные средства понуждения. Поэтому прибегали к «аманатам», т. е. заложникам. И тут русские только применяли практику, задолго до них изобретенную монгольскими и тюрскими завоевателями. Как сказано выше, алтын-ханы забирали, например, у киргизов в аманаты жен и детей.

Порядок отбывания аманатской повинности в дальнейшем устанавливался по соглашению с ясачными людьми. Когда братский князец Оилан «принес свои вины», то воевода П. А. Протасьев с ним «учинил договор», «кому из братских людей сидеть в Красноярском остроге в закладе», и дал князю Оилану и сыну его Изеню «на волю, кто из них в Красноярском остроге похочет в закладе остаться»⁸⁰.

Однако при обмене аманата на его родичей русская администрация по различным соображениям не всегда соглашалась на смену. После Оилана сидел его сын Изень; в 1650 г. Оилан взамен его прислал его сына Конгора, своего внука. Воевода А. А. Бунаков принял нового аманата, но Изеня не решился отпустить из аманатов без государева указа. Из Москвы предписали Конгора «впредь переменить добрыми ж аманаты», но Изеня тоже держать «для укрепления..., покамест они гораздо укрепятся»⁸¹. В 1665 г. воевода А. И. Сумароков вовсе не принял тубинского аманата, «что он худого роду»⁸². Чтобы «заклад» имел действительную силу, необходимо было, чтобы аманат принадлежал к знатной, уважаемой семье и имел родичей, влиятельных в его племени.

Киргизы довольно легко шертовали и обещали дать аманатов, но всегда старались дать аманата плохого, т. е. не из влиятельной семьи, а русские со своей стороны домогались «добрых аманатов», чтобы князец Ереняк «дал своего сына, или брата, или племянника»⁸³. Когда в 1684 г. от киргизов были присланы в Томск новые аманаты на замену сыну Ереняка Чагуну с товарищи, то князь А. Кольцов-Мосальский запросил служилых людей: «те аманаты прежних аманатов, Еренякова сына Чагуна с товарищи, стоят ли?» Служилые люди единодушно отвечали, что новых аманатов нельзя отнести к «лучшим» в их племени людям: «И в Киргизской земле лучших людей [они] знают, лучшие де люди князя Еренячка

⁷⁸ Сиб. прик., стб. 886, л. 117.

⁷⁹ Стб. 513, лл. 39—42.

⁸⁰ Стб. 292, л. 42.

⁸¹ Стб. 446, лл. 287—288.

⁸² Стб. 380, л. 65.

⁸³ Сб. кн. Хилкова. СПб., 1879, № 100, стр. 319.

Ишеева, братья его родные Ейзан Ишеев, Айкан Ерушку Ишеев, де Еренячков двоюродный брат Мунза Келчикенев, Еренячков зять Алтын Кашка, и у тех де всех дети есть и в аманатах им верить можно», а из новых аманатов «верить некому». На основании этих сведений воевода потребовал от киргизов «доброе аманата».

Аманаты содержались за караулом на «аманатском дворе», заменявшем им тюрьму. Это была простая изба, крытая кровлей из дранины, постройка которой обошлась в 1635 г. в 20 руб.; при аманатском дворе находилась особая караульная изба, постройка которой обошлась в 4 рубля⁸⁴.

Не всегда, однако, было легко держать за четырьмя стенами тюрьмы этих детей вольной степи. В 1648 г. братского князца Оилана, оставленного в Красноярске в качестве аманата, пришлось поместить на казачьем дворе, определив к нему в качестве приставов двух служилых людей и четырех караульщиков, и давать ему «кормец»; посадить его в аманатский двор воевода не решился, потому, что «он, князец Оилан, человек дикой и незнающий, чтоб сидечи в аманатском дворе над собой которого дурна не учинил»⁸⁵.

Приходилось делать некоторые послабления и другим аманатам, которые, сидя в тюрьме, могли захворать цынгой и умереть. Воевода Федор Мякинин аринских аманатов Ойданка Татушева и Омочая с их женами выпускал с аманатского двора «в день за острог в юрты без караульщиков», требуя от них только, чтобы они возвращались к ночи⁸⁶.

Аманатам полагалось казенное содержание. Однако выдавалось оно далеко не в достаточном количестве: «государево де жалованье им дают, хлебные запасы, понемногу», как показывали красноярские служилые люди в Сибирском приказе в 1635 г., «потому что в Красноярском остроге хлебных запасов в житницах нет, и те де аманаты кормятся, ходя по ним же, служилых людей» (милостынею). При Петре Протасьеве аманатам выдавалось лишь по одной осьмине хлеба на месяц, «и оттого де ...им была скудость большая, им де тем кормом сытым быть нечем». Преемник П. А. Протасьева М. Ф. Дурново принял меры к упорядочению дела. Он распорядился выдавать двум человекам по 4 фунта мяса, братскому аманату Изеню и его дочери — 9 фунтов, тубинским двум аманатам — по 3 фунта, да по басманнику хлеба на день человеку, по 1 1/2 фунта муки на кашу, по ковшу вина на день и по ведру браги. В 1648 г. били челом о корме и питье своим аманатам «против братских и тубинских аманатов» и остальные ясачные люди — качинские, аринские, ястынские и канские⁸⁷.

С воеводства М. Ф. Дурново дело продовольствования аманатов было, по-видимому, несколько улучшено: им выдавался «поденный хлеб, и мясо, и рыба, и брага ежеден», хотя по временам, когда в кассе не бывало денег, «аманатским людям живет нужда большая»⁸⁸. В 1686/87 г. качинским, аринским, канским, тубинским и байготовским аманатам вышло месячного корму на 17 р. 88 к., по 1 1/2 рубля человеку (в год). В 1692/93 г. они же, 7 чел., все получали 1 1/2 рубля в месяц. Удинским аманатам давали корму в 1686/87 г. по 1 коп. в день; камасинским аманатам давали по различному расчету — по 1 деньге (полкопейки) или по целой копейке на день и т. д.⁸⁹. Кроме того, на содержание аманатов выдавалась мука, из

⁸⁴ Сиб. прик., кн. 70, лл. 375, 377 об., 382. До того закладчики помещались в избе, купленной за 6 руб. (там же, л. 31 об.).

⁸⁵ Стб. 292, л. 43.

⁸⁶ Стб. 90, лл. 236—237; стб. 886, л. 188.

⁸⁷ Стб. 377, л. 33.

⁸⁸ Стб. 49, лл. 182—183; стб. 377, л. 33; стб. 446, л. 465.

⁸⁹ Сиб. прик., кн. 902, лл. 176 об., 180; кн. 1057, л. 23 и сл.

которой варили кашу и брату. Для варки каши полагался казенный котел. Так, в 1637 г. куплено за 3 рубля «для ясачных людей и аманатов 2 котлика красные меди, в чем кашу варить»⁹⁰. В состав продовольствия входило и мясо — конина. Так, в ноябре 1692 г. «куплена лошадь ясачным людям на корм», заплачено 1 р. 10 к. Впрочем, в целях дешевизны, аманатов нередко кормили падалью: 20 июня 1637 г., например, «куплена лошадь мертва у служилого человека Девятки, дано рубль, а та лошадь отдана на корм вместо хлебного запаса аманатом»⁹¹.

При отпуске на родину аманатам из отдаленных земель выдавали на дорогу небольшие суммы денег на корм; так, удинским аманатам в 1686/87 г. выдано на дорогу 4 гривны⁹².

Удинские аманаты, сверх содержания, получали казенную одежду. В 1686/87 г. двум удинским аманатам куплены сеточные полотенца, две пары чарок, на рубахи и штаны холсту, сукна сермяжного, чулки, всего на 1 р. 25 к., да за шитье рубах, двух пар штанов и двух сеток (от комаров) дано 3 алтына⁹³. Удинскому аманату Обозотинку дана было «на рубашку да на штаны, да на чарки, да на сетку» полтина; канскому аманату «на одежду, на чулки» дана гривна, «что куплено сукна, да от шитья рубашки 5 коп.»⁹⁴.

Аманаты, однако, далеко не всегда гарантировали не только уплату ясака, но даже безопасность острога и мир. «Да хотя де и закладники будут, а кто захочет воровать и закладники не уймут», — говорили киргизы Петру Сабанскому. В другом случае они заявляли: «мы де и с казаками биться рады, а что де... их заклады в Томском городе, и тем де закладом в Киргизской земле самим умереть» (т. е. и в Киргизской земле смерти не миновать). Наличие аманатов не мешало, действительно, киргизам «воровать»⁹⁵, поэтому в 1679 г., во время нападения киргизов и тубинцев на Красный Яр, красноярские служилые люди жестоко расправились с тубинскими аманатами, мотивируя их избиение тем, что «дети их и братья сидят в аманатех, а отцы их и братья и дядья с товарищи Красноярской воюют для того, что хотели взять в полон нас, красноярских лучших людей, и выменять на наших своих аманатов»⁹⁶.

Очевидно, одним принуждением, «жесточестью», добиться ясака было невозможно. Надо было действовать «ласкою», как и рекомендовали красноярским воеводам московские указы. Эта ласка выражалась в «жалованье», т. е. в подарках лучшим людям, и в угощениях, которыми покупалась их покорность. Даже аманата часто можно было получить только «ласкою».

В 1648 г., в связи со слухами о том, что по царскому указу «велено качинцев и аринцев сечь и вешать», качинцы и аринцы «после было того смутились». Воевода Михаил Дурново «призывал их многожды, и ласку и привет к ним держал и... у себя... кормил и поил довольно, и их присвоил и прибавил их лучших людей в съезжую избу, и взял аманатов у них, качинцев, лучших людей, двух человек, и сидят они по переменам по 10 ден». «А до приезда меня, холопа твоего, — хвалился предусмотрительный воевода, — с качинцев аманатов не было»⁹⁷.

⁹⁰ Кн. 70, л. 384 об.

⁹¹ Кн. 1057, л. 23 об.; кн. 70, л. 388.

⁹² Кн. 902, лл. 177 об., 179, 180.

⁹³ Там же, л. 180—180 об.

⁹⁴ Кн. 1057, л. 27 об.

⁹⁵ Стб. 886, л. 50; стб. 252, л. 174; стб. 380, л. 103.

⁹⁶ Кн. 715—716, лл. 37—39.

⁹⁷ Стб. 377, л. 100.

Была выработана последовательная система задаривания мелких князьков для облегчения сбора с их соплеменников ясака. 18 февраля 1636 г. дано, например, 1½ аршина сукна «летчины» новоприисканной землицу лучшему человеку Алтуму, который собрал «с своих улусных ясачных людей государев ясак»; в марте послано в Канскую землицу с служилыми людьми «для приводу под государьскую высокую руку новых землиц» — 5 аршин сукна, «и того сукна дано в Кану канскому князю Именеку 3 арш. за то, что он водил служилых людей в Пелегунскую землицу, и ту Пелегунскую землицу под государьскую высокую руку привели вновь..., да того ж сукна дано камасинским лучшим ясачным людям 2 арш., для того, что они прибежали на свою землю..., и ясак с себя и с улусных людей дали». В марте 1637 г. подарен «азям летчинный червчатый» (стоимостью в 3 рубля) канскому князю Тымаку за то, что он со своим улусом прибежал из Тубы в Кан и дал ясак; в том же году дан азиям летчинный красный канскому ясачному татарину Курчеку за службу — «послан в Тубу и подговорил из Тубы канских ясачных лучших людей под государьскую царскую высокую руку, привел в Кан по-прежнему». В 1633 г. подарено два вершка шапочных «кашинцам лучшим мужикам» за их службы и т. д.⁹⁸

Кроме подарков «лучшим людям», обязательно бывало кормление ясачных людей: в 1636 г. «смолота осьмина ярицы канским татаром ясачным», им же «на корм» куплено говяжьего жиру да мяса козлиного на полтину. 3 «безмена» сала говяжьего на 20 алтын. В ноябре 1692 г. куплено сала на полтину и послано в Камасинскую ясачным людям «на корм»; в июне 1693 г. куплено на 40 коп. сала, «а то сало послано в Удинский острог ясачным людям на корм, как ясак платят»; кроме того, на корм ясачным иноземцам израсходовано было сколько-то ржаной муки на «брагу» и овсяной муки им же, «как платят ясак».

Размеры ясака, как сказано, устанавливались всякий раз по соглашению, «договору» с туземцами. Такие могущественные и опасные плательщики ясака, как киргизы, могли, как мы видели, настоять на той цифре ясака, которая была им удобна; но чаще «договор» был в сущности фикцией, так как ясачные люди должны были подчиниться требованиям победителей. Однако он был необходим, так как иначе ясачные люди могли всегда уклониться от уплаты «окладного», т. е. положенного количества соболей.

Оклад устанавливался соболиными шкурками. За невозможностью достать соболей, с ясачных людей брали равноценное количество других мехов из расчета их стоимости. Как общее правило, одна лисица шла за двух соболей; одна куница — за одного соболя, одна выдра — тоже; бобра, в зависимости от его возраста, цвета, величины, расценивали в конце столетия как одного или двух соболей; кошлок (молодой бобер), в частности, принимался за одного соболя; в первой половине столетия бобры «добрые» ценились много выше. Песец шел за одного соболя, рысь — то за одного соболя, то за двух, росомаха — за двух соболей, волк — тоже. Из этих мехов выдра считалась непригодной для посылки в Москву; обыкновенно шкурки выдры продавались в Красноярске, и деньги шли на красноярские расходы или променивались на скотину для корма аманатом⁹⁹.

Замена собольих шкурок другими открывала широкую возможность для злоупотреблений, так как нигде не было точно установлено, какое количество и каких мехов равноценно одному соболю. Ясачный человек

⁹⁸ Сиб. прик., кн. 70, лл. 372, 372 об., 374, 374 об., 378 об., 384, 389 об., 390 и др.

⁹⁹ Кн. 384, л. 87 об.

твердо знал, сколько соболей он должен внести в казну, но сколько бобров или лисиц полагается с него вместо одного соболя, он не знал и целиком попадал в руки сборщиков ясака и воевод. «В прошлых годех,— жаловались в 1686 г. подгородные татары на воеводу Г. И. Шишкова,— по щертовальной отцов и дедов их, платили они ясак великому государю добрую лисицу (чернобурую или бурую) за 5 и за 6 соболей, а красную де добрую лисицу за 2 соболя, и он де Григорий Шишков с своего приезде такие лисицы потому ж брал, а в нынешнем де во 194 году... велел приносить в ясак лисиц и те де лисицы откидывал и охуливал, и в ясак не принимал, а как де, по его запросу, принесли ему посулу по 5 алт. с человека, а иные по 6 алт. по 4 д., и он де, Григорий, охульные лисицы в казну вел. государей принять [велел], всякую лисицу за соболя». В 1697 г. С. И. Дурново, «изгоняя» ясачных людей, «которые прежние воеводы бирали в ясак соболи, и он те соболи отмахивал прочь, а лисицы красные и бобры в ясак приносить не смели, потому что в прошлом... году брали лисицы красные за 1 соболя, а бобры добрые за 3 и за 2 соболя, а преж сего брали лисицу красную за 2 соболя, а бобры за 5 и за 4 соболя»¹⁰⁰.

Ясачный оклад в различных сибирских городах устанавливался различно. В западных уездах, более прочно освоенных московским царизмом, он определялся в денежных единицах, т. е. каждый ясачный человек должен был вносить мягкой рухляди на определенную сумму денег; там, где население было еще плохо замирено (на востоке и на юге), ограничивались установлением количества шкурок, которое должен был поставлять каждый плательщик. В пограничном Красноярском уезде, с его воинственным и склонным к перекочевкам населением, приходилось ограничиваться обложением ясачных людей определенным количеством соболей. Оклад по землицам был различный: для Аринской и Качинской землиц он был в 5 соболей, для Канской — в 6; с Тубинской землицы «ясаку договорено... платить по 4 соболя с человека»; наконец, с воинственных и плохо замиранных братских людей брали, по-видимому, сколько с кого приведется.— от 1 до 6 соболей.

Подростки («недоросли») постепенно включались в полный ясак. Первоначально они платили меньшее количество шкурок. «А с иных, государь, и с молодых почат ясак брать недорослей лет по 12 и по 10, и те, государь, ясаку промышлять по многу не смогут»,— докладывал царю Михаил Дурново¹⁰¹. Поэтому недоросли хотя и клались в полный оклад по 5 соболей, но с них собиралось фактически по 2—3 соболя¹⁰². Обычно начинали собирать с одного соболя и ежегодно надбавляли до полного оклада, который, по наказам, следовало требовать только с взрослых, 18-летних мужчин. Точно так же и с вновь приискных, обычно, «чтоб их не оскорбить», первое время требовали небольшой ясак, по 1 соболю, пока они не «укрепятся» и с них можно будет взыскивать ясак целиком, без опасения вызвать тем возмущение или бегство. Так, в 1664 г. Г. П. Никитин взял с подкочевавших под Красноярск «вновь» по соболю с человека, «а впредь им прибавлять по соболю ж на год, а как... будет 5 лет, и им де платить против подгородных ясачных татар, по 5 соболей с человека»¹⁰³.

Кроме ясака, ясачные люди иногда платили «поминки» (добровольные приношения). В большинстве сибирских уездов приношения эти

¹⁰⁰ Стб. 1052, л. 384; стб. 980; стб. 366, л. 111.

¹⁰¹ Стб. 377, л. 141.

¹⁰² Кн. 127, л. 307 об.

¹⁰³ Стб. 380, л. 71; стб. 513.

были обязательны и вносились в ясачную «помету»¹⁰⁴ как «окладный» сбор. Но в Красноярском уезде мы не находим окладных поминков, вероятно по тем же причинам, почему так трудно было здесь установить «крепкий» оклад вообще. При необязательности поминков они часто бывали предметом злоупотреблений и спекуляций ясачных сборщиков, которые могли их безнаказанно скрывать. В 1690 г. выяснилось, что сын боярский Степан Айканов собрал в Камасинской земле 11 поминочных соболей, но в государеву казну их не объявил; оказалось, что он их роздал ясачным же людям в долг для уплаты ясака, но не записал их в книги, рассчитывая, очевидно, поживиться на этой комбинации¹⁰⁵. Как общее правило, администрация стремилась со всех ясачных людей получать по 5 соболей ясака и по 1 соболю поминочному. В 1649 г. воевода Михаил Дурново хвалился, что ему удалось убедить тубинцев платить полный ясак. «И тубинских князцов киштымы в прошлых годах давали по соболю и по 2 на большую статью, что по 3, а ныне взято по 6 соболей, а иные давали по соболю, а иные ни по одному не давали, и с тех, государь, взято по 2 соболя, и по соболю, а иные и по 3 соболя дали. Приводить их исподволь в полный ясак, а вдруг, государь, никоими обычи привести невозможно, чтоб полный ясак вдруг взять сполна»¹⁰⁶.

Однако фактически получить весь оклад сполна было невозможно. «А в иных, государь, земляцах,— жаловался воевода Михаил Дурново,— ясачные люди мало послушны, дают по соболю, и по 2 и окладным, государь, ясаком никакими мерами обложить не уметь; иные, государь, ясачные люди с бедноты, а иные воровством перебегают из земли в землю от ясаку, живут ухороняся». Так, братские князцы, после подчинения их русским, сами внушали своим подданным, чтобы они не давали «полного ясаку», а давали только по одному соболю¹⁰⁷.

Киргизы первоначально шертовали на том, чтобы давать ясак по 10 соболей с человека, «против томских ясачных людей», но они «ясак невеликий, и по 2 соболя с человека, не давали»¹⁰⁸.

В Канской земле «спервоначалу, как в той земле ясачные люди учились под... государевую высокою рукою, договорено с теми ясачными людьми, чтоб им платить... ясаку и поминков во всех улусах по 6 соболей с пупки и с хвосты со всякого человека на год». В действительности платили по 2 и по 3 и по 4, и «редкий человек даст на какой год соболей 5 или 6... А иные многие люди... ясаку и ничего не дают, ни по одному соболю, и от ясачных сборщиков бегают и укрываются ежегодно»¹⁰⁹.

Иногда самой администрации приходилось соглашаться на некоторые послабления, в случае, например, болезни ясачного человека: «а иные, государь, ясачные люди бывают больны, промышленную пору пролеживают,— писал тот же Дурново,— а в другой год сказывают, что два ясаками мочи их нет промыслить». Наконец, со старых и увечных приходилось слагать ясак. Приходилось, конечно, считаться и с тем, что иной год был «несоболистый» и достать все число шкурок в ясак было трудно¹¹⁰.

Недополученные по окладу соболи носились механически в недоимку, которую в действительности невозможно было никогда покрыть. Михаил Дурново с досадой писал в Москву, что его предшественник Петр Протасьев, «не разумеючи», писал недоимок «с кого взять нечего, а иных...

¹⁰⁴ «Помета» соответствует нашей смете.

¹⁰⁵ Сиб. прик., стб. 1052, лл. 362—363.

¹⁰⁶ Стб. 377, л. 145.

¹⁰⁷ Стб. 292, л. 42; стб. 377, лл. 139, 141.

¹⁰⁸ Стб. 886, лл. 7, 172.

¹⁰⁹ Стб. 446, л. 283.

¹¹⁰ Стб. 377, л. 143.

ясачных людей и мертвых в доимок писал». Сам Дурново счел нужным произвести дознание, «с кого зачем ясаку донять». Ясачные сборщики доносили ему, что ясачные люди отказываются платить недоимки, «мочи де их нет на прошлые годы ясаку платить больше того сполна»¹¹¹.

Цифры ясачных недоимок по Красноярску в достаточной мере подтверждают факт их полной безнадежности. Против ясачного сбора 1631/32 г. недоимка в 1632/33 г. выражалась в денежной оценке в 132 р. 25 к.; в 1633/34 г.— 168 р. 5 к.; в 1634/35 г.— 873 р. 9 к.; в 1635/36 г.— 874 руб. (5 сороков 1 соболю). В два последние года ясачные люди в трех волостях изменили, отказались платить ясак, многие бежали в киргизы (1635/36 г.— 60 чел.). Недоимка 1636/37 г. выразилась против 1631/32 г. в грандиозной сумме — 1387 р. 5 к.; в 1638/39 г. недоимка уменьшается, но все-таки очень высока — 279 р. 80 к. (4 сорока 34 соболя); в 1639/40 г.— 644 р. 10 к.; в 1640/41 г.— 505 р. 30 к.; в 1641/42 г.— 303 р. $\frac{1}{4}$ к.; в 1642/43 г.— 13 р. 90 к. и т. д. В 1633/34 г. в одной Камасинской земле недобор выразился в 7 сороков 12 соболей, причем недоимщиков оказалось 111 чел. из 162. В 1699/700 г. из 165 сороков 15 соболей, подлежавших поступлению в ясачный сбор, взято было только 72 сорока 25 соболей и не добрано 92 сорока 30 соболей; в 1701 г. из 167 сороков 12 соболей — 63 сороков 9 соболей. и не донято 104 сороков 3 соболя¹¹².

При подвижности населения, при невозможности взыскивать с него полный оклад самые итоги ясака очень колеблются, как показывает таблица (см. стр. 54)¹¹³.

Каковы бы ни были колебания в размерах красноярского ясака, он был в общем итоге очень значителен. С середины XVII в., когда присоединена была Братская земля, ежегодно в государеву казну поступало в среднем около 140 сороков соболей, часто много больше, стоимостью нередко в несколько тысяч рублей. При этом московская цена была значительно выше местной красноярской (например, «приценка» к красноярской стоимости ясака 1644/45 г.— 1529 р. 35 к. выразилась в сумме 400 р. 45 к. т. е. более чем в 26%)¹¹⁴. Надо иметь в виду, что общая стоимость мягкой рухляди, поступавшей из Сибири в казну, равнялась сумме в 100—150 тыс. руб. по тогдашней цене¹¹⁵.

В заключение следует остановиться на технике сбора ясака.

Оклад был поголовный. Поэтому для сбора ясака необходимо было точно знать количество плательщиков и вести каждому из них; если можно так выразиться, личный счет. Одним из первых дел после покорения той или иной земли и являлась поименная перепись ее населения. На основании таких «имянных книг» по отдельным волостям высчитывалось общее количество плательщиков — «ясачных людей». Было бы большой ошибкой думать, что цифры ясачных людей, которые мы находим в ясачных книгах Красноярского уезда, в какой-либо мере соответствуют действительной численности платежеспособного населения его. С одной стороны, при всякой переписи часть взрослого населения оставалась невнесенной в ясачные книги (например, так называемые «захребетники», не имевшие самостоятельных хозяйств), с другой — в промежутки между переписями происходили известные изменения в численном составе насе-

¹¹¹ Стб. 377, лл. 141—142.

¹¹² Сиб. прик., кн. 202, л. 378 и сл.; кн. 496, л. 322 и сл.; кн. 1057, л. 141; кн. 1214.

¹¹³ Для составления настоящей таблицы послужили книги 127, 202, 496, 566, 590, 717, 811, 902, 1057, 1354 (л. 328), стб. 12, лл. 443—444; стб. 1417, л. 43. Они не исчерпывают всего имеющегося в б. архиве Сиб. приказа материала.

¹¹⁴ Кн. 202.

¹¹⁵ Надо иметь в виду, что в XVII в. рубль расценивается примерно от 15 до 17 руб. на дореволюционные деньги конца XIX в.

Годы	Разными шкурками	Расчет на соболей	Цена
137 (1628/29)	—	8 сор. 38 соб.	168 р. 58 1/2 к.
138 (1630/31)			
147 (1638/39)	32 сор. 16 соб., 10 бобр.	33 » 6 »	946 « 70 »
152 (1643/44)	47 сор. 4 соб., 65 бобр.	52 » 5 »	1529 « 35 »
153 (1644/45)	46 сор. 32 соб., 66 бобр.	51 » 31 »	1529 « 35 »
156 (1647/48)	—	98 » 35 »	
157 (1648/49)	—	85 » 28 »	
165 (1656/57)	—	93 » 9 »	
166 (1657/58)	113 сор. 14 соб., 12 куниц, 38 бобр., 94 лис., 1 хребет лисий, 2 выдры.	120 » 29 »	4549 » 70 »
173 (1664/65)	120 сор. 38 соб., 243 лис., 1 хребет лисий, 21 бобра, 1 черевес бобр., 13 кун. 1 рысь.	134 » 10 »	2202 » 60 »
177 (1668/69)	93 сор. 16 соб., 6 кун., 279 лис., 43 бобра	112 » 12 »	1965 » 10 »
179 (1670/71)	98 сор., 3 соб., 108 лис., 105 бобров.	105 » 24 »	1895 » 24 »
181 (1672/73)	91 сор. 32 соб., 9 кун., 116 лис., 63 бобра, 23 волка, 1 рысь.	103 » —	1922 » 50 »
187 (1678/79)	115 сор. 7 соб., 4 кун., 122 лис., 20 бобр.	121 » 30 »	2049 » 50 »
188 (1679/80) ¹¹⁶	78 сор. 12 соб., 8 кун., 102 лис., с бобр.	83 » 12 »	987 » 60 »
193 (1684/85)	87 сор. 37 соб., 4 кун., 496 лис., 33 бобра.	112 » 35 »	2379 » 40 »
196 (1687/88)	94 сор., 22 соб., 2 кун., 201 лис., 58 бобр.	106 » 34 »	2307 » 05 »
201 (1692/93)		96 » 33 »	
202 (1693/94)	67 сор. 21 соб., 211 лис., 1 хребет лисий, 94 бобра, 28 черевесей, 11 росамах, 3 кун., 2 выдры.	79 » 36 »	2089 » 70 »
203 (1694/95)		88 » 11 »	
206 (1697/98)	76 сор. соб., 398 лисиц, 49 росамах, 94 бобра, 9 выдр, 53 черевесей.		6481 » 50 »
207 (1698/99)	54 сор. 4 соб., 383 лис., 34 росамах, 82 бобра, 70 черевесей.	54 » 4 »	5002 » 50 »
1700		72 » 25 »	
1701		63 » 9 »	114

ления волости, которые не сразу или совсем не находили себе отражения в ясачных книгах: старики умирали, но продолжали считаться недоимщиками, недоросли подрастали и мужали, и хотя ясачные сборщики действительно разыскивали способных ходить на охоту подростков, они ухитря-

¹¹⁶ Год пожара, уничтожившего кладовую с ясачною рухлядью.

лись по несколько лет уклоняться от ясака. Но отмеченные дефекты были второстепенными. Основное затруднение заключалось в непрерывных перекочевках, постоянно изменявших состав и численность ясачных волостей. Соседство независимых и могущественных кочевых государств, киргизских и монгольских, позволяло ясачным людям довольно легко уходить, временно или навсегда, из-под русской власти. Туземцы то и дело покидают свои кочевья, бегут «в киргизы» и в Тубу, откуда возвращаются через год или два, чтобы снова при первом удобном случае ускользнуть опять туда же. Так, в 1635 г. ушло в немирные земли 60 чел.— цифра очень большая по сравнению с общим размером ясачного населения уезда в 30-х годах. В последующие годы беглецы возвращались поодиночке. Уже в декабре 1635 г. качинскому татарину Улухаю дано 4 аршина лазоревой летчины (сукно), «для того [что] посылан призывать из киргиз аринских татар в Красноярской острог»; в феврале 1636 г. дано государево жалованье сыну канского князца Темсенека Ильчихану за то, «что прибежал из Тубы на свою землю и ясак дал»; в марте другой канский князец, Тымак, «с своим улусом, с ясачными людьми прибежал из Тубы в Кан» и т. д.¹¹⁷. В 1678/79 г. с подгородных, с ближних земель Качинской, Аринской, Ястынской и Бохтинской ясаку «не взято ничего, потому что тех земель и волостей ясачных людей в прошлом в 187 (1678/79) г. в приход воинских людей взято в полон с женами и детьми; и в нынешнем во 188 (1679/80) г. те ясачные люди выходят из полону по человеку и по два, разорены, и с них ясаку взять нечего»¹¹⁸. В 1700 г. сразу бежали к монголам все три кайсотских улуса, насчитывавших 52 чел., и т. д.

Самое составление переписи было делом нелегким. Нередко совсем не удавалось составить именной список ясачных. «А имян тем ясачным людям (в Кашинской земле.— С. Б.) в ясачных книгах не написано,— отмечено в книге 1638/39 г.,— потому что те ясачные люди от Красноярского острога живут в дальних местах, а служилые люди, которые в ту волость для ясачного сбора ходили, грамоте не умеют, писать было имен некому»¹¹⁹. Всем этим объясняются резкие скачки в официальных цифрах ясачных книг. В 1656/57 г. считается, например, в уезде 799 ясачных людей, в следующем году — уже 1061 чел., в 1664/65—1360, а в 1670/71 г.— 872 чел. и т. д.¹²⁰. Никакого статистического значения подобные цифры не имеют. Они показывают не фактическую численность населения, а ту часть его, которая на данный год заплатила ясак, и свидетельствуют не столько о приросте или уменьшении числа туземцев, сколько о политических затруднениях данного момента или, в лучшем случае, о ловкости или неумелости ясачного сборщика.

Составленные книги служили руководством при сборе ясака служилыми людьми и при приеме ясачной рукляди воеводою. Из близлежащих волостей туземцы сами доставляли ясак в город.

«Ясачный принос» имел место в декабре, около Николина дня или рождества¹²¹.

Обычай требовал, чтобы плательщикам ясака, принесшим его в город, устраивалось на казенный счет угощение. 26 декабря 1635 г. поэтому куплено было 4 безмена говядины, 2 безмена сала говяжьего да рыбы

¹¹⁷ Сиб. прик., кн. 1057, л. 574.

¹¹⁸ Кн. 1214, л. 73в.

¹¹⁹ Кн. 127, л. 318.

¹²⁰ Кн. 70, 370, 372, 384. В 1656/57 г. числилось 799 чел., в 1657/58 г.— 1061, в 1664/65 г.— 1360, в 1668/69 г.— 910, в 1670/71 г.— 872, в 1678/79 г.— 959, в 1679/80 г.— 615, в 1687/88 г.— 843, в 1693/94 г.— 1113, в 1699/700 г.— 1136, в 1701 г.— 1227.

¹²¹ Это видно из расходов на угощение в книге 70 за 1635/36 г., а также из стб. 366.

на 1 р. 7 к., «а кормили тем ясачных аринских татар, как приходили с государевым ясаком»; «смолото 2 чети с осминою ярицы на хлеба и на брагу» (от молотья дано 40 коп.), «а кормили тем хлебом и брагою поили тех же аринских татар»; 20 декабря 1636 г. «приходили с государевым ясаком аринские, качинские и ястынские татарове, куплено им на корм рыбы пуд, да жиру безмен, да мяса безмен» на 2 р. 10 к.; тогда же приобретено 4 безмена хмелю на 10 алтын, «а тот хмель изошел ясачным людям на брагу»¹²². В 1688/89 г. куплено было на 8 коп. мяса ясачным людям, «как они пришли в Красноярской с ясаком», и лошадь «ясачным людям на корм, как ясак великому государю платили» (заплачено 2 р. 33 к.)¹²³.

Ясачные люди смотрели на казенное угощение как на свое право. Когда в 1697 г. воевода С. И. Дурново, осажденный взбунтовавшимся гарнизоном в малом остроге, не смог выполнить этой обязанности, то это упущение послужило одним из пунктов обвинения против него. «И как мы сироты твои,— жаловались качинские ясачные люди,— кто сколько ясаку промыслил на Николии день нынешнего 206 (1697) года, и тебе великому государю заплатили, и он, Семен Дурново, нас, сирот твоих, твоею государскою милостью не обнадежил, не дал нам питья и хлеба, только дал нам теленка годового и велел [нас] выбить с дубьем... и из малого и из большого города на Енисей реку»¹²⁴.

В более отдаленные ясачные волости для сбора ясака посылались ежегодно служилые люди. В Удинский и Канский остроги отправлялись целые экспедиции (в 30 и 15 чел.) под начальством «приказного человека» из детей боярских, который от себя рассылал по окрестным землицам ясачных сборщиков. Назначались ясачные сборщики с большой осторожностью, «за крестным целованьем и по сказке градских людей», которые должны были ручаться, что они «добрые люди»¹²⁵. Эти предосторожности были отнюдь не лишними, но редко достигали цели. Ясачный сборщик был настоящий «ясачных волостей разоритель», как выражается одна отписка. С собою он вез вино и товары, спаивал и «оторговывал» ясачных людей, ни перед чем не останавливаясь, чтобы выманить или вымучить из них в свою пользу пушнину. При Семене Дурново посланные в Саянскую землицу служилые люди вывезли 60 соболей, оцененных в 130 руб., а весь ясак, ими собранный, оценивался всего в 17 руб.¹²⁶. За это они были биты кнутом в Енисейске и понижены по службе. Однако единичные меры строгости не могли помочь делу. Грабежи ясачных сборщиков были общепризнанным и почти узаконенным фактом, являясь как бы вспомогательным заработком, без которого им было трудно существовать при скудости казенного жалованья. Поэтому служилые люди домогались назначения в доходные ясачные волости, не останавливаясь перед расходами уплатою воеводам грандиозного «окупа». Сами воеводы нередко бывали участниками в прибылях ясачных сборщиков, посылая с ними свои товары для обмена на пушнину. Сын боярский Степан Иванов, возвращаясь из Удинского острога, вез наряду со своей и воеводскую пушнину.

Ясак не был единственной повинностью ясачных людей. На них лежала чрезвычайно тяжелая обязанность гонять подводы под служилыми людьми. Ясачные люди жаловались беспрестанно, что служилые люди «под-

¹²² Кн. 70, л. 370 об.

¹²³ Кн. 902, лл. 178 об., 182 об.

¹²⁴ Стб. 366, лл. 111—112.

¹²⁵ Там же, л. 246.

¹²⁶ Там же.

воды де под ними гоняют, и многие де лошади у них на дороге пропадают», особенно при поездке в отдаленные Канский и Удинский острожки.

При Герасиме Никитине ясачные люди били челом, что им чинится от приказных людей в подводах разорение великое: «не доходя до Удинского острогу за многое время становятся и приходят к ясачным людям в улусы и емлют у них под свои подводы небольшие с ближних людей, которые близко острогу, а с достальных людей с дальних волостей они ж... собирают против ясачных книг за 1 подводу по 2 соболя со всех без выбору». Никитин выдал им память, согласно которой они должны были давать подводы только под государевы, а не под «собинные» запасы служилых людей.

Эта память вызвала большое раздражение среди последних ¹²⁷.

Значение пушнины в хозяйстве Русского государства заставляло правительство очень дорожить плательщиками ясака и заботиться не только о приобретении новых, но и о сохранении наличных ясачных людей. Отсюда своеобразная политика охраны туземцев от слишком беззастенчивых посягательств русской администрации в Сибири.

Ко всем жалобам ясачных на администрацию правительство относилось особенно внимательно, и это отлично знали русские, которые всякий раз, как хотели скомпрометировать в глазах начальства неугодного им воеводу, в первую очередь выдвигали обвинение в грабеже ясачных и других поступках, грозивших уменьшением ясачного сбора.

Из опасения потерять плательщиков ясака правительство энергично боролось с стремлением служилых людей и самих воевод закабалить туземцев. В 1649 г. в ответ на домогательства красноярских служилых людей о разрешении крестить и продавать бурятских пленников, из Москвы было получено предписание, чтобы пленников «отдавать братским людям на окуп», и лишь в виде исключения, «которые братские полонники похотят собою своею волей креститься», велеть крестить, и мужчин верстать в службу, а женщин выдавать за русских ¹²⁸. Но к ходатайствам самих ясачных людей администрация относилась очень осторожно. К воеводе А. И. Сумарокову приходили в съезжую избу и просили разрешения креститься ясачные и неясачные татары, их жены, вдовы, дети и холопы, а иные татары «отдавали детей своих малых русским людям, чтобы им держать за детей своих место». Но Сумароков писал в Москву, что без государева указа крестить их не смеет, и служилым и всяким людям у них детей их и холопей малых брать и крестить не велел ¹²⁹.

Дело, однако, не ограничивается одними этими мерами.

В 80-х годах правительство было озабочено вымиранием туземцев от частых голоденок, «и оттого де... великих государей казне и мягкой рухляди бывают недоборы многие». Для борьбы с этим злом было предписано послать из Енисейска в Красноярск 200 четей ржаной муки для снабжения голодающего туземного населения. Это была первая мысль о будущих хлебных «магазинах» ¹³⁰.

Наряду с голодновками не менее обоснованные опасения правительства вызывала возможность ухода отдельных ясачных людей из-под русской власти и вообще всяких волнений, которые неизбежно отражались на поступлении ясака.

¹²⁷ Стб. 980, лл. 131, 156; стб. 802, л. 112.

¹²⁸ Стб. 377, лл. 132—134.

¹²⁹ Стб. 380, лл. 61—62.

¹³⁰ Стб. 1067, л. 60.

Насколько осторожно приходилось относиться к ясачным людям и как боялась красноярская администрация возможной среди них «смуты», показывает следующий эпизод.

В 1648 г. служилый человек Андрей Сорокин грозился аринскому татарину Кулаку Безрукому, что получена из Енисейска грамота: «а велено де ему, Кулаку, отсечь голову и за ноги повесить и всем де аринцам и качинцам головы отсечь, государь де прислал саблю на них». Когда это дошло до сведения воеводы Михаила Дурново, он испугался впечатления, какое эти слова могли произвести на туземцев. Призвав всех служилых людей, он послал лучших людей по улусам за аринскими и качинскими князьями; и когда их приехало 30 чел., то поставил перед ними Андрея Сорокина «на обличение», и при всех его, «изменника», обличал. Затем татарам была «сказка», т. е. официальное разъяснение, что «от государя опалы и гнева на вас никакого нет, и впредь не будет», и чтобы они «впредь таких изменников и воров, как Андрей Сорокин..., не слушали и в сумление бы не падали». Андрей Сорокин в тот же день был пытан и по улицам бит кнутом, и сказка ему была: «не изменяй, и от государевой милости татар не отгоняй!». В заключение воевода взял к себе татарских князцов и лучших людей, кормил и поил их довольно, после чего «сошли они все со двора»¹³¹.

Эта своеобразная политика в отношении туземцев была в основе чисто эгоистическая и вызывалась исключительно страхом потерпеть ущерб от ясачных недоборов; тем не менее она в какой-то мере ограждала их и от полного истребления¹³².

Необходимость бережного отношения к плательщикам ясака стимулировалась в Красноярском уезде еще одним очень серьезным обстоятельством.

Здесь в отношении ясака у царизма были сильные соперники и конкуренты — те монгольские кочевники, которые, кочуя по степям, удовлетворяли свою потребность в пушнине для торговли с Китаем и Бухарой посредством «албана», т. е. дани с звероловов пристепных районов тайги.

8 июня 1689 г. прибыли в Красноярск калмыцкие и киргизские посланцы и подали всеводе Игнатию Башковскому письмо, чтобы «подгородные ясачные качинские и иные подгородные ж землицы давали им, калмыкам и киргизам, ясак, и впредь по вся годы давали ж», грозя в противном случае войною. Башковский в ответ отправил посланца «в киргизы» и велел сказать: «и есть ли бы де им, киргизам, идтить под Красноярской войной, и им де ясак будет мушкетные пульки и вострая сабля на шее». Однако, в действительности, в течение всего изучаемого периода русскому царизму пришлось идти на уступки¹³³.

Несмотря на упорное нежелание русских властей делиться с соседями добычей, в результате упорной борьбы создавалось своего рода негласное соглашение, по которому обе заинтересованные стороны брали ясак и албан с одних и тех же туземцев. Русские настаивали только на одном — на праве собирать ясак в первую очередь, и зверем лучшего качества, великодушно предоставляя своим соперникам брать, что остается.

Любопытные переговоры вел с красноярским воеводою Игнатием Башковским монгольский кутухта, который просил разрешения по-прежнему брать с удинских бурят дань «голыми» соболями, железом, стрелами и перьем орлиным. Братские люди ходатайствовали о том же, «чтоб им

¹³¹ Стб. 377, лл. 99—110.

¹³² Стб. 1067, л. 60.

¹³³ Стб. 1052, л. 96 и сл.

давать после вашего великих государей соболиного сбора кутухте», на том основании, что они, уплачивая ясак, «с мугальским кутухтою жили в совете и ваш великих государей ясак промышляли без недобору, и разоренья от мугальских людей не бывало». Служилые люди подтвердили основательность соображений ясачных людей. Ввиду всего этого Башковский счел возможным согласиться на требование кутухты¹³⁴.

Сам Галдан требовал, «чтоб тубинских татар пропускать в государевы ясачные земли во все улусы для ясачного сбора, а что великому государю платят ясачные канские и камасинские земли соболи рослые, а ему бы де, кутухте, с тех же ясачных людей иметь соболи голые». С точки зрения русских это было «непристойно»¹³⁵.

Киргизский князец Ереняк и тубинский Талай прямо ставили условие: «Будет станут ясачные люди, которые в Красноярском остроге, вам, великим государям, ясак платить, станут платить и кутухте калмыцкому (Галдану.— С. Б.), и их де киштымы станут и вам, великим государям, ясак платить»¹³⁶.

В 1701 г. Шорло-мергень, ведя переговоры с русскими, соглашался от имени всех киргизов и тубинцев давать с их киштымов ясак государю соболями, с тем чтобы и им «с канских киштымов иметь после государева ясаку летом дань железом и топорами и осинами и орловым перьем, кроме соболей, добровольно, а не сильно и не грабежом»¹³⁷.

На практике дело часто сводилось к тому, кто успеет раньше урвать добычу. Киргизы наивно рекомендовали присылать к ним служилых людей «по ясак осенним временем, покаместь они к Бошохту-хану не ушлют»¹³⁸.

---

¹³⁴ Стб. 1052, л. 639 и сл.

¹³⁵ Стб. 886, л. 207.

¹³⁶ Стб. 623.

¹³⁷ «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. I, СПб., 1882, стр. 183.

¹³⁸ Сиб. прик., стб. 715—716, л. 127. Следует иметь в виду, что С. В. Бахрушин мало учитывает фактор добровольности вхождения ряда народов Сибири в состав России, вызванный определенными историческими условиями и имевший прогрессивное значение.— *Примечание редакции.*

Глава III

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сибирь заселялась двумя путями. С одной стороны, шла стихийная волна «вольной» народной колонизации, как ее принято называть; с другой, правительство в фискальных целях и в интересах обороны само заселяло захваченную территорию, прибегая при этом к «прибору» добровольцев из «охочих людей», а также к принудительному переводу на новые места жителей из русских уездов и Западной Сибири и к прямой ссылке.

Тяжелые условия жизни на военной границе при постоянной опасности со стороны «немирных иноземцев» мало привлекали в уезд «охочих людей»¹. При производстве переписи в 1671 г. выяснилось, что «ни за кем крестьян и бобылей и половников и закладников и захребетников нет».

На Красный Яр заходили лишь на время немногие гулящие люди, которые «работают, переходя у всяких людей по найму, и нанимаются у торговых людей на всякие промыслы и на судах в ярыжных», и промышленники, ходившие по Енисею промыслять рыбою и хмелем².

Из них лишь очень немногие, по-видимому, оседали в уезде. Перепись 1671 г. отметила только двух «гулящих людей», имевших здесь оседлость.

Только в конце столетия, когда начинают намечаться первые признаки победы русских над степью, наблюдается более заметное движение переселенцев в Красноярский уезд: «гулящие люди в русских городех, покиня свои тяглые жеребья, в Красноярской приходили и женились и поселились»³. В 1702 г. жители Надпорожной слободы обратили внимание на поселение на принадлежавшей им территории 10 семей, выходцев из Енисейского уезда, насчитывавших 28 чел.⁴.

Не имел существенного значения для колонизации Красноярского уезда и прибор правительством «охочих людей», после того как из добровольцев был скомплектован основной корпус для построения острога на р. Каче в 1627 г. Зато принудительный перевод на службу и на пашню из других сибирских городов практиковался в течение всего XVII в. В 1635 г. из сибирских городов была переведена партия крестьян в целях положить начало десятинной пашне; в 1668 г. тем же способом произошло пополнение красноярского гарнизона служилыми людьми Тобольского разряда.

Очень крупное значение в деле заселения Красноярского края имела ссылка. С самого начала на эту дикую и преисполненную опасностей окраину установился взгляд как на своего рода пенитенциарную колонию,

¹ Сиб. прик., стб. 292, лл. 11—12.

² Стб. 1052, л. 79.

³ Надо полагать, в данном случае С. В. Бахрушин имеет в виду не «охочих людей» вообще, а тех, которые рассчитывали поверстаться в служилые люди.—
Примечание редакции.

⁴ Сиб. прик., кн. 1504.

куда направлялись преступники не только из Руси, но и из других сибирских городов, находившихся в более благоприятных условиях. За какие только преступления и кто только не ссылался в этот негостеприимный угол Сибири! В первую очередь это были те элементы, которые боролись с господствовавшим в стране крепостническим строем, те, кого принято было называть на тогдашнем официальном языке «ворами», — участники крестьянских и казацких восстаний. В 1635 г. в Красноярск были направлены «Смоленского уезду из Рославльского... крестьяне, которые были в воровстве в Рославле и украинских городах с донскими атаманами и казаками, 3 человека, да симбирятенин Федька Васильев»; тогда же было предписано из колодников, посланных в Тобольск тоже «за воровство» в Рославле с донскими казаками, направить в Красноярск 24 чел.⁵ Одновременно в Красноярск сосланы два немца и один литвин. В том же году в Сибирь сосланы «воровские» казаки, «которые взяты на море в языцах», — атаман Янко Губарь «с товарищи», 21 чел., из них шестерых велено было отправить на Красный Яр и устроить там в пашенные крестьяне⁶. Наконец, в том же году было получено извещение об отправке в ссылку в Красноярск еще 12 чел.⁷ В 1649 или 1650 г. прислано в ссылку 13 стрельцов, вероятно, участников московского восстания 1648 г.⁸ Во время гонения на раскольников некоторые из них после наказания кнутом также были сосланы на Красный Яр⁹. Несколько ссыльных дало и восторжествование петровской партии над царевной Софьей в 1689 г.; тогда в числе других был сослан в Красноярск двоюродный брат Ф. Л. Шакловитова подьячий Семен Надеин.

По социальному составу эти ссыльные представляли собой очень пеструю массу. Тут были иноземцы и «воровские» казаки, русские служилые люди и отставленные подьячие, гулящие люди, «стряпчего конюха сын», монастырские крестьяне и боярские люди, как «дворцового Даниловского села крестьянин Федька Балакирев» («вор старой и с Москвы сослан за воровство»)¹⁰. За проступки против служебной дисциплины на Красный Яр попадали дети боярские из Тобольска — Савва Французенин, Иван Галасеин, Иван Иевлев и др. На новом месте ссыльные записывались «в каких людей пригодится»: служилые люди — в службу, крестьяне — в пашню, посадские — в посад, пополняя оседлое население края.

Итак, заселение Красноярского уезда правительство производило более или менее принудительными средствами. Так создалось основное ядро русской колонизации края. Естественно, что оно затем обростало известным слоем из добровольных пришельцев, преимущественно родственников колонистов. Служилые люди выписывали жен, детей и прочую родню на свое новое место жительства, по соображениям главным образом хозяйственного свойства. Без них семьи их скитались на родине «меж двор», а сами они здесь, на своей новой родине, отвлекаемые постоянными службами и не имея помощников, не могли обзавестись хозяйством и беспрестанно били челом о разрешении вывезти с Руси свои семьи, согласие на что получалось довольно легко¹¹.

⁵ Стб. 91, л. 11 и сл.

⁶ И. П. Кузнецов. Исторические акты XVII ст., № 3.

⁷ Стб. 49, л. 364 и сл.

⁸ Стб. 380, л. 11.

⁹ ДАИ, т. XII, № 17, стр. 213.

¹⁰ Стб. 380, л. 29.

¹¹ См., например, стб. 12, л. 426.

2. ВОЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

Как указывалось выше, постройка Красноярского острога была осуществлена в результате военного похода. Задача принуждения туземного населения к уплате ясака, а также необходимость защиты вновь подчиненных областей от вторжения степных феодалов требовали создания постоянного военного контингента в этом районе.

С этим русское правительство за XVII век в сущности не справилось. В течение всего изучаемого периода Красноярск страдал от недостатка военных сил.

Основным ядром красноярского гарнизона послужил экспедиционный корпус Андрея Дубенского в составе 303 пеших казаков, прибранных в Тобольске и других городах Западной Сибири. В дальнейшем гарнизон укреплялся различными способами.

Первоначально состав красноярского гарнизона пополнялся путем «прибора гулящих людей». Так, в 1630 г. воевода Архип Акинфиев прибрал в Енисейском остроге промышленных и гулящих людей, в том числе находившихся в кабале у приезжих торговых людей. Последние протестовали против самовольных действий красноярского воеводы, и по их просьбе князь Шаховской посылал в Красноярск требования о возвращении каменных людей, но, конечно, без результата¹².

И в дальнейшем неоднократно имел место прибор «вольных людей». Однако такой прибор со стороны мало отвечал потребностям службы.

«А есть, государь, в Красноярском,— писал Игнатий Башковский в 1690 г.,— при прежних воеводах поверстаны в казачью службу многие из гулящих людей..., а таким, государи, гулящим людям в казачье службе быть незобычно»¹³.

Между тем рядом, в самом Красноярске, подрастала военная молодежь в лице «неверстанных» младших братьев, сыновей и племянников служилых людей, которая рвалась на государеву службу и с жадностью выжидала вакансии. Эти «недоросли» проходили хорошую военную школу, заменяя в некоторых случаях своих старших родственников или в качестве «охочих» людей участвуя в походах.

В 1657 г., под влиянием паники, вызванной нашествием Лауцзана, Данило Мотовилов писал в Москву, что за службами в Красноярске служилых людей «остаётся мало»: «А есть, государь, у казаков казачьи дети в твою государеву службу поспели в конные и в пешие, человек их будет со сто и больше, а без твоего государева указа я, холоп твой, поверстать их не смею, а в твоей государеве казне пищалей нет»¹⁴. «А в тех гулящих людей места в казачью службу в Красноярском недорослей и казачьих детей и братьев и племянников верстать есть кого, и многие недоросли и казачьи дети и братья и племянники в Красноярском в казачью службу не поверстаны и верстать их негде и скитаются меж двор»,— писал несколько позже Игнатий Башковский¹⁵.

О «поверстании» своих младших сородичей упорно ходатайствовали и сами служилые люди. После осады города войсками Сенге-тайши в 1679 г. они били челом, чтоб «казачьих детей и братью и племянников и внучат в... государеву службу в казачью вместо побитых служилых людей и умерших писать и верстать в их денежные и хлебные и соляные оклады»¹⁶.

¹² Стб. 12, л. 382.

¹³ Стб. 1052, л. 79.

¹⁴ Стб. 513, л. 2.

¹⁵ Стб. 1052, л. 79.

¹⁶ Стб. 712, л. 121.

Ходатайство это было уважено. В следующем же году последовал указ о разборе всех вновь записанных в службу людей и устранении из них посторонних элементов: «которые люди верстаны из тяглых людей в службу из пашенных крестьян и из посадских и из гулящих людей и казачьи послуживцы», а также «которые верстаны в службу из иногородних служилых людей», — все должны быть «от службы отставлены», а в их места верстать казачьих детей, братьев и племянников родных. В исполнение этого предписания были поверстаны 84 чел. казачьих детей. Оставшиеся незаполненными вакансии, «которые выбылые места не исполнены, а исполнить некем, казачьих детей и братья и племянников родных в те места нет, и те выбылые места из оклада выложены».

Указ 1680 г. имеет большое принципиальное значение. Он признавал, что право на несение гарнизонной службы в Красноярске принадлежит исключительно родственникам красноярских служилых людей, превращая эту службу в монополию местного служилого класса, а самый служилый класс — в замкнутую касту¹⁷. С этого момента сын служилого человека принимался на службу в первую очередь «по отца, что он казачий сын», и сами казачьи дети смотрели на поступление на службу «в место отца, в его оклад», как на свое неотъемлемое право, и казачий сын, оставшись после смерти отца «мал», когда «поспевал» в службу, немедленно бил челом о поверстании¹⁸.

Порядок верстания на убылые места казачьих детей привел к тому, что некоторые семьи служили почти поголовно, образуя в красноярском гарнизоне значительные группы родственных между собой лиц.

Из всех этих семей занимают наиболее крупное место Потылицыны. В конце 60-х годов в гарнизоне служили 13 чел. из этой семьи, в том числе двое занимали офицерские должности. Многочисленность и крепкая сплоченность рода Потылицыных создавали им видное положение и влияние в Красноярске. Сами они это отлично сознавали. В 1698 г., когда происходил «воровской круг» всего гарнизона, на котором решалась судьба воеводы Семена Ивановича Дурново, подошел было Дмитрий Потылицын и, постояв немного, отошел прочь со словами: «Мы де к такому делу не пристанем, и сродичи де наши от того дела прочь»¹⁹.

Потылицыны особенно выделяются своей многочисленностью, но и другие семьи были тоже хорошо представлены в гарнизоне, например, Ковригины, которых в конце 60-х годов служило 6 чел., в том числе один в пятидесятниках.

Кроме «казачьих детей», гарнизон Красноярска в течение XVII в. пополнялся ссыльными двух видов: преступниками, которые за те или иные «вины» с Руси и из сибирских городов отправлялись на поселение на далекую окраину, и военнопленными, которых считалось неблагоприятным держать в центральных областях. К числу последних принадлежали «поляки», или «шляхта», образовавшие в Красноярске особый корпус, члены которого были поверстаны высокими окладами. При заключении мира многие из них предпочитали служить русскому царю в Сибири и были «поверстаны в чину, и оклады денежные и хлебные и соляные учинены вновь большие». Среди поляков попадались и немецкие наемники, служившие в Польше²⁰.

Пример карьеры, которую мог сделать в Красноярске ссыльный служилый человек, дает полковник Василий Многогрешный. Брат

¹⁷ Кн. 717, л. 318 и сл.

¹⁸ Там же, л. 593 об.; стб. 1502, л. 376; кн. 1057, л. 39 и др.

¹⁹ Стб. 366, л. 286.

²⁰ Стб. 1052, л. 91.

знаменитого гетмана, вызвавшего подозрение правительства в сепаратистских тенденциях, вместе с ним приговоренный к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Сибирь, он из Тобольска был отправлен в 1674 г. в Красноярск, в то время как брат его был послан в Иркутск. В Красноярске Василий Многогрешный был посажен в тюрьму, но одна случайность выдвинула его и открыла ему дорогу к быстрой карьере. В 1679 г., когда Красноярск был обложен Сенге-тайшоу, кругом пылали деревни и села и положение казалось почти безнадежным, служилые люди самовольно взяли его из тюрьмы, «за малолюдством и для устройства», и поручили ему командование. Он «урезал полки», ходил на «государевых изменников» и «бился явственно не щадя головы своей»; он лично руководил действиями артиллерии, «пушкаря заставлял и указывал и сам прицеливался». Когда опасность миновала, служилые люди отправили челобитную в Москву с изложением заслуг Многогрешного. «И мы, служилые люди,— писали они,— видели всем полком его, Васильеву, службу, что он Василий Многогрешный, великому государю служил и добра во всем хотел». Многогрешный был поверстан в дети боярские с очень высоким окладом в 15 руб. денег, 7 четей 1 осьмина ржи, 7 четей 1 осьмина овса и 4 пуда соли. Вторичная опала, постигшая по проискам Самойловича его брата, не коснулась его. В 1692 г. он был главнокомандующим в походе против тубинского князца Шандыка, завершившемся полным разгромом неприятеля²¹.

В 1693 г. он, чувствуя, что «устарел», бил челом о поверстании своих сыновей в «сынишки боярские»: Дмитрия — после своей смерти на свое место, а Петра — на вакантное место Юрия Саковского²².

Ссылка отдельных лиц могла иметь лишь случайный характер. Поэтому в 1668 г. была применена и более радикальная мера для пополнения красноярского гарнизона — принудительный перевод «на вечное житье» в Красноярск целого корпуса, набранного в городах Тобольского разряда. Это очень важное мероприятие провел энергичный тобольский воевода Петр Годунов. Посланные им в города разряда дети боярские должны были предложить местным гарнизонам выбрать из своей среды десятого человека для высылки на жительство в Красноярск, «а иные в том числе посланы в вины». Сам Годунов воспользовался случаем, чтобы спровадить в Красноярск наиболее беспокойные элементы тобольского гарнизона вроде детей боярских Ивана Галасейна и Ивана Иевлева²³.

Всего в Красноярск было отправлено 444 чел.: 268 чел. под начальством головы Тимофея Ушакова и 176 чел. под начальством Любима Зайцева, но до места назначения дошли далеко не все, так как более трети из них (159 чел.) бежали. Из оставшихся ссыльных несколько человек были возвращены в Тобольск в результате ревизии деятельности Петра Годунова; часть была отозвана из Красноярска по миновании надобности. В общем итоге на жительство было оставлено 186 чел.

Постоянный, хотя и незначительный приток в состав красноярского служилого люда шел со стороны туземцев. Как отмечено выше, всякий добровольно крестившийся туземец имел право поступить на службу,

²¹ Стб. 712, лл. 38—39; А. К. Гоздаво-Голомбиевский. Из Сибирских актов о Демьяне Многогрешном.— «Чтения ОИДР», 1888, I. Материалы, стр. 1—10; ДАИ, т. VI, № 95.

²² Стб. 1317, лл. 36—37.

²³ Стб. 886, лл. 95—196; С. В. Бахрушин. Воеводы Тобольского разряда в XVII в.— С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I. М., 1955, стр. 292—294.

и в списке служилых людей мы неоднократно встречаем новокрещенов, хотя и в небольшом количестве.

Ввиду недостатка военных сил в Красноярске, здесь, как и в других сибирских городах, пользовались военной подмогой «подгородного» туземного населения. «И мы, холопы и сироты твои природные,— заявляли качинские татары в 1699 г.,— служим в Красноярском из древних лет, как и Красноярской город поставили на границе, заедино с казаками головы свои складываем, и в приходы воинских людей калмыков и киргиз деды наши и отцы и братья побиты многие на боях... и измены наши никакие не бывало»²⁴. Помощь эта была очень серьезная, так как в минуту опасности подгородных татар являлось человек с полтора ста²⁵. Русские служилые люди высоко ценили содействие, которое им оказывали на войне туземцы, и когда возник вопрос о поверстании части их в служилые люди, они дали самый лучший о них отзыв: «Государевы де всякие службы, конные и пешие, с ними, красноярскими служилыми людьми, служат и в приходе де под Красноярской острог киргизских и иных землиц воинских людей от них бывает великая помощь»²⁶.

Воинственные и привычные к набегам, они, действительно, несли военную службу не за страх, а за совесть. В 1635 г., во время похода на «братских людей», когда русская часть экспедиционного корпуса отказалась идти дальше, аринские татары, наоборот, рвались в бой. Они упрекали русских, «что де вы худо так служите и не радеете государевою службою... мы де не на то идем, чтоб нам ворочаться до прежде,.. до братских людей, и, земли дошед, воротимся»²⁷. Впрочем, во избежание измены, с подгородных татар, участвовавших в дальних походах, брали в аманаты жен и детей, по крайней мере в первое время, пока не убедились в их лояльности.

Военная служба не освобождала туземцев от уплаты ясака и от подводной повинности, и они, «службы и ясак платя и в подводах ходя, оскудали... и на боех де под ними лошади побивают и для ясаку... и в подводах для всяких государевых дел ходят, и оттого им стала нужна и скудость великая». Поэтому уже в середине 30-х годов подгородные татары начинают упорно добиваться перевода из ясака в службу, чтобы с них «государева ясаку не имать и государевым жалованьем поверстать, против иных юртовых татар», т. е. на тех же основаниях, на каких служили тобольские, томские и других городов служилые татары. Эти домогательства встречали полную поддержку со стороны красноярского гарнизона, заинтересованного в усилении своего состава: «И только де, государь,— заявляли в Москве красноярские служилые люди,— пожалует, своего государева ясаку с них имать не велит, а велит их, князцов и лучших улусных людей, поверстать своим государевым жалованьем..., от них бы де никакие шатости вперед не чаять, и в государевых бы службах с ними, служилыми людьми, была помочь великая; а только де государева ясаку с них не сложить и государевым жалованьем их... не поверстать, и от них де впредь чаять всякого дурна, потому что около Красноярского острогу подошли многие немирные землицы».

После опустошительного набега киргизов в 1634 г., во время которого подгородные татары оказали русским очень большие услуги, в 1635 г. аринские князцы Татуш, Абытай, Кузей и Шанбирей били челом государю: «Служат де они всякие государевы службы конные и пешие с красноярскими служилыми людьми вместе, и у них де на тех службах под

²⁴ Сиб. прик., стб. 368, л. 182.

²⁵ Стб. 513, л. 52.

²⁶ Стб. 49, л. 186.

²⁷ Стб. 90, л. 288.

многими лошади побиты, и ясак де с себя дают и в подводах для всяких государевых дел и для ясачного сбора в земли с красноярскими служилыми людьми ходят, да у них же емлют в омонаты детей, и сами де в омонатах сидят, а государева де денежного и хлебного жалованья и корму им не указано... и они де, служа всякие государевы службы и в подводах гоняючи и ясак с себя платя, обнищали и одолжали велики долги». Челобитная заканчивалась ходатайством о поверстании жалованьем.

Воевода Никита Иванович Карамышев, идя навстречу пожеланиям татар, своею властью выбрал 50 лучших людей²⁸ и велел им «с красноярскими служилыми людьми служить конную службу, и на государевы службы и во всякие посылки ходить и в отъезжие караулы ездить».

В связи с этим распоряжением Н. И. Карамышева, в 1636 г. в Томск отправилась депутация подгородных татар в составе пяти лучших князцов — Татуша, его сына Бабука, Омочайка Татушева, Затыки и Балыки. Новая челобитная была отправлена в Москву.

В Москве остались недовольны действиями воеводы Карамышева: «а к нему такого государева указу не посылавано, чтоб юртовских татар выбрать в государеву службу». «И какие им службы служить мочно и в службе их государю прибыль какая будет ли, кольких человек Никита Карамышев ясачных людей в службу выбирал без государева указу собою», — обо всем этом предписывалось новому воеводе отписать.

Между тем в Красноярске положение резко изменилось. Пока татарские челобитчики хлопотали в Томске, а в Москве обсуждали целесообразность исполнения их просьбы, в том же 1636 г. произошел новый киргизский набег, во время которого киргизы, подойдя «безвестно», как рассказывают сами татары, «у нас, холопей твоих, караулы скрали и увели нас всех с собою в Киргизскую землю с женами и детьми в неволю, а иные, государь, у нас молодые люди в то время и сами пошатались, что, государь, умом еще не искрепчали»²⁹. В Томске князь И. И. Ромодановский, узнав про измену подгородных татар, приостановил дело о поверстании их жалованьем и ограничился тем, что учинил оклад тем пяти челобитчикам, которые приехали в Томск, в размере 7 руб. Татушу и по 5 руб. четырем остальным. Между тем попавшие в плен или перешедшие добровольно к киргизам татары стали постепенно «перебираться уходом» назад, под Красноярский острог, на старые свои земли, «с женами и детьми, все до единого человека».

В 50-х годах, в связи с нашествиями Алтын-хана, качинские татары снова возбудили вопрос о жалованье: «С тех мест, как поставлен на их Качинской земле Красноярский острог, твою государеву службу, — писали они, — служим с красноярскими служилыми людьми без престани и твоих государевых послушников громим и под твою государеву высокую руку подводим всяких иноземцев в вечное холопство... Да на твою же государеву землю почал приходиться Мугальские земли алтын-царь и сын его Лоджан мало не ежелетно со многими людьми... А мы, хслопи твой, оберегаючи... твоих государевых ясачных людей, бьемся с мугалы ежегодно, и в проезжих станицах и в отъезжих караулах живем беспрестанно... А в Тобольском, государь, и в Томском городе и на Таре и в иных ближних, а не в украинных многих сибирских городех, которые подгородные ближние татаровья тебе государю служат, и с тех татар твоего государева ясаку не емлют» и т. д.³⁰ В 1666 г. подгородные татары опять возбуждают просьбу о жалованье.

²⁸ Стб. 49, л. 187, стб. 161 — говорится только о 20 служилых татарах.

²⁹ См. доклад царю: стб. 49, лл. 183—193.

³⁰ Кн. 70, л. 132; кн. 543, л. 101 об.

Ввиду явной необходимости обеспечить так или иначе помощь красноярскому гарнизону со стороны туземцев правительство пошло навстречу этим ходатайствам, но далеко не в полной мере. Оно ограничилось тем, что поверстало нескольких лучших людей с тем расчетом, что эта служилая аристократия будет вести за собою своих соплеменников. Первоначально, в 1637 г., жалованье получали лишь четыре аринца: князец Татуш (6 руб.), его сын Бабук (5 руб.) и лучший человек Омочай Куташев с сыном Балыком (по 4 рубля)³¹. Такое положение продолжалось очень долго, так как еще в 1670 г. только два качинских татарина были поверстаны трехрублевым окладом.

Однако в последней четверти столетия число служилых татар на жалованье увеличивается. В 1680 г. их было 14 чел., из них два получали по 3 рубля, 12 чел.— по 2 рубля; в 1685 г.— 12 чел. (число уменьшилось в связи, по-видимому, с очередным набегом киргизов), причем один (Чугулачко Тексенев) был поверстан в очень высокий оклад в 7¼ руб., двое — по 3 рубля и девять — по 2 рубля; в 1689 г.— 18 чел. (один в оклад 7¼ руб., четверо — по 3 рубля и 13 чел.— по 2 рубля); в 1687 г.— 19 чел.; в 1698—1699 г.— 28 чел. (один — с окладом в 7¼ руб., двое — по 3 рубля и 25 — по 2 рубля).

Так, очень медленно, но последовательно, увеличивалось число татар, переводимых из ясака в службу. Некоторые из них, кроме денежного жалованья, получали также продовольствие: в 1689 г., например, из 18 чел. четверо получали по 1 чети ржи и по 2 чети овса; в 1698—1699 гг. из 28 чел. 13 служили с пашен, а 15 получали в общей сложности 30 четей ½ осьмины ржи и 29 четей овса³².

При выборе служилых людей из числа туземцев правительство действовало очень осмотрительно: в их составе мы видим, во-первых, представителей родовитых туземных фамилий: потомство князя Татуша (еще в 1694 г.— Бугачейка Татушев), Силошку Базаракова, возглавлявшего Силошин улус, а после него Шаячка Силошина, Удечка Мунгатова (позже Балка Мунгатова), главу Мунгатова улуса и т. д. С другой стороны, оно награждало освобождением от ясака и поверстанием в службу за известные заслуги: так, в 1693 г. ясачный татарин Татычко Салбаров за то, что донес о намерении своих братьев Буби и Тары бежать «в киргизы», был записан в службу на место Тары Салбарова³³.

Этой системой назначения в службу по выбору к концу столетия правительство создало своего рода служилую аристократию среди местного туземного населения, на которую оно могло положиться и которая держала в повиновении у властей своих соплеменников. «Служилые иноземцы татары лучшие люди... свою братью татар держали и, проведав про шатости их, приходя в приказную избу..., воеводам на свою братью извещали». Характерный случай имел место в 1693 г., когда Чегулак Тексенев, Корочик Тайларов и другие служилые татары в числе 15 чел. представили в приказную избу связанными двух качинских ясачных татар, задумавших бежать, и заявили, что они, «слыша такую шатость и помня свое к вам, великим государям, обещание и хотя вам, великим государям, верно послужить, изымав их, воров, привели для подлинного розыску в Красноярской»³⁴. Эта служилая знать крепко держалась дарованных ей привилегий. Когда Семен Дурново задумал взять ясак с сыно-

³¹ Стб. 513, л. 4 и сл.; стб. 802, л. 94.

³² Кн. 717, л. 328 об.; кн. 1057, л. 47—48; кн. 902, лл. 34, 341; кн. 811, л. 465; кн. 1354, л. 326.

³³ Стб. 1417, л. 442.

³⁴ Стб. 1317, л. 230.

вей служилого качинца Корочика Тайларова, «а они де по указу великого государя и по грамоте из Москвы поверстаны в службу», то Корочик призвал к оружию свою семью и грозился поднять всех качинцев и откочевать с ними в степь³⁵.

Наконец, в момент опасности и для похода привлекались обычно добровольцы, «охочие люди», — в первую очередь «казацкии дети», т. е. невестанные в службу младшие родственники служилых людей. Пятидесятников сын Иван Мезенин писал в своей челобитной, что он в 1692 г. ходил в Канскую землю на тубинцев «без государева жалованья» и бился «не щадя головы своей»³⁶. Это была обычная военная школа, через которую проходила военная молодежь Красноярска прежде чем добиться «поверстания» в штат служилых людей.

С другой стороны, на помощь являлись «отставленные казаки». В походе 1680 г. таких отставленных служилых людей было восемь конных и 11 пеших, под «начальным человеком», отставленным сыном боярским Семеном Черноусом³⁷. Наконец, к регулярным войскам присоединялись посадские люди и пашенные крестьяне; в том же походе участвовали трое посадских людей и девять крестьян³⁸. Всего в 1680 г. «служили великому государю волею» 35 чел. Различные мотивы побуждали охочих людей идти в бой. Когда дело шло о защите Красноярского острога, то мотивы эти совершенно понятны: в поход их влекли расчеты на добычу и ясырь и надежда на «государево жалованье».

Участвовали в походах со своими хозяевами и холопы служилых людей как крещеные, так и некрещеные. В 1680 г. в походе отличились шесть таких холопов, принадлежавших детям боярским Айкановым, Михаилу Ярлыкову, Трифону Еремееву, пятидесятнику Ивану Сиротинину и атаману Михаилу Злобину, в их числе один калмык и два некрещеных татарина³⁹.

В особо серьезных обстоятельствах, по указу из Москвы или по отпискам самим красноярским воеводам, на защиту Красноярска высылались вспомогательные отряды из Томска и Енисейска. Так, в 1667 г., во время нашествия Сенги-тайши, из Енисейска был прислан отряд в 20 чел. Из Томска, вследствие отдаленности, а также вследствие упорного сопротивления томских служилых людей, такие присылки имели место довольно редко.

В тех случаях, когда томские служилые люди являлись в Красноярск, их помощью была ничтожна. В 1655 г., в связи с паникой, вызванной нашествием на Киргизскую землю Лауцзана, на Красный Яр послан был из Томска «для помощи и обереганья» отряд в 50 чел. во главе с сыном боярским Петром Лавровым и пятидесятником Кириллом Власовым. Отряд этот пробыл в Красноярске только «6 недель и 2 дни» — с 25 августа по 9 октября. «А октября, государь, в 9 день томский сын боярский Петр Лавров с томскими служилыми людьми, — писал в Москву из Красноярска воевода Михаил Скрыбин, — вашего государева указу не послушав, подняв знамя и наседав лошади, из Красноярского острога бежали в Томской, а в погоню я, холоп ваш, за ними красноярских служилых людей не послал, чтоб меж томскими и красноярскими служилыми людьми какое дурно не учинилось»⁴⁰.

³⁵ Стб. 1288, л. 217.

³⁶ Стб. 1317, л. 281.

³⁷ Стб. 712, л. 61.

³⁸ Там же, л. 62.

³⁹ Там же, л. 41.

⁴⁰ Стб. 513, лл. 49—50.

В исключительных случаях упоминается присылка «годовальщиков» из Тобольска. Так, после нашествия Сенге-тайши, поставившего под угрозу самое существование Красноярска, были присланы в 1669 г. 120 годовальщиков, которых по миновании надобности полагалось отпустить во свояси⁴¹.

В первоначальном составе красноярского гарнизона, образовавшегося из экспедиционного корпуса А. Дубенского, было 270 рядовых, три атамана, шесть пятидесятников и 24 десятника — всего 303 чел.⁴² Численность гарнизона возрастала чрезвычайно медленно. Через 30 лет после основания Красноярска (1657) в нем числилось только 370 чел.⁴³. Наступление алтын-ханов в середине XVII в. на Киргизскую землю, связанная с ним угроза Красноярску и последовавшая затем агрессивность действий джунгарских феодалов заставили, однако, обратить внимание на недостаточность военных сил в Красноярске. Практика показала, что рассчитывать на своевременную помощь со стороны Томска и Енисейска за дальностью расстояний невозможно. («В кое время мугальские или калмацкие и иных земель воинские люди над Красноярским острогом и над уездом какое дурно учинят, а в тех в то время и не сведуют, и ссылаться и о служилых людях писать в воинское время некому»).

В 1660 г. последовало распоряжение тобольским воеводам набрать в городах Тобольского разряда и послать в Красноярск «наспех» служилых людей, с женами и с детьми, сколько пригоже, «на вечное житье», чтобы «в Красноярском учинить служилых людей перед прежним с прибавкою, для того что Красноярской стал в степи с приходу воинских людей»⁴⁴.

В 1668 г. произведен был описанный выше набор служилых людей в Тобольске и в городах Тобольского разряда. В Красноярск присланы были «на вечное житье» голова, два сотника и служилых людей конных и пеших 180 чел.⁴⁵. В 1672 г. гарнизон состоял уже из 523, а в следующем году — даже из 570 чел.⁴⁶. Тем не менее в Москве вполне отдавали себе отчет в том, что в Красноярске «впредь без прибылых людей быть немочно; город украинный, а калмыки и киргизы и тубинцы от Красноярского кочуют поблизку». Недостаток в людях думали удовлетворить присылкой из Тобольска на время томских и тобольских служилых людей, которые затем, по миновании нужды, отзывались. После 1668 г. уже не имели места новые «приборы» служилых людей для Красноярска. Поэтому к концу столетия в нем, не считая татар, числилось лишь около 660 чел. (в 1692 г. — 658, в 1699 г. — 656), иначе говоря, за последние 40 лет рост его был незначителен и происходил главным образом за счет отдельных ссыльных людей, пожалования в дети боярские и т. п.

Первоначально весь гарнизон состоял исключительно из пехоты. Однако охрана степных границ требовала сформирования конницы. Уже в 1635 г. было предписано из наличных 300 чел. выбрать «в конные казаки 100 чел.... добрых и не воров, которых бы с... конную службу стало», и учинить им [оклады] против тобольских и томских казаков». Одной конной сотни было, однако, далеко не достаточно для Красноярска. Приходилось во время дальних походов сажать пехоту на лошадей и посылать ее «в прибавку» регулярной коннице.

При Петре Ануфриевиче Протасеве служилые люди били челом об устройстве второй конной сотни, потому что «им с одним стом конным

⁴¹ Стб. 886, л. 218.

⁴² Стб. 160, лл. 2—4.

⁴³ Стб. 513, л. 2; ср. стб. 886, где до конца 60-х годов дается цифра 269 чел.

⁴⁴ Стб. 886, лл. 195—196.

⁴⁵ Стб. 530, л. 287.

⁴⁶ Стб. 886, лл. 215, 218.

служить... государева служба и отъезжие караулы и беспрестанные дальние проезжие станицы невозможно... и... государевых ясачных людей и пашенных крестьян одним стом конным служилыми людьми оберечь не-коли»⁴⁷.

Несмотря на убедительность приводимых доводов, ходатайство удовлетворено не было, и в течение всего столетия в Красноярске была одна сотня конных казаков при одном атамане и восьми десятниках.

Кроме этой сотни, конную службу носили в индивидуальном порядке дети боярские, ссыльные иноземцы (поляки) и драгуны. В конце 60-х годов вся конница (дети боярские, поляки и конные казаки) насчитывала 119 чел.⁴⁸.

В 1669 г. была образована конная полусотня из присланных из Тобольска служилых людей при одном пятидесятнике, четырех десятниках и одном пятисотном подьячем. Несколько позже был сформирован под начальством десятника небольшой конный отряд из «присыльных и красноярских, которые переведены за сотнею», в составе 20 чел. В общем в конце столетия в состав красноярской конницы входили, кроме татар: 1) дети боярские, 2) поляки, 3) драгуны, 4) конные казаки, 5) присыльные и красноярцы «за сотнею», 6) тобольские присыльные служилые люди конные, всего около 250 чел. (в 1692 г.— 263, в 1699 г.— 226)⁴⁹.

После выделения из пехоты около 100 чел. в конницу пехота была разделена на две сотни под начальством двух атаманов, четырех пятидесятников и 16 десятников. Позже была сформирована под начальством одного пятидесятника и четырех десятников «черкасская полусотня», первоначально, вероятно, состоявшая исключительно из ссыльных «черкас», а впоследствии заполнявшаяся и другими элементами. В конце 60-х годов в пехоте считалось 250 чел. В 1669 г. она была усилена «пешими служилыми людьми тобольские присылки» (около 120 чел.) под начальством трех пятидесятников и 12 десятников. Таким образом, в 70-х годах в пехоте состояло около 370 чел., и в ее состав входили: 1) две сотни пеших казаков, 2) черкасская полусотня и 3) служилые люди тобольской присылки. В 1692 г. численный состав пехоты был приблизительно тот же (385 чел.), но к концу столетия повысился, достигнув к 1699 г. 419 чел.⁵⁰.

Артиллерию обслуживали пушкари, которых вначале было всего 3 чел., но к концу столетия, когда выяснилось значение артиллерии в борьбе с киргизами, число их было увеличено; в 1667 г. их было четыре, в 1687 г.— уже семь и в 1690-х годах — 10—11 чел. Среди пушкарей мы встречаем хороших специалистов; таков, очевидно, немец «Мишка-немчик». В 1679 г. во время осады Красноярска киргизами и калмыками особенно отличился пушкарь Филипп Максимов, который «служил многажды и киргизские полки разбивал и многих побил»⁵¹.

Пушкари получали денежное жалованье в размере 5 руб. в год и 3 чети и $\frac{1}{2}$ осьмины ржи, 2 чети овса и $1\frac{3}{4}$ пуда соли.

Кроме пушкарей, в штате полагался сначала один затынщик, которому шло несколько меньшее жалованье (4 рубля). Наконец, имелся особый воротник с денежным жалованьем в 5 руб. и с хлебным в 2 чети $\frac{1}{2}$ осьмины ржи, 1 чети овса, $1\frac{3}{4}$ пуда соли, на обязанности которого лежало смотреть за тем, чтобы острожные ворота были своевременно заперты.

⁴⁷ Стб. 292, л. 79.

⁴⁸ Стб. 886.

⁴⁹ Кн. 1354; стб. 1317, л. 482.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Стб. 712, л. 39; стб. 1317, л. 482; кн. 1354.

Общее командование над крепостью, как таковой, возлагалось на горничного с окладом 7 р. 75 к., должность которого была учреждена в 1634 г.

Из общей массы гарнизона выделялся командный состав. Это были, во-первых, три атамана (один у конных казаков и два у пеших), далее пятидесятники (двое у конных и сначала двое, а позже четверо,— у пеших) и десятники (8 конных и 16 пеших)⁵².

Атаманы получали высокие оклады: конный — 18 руб. денег и 11 четей ржи, 5 четей круп и толокна в 1637 г. (позже — меньше: 54 чети 1 осьмину ржи, 5 четей 1 осьмину овса) и 2 пуда соли; пешие — по 13 руб. (в конце столетия жалование им понижено до 10 руб.) и 10 четей ржи, 4 чети круп и толокна (позже 5 четей ржи, 4 чети овса) и 2 пуда соли. По окладам жалования пятидесятники и десятники лишь немногим выделялись из общей массы своих подчиненных: конные пятидесятники получали 7 р. 75 к. (на полтину больше рядовых) и десятники — 7 р. 50 к. (на четвертак больше рядовых); пешие пятидесятники — 6 руб. (на 1 рубль больше рядовых) и десятники — 4 человека по 5 р. 50 к. в пешей «черкесской полусотне», и у «конных за сотней» — один десятник с окладом 7 р. 50 к.

Очень скоро внутри гарнизона сложился круг служилых семей, которые сосредоточили в своих руках большую часть должностей по командованию. Некоторые должности, как атаманство, превратились очень скоро в наследственные и передавались от отца к сыну. После смерти атамана Дементия Злобина, прибывшего на Красный Яр вместе с Андреем Дубенским, атаманом до самого конца столетия был его сын Михаил Дементьевич Злобин.

Первым пешим атаманом был Яков Иванович Кольцов, убитый изгладившимися красноярскими служилыми людьми через несколько лет после основания Красноярска за то, что не сумел им доставить во время продовольствия; после него атаманом был его сын Милослав Яковлевич Кольцов, а позже Родион Кольцов.

Вторая должность пешего атамана оставалась все время достоянием семьи Тюменцовых: родоначальником этой атаманской семьи был один из современников и помощников Дубенского — атаман Емельян Васильевич Тюменцов. Младшие члены атаманских семей замещали должности пятидесятников и десятников. Так, брат Емельяна Тюменцова Василий «служил всякие службы конные и пешие, струговые и лыжные» в десятниках, а в 1654 г. был произведен в пятидесятники⁵³. «Атаманский сын» Иван Злобин был в конных десятниках.

Точно так же и другие командные должности имели тенденцию превратиться в наследственные. В 1683 г. сын пятидесятника Иван Осипов Мезенин, не поверстаный «ни в какой чин», бил челом о назначении его на место умершего отца, пятидесятника Осипа Семеновича Мезенина, который служил по разряду пеших казаков лет 25, бывал во многих боях и дважды был посылаем к Лауцзану «для всякого договору», и в этом отношении он опирался на прочно установившуюся традицию. Так, наряду с атаманскими династиями образовался круг служилых семей, претендовавших на замещение более скромных должностей, пятидесятников и десятников, вроде Потылицыных, Кочергиных, Ковригиных и др. В 1667 г., например, одновременно двое Потылицыных были: Перша Ми-

⁵² Число пятидесятников и десятников из года в год изменялось в зависимости от обстоятельств. Например, в 1689 г. у конных казаков был только один пятидесятник и шесть десятников.

⁵³ Стб. 466, л. 339.

хайлов — пешим десятником, а Иван Михайлов пятидесятником у «черкас»; позже пятидесятниками у тобольских присыльных конных людей были Ульянов и Лука Потылицыны.

Уже в середине столетия в Красноярске, таким образом, существовала своего рода служилая аристократия — ряд влиятельных семей, из среды которых замещались командные должности по гарнизону. Они фактически приобретали очень крупное влияние и на воевод, и на свою братью — служилых людей. В «красноярскую смуту», наряду с детьми боярскими, они — Злобины, Тюменцовы, Потылицыны — явились главными руководителями движения.

Постепенно в Красноярске, как и в других сибирских городах, выделился верхний слой служилого класса — дети боярские. Разряд красноярских детей боярских образовался двойным способом. С одной стороны, в Красноярск из других сибирских городов переводились в ссылку дети боярские, с сохранением звания и оклада (например, тобольский сын боярский Савва Французенин или сосланные при Петре Годунове Иван Галасеин и Иван Иевлев). С другой стороны, местных служилых людей, за их собственную или отцов их службу, повышали в звание детей боярских, либо на освободившиеся оклады, либо даже оставляя их на том окладе, на котором они служили до тех пор. Так, например, Федор Самсонов был поверстан в дети боярские «за службу отца» «с прежним конным окладом» в 7 р. 25 к., а брат его Петр Самсонов — «на выбылой оклад» Леонтия Урбановского⁵⁴. В первую очередь в состав детей боярских стала проникать местная служилая знать — атаманы: в 1670 г., например, в дети боярские были сразу поверстаны два члена известной атаманской фамилии Кольцовых — Яков Милославов, сын второго красноярского пешего атамана Милослава Кольцова, и Константин Родионов, сын третьего по времени атамана (с окладом 9 р. 50 к. и 9 руб.)⁵⁵.

За личные заслуги был пожалован в дети боярские ссыльный Василий Многогрешный, организатор обороны Красноярска в 1679 г.; позже он стал хлопотать о пожаловании в дети боярские его двух сыновей, уже за службу его, их отца.

Число детей боярских не было точно установлено, но оно имело тенденцию постоянно увеличиваться вследствие стремления верхов гарнизона перейти в это почетное звание, хотя бы и без прибавки жалованья. В 1667 г. детей боярских было 13, в 1670 г. — 17, в 1689 г. — 23.

В отличие от прочих разрядов служилых людей дети боярские не получали одинакового для всех оклада жалованья; каждый из них имел свою, если можно так выразиться, индивидуальную ставку, и в окладах их поэтому существовала большая пестрота — от 6 до 15 руб. В 1670 г. двое получали по 14 руб., пять — по 10 руб., один — 9 р. 50 к., четыре — по 9 руб., один — 8 руб., один — 7 р. 25 к., трое — по 6 руб.; в 1689 г.: один — 15 руб., один — 11 руб., трое — по 10 руб., четыре — по 9 руб., четыре — по 8 руб., двое — по 7 р. 25 к., шесть — по 7 руб., один — 6 руб.

Обязанности служилых людей были многообразны. Кроме военной защиты города и участия в походах на «немирные земли», на них лежал также сбор ясака в ясачных волостях; им же приходилось сопровождать соболиную казну в столицу и «гонять» с воеводскими отписками в Томск и Енисейск, а иногда и в Москву. В середине столетия из 370 служилых людей, числившихся в Красноярске, ежегодно откомандировывались в «годовую» службу в Удинский острог 50 чел., в Канский острог — 15 чел., в Камасинскую и Моторскую земли «в зимнюю пору» по

⁵⁴ Сиб. прик., кн. 1062, л. 38 об.

⁵⁵ Кн. 593, л. 96 об.

6 чел., за хлебными запасами в Енисейск — человек 50 и больше и в Москву в качестве провожатых «за соболиною казною» — 6 чел.⁵⁶

Кроме этих дальних служебных командировок, служилых людей посылали «на отъезжие караулы» «вверх по Кану реке на Братский перевоз в перемену по 20 человек для обереганья ясачных людей от мунгалских людей и от колмацких», да вверх по Енисею по р. Мане стояли «для вести ото всяких немирных землиц»; беспрестанно посылали их вместе с подгородными татарами «в дальние проезжие станицы» для разведок; наконец, они стояли по караулам в самом остроге «на стенах и по воротам и у аманатов» и «для обереганья пашенных крестьян» по деревням, вниз по Енисею, и «на пороге для беглых людей». Одно время на красноярских служилых людей, по ходатайству томичей, была возложена обязанность проводить не только красноярские, но и ленские хлебные запасы (для гарнизона на Лене) из Маковского острога под Ленский волок (Илимск)⁵⁷.

В конце столетия служилых людей «выбирают в выбор по 50 чел. на неделю для скорых посылок по вестям»; 150 чел. посылают в острожки и в дальние посылки; 50 чел. в перемену по суткам стоят в городе на стенных караулах; 10 чел. на неделю посылаются вверх по Енисею на «лодочной караул»; наконец, служилые люди ездят «на ломовские на воинские на три дороги» и «по заречной стороне»⁵⁸.

В случае болезни и других уважительных причин служилые люди могли выставлять себе заместителей — своих младших родственников, «людей», или наймитов: в походе 1680 г. вместо сына боярского Федора Айканова на службе был его «человек» Иван Яковлев, «а он, Федор, был болен»; вместо его брата Степана — другой человек, иноземец Борбектейко, «а он, Степан, мал»; вместо конного казака Якова Савостьянова — его племянник, «он, Яков, — стар и увечен», вместо десятника Лазаря Лалетина, который тоже «стар и увечен», — его человек Исачко новокрещен и т. д.⁵⁹ За арестованных служилых людей их обязанности несли родственники⁶⁰. Это открывало возможность заменять себя вообще наемными людьми из числа гулящих людей и отставленных казаков, которые за небольшую мзду соглашались идти в поход за своих нанимателей и даже отправлялись на тяжелую службу в Караульный острог — злоупотребление, которое было воспрещено указом 1701 г.

Служба распределялась «по очередям» и «в выбор», т. е. по назначению из наиболее способных. На стенные караулы наряжал по очереди особый «нарядчик пеших казаков». «Для скорых посылок по вестям» начальство выбирало «в выбор»⁶¹.

Вооружение в виде пищалей и копий служилые люди при основании Красноярска получили из казны, но в дальнейшем дело со снаряжением служилых людей обстояло далеко не благополучно. Порох и свинец полагались казенные. Давали того и другого «не по многу, всего на год по 1/2 ф.», как жаловались служилые люди в 1630 г. Приходилось экономить, так как из Тобольска порох присылался в недостаточном количестве, пудов по пяти⁶².

Пищали, выданные участникам экспедиции Дубенского, не возобновлялись и требовали ремонта. В 1653 г. воевода Михаил Федорович Скры-

⁵⁶ Стб. 513, л. 2; стб. 292, лл. 52 и сл.

⁵⁷ Стб. 292, лл. 52 и сл., 79.

⁵⁸ Стб. 1317, лл. 90, 49.

⁵⁹ Стб. 712, л. 41 и сл.

⁶⁰ Стб. 366.

⁶¹ Стб. 1317, л. 90; стб. 361, лл. 342, 355.

⁶² Стб. 92, лл. 517—518.

бин писал в Москву, что у пеших служилых людей «пищалей нет, а кому и были даваны, те пищали у иных в прежних годах на боех и в разных посылках и в приход воинских людей перепорчены, и от стрельбы пищальные стволы многие раздуты»⁶³.

Все остальное снаряжение приобреталось самими казаками. «Подымаючись» на дальнюю службу, они «с великою нужею должились и кабелились великими долги, друг друга подмогали и займовали дорогою ценою и покупали лыжи и на нарты (плата за лыжи по 1½ рубля и больше, а за нарту — по полтине и по 20 алт.— С. Б.)... и лапотнишко и обувишко покупали такую же великою дорогою ценою»⁶⁴. Даже лошадей и сбрую служилые люди покупали сами на свой счет «дорогою ценою», рублей по 20 и по 15 за лошадь⁶⁵. «И мы, государь, холопи твои,— жаловались конные казаки,— на твое государево жалованье, а иные с себя достальные зипунишка продавали, а покупали лошади». Лошадей во время военных действий с киргизами было трудно приобрести в Красноярске; служилые люди ездили «для конные покупки» в Томск, и «гонечи [лошадей] до Красноярского острога, на дороге попададала половина, а другую пригнали в Красноярский острог».

За несение всех этих разнообразных служб служилым людям полагалось определенное денежное и хлебное жалованье⁶⁶. Кроме детей боярских и поляков, которые получали вознаграждение каждый по особой ставке, для остальных видов оружия оклад был точно фиксирован. Конные казаки получали: атаман — 18 руб., пятидесятники — 7 р. 75 к., десятники — 7 р. 50 к. и рядовые — 7 р. 25 к.; пешие: атаманы — 13 руб. (позже 10 руб.), пятидесятники — 5 р. 50 к. (позже — 6 руб.), десятники — 5 р. 25 к. (позже — 5 р. 50 к.), рядовые — 5 руб.; черкасская полусотня: пятидесятники — 7 руб., десятники — 5 р. 50 к., рядовые — 5 руб.; пешие служилые люди тобольской присылки: пятидесятники — 6 руб., десятники — 5 р. 50 к., рядовые — 5 руб., пушкари и затинщик — по 5 руб., воротник — 4 руб.⁶⁷.

Итак, рядовой служилый человек конный получал 7 р. 50 к., пеший — 5 руб., а командный состав — несколько больше. Разница в окладах между конными и пешими объясняется тем, что конным приходилось содержать за свой счет лошадь.

Кроме денежного жалованья, служилые люди получали продовольствие из следующего расчета.

За исключением атаманов, имевших право на более высокий оклад, все служилые люди, пешие и конные, вне зависимости от названия и чина, получали: женатые — 6 четей 1 осьмину ржи, 1 четь круп, 2 чети овса и 1¾ пуда соли, а холостые — 5 четей 1 осьмину ржи, 1 четь круп, 1¾ пуда соли⁶⁸. Атаманам полагалось: конному — 11 четей ржи, 5 че-

⁶³ Стб. 513, л. 18.

⁶⁴ Стб. 90, л. 278.

⁶⁵ Стб. 292, л. 77; стб. 49, л. 419 и сл.

⁶⁶ Кроме окладных книг, см. стб. 160, лл. 2—4.

⁶⁷ Для уяснения фактической ценности денежного жалованья надо иметь в виду состояние хлебных цен. Цены на хлеб в Красноярске (впрочем, как и во многих других отдаленных сибирских городах во второй половине XVII в.) были неустойчивы. Пределы колебаний достигали иногда 20 денег за пуд ржи (например, 6 денег в 1674 г. и 26 денег в 1681 г.). В 1701—1704 гг. рыночная цена пуда ржи составляла здесь 12,5—18 денег (см. В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956, стр. 344).— *Примечание редакции.*

⁶⁸ Различие между женатыми и холостыми было установлено по ходатайству самих красноярцев.

тей круп и толокна, 2 чети овса и $1\frac{3}{4}$ пуда соли; пешим — по 10 четей ржи, 4 чети круп и толокна и 2 пуда соли ⁶⁹.

Дети боярские и поляки, как указано выше, пользовались индивидуальным пайком различного размера (10 или 12 четей ржи, 10 или 12 четей овса, 2 или 3 пуда соли). Указная четь считалась в 4 пуда, но когда в последней четверти столетия введена была 8-пудовая четь, то расчеты производились на нее.

По сравнению с другими сибирскими городами красноярские пешие казаки считали себя обойденными, так как «в Сургуте и на Березове» «указано... государево хлебное жалованье оклады больше наших окладов», а именно 5 р. 25 к. (вместо 5 руб.), 6 четей ржи (вместо 5 четей 1 осьмины), 2 чети круп (вместо 1 чети) и 2 пуда соли (вместо $1\frac{3}{4}$ пуда) ⁷⁰.

Тем не менее размер вознаграждения был в сущности удовлетворительный, равняясь в общем итоге для холостого пешего стоимости $120\frac{1}{2}$ пудов ржи, 8 четей овса ⁷¹ и $1\frac{3}{4}$ пуда соли; а для холостого конного — $170\frac{1}{2}$ пудов ржи, 8 пудов овса и $1\frac{3}{4}$ пуда соли; женатые получали, как указано, несколько большие оклады (например, ржи на 1 четь больше, чем холостые).

Кроме жалованья, служилые люди получали особые награды за удачные военные действия. Так, после разгрома тубинцев в 1692 г. из Москвы было прислано государево жалованье из расчета по 1 рублю раненым (21 чел.), по 1 рублю «за побитых тубинцев за 500 чел.» и за «явственный бой», т. е. активное участие в сражении, по 50 коп.— всего 888 руб. «собольми и мягкой рухлядью» ⁷².

Однако жалованье это существовало только на бумаге, в царских указах и воеводских «пометных списках» (проектах смет). На деле из него до служилых людей доходила своеобразно лишь незначительная часть. «А в иных, государь, сибирских городах,— плакались казаки в 1647 г.,— жалуют служилых людей твоим государевым жалованием денежным и хлебным впредь в настоящий год (т. е. за текущий год.— С. Б.), а нас, государь, холопей твоих жалуют твоим государевым жалованием все за прошлые годы, а впредь нам твоего государева жалования не дают, а хлебным, государь, жалованием мы, холопи твои, и на прошлые годы многие не пожалованы... и все мы, холопи твои, государевы, служим тебе, великому государю, в твоей дальней отчине без твоего государева жалования». Ввиду неаккуратности присылки денег воевода никогда жалования «сполна не даывал, а давал де на разные сроки малые дачи, а не сполна», «не в равенство, и кому много, а иному мало, а иным ничего» ⁷³.

Точно так же неравномерны бывали и выдачи хлеба. Иной раз давали по 1 чети, «и то охоботье плохое», а в иные годы хлебных запасов служилым людям «не дано ни по единому пуду..., и они помирают томною смертью» ⁷⁴. Жалобами на хроническую недосылку жалования переполнено делопроизводство красноярской съезжей избы: «А за скудостью своею запасов нам купить нечем,— плачутся служилые люди в 1695 г.,— а вашим великих государей денежным и хлебным и соляным жалованием за многие прошлые годы и за нынешний 203 год в полные оклады

⁶⁹ Присыльные стрельцы получали первоначально по 4 чети 1 осьмине ржи и овса.

⁷⁰ Стб. 12, лл. 516—517.

⁷¹ 1 четь круп приравнивалась 2 четям овса.

⁷² И. П. Кузнецов. Исторические акты XVII ст., № 27, стр. 66—68.

⁷³ Стб. 292, л. 81 и сл.; стб. 980, л. 325; стб. 366, л. 307.

⁷⁴ Стб. 802, л. 105; стб. 366, л. 307.

не пожалованы, нужны и бедны, и великими долгами одолжали, с женишками и с детишками скитаемся меж двор и помираем голодную смертью, и многие детишки наши у приезжих торговых людей в закладе»⁷⁵.

У нас имеются объективные данные, чтобы проверить справедливость этих постоянных жалоб. Вот сведения о задолженности.

В 1668/69 г. из подлежащих выдаче 2561 рубля было выдано всего 134 р. 92 к., недодано 2426 р. 8 к. и оставалось в долгу за казною за прошлые годы: 1667/68 г.—1763 р. 75 к., 1666/67 г.—1023 р. 9 к. и 1665/66 г.—953 р. 80 к.; в следующем 1669/70 г. из 2627 р. 50 к.—было выдано только 47 р. 20 к. и оставались недоданными 2420 р. 30 к.; из прежней задолженности оставались непокрытыми 772 р. 95½ к. за предшествующий год. В 1686/87 г., при окладе в 3936 р. 75 к., было недодано 3276 р. 3 к. за текущий год и за предшествовавшие три года 1570 р. 50¾ к.; в 1692/93 г. при окладе в 4203 р. 25 к. недодача выразилась в 2316 р. 60½ к., кроме того, за предшествующие годы было недодано свыше 11404 руб.: за 1686/87 г.—3276 р. 3 к.; за 1687/88 г.—1470 р. 9 к.; за 1688/89 г.—1841 р. 86 к.; за 1689/90 г.—1783 р. 23 к., за 1690/91 г.—1337 р. 88 к. и за 1891/92 г.—1694 р. 76½ к. и т. д.

Положение с хлебным жалованьем ухудшалось благодаря привходящим обстоятельствам. Во-первых, за припасами приходилось ездить в Енисейский уезд, а это было сопряжено с расходами, так что нередко хлеб из Енисейска «ставился дороже... государского хлебного жалованья», «осьмина ставилась (в 90-х годах.—С. Б.) с провозом и со всякими харчами до Красноярска рубли по два и по три»; маломочные служилые люди предпочитали даже совсем отказаться от хлебного жалованья, чтобы не ездить за ним⁷⁶. К тому же правительство в конце столетия стало проводить чрезвычайно жесткую политику в отношении служилых людей, имевших пашню: хлебное жалованье засчитывалось вместо «выдельного» хлеба, который собирався с частновладельческих земель в казну; размеры выдачи устанавливались раз навсегда, и при выдаче хлебного жалованья вычеты производились вне зависимости от фактического урожая и посевной площади данного года — «хотя... у кого и ничего в пахоте не будет»⁷⁷.

По книгам енисейского сына боярского Марка Вындомского, 43 чел. красноярских служилых людей должны были служить «с пашен» совсем без хлебного жалованья, которое они получали только в годы служебных командировок, а у 310 чел. велено делать вычеты — 1498 четей ржи, 1132 чети 1½ осьмины овса, 4 пуда соли⁷⁸. Служилые люди упорно, но безрезультатно боролись против таких вычетов из их хлебного жалованья.

Мы видим, таким образом, что, эксплуатируя коренное население края, сами служилые люди подвергались беззастенчивой эксплуатации со стороны казны.

В итоге положение служилого люда в Красноярске было чрезвычайно тяжелое, особенно в неурожайные годы, как, например, в 1694 г. Гарнизон был доведен до полного отчаяния. «Лучшие» люди приходили к воеводе П. С. Мусину-Пушкину и извещали его тайно, «естьи впредь вскоре вашего государского милостивого к ним, красноярцам, призрения и присылки денежного и хлебного жалованья в додачу полных окладов, за служенного на прошлые и на нынешний 202 год, из окладу не будет, и

⁷⁵ Стб. 1317, лл. 88, 92.

⁷⁶ Там же, л. 48.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Стб. 1052, л. 655.

многие де служилые люди, покинув вашу государскую службу и жен своих и детей, не потерпя совершенные нужды и скудости, и от долгов хотят бежать врознь в иные сибирские города, потому что им в Красноярском жить стало не у чего, дворишка и животишка свои все избыли и без вашего великих государей жалованья, кроме бегу, от долгов своих свободиться им нечем, а и напред сего от того ушли больши 30 человек и живут в Иркутском и в иных дальних сибирских городех, а иные, не дошед городов, по дороге померли от голоду»⁷⁹.

При таких условиях рассчитывать на государево жалованье не приходилось. Тотчас после основания Красноярска служилые люди были вынуждены обратиться к земледелию. Мы видели, что к концу столетия значительная часть культурной площади Красноярского уезда обрабатывалась служилыми людьми и их семьями и что они по преимуществу снабжали местный красноярский рынок хлебом. Выше было также отмечено участие служилого люда в промыслах. Наконец, посылки по ясак в ясачные волости и поездки «по государевым делам» в Москву и в соседние азиатские страны открывали верхушке служилого класса возможность обогащаться путем торговли или грабежа туземцев. В результате мы наблюдаем в его среде довольно заметную дифференциацию. С одной стороны,— общая масса «бездомовных», живущих кое-как, «холостым делом по чужим дворам», и не имеющих собственного хозяйства. Так, в 1656 г. громадное большинство служилых людей показало о себе, что они живут «по чужим дворам из найму и холостым делом, а дворов и торговых животов и никаких промыслов у нас нет, только кормимся государевым денежным и хлебным жалованьем и наймемся по караулам (т. е. за деньги заменяют более состоятельных товарищей на караулах.— С. Б.), ежегод служим государевы годовые службы, а государево денежное жалованье нам ежегод сполна не доходит, служим без жалованья великою нужею»⁸⁰; многие «от голоду и совершенные скудости волочатся меж двор и кормятся христовым именем»⁸¹. Примером такого бездомовного казака может служить Яков Святогоров, который спал «у соборной церкви в малом городе под трапезою..., а своего двора у него нет»⁸². В такое положение попадали большей частью ссыльные, особенно в первые годы их пребывания в Красноярске, пока они не обзаводились семьей и хозяйством. «А что по твоему государеву указу,— писал Михаил Скрябин,— ссылаются в Красноярский острог за всякие вины московские стрельцы и мошенники, и всякие люди, а велено им служить твоя государева служба..., и те, государь, все ссыльные люди, которые в службе, взяв твое государево денежное и хлебное жалованье, проживают на квасу ежегодно и зерню проигрывают..., и те ссыльные служилые люди от службы... бегают из Красноярского острогу беспрестанно»⁸³.

Значительная часть служилых людей, дававших показания в 1656 г., не имея отъезжих торгов и торговых животов и кормясь государевым жалованьем, «про домашний обиход» припахивали яровой хлеб. Полагавшийся с их пашни выделной хлеб зачитывался им в хлебное жалованье; если же запашка была настолько велика, что размеры выдела превышали хлебный оклад служилого человека, то он должен был внести в казну разницу.

⁷⁹ Стб. 1317, л. 59.

⁸⁰ Стб. 489.

⁸¹ Стб. 366, л. 266.

⁸² Стб. 1317, л. 60.

⁸³ Стб. 802, л. 104

В 1671 г. из общего числа 378 служилых людей 167 чел. жили в своих деревнях и занимались хлебопашеством, приезжая в город только на службу. Одним из поводов неудовольствия на воеводу Герасима Никитина были именно частые вызовы служилых людей из деревень в город: «сделав безвестно вести воинские, мугальские и калмыцкие приходы под Красноярский острог, и нас, холопей ваших, из сел и из деревень велит в городе быть и смотры нам чинит частые». С своей стороны воевода жаловался, что служилые люди его не слушают, живут по деревням и в город не ездят⁸⁴.

Экономически «деревенцы» составляли более или менее обеспеченную группу, своего рода средний слой красноярского служилого люда. В 1695—1699 гг. деревенцы являлись наиболее активными участниками «смуты».

Из общей массы рядовых служилых людей выделяется небольшая сравнительно группа участников в торговых оборотах Красноярска. В 1646 г. 18 чел. показали, что занимаются торговлей. Из них 15 определяли свои торговые предприятия как «базарный небольшой промыслишко и торжишко» на сумму от 3 до 10 руб. В чем заключался этот «базарный промыслишко и торжишко», объяснил Петр Коркунов: «когда что перекупишь». Это была преимущественно торговля с туземцами, «как бывает пригон на Красный Яр». Но двое — Торопка Фефилов и Игнатий Ус — показали более крупные операции: «отъезжий промысел», на 30 руб. каждый. Торопка Фефилов объяснил, что у него «отъезжего промыслу в торжишке с Москвы привезено товаренку». Все торги служилых людей в 1656 г. расценивались более, чем на 142 р. 50 к. Распределялась эта сумма так: у двоих — на 30 руб., у двоих — на 10 руб., у одного — на 8 руб., у двоих — на 6 руб., у одного — на 5¹/₂ руб., у пяти — на 5 руб., у двоих — на 4 рубля, у двоих — на 3 рубля и у одного — сумма неизвестна.

Позже, когда в Красноярске образовалась группа детей боярских, в их руках сосредоточились очень значительные торги. В 1697 г. сын боярский Степан Иванов вывез из Удинского острога 325 руб. денег и ценной мягкой рухляди почти на 889 руб., не считая росомашьих, медвежьих, волчьих шкур и ролдуг оленьих и козьих, кабаргинной струи на 231 рубль, 17 косяков китайской камки и 6 тюней китаек на 176 руб., 110 тулупов козлиных, много других товаров и 15 лошадей⁸⁵. Не следует думать, что все вывезенные Степаном Ивановым товары были приобретены путем обмена. Торговые операции ясачных сборщиков шли рука об руку с другими формами эксплуатации, среди которых спаивание вином, которое курилось на месте в ясачной волости, и прямые вымогательства занимали не последнее место. Сбор мягкой рухляди «в почесть», в свою пользу, с ясачных людей являлся для наиболее видных служилых людей обычным способом не только покрывать недочеты государева жалованья, но и сколачивать себе значительное состояние путем продажи собранной пушны русским торговым людям. Крупные доходы, которые «приказные люди» извлекали из поездок по ясачным землицам, позволяли им дорого платить за свое назначение (до 100—200 руб.) воеводам. Но и второстепенные служилые люди, ездившие для сбора ясака, получали свою долю выгоды и соглашались потому платить известный «окуп» при назначении их в ясачную волость.

Наконец, для всех без исключения служилых людей подспорьем к неаккуратно выплачиваемому жалованью являлась военная добыча,

⁸⁴ Кн. 566.

⁸⁵ Стб. 1288

особенно военнопленные, — «ясырь». Отсюда постоянные «задоры», в которых киргизы и монголы обвиняли красноярцев, — «задоры», позволявшие под предлогом войны «громить» юрты кочевников и захватывать полон. Отсюда же озлобление против тех воевод, которые лишали их результатов их побед, отнимая у них в свою пользу, под видом «почести», пленников.

Так создавались в руках высшего слоя красноярских служилых людей значительные богатства. У Ивана Злобина при обыске было найдено из платья: три кафтана китайчатых, два кафтана камчатых, кафтан шубный на белках, два азяма (китайчатый и кумачный), холодник китайчатый, тулуп беличий под китайской камкой, опушенный кругом ворота выдрой, пять телогрей из камки, кумача и китайки, некоторые очень богатые, с кружевом мишурным и пуговицами одекуйными; два малахая волчьих, два малахая лисьих, семь пар башмаков и сапогов женских и мужских (из них пять сафьянных), кушаки, кокошники, платы, шелковые и шитые шелками, подубруски камчатые и атласные; из белья: три полотенца, две рубашки мужские — одна скроенная, шесть рубашек женских, двое портов, штаны пестрядинные, наволока большая с кружевом нитяным и т. д.; из оружия: сабля полської работы, оправа железная, насекана серебром», три лука турецких, сулема простая, натруска, лялунка, шита по черному бархату, бумажник китайский, саадак со стрелами, два седла. узда, «серебром насекана», и т. д.; из посуды: медный котел небольшой, две глиняные зеленушки; из вещей домашнего обихода: зеркало стенное большое, подголовок окованный «колмогорский», коробья окованная, ножик да вилки «припои медные с финифитом», много тканей в отрезках, кое-какая мягкая рухлядь, товары для мены с туземцами и т. д.

Но такая сравнительная обеспеченность была уделом лишь немногих из служилых людей. Громадное большинство влачило жалкое полуголодное существование, кое-как пробавляясь за счет туземцев, имея перед глазами в будущем перспективу нищенской старости.

«За старость», за увечье и «для скорби» престарелые и небоеспособные служилые люди получали отставку; им предоставлялось снискивать себе пропитание, как они сами знают, «хотя бы, кто был в приход воинских людей изранен, отсечена у него рука». Такой же участи периодически подвергались служилые люди, поверстанные против правил из числа гулящих или тяглых людей. Те из них, которые были в состоянии работать, обычно садились на землю и обзаводились хозяйством. В 1684 г. таких отставных казаков, которые жили домами, было пять дворов⁸⁶. Перепись 1702 г. тоже отметила несколько отставных казаков в числе собственников Красноярского уезда. Но наиболее престарелые влачили жалкое существование, тем более, что казенной богадельни в Красноярске не было. В конце столетия 10 чел. всяких чинов служилых людей, отставленных по их челобитью «за старостью», так описывали свое положение: «В прошлых, государи, годах служили мы, холопи ваши, вам, великим государем, службы годов по 30 и по 40 и по 50 и больши, изранены и осадное терпение и голод принимали..., и ныне мы, холопи ваши, живучи в Красноярском городе, скитаемся меж двор, и многие холопи ваши в старости от раннего терпения одряхлели, поить кормить нас, холопей ваших, некому». На помощь приходила частная благотворительность, однако, далеко не достаточная. Сын боярский Василий Многогрешный купил после смерти городничего Романа Рыдаря его двор в малом остроге и пустил в него жить трех стариков; «И они, холопи ваши, — плакались челобитчики, —

⁸⁶ Стб. 1052, л. 718.

кормятся в миру, и в той, государи, избежке жить нельзя, потому что вся изгнила, и мала, и развалилась». В первое воеводство П. С. Мусина-Пушкина отставные казаки подняли поэтому вопрос о постройке в Красноярске специальной богадельни «из казны великих государей, против иных сибирских городов»⁸⁷. Ходатайство это, по-видимому, было исполнено, так как на чертеже Ремезова уже фигурирует «Armmannshus», или богадельня.

Позже возникшие церкви в деревнях и слободах под Красноярском выполняли те же функции в отношении сельского населения.

Таково было в основном безотрадное существование большинства сельского люда в Красноярске на протяжении XVII в.

3. КРЕСТЬЯНЕ

Хлебопашество, как мы видели, не было целью колонизации Красноярского уезда, а лишь условием, без которого не могла осуществляться военная его оккупация. Поэтому земледельческая колонизация имела второстепенное значение в жизни края. Правда, тотчас после основания Красного острога Архип Федорович Акинфьев, на опыте убедившись в невозможности рассчитывать всецело на привозной хлеб, призвал на пашню в 1630 г. 14 крестьян, а в 1631 г. еще 6 чел., но денег на подмогу в красноярской казне не хватало, и самый вопрос о земледельческой колонизации уезда оставался открытым, поскольку еще не была выяснена самая судьба построенного на Каче острога. Только в 1632 г., когда окончательно было решено сохранить его, томским воеводам немедленно было предписано озаботиться посылкою денег и семян для крестьян, «которые на Красном Яру прибраны вновь и впредь учнут прибираться».

Условия жизни в пограничной черте, подвергавшейся непрерывно нападениям кочевников, мало способствовали привлечению на пашню «охочих людей». Поэтому рассчитывать можно было главным образом на принудительное поселение.

Основные кадры красноярского крестьянства составили ссыльные, принудительно переводимые как из русских, так и из сибирских городов на красноярскую пашню, с тем чтобы «им себя питать работою земляною и скотопашвом». Как только был основан Красноярский острог, из Тобольска было выслано «на житье в крестьяне» на Красный Яр 15 «ссыльных людей из тобольских старых крестьян с женами и с детьми»⁸⁸.

В 1635 г. препровождена на Красный Яр большая партия крестьян, которые частью были переведены из сибирских городов, с Верхотурья, с Тюмени и из Туринска, а «иные... сосланы за свои страдничьи вины и из иных из русских городов»⁸⁹, в том числе шесть «воровских казаков» из отряда Янки Губарева, которые были взяты на Каспийском море «в языцех»⁹⁰. В 40-х годах в пашню был прислано еще 12 ссыльных и т. д.⁹¹

Делались попытки и на месте, в самом Красноярском уезде, навербовать подходящие элементы для пашни. В 1647 г., в связи с общим по всему государству сыском закладчиков, из Томска прислан был сын боярский Василий Былин с поручением выискать гулящих людей, которые жили за частными владельцами «в крестьянех и в половниках и на посаде и в уезде меж посадских людей и пашенных крестьян, а денежного и хлебного об-

⁸⁷ Стб. 1317, л. 276.

⁸⁸ Стб. 12, л. 440 и сл.

⁸⁹ Стб. 489, л. 651.

⁹⁰ И. П. Кузнецов. Исторические акты XVII ст., № 3.

⁹¹ Стб. 446, лл. 412—413.

року не платят», и сажать их на пашню. Но ни в городе, ни в уезде «ни за кем крестьян и бобылей в половниках и закладчиков и захребетников» не оказалось. Тогда ретивый сын боярский переписал «казацких отцов и братью» и промышленных людей, временно пребывавших на Красном Яру. Из Москвы, однако, последовало в 1648 г. разъяснение, что промышленных людей, которые на Красный Яр приходят для промыслов, «а не житьем живут, и без жен», не задерживать, «а строить в пашню приходящих людей, которые живут с женами и с детьми». Таковых, однако, не оказалось⁹². В 1681 г. воеводе Дмитрию Степановичу Римскому-Корсакову было приказано разобрать красноярских всяких чинов людей, «кто какого отца сын и которого города уроженец и давно ли в Красноярском». На основании произведенного разбора все гулящие люди, взятые на службу, были «поворочены» на пашню. В 1690 г. воевода Игнатий Башковский, однако, доложил, что разбор Д. С. Корсакова произведен был не до конца. «А есть де, государи, в Красноярском при прежних воеводах поверстаны в казачью службу многие из гулящих людей». Он предлагал этих гулящих людей заменить казацкими детьми, а их самих «селить на пашню», от чего казне «будет прибыль, и хлеба напахать мочно великое число». Из Москвы потребовали более точных справок, и дело на том стало⁹³.

В 1693 г. была сделана попытка завести хлебопашество на среднем течении Кана — поселить на Канской земле человек 20 — 30 беломестных казаков из гулящих людей и на подмогу им дать жалованье из красноярских доходов «против енисейских беломестных казаков» по 4 рубля человеку и отвести им земли под пашню. Об этом ходатайствовали сами канские татары, которые еще с середины XVII в. упорно хлопотали о заселении их края служилыми людьми в целях обороны от нападений тубинцев и киргизов. Но охотников селиться на новых местах не нашлось. Когда воевода Башковский объявил государев указ казачьим детям и гулящим людям, они отвечали ему: «что с того де [жалованья] селиться в той земле охотников у них никого нет»; тут же они заявили, «что де тем... великих государей жалованьем по 4 руб. человеку поселиться в Канскую землю им вновь нечем, потому что они люди скудные и от воровских киргизских людей разоренные, своих пожитков нет», и деликатно напомнили, что енисейским беломестным казакам жалованья дается «на селитьбу по 10 руб., а не по 4 руб.»; если им дадут столько же, то они смогут служить без годового денежного и хлебного жалованья, с земли. Воевода запросил Москву, что делать, причем намекнул: «и если, государи, впредь о селитьбе беломестных казаков ваш, великих государей, указ прислан будет, чтоб их с той дачею поселить неволею, и в Красноярском, государи, и по 4 р. человеку на дачу взять негде».

В Москве не поняли или не захотели понять намека; указ о поселении в Канской земле беломестных казаков из охочих людей был подтвержден на прежних основаниях, — «а на подмогу им дать против прежнего по 4 руб. человеку из красноярских доходов, а буде охочих никого не будет, и в тот Канский острог в беломестные казаки посадить в неволю из гулящих людей». Тем не менее отсутствие средств и начавшиеся годы «смуты» не позволили осуществить это постановление. В XVII в. Канская земля не была колонизована⁹⁴.

В общем итоге попытка использовать нетяглую и неслужилую часть крестьян дала очень слабые результаты, и до конца столетия ссыльные

⁹² Стб. 292, лл. 7 и сл.

⁹³ Стб. 1052, л. 79.

⁹⁴ Стб. 1317, лл. 103—105, 317—319.

составляли главную массу крестьянства. Только в самом конце XVII в. наблюдается некоторый приток вольнопоселенцев на пашню⁹⁵.

Общая численность крестьянского населения Красноярского уезда в последней четверти XVII в. выражается, не считая монастырских крестьян, в следующих цифрах: в 1672 г. государевых пашенных крестьян было 75 чел., и при них взрослых и малолетних родственников 98 чел.; в 1679/80 г.— 117 чел. и 78 родственников; в 1689/90 г.— 87 дворов и в них 149 чел.; в 1692/93 г.— 117 чел.; в 1698/99 г.— 102 чел.; в 1702 г.— 125 чел. и 39 родственников (взрослых)⁹⁶. Все эти крестьяне населяли два села, Ясаулово и Бузимское, и несколько деревень, из которых четыре — Бугачевская, Частоостровская, Балчунская и Павловская упоминаются в течение всей второй половины XVII в.; две деревни — Погорельская и енисейских крестьян в окрестностях Надпорожной слободы возникли в самом конце столетия, а одна деревня — Нижняя Караульная названа только раз, в 1679/80 г. (в составе семи крестьян, при которых два родственника).

Рассмотрение численности крестьян в различные годы показывает значительные колебания; вместо ожидаемого непрерывно возрастающего числа мы видим неожиданные его понижения, и в конце концов общее количество крестьян изменяется сравнительно очень мало. Причин к тому было много.

Тут, по-первых, отражались отрицательные стороны принудительного труда. Отписки красноярских воевод полны жалоб на неспособность ссыльных к земледелию. Ссыльные люди подмогу и лошадей «испроворывали» и убегали из Красноярска, «и селить их..., ссыльных людей, на пашню непрочно». «И те все ссыльные люди,— писал воевода Михаил Федорович Скрябин,—...которые, государь, люди устроены в пашенных крестьянх, и те люди, взяв твое государево жалованье, ссуду, деньги и семейной хлеб, и сошники, и серпы, и косы и всякой пашенной завод, пропивают на квасу беспрестанно, да зернью проигрывают... И как, государь, те ссыльные... пашенные крестьяне в квасной избе пропьются и проворуются, и те... пашенные крестьяне от пашни бегают из Красноярского острогу беспрестанно в Енисейский уезд»⁹⁷.

Многочисленные побег пашенных крестьян отмечаются чуть не ежегодно. В 1646 г. в Енисейском уезде проживали пять беглых красноярских крестьян⁹⁸.

Невольные хлебопашцы сразу попадали в чрезвычайно неблагоприятные условия. Из русских городов ссылались «людишки бедные и разоренные, холостые»⁹⁹. Земли, которые были им отведены, едва не ежегодно подвергались разорительным набегам кочевников. В 1635 г. поселена была первая большая партия крестьян, и в том же году имел место опустошительный набег киргизов, во время которого они «на государевых пашнях и на крестьянских весь сжатый хлеб пожгли, а несжатый весь вытоптали без остатку, государевых коней всех отогнали, крестьян, их жен и детей, 70 чел., убили, а иных в полон свезли»; в 1638 г. подгородные татары откочевали от города и отогнали государевых коней и скот и разорили кре-

⁹⁵ Кн. 1054.

⁹⁶ Сведения эти см. Сиб. прик., кн. 566, 717, л. 571 и сл.; кн. 902, л. 54 и сл., кн. 1057, л. 113 и сл.; кн. 1504.

⁹⁷ Стб. 446, л. 125 и сл. К этому и другим подобным свидетельствам воеводских отписок (см. стр. 83, 95 и др.) следует относиться с осторожностью, так как они тенденциозны. Остается неоспоримым фактом, что в районе Красноярска к исходу XVII в. создается заметный очаг русского земледелия.— *Примечание редакции.*

⁹⁸ Стб. 446, л. 126.

⁹⁹ Стб. 489, л. 651.

стыян до конца. «А иные многие годы приходили те ж иноземцы и нас, сирот твоих,— жаловались крестьяне в 1656 г.,— последних людишек убивали и животишки наши грабили и скот к себе отганивали и жен и детей наших в полон имали, и мы, сироты твои, последними статками у иноземцев жен выкупали и остались наги и босы и без жен живем многие людишка»¹⁰⁰.

Обзаведение хозяйством при таких условиях возможно было лишь при затратах большого капитала, которого у ссыльнопоселенцев, конечно, не было.

Единственным источником, откуда черпались средства, была казна, выдававшая «подмогу» инвентарем (лошади, сошники, серпы, косы), семенами и небольшой суммой денег. Однако при хроническом отсутствии денег в красноярской съезжей избе дело устройства в пашню крестьян затягивалось, и они «ходят по миру, скитаются христовым именем»¹⁰¹. Но и те, которые получали скудную подмогу, с трудом налаживали хозяйство.

«Дворов у них нет, скитаются где день, где ночь,— писал о положении крестьян воевода М. Скрыбин,— спечь и сварить на них некому, живут непрочно и твою государеву ссуду, деньги и кони, и серпы и сошники, пропили, а иные проиграла, а иные позакладывали, а лошади у иных бескормицею и без призору перепропали, а иные истеряли своим небрежением, а иные бегали из Красноярского острога по двою и по трою и многожды, и в тех бегах они свои лошади истеряли и вновь, государь, на ссуду лошадей прошают»¹⁰².

При отсутствии средств, кредитоваться можно было опять-таки лишь у казны. В частности, казна давала крестьянам хлеб в кабалы, ссуд на покупку лошадей и т. д. Однако в лице казны крестьяне встречали жестокого и беспощадного займодателя. В 1635 г. восемь крестьян «займовали» в Томске по 7 руб. и покупали на них лошадей «для государевы десятинные пашни», прибавляя своих денег по рублю и по 2½ рубля. При отправке их из Томска в Красноярск лошади были оставлены в Томске, но деньги, взятые на покупку лошадей, с них взыскивали на Красном Яру в течение ряда лет, и они стояли на правеже еще в 1648 г. «А мужиченки, государь, самые бедные, все нужны; доправить на них не на ком; твое государево жалованье — одни лошади, а косы, серпы и сошники на табак пропили»,— писал Михаил Дурново¹⁰³.

Итак, отсутствие капитала, при постоянном разорении от кочевников, мешало увеличению числа пашенных крестьян в Красноярском уезде.

Невозможность прокормиться одним земледелием заставляла крестьян искать подсобных промыслов. Они ходят на промыслы звериные и хмелевые, берут на откуп рыбные ловли, торгуют с туземцами¹⁰⁴. Это способствует, в конечном итоге, выделению из общей массы крестьянства небольшой кучки «прожиточных», своего рода кулаков, в хозяйстве у которых работают даже «наемные» люди.

В отношении государства основной обязанностью пашенных крестьян была обработка государевой десятинной пашни. Пашня разверстывалась, или должна была разверстываться, «по семьяниности» и «прожиточности» со времени воеводы П. А. Протасьева, который наложил вновь на

¹⁰⁰ Стб. 90, лл. 222, 489, 651.

¹⁰¹ Вот, например, отзыв о судьбе крестьян, присланных из Томска в 1665 г.: «А из тех, государь, крестьян из 12 человек Еремку Федорова убили татаровья, а Левка Яковлев обнищал и без ноги бродит по дворам, а Оксен Иванов постригся, скитается меж дворов, а Васька Еремеев бежал из Енисейского острогу».

¹⁰² Стб. 446, лл. 411—413; стб. 489, л. 651.

¹⁰³ Стб. 377, лл. 116—119.

¹⁰⁴ Стб. 980, лл. 38, 397; кн. 1354, л. 326 об.

семьянистых и прожиточных людей «прибавочные десятины» по сравнению с «жеребьями», на которых сидели «бедные и одинокие люди»¹⁰⁵. Нормальный «жеребий» десятинной пашни равнялся $\frac{1}{2}$ дес. в поле; допущено, однако, понижение его до 20 саж. и повышение до 3 тыс. с лишком. В 1679/80 г. из 117 крестьян 82 пахали $\frac{1}{2}$ дес., пять — $\frac{3}{4}$, 16 — $\frac{2}{3}$, шесть — 1, четыре — $1\frac{1}{4}$, два — $1\frac{1}{2}$, один — 2 и один — $3\frac{1}{2}$ дес.¹⁰⁶; в 1689 г. из 84 крестьян 60 пахали $\frac{1}{2}$ дес., двое — $\frac{2}{3}$, двое — $\frac{3}{4}$, 11 — 1, двое — $1\frac{1}{4}$, двое — $1\frac{1}{2}$, один — $1\frac{3}{4}$, трое — 2 и один — 3 дес.¹⁰⁷; в 1692/93 г. из 108 чел. 87 пахали $\frac{1}{2}$ дес., шесть — $\frac{2}{3}$, четыре — $\frac{3}{4}$, двое — 1 дес. и было несколько человек, которые пахали только по 30 (5 чел.) и даже 20 (4 чел.) саж.¹⁰⁸

Малолетние сироты освобождались от десятинной пахоты; например, в 1700 г. в Частоостровской деревне, умершего крестьянина Василия Брагина сын Микита Брагин, имевший «собинной» пашни $\frac{1}{6}$ дес., десятинной пашни не пахал «для того, что он в малых летех». Облегчалась десятинная пашня и для стариков и больных. Иногда крестьянин совсем освобождался от десятинной пашни «для того, что стар и увечен, а свою пашню пашет наймом», но должен был платить посопный хлеб, т. е. хлебный оброк натурой¹⁰⁹.

Установить, однако, точно основания, по которым один обрабатывал больше, а другой меньше, чрезвычайно трудно. В отдельных случаях основанием как будто служит действительно «семьянистость», т. е. наличие в семье взрослых сыновей и братьев, в других — более крупные, чем обычно, размеры собственной запашки; но тут же рядом имеются примеры, когда семьи такого же состава и хозяйства такого же размера обрабатывали $\frac{1}{2}$ дес. и меньше и, наоборот, когда одинокие люди, запашка которых была ничтожна, несли более обычного тяжелое тягло. Очевидно, принимались во внимание и подсобные заработки, учесть которые мы не можем.

При неопределенности тех оснований, на которых разверстывалась десятинная пашня, возможны были также и злоупотребления со стороны администрации. Григорий Шишков набавил, например, на одного крестьянина $\frac{1}{2}$ дес. пашни, «а ему великих государей десятинной пашни пахать было не в мочь, и от того он, Григорий, взял у него... корову дойную добрую», после чего сбавил с него полдесятины; с другого крестьянина он взял полтину денег «о сбавке ж великих государей десятинной пашни» и т. д.¹¹⁰

Крестьяне, сидевшие на государевой пашне, фактически находились на положении крепостных, с той разницей, что они были крепостными не частного владельца, а феодального государства в целом.

Администрация строго следила за тем, чтобы крестьяне не отлынивали от работы. За «недопашку» десятинной пашни с виновных взыскивалось хлебом¹¹¹. Крестьянин не имел права покинуть свой жеребий иначе, как поставив себе заместителя, что при недостатке людей было дело не легкое. Когда, например, воевода Алферий Баскаков поверстал крестьянина Ивана Лапку в казаки, то Лапка «нанял в пашню Егора Сидорка, пастуха... А Сидорко пастух при нем же нанял в пашню вора зернщика Назарка Мосиева, а он, Назарко..., государево жалованье, ссуду, деньги,

¹⁰⁵ Стб. 292, л. 73.

¹⁰⁶ Кн. 717, л. 571.

¹⁰⁷ Кн. 902, л. 54 и сл.

¹⁰⁸ Кн. 1057.

¹⁰⁹ Кн. 1504.

¹¹⁰ Стб. 980, л. 387.

¹¹¹ Кн. 1354, л. 327 об.

и лошади и сошники, косу и серп проворовал, и за то его воровство бит кнутом нещадно, и дана ему другая лошадь до... государева указу и сошники и косу и серп»¹¹². Во избежание побегов брались поручные, и в случае, если это не помогало, поручившиеся должны были отработывать за беглецов¹¹³.

Кроме указанных работ, на крестьян налагались иногда и экстренные военные поборы — «поворотные деньги» в размере полтины с хозяйства. Такой побор дал в 1687/88 г. 61 рубль и в 1688/89 г. — 44 рубля¹¹⁴. Тяжесть всех этих повинностей усугублялась всевозможными работами и поделками на администрацию. Крестьяне ставили на воеводу сено и дрова «из-за кнута и из-за провежу». «А сажень дров покупаем, — жаловались они в 1686 г., — по полтине и 4 гривны». Из Енисейска в 1685 г. последовало от князя К. О. Щербатого запрещение требовать с крестьян дрова и сено, но запрещение осталось без результатов.

Не только воевода пользовался бесплатным крестьянским трудом. Подьячий Василий Еремеев, долго хозяйничавший в красноярской съезжей избе, заставлял крестьян работать и на себя: они ему «сена ставили, в озимь дрова ставили и возили, и всякое сделье работали, не успевая своей пахоты и работы работать». Он требовал у них и помощи «большими коньми и быками и коровами и всяким животом житейским»¹¹⁵.

Организация работ, суд и расправа над крестьянами лежали на приказчиках, назначаемых воеводою из служилых людей. Приказчик жил в деревне на особом «приказном дворе» и имел свою «съезжую избу» наподобие маленького воеводы. В съезжую избу он собирал крестьян, чтоб «развычивать» натуральные повинности, например лесную возку¹¹⁶.

Наряду с приказчиком, назначаемым воеводою, у крестьян каждой деревни было и свое собственное самоуправление в лице выборного «мирского старосты» и «земского дьячка». Общие дела решались на мирской сходке. В селах, как и всюду в других русских волостях, местом собрания «мира» являлась церковь. Поэтому сын боярский Тимофей Иконников в 1686 г. звал ясауловских крестьян для челобитья, чтоб «им бить челом на воеводу», — в трапезу ясауловской церкви¹¹⁷.

Для различных работ по государеву хозяйству из крестьян, кроме того, выбирались ответственные лица — житничные целовальники, которые хранили хлебные запасы, доставляли их в город по требованию воеводы и выдавали их за свою ответственность по воеводским памятям. Дело Григория Шишкова показывает, как происходили эти выдачи. Когда в городских житницах хлеба не было налицо, то служилые люди выхлопывали себе «памяти» для получения своего оклада в деревне; целовальники отпускали предъявителю «памяти» нужное количество из деревенской житницы, а самую «память» оставляли себе в качестве оправдательного документа¹¹⁸.

Частновладельческих крепостных крестьян в Красноярском уезде было очень мало. Единственным душевладельцем здесь, как сказано, был Введенский монастырь, у которого на Березовке и на Подъемной было в 1702 г. 27 крестьян. Монастырские крестьяне пахали монастырскую пашню, но государевой десятинной пашни пахать не были обязаны. Зато экстрен-

¹¹² Стб. 377, л. 116.

¹¹³ Стб. 980, л. 60.

¹¹⁴ Кн. 902, лл. 54—69; стб. 1052, л. 352.

¹¹⁵ Стб. 380, лл. 129—132.

¹¹⁶ Стб. 980, л. 60.

¹¹⁷ Стб. 489, лл. 651, 651 об.; стб. 980, лл. 58—60; стб. 380, лл. 129, 131.

¹¹⁸ Стб. 980.

ные военные сборы они платили в несколько более повышенном размере, чем прочие крестьяне,— по 20 алт. со двора вместо полтины.

4. ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ

Красноярский посад вырос не из органических условий края. Он в значительной мере создан искусственно, распоряжениями из центра. Происхождением своим он обязан ссылке. Согласно принятой в Москве практике, на месте ссылки поселенец должен был быть «устроен в тот чин», который ему наиболее подходил по его предшествующей жизни: служилый человек — в службу, посадский — в посад.

Посад был необходимой составной частью любого русского города. И с чисто фискальной точки зрения правительство было заинтересовано в создании посадов в пограничных острогах, так как посадское население выполняло ряд специфических повинностей, возлагать которые на служилых людей было для последних тяготетельно. Наконец, в случае опасности, посадские люди должны были помогать гарнизону. В 1653 г. в Красноярск было послано 30 чел. с приказанием поверстать их в посад¹¹⁹.

И в дальнейшем посад пополнялся ссылкой. Так, в 1653 г., по челобитной гостей и торговых людей, из Тобольска на Красный Яр был сослан посадский человек Пятунка Соколов¹²⁰.

Экономическое положение посадских людей было незавидное. «Они де люди незавидные и немногие,— жаловались первые посадские люди Красноярска,— а торгов де и иных промыслов у них нет». Мы имеем сведения о занятиях 14 посадских людей в середине XVII в., которые хорошо рисуют хозяйственную жизнь нового посада: из них трое пашут (один из них, кроме того, «делает кожевенное дело»), трое живут ремеслом (портняжным и сапожным), один кормится «христовым именем», один слеп и никаким промыслом не промышляет, один малолетний сирота, «худ и мал», трое никаким промыслом не промышляют. Среди этой бедноты выделялись, однако, два человека зажиточных. Один из них — Иван Лягалов, у которого «поставлена лавка, он же откупает квас по высокой цене» (31 р. 50 к.). Его благосостояние в значительной степени построено на незаконном корчемстве. Другим более или менее состоятельным посадским был мясник и скупщик скота Микифор Леонтьев Гука, имевший лавку, за которую он платил оброка 1 рубль¹²¹.

Данные второй половины XVII в. показывают, что положение посадских не изменилось к лучшему. Большинство их «никакими торгами не торгует и в отъезд никуда не отъезжает, живут в деревнях, питаются с пашен». Хлебопашество и всякая черная работа по найму являются основными занятиями посадских людей. В 1688 г. все посадские люди, жившие в Надпорожной слободе, показали, каждый в отдельности: «торгом никаким не торгую, кормлюсь работой черною, пашу хлеб», а из 17 посадских людей, живших в самом Красноярске, 11 чел. кормились работой, «пахали хлеб» и четыре кормились работой, а «хлеба не пахали». В 1693 г. из 55 посадских людей 45 жили хлебопашеством¹²².

Лишь незначительное меньшинство занимались ремеслами — кузнечным, медеплавильным, кожевенным, портновским, сапожным. В 1688 г. из 50 посадских людей только двое — Иван медник и Василий медник — имели небольшие ремесленные предприятия; тот и другой показали: «кор-

¹¹⁹ Сиб. прик., стб. 446, л. 415.

¹²⁰ Стб. 380, л. 52.

¹²¹ Стб. 446, л. 415.

¹²² Стб. 1052, л. 385; кн. 590, л. 281 об.; кн. 1057, л. 108 и сл.

мимся работою, а промыслу у меня — кую медное и железное, а с кузницы плачу оброк по 5 алт. на год». У посадских людей Семена Семенова с братьями в конце столетия были две мельницы в Надпорожной слободе; была мельница и у посадских людей Ивана Туруханка и Михаила Афоньсева.

В торговле, как увидим ниже, посадские люди почти не участвовали. Среди них попадались мясники, вроде упомянутого выше Микифора Гуки и позже Василия Стрижова, который одновременно торговал мясом и выделывал кожи (в 1693 г. у него для нужд казны куплено сала говяжьего на 40 коп. и семь кож коровьих на 1 р. 25 к.). Тот же Стрижов торговал привозимыми из Енисейска товарами. В конце XVII и начале XVIII в. на красноярском рынке некоторую роль играл Ефим Охлупов, таможенный голова в 1695 г. Он начал свою торговую карьеру в качестве сидельца сольвычегодского торгового человека Михаила Бобровского. В начале XVIII в. он является одним из поставщиков пушнины в казну. Охлупов вместе с тем был одним из крупных посадских землевладельцев; ему принадлежало $5\frac{1}{3}$ дес. в поле и на посадном острове $\frac{1}{3}$ дес. покосу¹²³.

Особняком стоят красноярские жители Истопниковы, имевшие крупные торговые дела с Енисейском и Нерчинском; но их никогда не называют посадскими людьми, и они, очевидно, юридически не входили в посад и занимали в Красноярске положение людей гостиной сотни в русских городах¹²⁴.

Общее экономическое благосостояние посада видно из сведений об имущественном состоянии его членов за 1673, 1679 и 1688 г.

В 1673 г. пожитки всех посадских людей (51 чел.) оценивались в 272 р. 45 к., но из этой суммы 47 р. 45 к. приходилось на одного Якушку Матюхина, а из остальных 24 чел. имели «пожитков» на 3 руб.— 3 р. 50 к., восемь — на 4 рубля, шесть — на 5 руб., семь — на 6 руб., один (с братом) — на 8 руб., один (с братьями) — на 9 руб. и только 3 чел. имели больше: двое — на 10 и один — на 15 руб.¹²⁵.

В 1679 г. посадские люди (52 чел.) владели имуществом на 206 р. 80 к., причем 9 чел.— меньше чем на 1 рубль (от гривны до полтины), а свыше чем на 6 руб.— только 7 чел. (двое — на 8 руб., двое — на 10 руб., один — на 12 р., один — на 14 руб. и один — на 15 руб.)¹²⁶. В 1686 г. имущество всех посадских городских людей было оценено в 108 р. 10 к.; в 1688 г. оценка выразилась для отдельных лиц в следующих суммах: 1 чел.— 60 коп., 5 чел.— 1 рубль, 3 чел.— 1 р. 50 к., 3 чел.— 2 рубля, 1 чел.— 2 р. 50 к. и 4 чел.— 3 рубля.

Имущество посадских людей Надпорожной слободы оценивалось следующим образом: у 1 чел. в 50 коп., 3 чел.— 60 коп., 1 чел.— 70 коп., 3 чел.— 1 рубль, 5 чел.— 1 р. 50 к., 9 чел.— 2 рубля, 2 чел.— 2 р. 50 к., 3 чел.— 3 рубля, 2 чел.— 3 р. 50 к., 2 чел.— 4 рубля, 2 чел.— 5 руб.

В 1688 г. имущество 50 посадских людей расценивалось в 96 руб. с гривной, причем у 6 чел. «пожитков» было меньше, чем на рубль, на 3—5 руб. было только у 12 чел.; ценность имущества остальных не превышала 1—2 рублей с копейками¹²⁷.

Все приведенные данные согласно рисуют жалкую картину Красноярского посада. Его жители в основной своей массе владели нищенское существование, кое-как перебиваясь крестьянской работою и в лучшем слу-

¹²³ Кн. 902, л. 827; кн. 1504.

¹²⁴ О них см. выше, в главе о торговле.

¹²⁵ Стб. 590, л. 193 и сл.

¹²⁶ Кн. 717, л. 491 и сл.

¹²⁷ Кн. 902, л. 281 и сл.; стб. 1052, л. 718.

чае ремеслом. Среди этой бедноты как исключение выделялись несколько человек более обеспеченных, стоимость имущества которых однако, редко превышала 10—15 руб.

Число посадских при неблагоприятных экономических условиях, в которых они жили, росло чрезвычайно медленно. Первоначально, в 1653 г., было поверстано в посад 30 чел. Через 20 лет, в 1672 г., посадских людей было всего 46 чел.; из них 8 чел. жили в городе, 26 — в Надпорожной слободе и в той же слободе на еланях и 16 — в разных деревнях; при них состояло сыновей, братьев и других родственников и приемышей старше 14 лет — 12 чел., малолетних — 28 и неизвестного возраста — один. В 1679 г. посадских было 52 чел.; в 1673 г. — 51 чел.; в 1684 г. — 54 чел., из них в городе — 6 чел.; в Надпорожной слободе — 32, в деревнях — 16; в 1688 г. — 53 чел., из них в городе — 7 чел., в Надпорожной слободе — 36 и деревнях — 10; в 1693 г. — 55 чел. (в городе — 9, в деревнях — 10, в Надпорожной слободе — 36); в 1698/99 г. — 59 чел.¹²⁸

На этой небольшой по количеству и маломощной экономически посадской общине лежало разнообразное тягло, оправдывавшее в глазах правительства ее существование. Во-первых, они платили посадский оброк. В середине столетия этот оброк был очень высок. Из 14 чел. один платил 4 рубля, один — 3 р. 25 к., один — 3 рубля, один — 2 р. 30 к., один — 2 р. 20 к., один — 1 р. 20 к., пять — по 1 рублю, и, наконец, с двух человек (один был слепой, другой малолетний) ничего не бралось. Нельзя не признать, что обложение было неимоверно тяжелое, особенно учитывая общую нищету плательщиков, и посадские были правы, когда они жаловались: «а тягло де на них положено не против сибирских городов... в таком им тягле быть невозможно»¹²⁹.

Позже оброк взимался, за отдельными исключениями, в размере полтины. Так, в 1683/84 г. в Красноярске и в уезде из 20 чел. двое платили по рублю, а остальные 18 — по полтине; в Надпорожной слободе один платил 80 коп., один — 60 коп., а остальные не больше полтины. Но в указанном году администрация сделала к их окладу надбавку не менее гривны на человека (в среднем несколько более 4 гривен).

Кроме денежного посадского оброка, с посадских людей взыскивались оброки с промыслов и хлеб с пашен. До 1684/85 г. хлеб брали из расчета пятого снопа, т. е. 20% урожая. Такой высокий налог на урожай привел к сокращению посевной площади посадских, «потому что они, посадские люди многие, пашен своих посея не пашут, и в том пятинном хлебе учинилась перед прежним великая убыль». По этой причине администрация в указанном году произвела реформу обложения, заменив пятинный хлеб фиксированным окладом посопного хлеба, вне зависимости от урожая. Этот налог был распространен и на занимавшихся земледелием городских посадских людей и на всех живших в деревнях. По подсчетам администрации, при новой форме обложения высшая ставка налога должна была выразиться в 2 чети 1 осьмину ржи и 1 четь овса, а низшая — в 1/2 осьмины ржи и 1/2 осьмины овса.

В 1693 г. низшую ставку платил только 1 чел. из 45, и 9 чел. платили 1 осьмину ржи и 1/2 осьмины овса¹³⁰.

Итоги обложения посадских людей в разные годы выражаются в следующих цифрах:

¹²⁸ Кн. 266; кн. 717, л. 491 об.; кн. 811; кн. 902; кн. 1354, л. 326 об.; кн. 1057, л. 108 и сл.

¹²⁹ Стб. 446, л. 415.

¹³⁰ Кн. 1057, л. 108 и сл.; кн. 902.

Годы	Денежный оброк	Хлебный оброк
1669/70	Нет сведений	65 четей $1\frac{1}{2}$ осьмины ржи и ярицы, 14 четей $1\frac{1}{2}$ осьмины овса и 12 четей $1\frac{1}{2}$ осьмины ячменя.
1672/73	» »	137 $\frac{1}{2}$ четей ржи, 29 четей $1\frac{1}{2}$ осьмины, 1 четверик ярицы, 13 четей $1\frac{1}{2}$ осьмины пшеницы, 16 четей $1\frac{1}{2}$ осьмины овса и без немногого 24 чети ячменя.
1683/84	24 р. 34 к.	62 $\frac{1}{2}$ чети ржи, 13 четей овса.
1689/90	Нет сведений	5 четей ржи, 17 четей 1 осьмина овса.
1692/93	36 р. 63 к.	Нет сведений
1698/99	34 р. 8 к.	48 $\frac{1}{2}$ четей ржи, 16 $\frac{1}{2}$ четей овса ¹⁸¹ .

Сверх указанных постоянных повинностей, на посадских людей падали экстренные поимущественные сборы на содержание ратных людей в военное время, «с торгов их и с промыслов» — 15-я или 10-я деньга, т. е. 15% или 10% с показанной ими стоимости их пожитков¹⁸².

Однако имущество посадских было так ничтожно, что воевода Лев Миронович Поскочин счел более выгодным собрать с тех из них, которые жили по деревням, «поворотное», по полтине со двора¹⁸³.

Кроме перечисленных налогов, на посадских людях лежали всевозможные натуральные повинности: «службы им бывают частые»¹⁸⁴. Так, из их среды выбирались целовальники по казенной продаже пива. Во время походов посадские люди «ходили на службу великого государя в подводах под казною и под пушками»¹⁸⁵.

Тяжелое положение посадских людей и непосильность лежавшего на них тяглового бремени способствовали развитию в их среде сильного социального протеста. Этим воспользовался в 1683 г. сын боярский Федор Айканов, который, вступив в борьбу с воеводою Григорием Шишковым, «посадских людей возмущал, чтоб они оброков не платили»¹⁸⁶.

5. ДУХОВЕНСТВО

Снаряжая экспедицию на Красный Яр, правительство позабыло озаботиться удовлетворением культовых потребностей ратных людей; сами участники похода подняли в Тобольске вопрос о церкви и священнике, но встретили сначала полное равнодушие как со стороны светской, так и со стороны духовной администрации. «Деялось, государь, в прошлом во 13[5] году, — жаловались служилые люди в челобитной на имя царя, — посланы мы, холопи твои, из Тобольска на твою, великого государя, дальнюю службу в Качинскую землю на Красный Яр для ради острожные ставки. И мы, холопи твои, в Тобольском били челом тебе, государю, о священнике, и воевода нам в Тобольске князь Андрей Андреевич Хованской священника не дал, а о церковном де строении, о священнике... не указано. И после того мы, холопи твои, били челом... преосвященному Макарию..., и архиепископ нам священника не дал же». Во время экспедиции ратные люди умирали «без отца душевного и без отпевания погребены». Построив острог, они ходатайствовали поэтому о разрешении воздвигнуть «храм на три престола», о присылке «церковного строения» (икон, книг.

¹⁸¹ Кн. 543, л. 256; кн. 590, лл. 249 об.—250.

¹⁸² Кн. 717 и 902.

¹⁸³ Стб. 1052, л. 355.

¹⁸⁴ Стб. 446, л. 415.

¹⁸⁵ Стб. 712, л. 64.

¹⁸⁶ Стб. 988, л. 10.

колоколов) и о выдаче всего необходимого для богослужения. В Москве к ходатайству гарнизона вновь отстроенного острога отнеслись более внимательно. В Красноярск прислали 33 иконы, трое царских врат, богослужебные сосуды, книги, ризы и пр.; из Москвы же был отправлен в Красноярск поп Дмитрий Клементьев. Одновременно патриарх дал распоряжение архиепископу сибирскому об освящении новой церкви.

Первая красноярская церковь, считавшаяся «соборной», была посвящена празднику «боголепного Преображения» в честь того, что именно в этот день был заложен Красноярский острог; один из приделов был, по обычаю, посвящен «царскому ангелу» — Михаилу Маленну; другой придел — чтимой в XVII в. «богородице Владимирской».

С заселением Красноярского уезда одной церкви оказалось мало. Когда рядом с острогом вырос посад, здесь была построена новая церковь, во имя Покрова, с двумя приделами, один из которых был посвящен «ангелу» нового царя, Алексея Михайловича, — «Алексею, человеку божию». Время основания церкви относится к середине XVII в.; в начале 50-х годов в ней еще не было ни книг, ни колоколов, и приделы оставались неосвященными¹³⁷. После основания новой церкви за старой Преображенской церковью упрочилось значение официального «государева богомолья» и собора. Наоборот, Покровская церковь сделалась центром, объединявшим местное красноярское население. В моменты «смуты» около нее собирались служилые люди в «круги»; в церковной трапезе совещались они «миром»; покровский староста являлся естественным представителем подобного собрания; наконец, колокол Покровской церкви заменял собою для Красноярска вечевой колокол, по набатному звону которого красноярцы собирались на сходку. Любопытно, что во время борьбы красноярского гарнизона с воеводою С. И. Дурново соборный протопоп Матвей поддерживал воеводу и подписал челобитную, имевшую целью показать его правоту; покровский же поп Савинов Петр, наоборот, сочувствовал восставшей пастве и допускал очень резкие выходы против воеводы¹³⁸.

По мере заселения Красноярского уезда стали возникать церкви и за стенами города. Так, в середине столетия была выстроена церковь в дер. Ясауловской.

Позже возникла церковь Ильи-пророка в с. Бузимском. Неизвестно, когда была основана Спасская церковь в Надпорожной слободе. Таким образом, в XVII в. в городе и уезде функционировали пять церквей¹³⁹. Кроме того, в середине столетия под Красноярском, на речке Березовке (на противоположном берегу Енисея) возник Введенский монастырь, в котором, помимо братии, жили «вкладчики», т. е. мирские люди, преимущественно служилые, внесшие в монастырь известный денежный «вклад» и получавшие за то право пострижения в нем на старости лет. Монастырь служил и своего рода богадельней; утратившие боеспособность служилые люди, сделав вклад, могли после выхода в отставку получить себе приют в стенах монастыря¹⁴⁰.

Недостаточно было, однако, построить церкви и при содействии из Москвы снабдить их необходимым «строением». Надо было обеспечить их также церковнослужителями, а это было дело нелегкое. «У тех у двух церквей, — писал воевода Михаил Скрябин в Москву про Покровскую и Есауловскую церкви, — священников нет, и призвать неоткуда; в такую

¹³⁷ Стб. 446, л. 146.

¹³⁸ См. в главе об управлении.

¹³⁹ Стб. 380, л. 15; стб. 466, л. 146.

¹⁴⁰ Кн. 566.

дальную Украину священники не заходят, и то твое государево богомолье обе церкви стоят без пения, и служить некому... Многие люди, государь, в Красноярском остроге и в уезде во всех ближних и дальних деревнях умирают без покаяния, и родильницы лежат без молитв, и младенцы некрещены живут много время, и умирают младенцы без крещения». Священник Дмитрий Клементьев к 1652 г. «устарел и очми болен и к церкви ходит с великою нужею», и архиепископом сибирским был поставлен на его место его сын Дмитрий. В середине столетия в Введенском монастыре, кроме того, служил черный священник Феодосий, но и он «в большой же старости и беспрестанно лежит в немочи»¹⁴¹.

К церковному служению оказывались иногда привлеченными люди, имевшие с точки зрения царской администрации подозрительное прошлое. В 1697 г. покровский поп Савинов Петр упомянул, что «кнутом он, Савин, при Алексее Сумарокове бит до священства безвинно». Можно предположить, что Савинов был в чем-то обвинен и затем наказан кнутом. Однако его показание о «безвинном» избиении также не лишено правдоподобности, тем более, что воеводские злоупотребления и произвол были весьма распространенным явлением. Впоследствии его обвиняли, что в бытность священником Покровской церкви он принимал деятельное участие в восстании 1696 г. «бунтовал и бунт заводил», и приволил к кресту красноярских жителей в «бунтовском стоятельстве»¹⁴².

О попе Якове было известно, что он во время похода 1680 г., находясь при служилых людях, принял сторону той части красноярского гарнизона, которая требовала немедленного возвращения в Красноярск. Он с ножом бросался на сына боярского Михаила Садовского, настаивавшего на совместных с томичами действиях.

В среде священнослужителей Красноярска находились также лица, чье повседневное поведение отнюдь не способствовало укреплению авторитета церкви. Не удивительно поэтому, что воевода Герасим Петрович Никитин выражал крайне невысокое мнение о моральных качествах красноярского духовенства и даже отказался иметь своим духовным отцом соборного попа Дмитрия: «видя де, его, попа Дмитрия, совесть и непостоянство, от него от духовности отпросился прочь»¹⁴³.

Правительство принимало на себя содержание духовенства. Расход этот был значителен, подымаясь временами почти до 100 руб. в год. В конце столетия по штатам в Преображенском соборе полагались два попа, дьякон, дьячок, пономарь и просвирица; при трех других церквях — по священнику, дьячку, пономарю и просвирице. Из монастырского духовенства казна содержала игумена, пономаря и дьячка, а также просвирицу.

«Руга», т. е. жалованье духовенству, выдавалась деньгами и хлебным и соляным пайком. Годовой оклад игумена Введенского монастыря был 8 руб.; попов и дьякона — по 6 руб., 6 четей 1 осьмине ржи, 4 чети овса и 1½ пуда соли; дьячков — по 5 руб.; пономарей — 3—4 рубля; просвири — 2—3 рубля¹⁴⁴.

Однако «государева руга» не вполне обеспечивала «крилошан», и соборное духовенство в 1667 г. подавало челобитную с просьбой об увеличении ему содержания «против тобольских и томских священников»,

¹⁴¹ Стб. 466, л. 146.

¹⁴² Стб. 1288, л. 53.

¹⁴³ Стб. 802, л. 456.

¹⁴⁴ Книги именные окладные: 188 г. кн. 717; 192 г. кн. 811; 197 г. кн. 902; 201 и 202 гг. кн. 1057; стб. 380, лл. 58—59; кн. 1354, л. 328 об.

ссылаясь на то, что получаемую ими ругою «стало прокормиться нечем», «стали семейны, детны». Но ходатайство это осталось без ответа.

Духовенство искало подсобных заработков. Мы наблюдаем, что некоторые попы и члены причта обрабатывали землю и владели сенными покосами. В хозяйстве они пользовались трудом холопов, как правило, из числа «иноземцев». В 1672 г. у соборного попа Автонома мы находим купленного «мугальского парня новокрещена»¹⁴⁵⁻¹⁴⁶. Есть указания на участие духовенства и в торговле. Братия Введенского монастыря всецело жила на доходы с своего, довольно, значительного в красноярских условиях, вотчинного хозяйства.

При Петре I руга во всем государстве была совершенно отменена, и «ружникам денег и хлеба и соли, за которыми земли и приходских людей много, давать не велено, а кормиться им — мирским подаянием и довольиться крестьяны, давать, вместо отнятой руги, земли и сенных покосов и рыбных ловель и порозжих земель». В связи с этим общим для всего государства указом, с 1700 г. оклады духовенства были «выложены» из красноярских окладных книг.

6. ИТОГИ КОЛОНИЗАЦИИ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА

Изложенные процессы колонизации Красноярского уезда, несмотря на неблагоприятные внешнеполитические условия, привели к быстрому увеличению русского населения на его территории. «А ныне, государь,— писали из Красноярска в Москву уже в середине столетия,— в Красноярском остроге и в Красноярском уезде твоим государевым счастьем деревень и слобод перед прежними леты прибывает, и людей множитя, и многие деревни от Красного острогу удадели верст по 50 и по 70 и по 100 и больше»¹⁴⁷.

Уже в это время русские поселения сильно стеснили подгородных туземцев, которым кочевать «тесно и с коньми и с рогатым скотом кочевать негде, что де... многие служилые люди поселилися деревнями и заняли заимки и хлеб пашут и сено косят в угодных кочевных местах и ясаку де им около острогу промышлять негде». На Спафария Красноярский уезд произвел впечатление большой заселенности: «И в Красноярском уезде,— писал он,— множество деревень есть и служилых людей с 1000; только всегда опасно от киргиз»¹⁴⁸.

Более или менее точные сведения дает перепись мужского населения 1671 г. Все русское мужское население состояло из 1161 чел., из них 896 чел.— старше 14 лет, 257 чел.— моложе, восемь — неизвестного возраста. Между уездом и городом это число разделялось почти поровну — 590 чел. зарегистрировано в городе, 568 — в уезде и трое жили неизвестно где.

На 1702 г. мы имеем подробный список землевладельцев Красноярского уезда, из которого видно, что число их достигало 857 чел.

Особые приемы и условия колонизации, характерные для Красноярского уезда, отразились в значительной мере на составе и свойствах колонизационной массы. Во-первых, бросается в глаза военный характер колонизации, обуславливаемый пограничным положением уезда. Доста-

¹⁴⁵⁻¹⁴⁶ Кн. 226, л. 196 об.

¹⁴⁷ Сиб. прик., стб. 446, л. 147.

¹⁴⁸ Н. Спафарий. Путешествие через Сибирь...— «Записки Рус. геогр. об-ва». т. X, СПб., 1882, стр. 85.

точно сказать, что в 1671 г. 70,8% всего мужского населения принадлежало к служилому классу (822 чел.); для взрослого населения процент был еще выше (более 75,3). В 1702 г. из 857 землевладельцев к служилому классу принадлежали 615 чел. (около 73,1%). Это в первую очередь военная колония.

Принудительный характер заселения Красноярского уезда способствовал большой этнографической пестроте населения.

Как и в прочей Сибири, среди колонистов очень сильно представлено Поморье, главный источник, откуда шло вольное заселение Сибири в XVI—XVII вв. И среди служилых людей и среди крестьян попадают лаличи, вологжане, вычегжане, важане, устюжане, колмогорцы, южаки, пежемцы, мезенцы, двиняне, белослудцы, вилежане, галичане, вятчане, пермяки, архангелогородцы, вообще поморы. Среди крестьян Частоостровской деревни фигурирует фамилия Пинегиных, ясно указывающая на выходцев с Пинеги. Частое повторение среди служилых людей и крестьян прозвищ — «Зырян», «Зырянов» дает повод предполагать значительный приток поселенцев коми-зырянского происхождения. Среди крестьян Частоостровской деревни есть один вотяк.

Благодаря ссылке в Красноярском уезде оказалось большое число невольных колонистов не только из Поморья, но и из самых разнообразных углов государства. Здесь выходцы из центра гораздо многочисленнее, чем в других сибирских городах, где благодаря вольной колонизации они терялись в общей массе поморов. Мы встречаем на Красном Яру уроженцев Москвы и ближайших к ней городов: москвитян, коломлетян, ростовцев; из Поволжья — романовцев, ярославцев, казанцев, нижегородцев, арзамасцев, балахонцев, тетюшан, астраханцев; наконец, с западной и южной окраин — смольян, воротынцев, путивльцев, комаричан, курчан и др.

Ссылка способствовала появлению в крае большого числа казаков — как донских, так и яицких и терских; в XVII в. известна была, в частности, многочисленная служилая фамилия Терских. Значительную группу составляли «черкасы», т. е. украинцы. Из них в Красноярске образована была даже специальная полусотня; кроме того, черкасы встречаются и среди казаков и среди крестьян.

Благодаря служебным переводам из одного города в другой в Красноярск переселялись служилые люди из других сибирских городов. В 1668 г., например, для пополнения красноярского гарнизона, как мы видели, тобольская администрация произвела принудительный набор среди служилых людей по всей Западной Сибири. Среди красноярских служилых людей мы находим не только верхотурцев, тоболян, тюменцев и томичей, но и «даурских казаков», или «дауров», т. е. казаков, попавших на Красный Яр с Амура.

Ссылка приводила в Красноярский уезд и иностранные элементы. Военнопленные поляки составляли особый корпус в Тобольском гарнизоне под названием «поляков», «польских и литовских людей», или «шляхты», иногда «иноземцев». В 1669/70 г. иноземцев и польских и литовских людей в Красноярске было 22 чел., не считая тех, которые расплылись среди прочих служилых людей. В 1684/85 г. их было 18 чел. и три драгуна. Среди них встречается ряд лиц звучных польских фамилий: Микулай Врублевский, Леонтий Урбановский, Иван и Петр Рачковские, Матвей Полутский, Степан Критский, Ян Моричевский, Филипп Цыбульский и т. д. Среди ссыльных поляков попадались и немцы; уже в 1636 г. на Красный Яр были направлены новокрещенный сын боярский Яков Семенов Твидин, немчин, в 1638 г. — два немца-новокрещена, Иван

Федоров и Роман Иванов¹⁴⁹; был один немец и среди пушкарей. Любопытной фигурой является случайный гость в красноярском гарнизоне — сын боярский Савва Французенин, уроженец Брабанта¹⁵⁰. В одном случае назван служилый человек турчанин.

Для представления об этнографической пестроте красноярского русского населения можно привести данные о происхождении группы казаков, почерпнутые из именных окладных книг 1666/67 и 1669/70 гг. В их числе были:

Поморы	Из других русских городов	Из сибирских городов
Зыряне 10 чел.	Нижегородцы 2 чел.	Тобояне 1 чел.
Лаличи 5 »	Арзамасцы 2 »	Тюменцы 2 »
Вычегжане 3 чел.	Ярославцы 1 »	Томичи 2 »
	Галичане 1 »	
Важане 2 чел.	Балахонцы 1 »	Даурские казаки 3 »
		Вс. 8 чел.
Вилежане 1 »	Казанцы 1 »	
Колмогорцы 1 »	Из Поволжья 1 »	Другие националь- ности
Мезенцы 1 »	Ростовцы 1 »	Черкасы 8 чел.
Двигане 1 »	Смоляне 1 »	Литвины 1 »
Устюжане 1 »	Комаричане 1 »	Турчанины 1 »
	Вс. 12 чел.	Вс. 10 чел.
Поморы 1 »		
Вятчане 2 »		
Вс. 28 чел.		

Влияние ссылки на такую этнографическую пестроту отражено в сведениях о происхождении ссыльных, направлявшихся в середине 30-х годов в Красноярск. Среди них значатся три москвитянина (в том числе подьячий и сын конюха), два нижегородца, два тетюшанина, один романовец, два казанца, один пермяк, один стрелецкий сын из Архангельска, три ростовца, один «воротынец», 11 казаков (в том числе один казак яицкий, три казака донских и один донской казачий атаман), один литвин и два немца¹⁵¹.

Ссылкой же вызвана и другая характерная черта красноярской колонизационной массы — ее большая подвижность, объясняемая главным образом принудительным характером заселения края и отсутствием безопасности в пограничной полосе. Побег — обычное явление как среди крестьян, так и среди служилых людей: «Ссыльные служилые люди от службы, а пашенные крестьяне от пашни бегают из Красноярского острогу в Енисейской уезд беспрестанно, — жалуется Михаил Скрябин, — а в Енисейском, государь, уезде енисейские служилые и посадские люди и пашенные крестьяне... [их] у себя в деревнях укрывают и таят, и у погонщиков, которые за теми беглецами из Красноярского острогу посылаются, тех красноярских беглых людей отбивают и погонщикам имать не дают, что... те беглецы работают у них в деревнях без найму, и те... беглые ссыльные люди, пообжився в Енисейском уезде, уходят в русские

¹⁴⁹ Сиб. прик., стб. 886, л. 377; И. П. Кузнецов. Исторические акты XVII ст., № 3, стр. 6.

¹⁵⁰ О нем см. статью автора «Андрей Палицын» (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 175—197). Ср. Сиб. прик., кн. 902, л. 81.

¹⁵¹ Сиб. прик., стб. 91, л. 11 и сл.; стб. 49, л. 364 и сл.

города... И многие, государь, ссыльные люди из Красноярского острогу бегают беспрестанно»¹⁵².

Временами побеги принимали массовый характер. В 1678 г. распространился слух, что Николай Спафарий, ехавший в Китай, прибирает на службу всяких чинов людей и беглых: «И в Красноярском де остроге, послыша то, розных городов служилые люди и пашенные крестьяне и ссыльные люди из Красноярского острогу бежали в Енисейский острог и в уезды»¹⁵³. Во время голода 1694 г. служилые люди убегали в дальние города, в Иркутск и на Русь¹⁵⁴.

Наконец, условия принудительной военной колонизации отразились и на количественном распределении населения по полу. Здесь, как и во многих других местах Сибири, ощущался большой недостаток в женщинах. Отсюда в конце столетия жалобы крестьян новопоселенцев на то, что крестьяне старожилы выдают своих дочерей замуж за служилых людей; отсюда и побеги этих новоселов в Енисейский уезд, где они обзаводились семьями.

Все указанные факты не представляются явлениями, исключительно присущими Красноярскому краю. Общие условия, в которых шла колонизация всей Сибири, способствовали образованию в Зауралье чрезвычайно пестрого этнографически, подвижного по образу жизни, преимущественно мужского населения. Но в Красноярском уезде, благодаря преобладанию принудительных способов колонизации и сугубо военному ее характеру, эти явления нашли себе более сильное выражение.

Культурный уровень массы новопоселенцев был невысок¹⁵⁵. Огрубление нравов выражалось, в частности, в неимоверном пьянстве. Служилые люди свое денежное и хлебное жалованье «пропивают ежегодно и зернью проигрывают... и в приход воинских людей те воры — не слуги ж, что у них нет ни оружия, ни служилых заводов, ни платья, беспрестанно живут ночи в квасной избе... Крестьяне всякой пашенной завод пропивают на квасу ж беспрестанно, да зернью проигрывают... Во пьянстве в квасной избе чинится дурно большое, и многие люди друг друга побивают с пьянства до смерти, а иные за собою с пьянства сказывают... государевы дела, и за то воровство и за пьянство и за зернь... живет им наказание большое беспрестанно, и после... наказания те люди делают то ж. И унять, государь, их с того воровства и от пьянства и от зерни нельзя никоими меры!» — восклицал доведенный до отчаяния воевода в 1653 г.¹⁵⁶

Сплошному пьянству предавались одинаково и низшие и высшие чины гарнизона. В 1693 г. конные казаки тобольской присылки подали челобитную на своего пятидесятника Петра Муруева в том, что он «пьет и бражничает и выпивается из ума» и «напився пьян, ругался православной вере, душу свою сквернит..., да и он же, напився пьян..., зашед по пояс в лужу, поганился и пил из той лужи шайкой воду грязную, а в той луже всяк помет»¹⁵⁷. Само правительство способствовало всем этим безобразиям, содействуя из фискальных соображений продаже «государева горячего вина».

Отдаленность от центра, непрерывная борьба с внешним врагом и постоянные голодовки и заботы о хлебе насущном мало способствовали

¹⁵² Стб. 446, л. 121 и сл.

¹⁵³ ДАИ, т. VII, № 67 (IV), стр. 323.

¹⁵⁴ Сиб. прик., стб. 1317.

¹⁵⁵ При описании культуры и быта русского населения С. В. Бахрушин, находясь под впечатлением воеводских отписок и челобитных, значительно сгущает краски, что нетрудно заметить из последующего изложения. *Примечание редакции.*

¹⁵⁶ Стб. 466, л. 125 и сл.

¹⁵⁷ Стб. 1317.

развитию среди населения Красноярского уезда культурных запросов. Мы не находим здесь ни видных ученых, какими были тоболяне Ремезовы, ни любителей изящной литературы, как енисейский сын боярский Сергей Кубасов, ни авторов этнографо-географических описаний, как якутские казаки Владимир Атласов и Афанасий Шестаков. Среди красноярцев грамотных было мало, и основной статьей дохода красноярских площадных подьячих являлось приложение рук к книгам денежного жалованья вместо служилых людей, не владевших грамотой¹⁵⁸. Такой уважаемый в городе человек, как атаман Михаил Дементьев Злобин, во время красноярского восстания удостоившийся избрания в «судейки», по собственному признанию, «грамоте не умел». Среди крестьян безграмотность была поголовная. Крестьянскую челобитную 1656 г. подписали поэтому, вместо «детей своих духовных и прихожан», священники городского собора, причт Ясауловской церкви и земский дьячок Частоостровской деревни.

В распоряжении небольшой группы грамотных красноярцев имелся лишь незначительный и мало разнообразный подбор книг для чтения. При соборной Преображенской церкви, уже в момент ее основания, была образована небольшая библиотека из 12 книг исключительно богослужебного содержания¹⁵⁹. Приблизительно такой же подбор книг, но еще менее значительный, имелся и в других церквях. В руках частных лиц книг было очень мало. Главный спрос был, по-видимому, лишь на элементарные учебники. У сына боярского Елизара Розникова при обыске найдены были псалтырь и «алфавит»¹⁶⁰, у десятника Ивана Злобина — «псалтырь учебная старая»¹⁶¹. Тем не менее некоторые признаки своего рода духовных исканий мы находим и у малограмотного красноярского читателя с его скудным запасом книг. В 1649 г. «объявися вновь еретик», названный выше Елизар Розников. Принадлежавшую ему псалтырь «московской печати» он «чернил в давидовых псалмах и в песнях пророческих, во многих статьях и приписывал», потому что, по его мнению, она была «в речах не исполнена». «И я,— говорил он на допросе,— речь исполнил и чернил, и приписывал псалтырь, сложил по правилам св. отец»¹⁶². Позже в Красноярске ощущается довольно сильное влияние раскола, в связи со ссылкой сюда из Руси противников никоновых реформ. Имели место случаи даже религиозного самосожжения: в 1690 г. «сгорели своим самовольством раскольщики, служилые люди Яков Черкашенин, Васька Долгой»¹⁶³.

В отношении медицины красноярские служилые люди пользовались при болезнях, как и их братия в других сибирских городах, лечебными травами, которых у Ивана Злобина было найдено «в пяти узлах», и суеверными симпатическими средствами, вроде змеиной кожи («змеиный выползок») ¹⁶⁴. В отношении обследования лекарственных растений русскими здесь было сделано довольно много.

Мы мало что знаем о развлечениях красноярцев. Имеются намеки, что у них «кликали коляду», «рядились в хари», сделанные из осинової коры¹⁶⁵. В часы досуга служилые люди развлекались игрой в шахматы: В одном случае на этой почве произошло серьезное недоразумение.

¹⁵⁸ См. стб. 988.

¹⁵⁹ Стб. 160, л. 69.

¹⁶⁰ Стб. 377, л. 254.

¹⁶¹ Стб. 1288, л. 147.

¹⁶² Стб. 377, лл. 259—260.

¹⁶³ Кн. 1504, л. 133 об.

¹⁶⁴ Стб. 1288.

¹⁶⁵ Стб. 1317, л. 207.

Играли в шахматы в Караульном остроге годовальщики Тимофей Елфимов и Марчко Хомяков; последний по ошибке взял не ту фигуру «и молвил, что де я чайл ферзь; ино де царь, и царя избранил». Это дало повод к обвинению злосчастного шахматного игрока в оскорблении величества, закончившемуся, впрочем, для него полным оправданием.

Живя среди «татар», новоселы, заброшенные на грань русской культуры, не могли не подвергнуться известной доле воздействия со стороны туземцев. Этому способствовали и частые браки с туземками и постоянное общение не только с новокрещеными на государевой службе, но и с некрещеными служилыми татарами, которые разделяли с русскими и походы на немирные земли и борьбу с администрацией.

Жизнь подолгу в отдаленных зимовьях, в тяжелых условиях, приводила к усвоению русскими отдельных черт быта и жизненного обихода туземцев: они «от совершенного голода сквернятся с иноземцами, едят и в пост всякое скверное мясо и мертвечину, которого православным христианам и есть не указано».

Если туземцы восприняли от русских огнестрельное оружие, то сами русские пользовались вооружением туземцев — кюяками, шлемами, шишаками, наручами, сулемами (саблями), луками, приобретая их по высокой цене. В обиход входила и одежда туземцев — козлиные тулупы.

Предметы туземного искусства — братские (бурятские) пояса с серебряной насечкой, такие же уздечки, татарские серьги — имели спрос и у русских; туземным мастерам заказывались седла и т. п. Многие из служилых людей знали «мугальский» (монгольский) и татарский (тюркский) языки.

Воздействие туземцев на русских шло, однако, еще глубже. Среди вещей из имущества Ивана Злобина имелись два предмета, свидетельствовавшие о том, что религиозные воззрения туземцев не оставались без влияния на психику русских красноярцев: «калмыцких лабов шайтан вылит медный в медной кожутке, другой простой медный же».

Со своей стороны и туземцы, особенно подгородные, не могли избежать некоторой доли влияния со стороны русских. От русских они прежде всего заимствовали огнестрельное оружие, и русские администраторы были обеспокоены большим числом русских пищалей, которые оказывались в руках у качинских и аринокских татар. Если русские одевались в козлиные тулупы своих соседей, то и туземцы охотно приобретали русские рубахи, пояса и шапки. Всюду — на войне, на рыбной ловле, в посольствах к азиатским властителям, при сборе ясака в немирных землях, находясь рядом с русскими, качинцы и аринцы втягивались в строй русской жизни. Близость туземной знати к русским служилым кругам особенно явно выступила во время красноярской «шатости», когда «ругатель православной христианской веры» Корочик Тайларов действовал рука об руку с русскими служилыми людьми.

Одним из выражений обрусения является, конечно, обращение туземцев в христианство. Отдельные факты такого обращения имели место. По преимуществу это было принудительное крещение пленников с целью их закабаления. Правительство, как сказано, упорно боролось с этой практикой, невыгодной с точки зрения фискальной. Однако, помимо незаконного нарушения царских запретов, имело место и совершенно законное крещение тех рабов, которые были приобретены у бухарских купцов или у участников похода в немирную неясачную землю. Таких «новокрещенных» — монголов, братских людей и калмыков в услужении у частных лиц перепись 1671/72 г. насчитала 43 чел. м. п. Гораздо больше было окрещено женщин, во-первых потому, что полон состоял по преимуществу «из баб»,

во-вторых потому, что на закабаление и связанное с ним крещение женщин, как неспособных к добыванию ясака, администрация смотрела более легко. Но наряду с принудительным крещением имели место отдельные случаи добровольного перехода в христианство. В 1653 г., например, новокрещенный бохтинец Василий Емельянов писал в челобитной: «а из своей из Бохтинской земли я, холоп твой, своею волею вышел на твое государство имя, а не полонен»¹⁶⁶.

Добровольное крещение было связано с целым рядом выгод для туземца. Иноземцев, «которые похотят креститься в православную веру...— покупать и в холопы иметь никому не велено». Мужчин полагалось «верстать в государеву службу и устраивать... государевым жалованьем», а женщин выдавать замуж за русских. Это отлично знали туземцы и иногда пользовались этим. В 1654 г. к соборному попу Дмитрию Клементьеву прибежала из подгородных юрт «татарская девка братского полону», Санкай, и заявила, что она, «распрошав про христианскую веру, просилась многожды» от купившего ее качинского татарина Курты и «желаючи христианской веры и крещенья, от него ушла к нему, священнику Дмитрию», на том основании, что в свое время она была войском пожертвована в собор, продана была «из церковной казны» и теперь «вспамятовала», что она, собственно, принадлежит соборной церкви. Она предлагала вернуть своему хозяину деньги, за нее заплаченные, «и тот де окуп, что он за нее... дал, хотела собирать по миру». Из Москвы последовал указ: «будет она прямо креститься хочет и оглашена, и окуп татарам заплатит, и ее крестить и выдать за русского человека замуж, а татарину окуп заплатить»¹⁶⁷.

Число свободных новокрещенцев пополнялось вольноотпущенниками. Мы уже знаем, что в 1702 г. в дер. Шиверской жили двое вольноотпущенных детей боярских Матвей Айканов и Трифон Еремеев.

Итак, в Красноярске и его окрестностях оседало известное количество свободных крещеных иноземцев. Из их числа вербовались толмачи (киргиз Иван Архипов, бохтинец Василий Емельянов); другие несли военную службу. В 1672 г. среди служилых людей названы три новокрещена, и это, конечно, не все. Попадают новокрещены и среди крестьян, как видно из прозвища «колмак». Наконец, некоторые новокрещены владели землей под Красным Яром, несли, вероятно, военную службу, но не были поверстаны в определенный оклад.

Таких новокрещеных в 1700 г. было в Красноярском уезде 7 чел. Ученье даже приблизительно количество крещеных туземок не представляется возможным.

Горсточка «новокрещенов» быстро русела среди массы русского населения. Это выражалось как во внешности, так и в одежде. Крещеного туземца одевали в русское платье за казенный счет. В 1636 г. новокрещену Микифору Куралке выдано «7 арш. сермяжного сукна, 12 арш. холсту, нашивка ременная, да вершок шапочной, да коты, да нитей, да от шитья от дилуна и от рубахи» — всего 3 р. 27 к.¹⁶⁸

Далее, новокрещен должен был приспособляться к русским и в области хозяйственной. Большая часть новокрещенов, как сказано выше, садились на землю и переходили к земледелию, хотя скотоводство продолжало играть первенствующую роль в их хозяйстве. Наконец, новокрещены втягивались легко в торговую деятельность и не хуже русских купцов эксплуатировали свою братью.

¹⁶⁶ Стб. 466, л. 533 и сл.

¹⁶⁷ Стб. 380, л. 49 и сл.

¹⁶⁸ Кн. 70. лл. 374—375.

Тем не менее связь с соплеменниками не могла порваться сразу. При киргизских набегах не один из новокрещеных холопов бежал «в киргизы»¹⁶⁹. В 1647 г. новокрещен Григорий Коштанов бежал из-за поруки к киргизскому князю Ижинею и с тех пор чинил «всякие пакости»: производил набеги на Красноярский уезд, отгонял лошадей¹⁷⁰ и т. п.

Любопытным примером «новокрещена» является сын боярский Иван Архипов Айкан. Киргиз по происхождению, родич «государева изменника» князца Ереняка («дядя де его Иванова Мергена внука за Ереняком»), он ребенком был вывезен воеводою Архипом Акинфиевым и долгое время служил у него во дворе — «на Москве взрос и русской грамоте выучен». После смерти Акинфиева он бил челом на Красный Яр в службу; сперва был в толмачах, затем «за службу и за крещение» был переверстан в дети боярские. В нем причудливо сплетались старые природные черты туземца с вновь приобретенными в русской служилой обстановке новыми навыками. В киргизах у него были «род и племя» — «дядья и братья и племянники», порвать с которыми он не мог. Его постоянно подозревали в сношениях с врагами и в сочувствии им, считали главным виновником неудачи похода в погоню за Ереняком в 1666 г., когда, по словам участников, «быть де было добру, да лиха измена». Айкан, по приговору войска, шел впереди стени с служилыми татарами с «вожем». Его враги утверждали, что он намеренно водил ратных людей «по пустым местам», «взад и вперед по степям», а не по сакмам. Но его поддерживал атаман Родион Кольцов. Оба они, по словам служилых людей, «отъехав от всего войскового одадь, с татары, и думу думают особо, а с нами, людьями, не спрашиваются, а спрашиваются все с татары». Когда войско требовало вести преследование более энергично, они «де и речи говорили, нельзя де нам на Ереняка идти, Ереняк де силен» и всем своим поведением давали повод утверждать, что они «делают недобро, норовят Ереняку». Во время похода было захвачено одно киргизское кочевье и взято в плен несколько киргизов; Айкан одного из них взял к себе в стан и развязал и стал с ним обниматься и плакать и взял к себе в стан на поруки.

И в домашнем быту Айкан оставался киргизом, был женат на иноземке, «под Красноярском завел он, Ивашко, юрты кочевные, и ясыри его кочуют с лошадьми и с скотом с татары вместе». Он был в близких отношениях с подгородными татарами и «мутил» ими. Ловкий и сметливый киргиз, хорошо усвоивший все стороны русского экономического строя, он принимал деятельное участие в торговле. Енисейские мясники и торговые люди, приезжавшие на Красный Яр, ему «друзья и хлебожцы, пьют у него и едят, ясырь и скот покупают, и деньги де он, Иван, им взаимы дает, и товары де у него, Ивана, те люди беспошлинно кладут». Своею землею между нижней и верхней Шиверскими речками, тянувшейся от Енисея в гору до верхней Бузимской дороги, Айкан владел на основании трех купчих. Хозяйство вел при посредстве трех крещеных холопов¹⁷¹. Айкан настолько освоил приказную практику, что, обвиненный в 1666 г. в измене, не без искусства сумел защититься удачным контробвинением воеводы Герасима Никитина и добился производства над ним следствия, во время которого не только проявились его незаурядные юридические способности, но и значительная авторитетность и влияние в служилых кругах Красноярска¹⁷².

¹⁶⁹ Стб. 802.

¹⁷⁰ Стб. 377, лл. 125—129.

¹⁷¹ См. кн. 1504.

¹⁷² Стб. 802.

7. ТЕРРИТОРИЯ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА В XVII в.

Границы Красноярского уезда в XVII в. не были, конечно, точно определены; однако приблизительно они могут быть установлены. На севере естественную грань между Енисейским уездом и Красноярским составлял порог на Енисее; точнее она определялась притоком Енисея р. Межевой, но юрисдикция Красноярска распространялась до верховьев Кети. На востоке границу с Иркутским уездом составляла р. Ока¹⁷³. Южная граница находилась всецело в зависимости от отношений с кочевниками; самым южным пунктом полного владычества русских здесь был Караульный острог; но в иные годы удавалось собирать ясак с племен, живущих и южнее его.

Административным центром Красноярского уезда был Красный или Качинский острог, поставленный в 1628 г. Андреем Дубенским «в Качинской землице на верхней изголове Красного Яру на реке на Каче», впоследствии называвшийся Красноярским острогом, а с конца XVII столетия — Красноярским городом или Красноярском.

Первоначально это был небольшой «городок дощаной», с надолбами и «двойными сцепами». Для жительства служилых людей были построены казармы «на десяток по избенку». Тотчас после основания острога он был значительно укреплен: были выкопаны рвы, поставлен «чеснок» (частокол). Острожные ворота запирались двумя засовами на шести крюках, замыкавшихся двумя круглыми замками. Над воротами в стене были поставлены две «башни проезжие», «всякая башня с углами по 4 саж. 3 арш.»; на обеих было устроено «по караульне по теплой»; кроме того, на стенах имелись «на столбах три башенки рубленные»; все башни были крыты драной. От острога к Енисею на протяжении 100 саж. вели надолбы к «судовому пристанищу»¹⁷⁴.

Построенный на скорую руку острожек очень скоро потребовал капитального ремонта.

25 февраля 1647 г. получена была на Красном Яру грамота с приказом поставить новый острог и воеводский двор и другие постройки, «без чего быть не уметь», на прежнем месте, силами служилых людей и пашенных крестьян, служилых людей разверстав с окладов, а пашенных крестьян — «что доведется». Воевода распорядился прочесть вслух полученную грамоту служилым людям; те заявили, что острог ставить готовы, но отказались наотрез возить лес «на то острожное дело», — «в том де волен бог, да ты, государь». Из Москвы, однако, было подтверждено распоряжение «острог делать красноярскими всякими людьми по прежнему государеву указу»¹⁷⁵.

В 1659 г. служилые люди, при содействии других жителей, поставили «около Красноярского посаду, около дворов и слобод, для иноземских всяких приходов и для всякого береженья другой острог, большой, новой, с башнями»¹⁷⁶.

Так сложился тот двойной острог, делившийся на две части — на большой город и малый, который мы видим на чертеже Ремезова.

В 80-х годах и малый и большой остроги со всех сторон погнили, а в иных местах повалились. Игнатий Башковский писал, что необходимо

¹⁷³ Кн. 1372, л. 550 («по той реке Красноярской уезд и ясачные красноярские иноземцы кочуют»).

¹⁷⁴ Стб. 160, лл. 7, 5.

¹⁷⁵ Стб. 90, л. 104.

¹⁷⁶ Стб. 380, лл. 84—85. Как видно из чертежа Ремезова, это действительно был «острог» из вбитых в землю бревен, а не стена.

«с степную сторону острогу прибавить и вновь острог поставить и всякими крепостями укрепить»; при нем было поставлено «нового острогу» 299 саж., но оставались недоделанными еще 112 саж. со степной же стороны, от Енисея и от Качи реки. Лев Поскочин, сменивший Башковского в августе 1689 г., закончил постройку нового острога, выкопал около острога ров, поставил надолбы, переставил большой и малый остроги и «крепостями укрепил»; к новому острогу он «башню старую, подрубя велел поставить и на новой башне верх сделать велел же»; у двух проезжих ворот поставлены были «караульни новые»¹⁷⁷.

В 1698/99 г. малый город имел мерою кругом старого строения 71 саж., да новый — 120 саж., всего немногим более 190 саж. в окружности. Это был приблизительный размер старого, поставленного А. Дубенским острога; стояли в то же время еще и две «старые» проезжие башни. Въезд в город был через Спасскую башню, на которой над самыми воротами висел «Спасов нерукотворенный образ». На башне находилась часовня во имя Спаса и колокольня, крытая тесом; на этой колокольне висел «колокол вестовой», присланный из Москвы. В 1693 г. на Спасской башне воевода П. С. Мусин-Пушкин устроил к той же колокольне «часы боевые»: «А в Красноярску, — заявляли по этому поводу служилые люди, — без часов быть невозможно, Красноярск — город укрепленный, стоим на стенном карауле беспрестанно, днем и ночью»¹⁷⁸. На башне имелась особая Спасская караульня и площадка, окруженная перилами, с которой в 1695 г. воевода Мирон Башковский вел переговоры с восставшим гарнизоном¹⁷⁹. Кроме ворот, в остроге имелась калитка¹⁸⁰.

В 1699 г., кроме прежних башен, по острогу имелись еще три башни новые, из которых две были некрытые, очевидно, будучи еще недостроены¹⁸¹. Из них одна, «угловая Качинская башня», господствовавшая над степью, тянувшейся за Качею, откуда можно было ожидать нападений со стороны качинских и аринских татар, отмечена и у Ремезова¹⁸². Другая, Быковская, стояла на той стороне острога, которая была обращена к большому городу, по близости от богадельни, т. е. в юго-западной стороне острога. На чертеже Ремезова она не помечена¹⁸³.

Малый острог был средоточием всех административных зданий. Уже в 1628 г. в нем были поставлены амбар для хлебных запасов, съезжая

¹⁷⁷ Стб. 1052; стб. 980, л. 516.

¹⁷⁸ Стб. 1317, л. 197; кн. 1057, л. 7 об.

¹⁷⁹ Стб. 1288, лл. 248—249; Стб. 1317, л. 413.

¹⁸⁰ Я пользуюсь для восстановления топографии г. Красноярска в XVII в. кратким описанием острога 207 г. (кн. 1354, л. 324 об.) и чертежом Ремезова. Отмечу, однако, что чертеж Ремезова не во всем совпадает с описанием 207 г., например в отношении числа башен; вызывает недоумение и топография съезжей избы, не совпадающая с данными актов. Можно думать, что сам Ремезов не был в Красноярске и пользовался данными из вторых рук. Рисунок Витзена в его «Noord en Ost Tartariën» является копией с ремезовского, рассчитанной на большую близость к действительности, но по существу не только ничего не добавляющей, но отчасти затемняющей некоторые детали. Витзен допустил несколько серьезных опечаток, а именно: под № 6 у него стоит Pulver kelder вместо Argmannshus — «богадельня» (на чертеже Ремезова обозначена буквою «б»). Экспликация № 9 («de Sloot — Poort op de welke een Kerkis» — «острожные ворота, на которых имеется церковь») приурочена, по-видимому, неверно к одной постройке, не имеющей ничего общего ни с воротами, ни с церковью. Вид Красноярска в 60-х годах XVIII в., изданный Академией художеств, дает очень мало для реконструкции города в XVII в. Чертеж одной из проезжих башен Красноярского острога см. Ф. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858—1865. Прил. карты, планы, чертежи.

¹⁸¹ Кн. 1354, л. 324 об.

¹⁸² Стб. 1417, л. 51.

¹⁸³ Стб. 1288, л. 135; стб. 1417, л. 416.

изба, тюрьма и двор воеводский; вскоре затем была построена соборная церковь¹⁸⁴. В конце столетия в нем, кроме того, находились пороховой погреб, амбар для соболиной казны и богадельня¹⁸⁵. Как сказано выше, Преображенский собор состоял из трех приделов. Под церковной трапезой находилось жилое помещение, в нем жил, например, в 1698 г., служивый человек Яков Святогоров, у которого не было своего двора¹⁸⁶.

Непосредственно поблизости с собором находился воеводский двор¹⁸⁷, состоявший из нескольких построек. В 1628 г. в нем были «повалуша на подклети», «горница на подклети», «промеж их сени с подсеньем» и баня. Отстраивался воеводский двор по-настоящему только в 1635/36 г., когда «плотникам от избного дела, что на воеводском дворе избу делали, заплачено было 8 руб.; тогда же доставлялись на воеводский двор бревна, две дверины, восемь мехов моху, всего почти на 4 рубля, и на 1 рубль досок «на сени и на баню», и плотнику Ивану Черному с товарищи «за дело, что делали на воеводском дворе сени да баню», дано было 7½ руб.; всего истрачено было на постройку приблизительно 24½ рубля.

В дальнейшем воеводский двор подвергался, по-видимому, перестройкам. В конце столетия он был довольно обширен и обстроен в достаточной мере богато. На чертеже Ремезова он состоит из четырех примыкающих друг к другу зданий, к одному из которых ведет лестница. Хоромы, в которых жил воевода, были довольно просторные; в них имелись «передние сени», по крайней мере две горницы, так как навстречу С. И. Дурново Лисовский вышел из «другой горницы» в «переднюю горницу», и «переходы», где находились умывальные принадлежности воеводы; в хоромы вели два крыльца: парадное «переднее» и заднее «нижнее». Под одним из крылец был чулан, где, по словам доносчиков, воеводские люди торговали вином. Хоромы увенчивались нарядным чердаком — «вышкой» — с пятью слюдяными окнами, которые были расписаны красками местным художником, дьячком Иваном Бронниковым. Хоромы кольцом обступали всевозможные службы: людская изба, ледник, баня с предбаньем, примыкавшая к сеням и служившая воеводам местом послеобеденного сна, «изба за хоромами под башнями» и т. п.¹⁸⁸

Трудно точно установить местоположение съезжей, или, как она называлась в конце столетия, приказной избы. Ремезов помещает ее в деревянном двухэтажном здании в стене малого острога, выходившей на Енисей. Но, кажется, это неверно. Из истории извета Федора Айканова видно, что воевода Григорий Шишков, узнав, что «на площадь у рядов» (в большом остроге) Федор Айкан собирает толпу, вышел «к приказной избе на нижний рундук» и «с лестницы с рундуков сходил к нему из малого острогу в большой острог и выходил к градским людям сам». Ф. Айканов в это время ходил по площади и махал шапкой. Когда воевода захотел его арестовать, он «от приказной избы побежал на площадь». Итак, из приказной избы, находившейся в малом остроге, можно было непосредственно спуститься в большой острог на торговую площадь, расположенную, как мы увидим, около Спасских ворот¹⁸⁹. Такому положению вполне соответствует изображенное Ремезовым рядом со Спасской

¹⁸⁴ Стб. 160, л. 76.

¹⁸⁵ См. чертеж Ремезова.

¹⁸⁶ Стб. 366, л. 265.

¹⁸⁷ Стб. 1417, л. 512.

¹⁸⁸ Стб. 160, л. 75; кн. 70, лл. 369 об., 372 об.— 373, 377, 378; стб. 980, л. 475; стб. 1417, л. 199; стб. 366 и др.

¹⁸⁹ См. стб. 988 и др.

башней не совсем обычное двухэтажное здание в стене острога, в которое вела из малого острога лестница¹⁹⁰.

Неизвестен также и внутренний вид съезжей избы. В ней имелся особый стол, «где сидят воеводы», на котором находился «ящик, в котором государева печать запечатана»¹⁹¹. Денежная казна хранилась в коробе¹⁹². Для «государских дел» имелся особый «лубеной короб»¹⁹³.

Как и московские приказы, красноярская съезжая изба служила местом заключения преступников, которых либо сажали «за решетку» в самом помещении канцелярии, либо «под приказ в холодной... вместо тюрьмы». «Холодная» представляла собой «скарредное место», тем более отвратительное, что здесь арестанты сидели безвыходно в страшной грязи, среди нечистот, так как «под тем приказом выпуску не бывает»¹⁹⁴. Подвалы под приказной избой служили также складом «государевых запасов». В 1699 г. под приказной избой хранились поломанные и погорелые мушкеты, пищаль затинная, «к стрельбе не годится», куяк, панцырь, шишак, «несколько саадачишков без стрел и без поясов, 5 лучишков самых плохих, без тетив». Временами туда помещали и более ценную кладь, например ясачную казну¹⁹⁵.

В противоположной стороне малого острога была расположена тюрьма. В 1628 г. это была одна трехсаженная изба¹⁹⁶; затем была куплена другая изба «для закладников, где аманатов держать», за 6 руб., а в 1636 г. был поставлен специальный аманатский двор; лес на постройку обошелся в 20 руб. (200 оследей), кроме того, «на кровлю на избу» пошло 300 драниц да моху на 3 р. 91 к.; «на караульню к оманатскому двору» была поставлена особая изба, постройка которой стоила 4 рубля¹⁹⁷. Позже тюрьма и аманатский двор были окружены общим тыном — «острогом»; у острожных дверей стояла караульня, где хранилось оружие караульщиков¹⁹⁸. На ремезовском чертеже тюрьма так и представлена в виде двух изб, окруженных четырехугольным тыном. Одна из этих изб предназначалась для русских арестантов, а в другой избе «в том же тюремном остроге» сидели аманаты¹⁹⁹. У тюрьмы днем и ночью дневали и ночевали караульщики, переменяясь посуточно: «2 человека у тюремных острожных дверей, у замка и у ключа по одному человеку, у тюремной караульной избы по человеку-же»²⁰⁰. На содержание тюремных сидельцев из казны ничего не выдавалось. Их кормили родственники и знакомые, передавая продовольствие через караульщиков. Поэтому когда томский сын боярский Василий Былин в 1647 г. распорядился бро-

¹⁹⁰ Н. Витзен ошибочно называет это здание «острожными воротами с церковью». Острожные Спасские ворота изображены совершенно отчетливо Ремезовым. Данное здание ничего не имеет похожего ни на ворота, ни на церковь; Витзену поэтому пришлось пририсовать к нему главку и крест, которых нет у Ремезова. Это недоразумение, по-видимому, объясняется тем, что Витзен отнес к этому зданию написанную между ним и Спасской башней цифру (9). Изложенные в тексте соображения заставляют предполагать, что Ремезов ошибся в обозначении места приказной избы. Это тем более возможно, что, он, по-видимому, сам в Красноярске не был и потому допустил и другие неточности в своем чертеже (количество башен, пропуск с. Ясаулова в уезде).

¹⁹¹ Стб. 1417, л. 32; стб. 366, л. 353.

¹⁹² Кн. 70, л. 384 об.

¹⁹³ Кн. 811, л. 443 об.

¹⁹⁴ Стб. 980, л. 10; стб. 366, л. 296.

¹⁹⁵ Кн. 1354, л. 325.

¹⁹⁶ Стб. 160, л. 75.

¹⁹⁷ Кн. 70, лл. 361, 375, 377 об., 382.

¹⁹⁸ Стб. 1288, л. 255 («караульня, что у тюремного и аманатского двора»); стб. 1417, л. 416.

¹⁹⁹ Стб. 1417, л. 417.

²⁰⁰ Стб. 1417, л. 416.

сить. В тюрьму задержанных им промышленных и гулящих людей, то красноярская администрация запротестовала: «и кормить... их будет в тюрьме некому, помрут голодною смертию»²⁰¹.

В тюрьме арестанты сидели скованные по рукам и по ногам; впрочем, при умении ладить с тюремным начальством можно было получать значительные послабления. Городничий, в ведении которого находилась тюрьма, приходил в тюрьму и брал с тюремных сидельцев по гривне и по 5 алтын «и чинил им за то понововку», «...из желез кто ему... даст тое дачу, того расковывал, а ковал в железо того, кто ему не даст»²⁰².

В 1697 г. имел место массовый побег из тюрьмы, хорошо рисуемый быт красноярских мест заключения. Мирон Башковский забил тюрьму арестантами: в ней сидели 15 служилых людей, в том числе такие видные люди, как дети боярские Трифон Еремеев с сыном Андреем и Алексей Ярлыков. Для побега воспользовались моментом передачи пищи. К тюремному острогу (тыну) пришла девка вдовы Кондрашки-бронника, татарка, и принесла тюремным сидельцам хлеба и квасу; стоявший на карауле Василий Даурский принял у нее хлеб и квас и понес к ним в тюрьму; арестанты бросили ему неожиданно «в глаза печного пеплу» и, ослепив, принялись бить. Пользуясь своей многочисленностью, они набросились и на другого караульщика, Ивана галичанина, стоявшего у караульной избы «у ружья»; побив его «смертным боем», расхватили оружие, которое было у караульщиков, — шесть пищалей, бердыши и топор, и бежали из тюремного острога на Быковскую башню; сбросив с нее стоявшего на карауле служилого человека; они перебрались за малый острог в большой город. Сами «тюремные утеклцы» утверждали впоследствии, что побег им удался благодаря понововке подкупленного ими городничего Саввы Хлыновского и что «за тое де понововку и за отпуск из тюрьмы» они дали ему, «сбрав меж себя», 50 руб.; с каждого пришло по 3 р. 30 к., которые и были вручены городничему в самой тюрьме; впрочем, в эти деньги они зачили и те небольшие взятки, которые давали ему раньше, чтобы он позволил снять оковы. Получив взятку, Хлыновский предлагал будто бы арестантам заказать кому-нибудь сделать лестницу, чтобы легче бежать; этим предложением они не воспользовались, а ушли из тюрьмы в острожные двери, «для того, что де те двери в то время были не затворены и не заперты»²⁰³.

Недалеко от тюрьмы находилась и богадельня, показанная на чертеже Ремезова; постройка ее относится к самому концу столетия, так как из приведенной выше челобитной инвалидов красноярского гарнизона явствует, что в 90-х годах им приходилось еще ютиться в полуразвалившейся лачужке, предоставленной им сердобольным Василием Многогрешным и что казенной богадельни в то время еще не существовало.

Наконец, в малом остроге были сосредоточены склады государевых запасов: казенный «соболиный амбар, зелейный погреб и житочный амбар». Первоначально зелейный погреб был в одном здании с соболиным амбаром. Такое соседство имело самые плачевные результаты, так как во время пожара 1680 г. соболиный амбар и зелейный погреб взорвало и соболиная казна вся погибла. Поэтому в 1685 г. был построен отдельный соболиный амбар, обошедшийся в 4 р. 12 к. Одновременно было построено вновь отдельное здание для зелейного и винного погребов с каменным выходом, с железными дверями. Для этого каменного выхода

²⁰¹ Стб. 292, лл. 12—13.

²⁰² Стб. 1417, л. 416.

²⁰³ Стб. 1417, лл. 412, 416.

была специально организована выделка кирпича. В 1699 г. в земляном погребе было всего 7 пудов 38 гривенок порошу «ручного» и «пушечного»²⁰⁴⁻²⁰⁵.

Таковы важнейшие здания внутри «малого острога». В течение всего XVII в. он не изменил своего первоначального вида, оставаясь укрепленной резиденцией присылавшегося из Москвы воеводы, который из-за его дощатых стен держал в повиновении окрестное туземное население и за теми же стенами отсиживался от киргизских и калмыцких орд и от собственного воставшего гарнизона.

Очень скоро под-малым острогом выросла слобода, в которой были расположены дворы служилых людей. После того как эта слобода была окружена острогом, она получила название «большого острога» или «нижнего города», по выражению Ремезова. По форме своей большой острог представлял продолговатый четырехугольник, примыкавший более узкой стороной непосредственно к малому острогу. В 1699 г. окружность большого города с трех сторон равнялась 838 саж. Большая часть его была к этому времени в жалком состоянии.

Сильнее всего была укреплена южная, «приступная» сторона. Здесь стояли две проезжие башни, крытые драницами, без шатров (по Ремезову, кроме того, имелась одна угловая башня, обращенная к Енисею); на одной из башен, Алексеевской²⁰⁶, стояла самая большая «ломовая пушка»; в юго-западном углу был устроен «бык выводной», т. е. бастион. Судя по рисунку Ремезова, с внешней стороны южная стена защищалась палисадами. В 1667 г., во время паники, охватившей Красноярск в связи с нашествием Сенге-тайши, вокруг острога был вырыт большой ров. В боковых стенах (восточной и западной) было по двое ворот, которые показаны и у Ремезова; в восточной стене, кроме того, имелась калитка, ведущая к реке²⁰⁷.

Ворота, выходявшие к церкви Покрова, носили название Покровских. При них тоже находилась караульня, где содержались иногда арестанты «одной ногой в колоду, а другой в башмак и на шею цепь»²⁰⁸; так, в Покровской башне сидел подьячий Сенька Надеин — «правою ногою в колоду, а на шею цепь положена». Условия тюремного помещения здесь были ужасные: «в той колоде сидя, лечь никоими меры, и от дыму, как ту караульню затопят, укрыться было невозможно, сделана была такая мучительная колода, нарочно выше печного устья»²⁰⁹.

Центром всей жизни в большом остроге была «площадь, что на торгу», на которую непосредственно выходили Спасские ворота малого острога. На площади стояли «гостин двор» и таможня. Площадь эта служила, как мы видели, местом для мирских сходов красноярцев. Она, впрочем, не отличалась благоустройством, судя по тому, что на ней красовалась в 1693 г. «лужа поганая», в которую пятидесятник Петр Муруев спьяна зашел «по пояс»²¹⁰.

От Спасских ворот площадью шла дорога к Енисею, через одну из многочисленных калиток, сделанных в остроге²¹¹. На Енисее имелся «плот», который служил пристанью для судов²¹². В конце XVII в. было

²⁰⁴⁻²⁰⁵ См. кн. 811; кн. 902, л. 178 об.; стб. 988, л. 146; кн. 354, л. 325.

²⁰⁶ Стб. 1417, л. 145.

²⁰⁷ Кн. 1324, л. 324 об.; ДАИ, т. V, № 33.

²⁰⁸ Башмаком назывались «аршинные два бруса», в которые заделывали ногу арестанта во избежание побега.

²⁰⁹ Стб. 288, л. 254.

²¹⁰ Стб. 1288, л. 249; стб. 366, лл. 266, 281; стб. 1317, л. 142.

²¹¹ Стб. 366, л. 273.

²¹² Стб. 366.

еще несколько «плодбиш» под Красноярском: одно выше Красного Яру, другое пониже р. Собакиной²¹³.

В город вело несколько «взвозов». Упоминается «Бугачевский взвоз», очевидно, ведший на дорогу в деревню Бугачевскую, и Воеводский взвоз, выходявший на р. Качу²¹⁴. Выход к взвозам из города был через ворота или калитки, судя по тому, что в 1685 г. были приобретены замки «к воротам по башням и по взвозам»²¹⁵.

Для защиты от врагов Красноярск был снабжен артиллерией — «нарядом». С Андреем Дубенским было послано две пищали, т. е. пушки: «полковая» («на 2-фунтовое ядро») и «затинная» (крепостная)²¹⁶. «Наряд», далеко не достаточный, в последующие годы был значительно усилен. В 1657 г. имелось пять пищалей: одна медная полуторная, две медные полковые, одна железная чешуйчатая полковая и одна затинная. Но все-таки в виду постоянной военной опасности этого количества артиллерии было мало, тем более, что ее приходилось распределять и по мелким острожкам и селам. «И наряду, государь, мало,— плакался один из красноярских воевод,— от киргизских людей оборонить нечем»²¹⁷. Поэтому в 1670 г. через Тобольск из Москвы было прислано девять пищалей медных (из них одна «витая», две малые, одна гладкая), из которых самая тяжелая весила 22 пуда, но одна была всего в 5 п. 25 ф.²¹⁸, и к ним по 60 ядер на каждую весом от $\frac{3}{4}$ до 4 ф. Всего артиллерия состояла теперь из 12 пушек, из них пять полковых (три медных и две железные чешуйчатые) и семь затинных с ядрами весом от $\frac{3}{4}$ до 2 фунтов. Воевода Григорий Шишков «пушки, на станки и на колеса поставив, сковал»²¹⁹.

При Льве Поскочине «для приходу воинских людей и вылазки» во всех пятидесятнях были сделаны особые «рогатки»²²⁰.

Описанная артиллерия обслуживала не только город, но и второстепенные острожки уезда: из упомянутых пушек две находились в Караульном остроге, одна — в Удинском и три во Введенском монастыре. В неспокойное время расставлялась артиллерия и «в селах по острожкам»; в 1679 г., например, всего в селах и в монастыре находилось девять пушек²²¹. Артиллерия не раз сослужила большую службу Красноярску, особенно в 1679 г., когда город подвергся осаде. Впрочем, служила она и для более мирных целей: из нее стреляли, например, «на богоявлениев день», во время водоосвящения²²².

Красноярск со всех сторон был окружен пашнями и сенокосами, принадлежавшими служилым и посадским людям. Непосредственно к городу примыкала обширная площадь запашки: на юге от него, по речке Черемховой, «до самых вершин, на степи на Гремучем яру»; к северу в степи по Каче, на Кубековке, в Арейской степи и на Сосновых мысах, по р. Бугачу и на Лиственной гриве, по речке Еловой, на Афонтовой горе, в урочище Глубокий луг и в других тянувшихся кругом города степных пространствах, носивших название Нанжюльской степи, Кижижюльской, Анзельской и т. д. Всего пашни и перелог в конце изучаемого периода считалось несколько менее 457 дес. в поле, «а в дву потому ж». На Ени-

²¹³ Кн. 1504.

²¹⁴ Стб. 1417, л. 156.

²¹⁵ Кн. 811, л. 446; стб. 160, лл. 4, 5.

²¹⁶ Стб. 160, л. 4.

²¹⁷ Стб. 513, лл. 1—2.

²¹⁸ Вес «малых» пушек неизвестен.

²¹⁹ Кн. 513, л. 142; кн. 1354, л. 324 об. (1698/99 г.); стб. 988, л. 146.

²²⁰ Стб. 1052, л. 360.

²²¹ Кн. 717, л. 508; кн. 1354, л. 324 об.

²²² Кн. 513, л. 144 об.

КРАСНОЯРСК И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ
 (Фрагмент из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова)

сее, почти против Красноярска, лежали острова Татушев, Посадный, Атаманов и другие, на которых были хорошие сенокосы²²³.

С юга Красноярск был защищен целой системой укреплений, самым значительным из которых был Верхний Караульный острог, основанный воеводою Алексеем Сумароковым и вновь отремонтированный в 1686 г. при Григории Шишкове²²⁴. Караульный острог стоял на Енисее выше Красноярска, на расстоянии от него в трех днях пути «конем наскоро» и 2¹/₂ недели «рекою дощенником»²²⁵. Судя по ремезовскому чертежу, относящемуся к концу столетия, это была небольшая крепость, обнесенная стоячим тыном, с несколькими дворами, в которых жили годовальщики²²⁶. Острог защищался двумя медными пушками²²⁷.

К юго-востоку от Красноярска, в верховьях р. Бирюсы, на красноярской стороне р. Большой Кемчуг, в «черном лесе», при том же А. Сумарокове был устроен «караул тайной Ломовской», преграждавший «киргизскую дорогу через лом» и имевший целью предупредить внезапное нападение киргизских отрядов, пробиравшихся к Красноярску тайгою. В верховьях Абакана в «чернолесье» был другой «тайной караул».

С востока Красноярск был защищен Енисеем. Подступы к нему с этой стороны охранял стоявший на противоположном правом берегу Енисея Введенский монастырь. В этих целях он был вооружен довольно значительной артиллерией: в 1699 г. в нем стояли три пушки (одна полковая и две затинные); кроме того, в монастырь было передано 28 мушкетов, и он был снабжен в достаточной мере пушечными запасами (50 ядер и по 1¹/₄ пуда свинца и пороху)²²⁸.

Наконец, устроены были небольшие острожки при деревнях, населенных пашенными крестьянами, преследовавшие двойную цель: охрану окрестного населения в случае набега кочевников и защиту самого Красноярска с флангов. Эти острожки не были лишены стратегического значения, как видно из обстоятельств осады Красноярска в 1678 г., когда киргизы тщетно приступали к ним «войною»²²⁹. На чертеже Ремезова изображен подобный острог, окружавший дер. Бугачевскую; в 1699 г. для защиты этого острога имелось 35 мушкетов и пять карабинов. Из поселений, расположенных ниже Красноярска по левому берегу реки, в 1699 г. снабжены были мушкетами и карабинами села Бузимское и Подъемное, Частоостровская деревня и Надпорожная слобода. В Лодейскую деревню, стоявшую на правом берегу, открытом для нападений, была отпущена «для запаса о приходе воинских людей» та самая пищаль затинная, которая «к стрельбе не годится». В дер. Овсянку, тоже на правом берегу, было дано пять мушкетов. Всего в 1678/79 г. «для обереганья воинских людей» в селах по острожкам и в монастыре было девять пушек (одна пушечка медная, одна железная и семь пищалей затинных железных) и 190 пищалей ручных, мушкетов и карабинов²³⁰.

Для удержания в повиновении отдаленных частей уезда были поставлены на р. Кане Канский острожек и на Уде, среди братских племен, острог, первоначально носивший название Покровского или Братского

²²³ См. кн. 1504 (данные от первых лет XVIII в.).

²²⁴ Стб. 980, л. 516.

²²⁵ Чертежи Ремезова.

²²⁶ Кн. 811, л. 511; кн. 1717, л. 508; кн. 1354, л. 324 об.

²²⁷ На чертеже изображена также церковь, но в документах церковь в Караульном остроге не упоминается; очевидно, это условное изображение, допущенное Ремезовым без реальных оснований.

²²⁸ Кн. 1354, л. 325.

²²⁹ ДАИ, т. XVIII, № 15 (XVII), стр. 48.

²³⁰ Кн. 717, л. 508—508 об.; кн. 1354, л. 325; кн. 513, л. 144—144 об.

острога, но затем очень скоро превратившийся в Удинский. Оба эти острожка имели большое стратегическое значение и нередко подвергались нападениям со стороны «немирных иноземцев» и даже бывали ими сжигаемы. Первый защищал Котовскую землю от нашествий тубинцев и киргизов; второй обеспечивал покорность воинственных бурят и охранял «Бра́тский перевоз», которым они пользовались для набегов. Приходилось Удинскому острогу отбивать и нападения киргизов под предводительством Ереняка. Поэтому были приняты меры к укреплению этих двух городков. Особенно сильно был укреплен Удинский острог, который был хорошо защищен «обламами», «боями», «катами» и двойными надолбами и имел одну-две пушки²³¹.

Укрепленными пунктами не ограничивались населенные русским элементом местности Красноярского уезда.

К концу XVII в., с развитием хлебопашества, в уезде возникло довольно значительное число сел и деревень как частновладельческих, так и «государевых», т. е. заселенных пашенными крестьянами. Эти деревни и села сосредоточивались в главной своей массе, в виду постоянной опасности с юго-востока со стороны кочевников, к северу от Красноярска; где за хребтом укрепленного города создавалось некоторое подобие безопасности. По тем же соображениям русские поселения в уезде, отстоявшие далеко от города, ютились преимущественно по левому, западному берегу Енисея, являвшегося некоторой защитой от кочевников, наступавших с востока. Это не спасало, однако, деревни от разорения во время сильных набегов, когда киргизы и калмыки наступали на Красноярск «по обе стороны Енисея реки» и либо переправлялись через реку, либо двигаясь с запада «Ломовскою дорогою», через тайгу выходили к Красноярску.

На самой границе с Енисейским уездом, несколько выше порога, составлявшего, так сказать, естественную грань между ним и Красноярским уездом, на р. Межевой стояла Надпорожная Спасская слобода, которой соответствовала Енисейская Подпорожная слобода, расположенная ниже порога. Надпорожная слобода возникла около 1644 г.²³², состояла собственно из нескольких «еланей»; в 1702 г. это были елани «Большая», «Малая» и «Пяткова»; населены были эти деревни посадскими людьми и насчитывали в 1670 г. 26 дворохозяев (в 1702 г.— 24 чел.); в 1702 г. ими обрабатывалось 59 $\frac{1}{3}$ дес. в поле. Границы владений Надпорожной слободы шли «ниже порогу по речке Караульной, а Межевая тож, а вверх по обе стороны р. Енисея до Сполошного острова, с речками и с озерами и с рыбными ловлями и санными покосы и со всякими угодыи». Центром слободы был погост с церковью «всемилостивого Спаса», время основания которой неизвестно; при ней жил причт в лице пота, дьячка и пономаря; незадолго до 1693 г. церковь эта сгорела и местные «иконы и деисусы и книги и колокола все выгорели без остатка»²³³. Пограничное с Енисейским уездом положение способствовало значительному оживлению Надпорожной слободы, судя по высокой сумме откупа за функционировавшую в ней квасную избу²³⁴.

²³¹ Стб. 377, лл. 139—140; кн. 717, л. 506 об. Оба городка изображены Ремезовым в виде условных чертежей городков, окруженных частоколами, с церквями внутри ограды (в Удинском нарисованы также несколько домиков). Чертежи эти не имеют никакого реального значения.

²³² По крайней мере земли к Надпорожной слободы были отведены в 1643/44 г. (кн. 1504, л. 147 об.). Все дальнейшие сведения о селах и деревнях Красноярского у. заимствованы из переписной книги 178 г. (1669/70) и из писцовой книги 1702 г. (кн. 566 и 1504).

²³³ Стб. 1317, л. 535.

²³⁴ Например, кн. 902, л. 168.

В непосредственной близости с Надпорожной слободой находилась в 1702 г. «вверх по речке Караульной», «за березняком на степи», деревня сына боярского Данилы Свешникова. В окрестностях же Надпорожной слободы в конце XVII в. возник поселок крестьян, переселившихся из Енисейского уезда, состоявший из 10 дворов.

Выше Надпорожной слободы, на левом берегу Енисея, были раскинуты выселки, принадлежавшие посадским людям: ниже «Змеина камня» на р. Симановой «за бором на степи» — дер. Симанкова, принадлежавшая в 1701 г. посадским людям братьям Семену и Фадею Симановым и Федору Петрову (всего 11 $\frac{1}{2}$ дес. пашни в поле), и дер. Разорвина у речки Разорвиной, близ которой находились слюдяные промыслы; тут же была деревня сына боярского Ивана Кононова («Ивановщина», как ее назвал позже Гмелин).

Дальше вверх, все по левому берегу, «на горе» были расположены деревня сына боярского Алексея Ярлыкова (4 $\frac{1}{2}$ дес. в поле), за нею село Введенского монастыря на берегу р. Подъемной, в которой в 1671/72 г. было семь, а в 1702 г. — 18 дворов и, судя по Ремезову, мельница; здесь же жило несколько монастырских вкладников; на устье Подъемной Большой речки, у Предивной горы, в 1702 г. жили один неверстанный сын боярский и два посадских человека; всего на Подъемной было распахиваемо несколько более 5 $\frac{1}{2}$ дес. в поле. За Подъемной следовали дер. Юксеевская, Казанцева то ж, основанная служилыми людьми Казанцевыми, в которой в 1671/72 г. насчитывалось 17 взрослых служилых людей, а в 1702 г. — 9 служилых людей, четыре посадских человека и один човокрещен, пахавшие приблизительно 69 $\frac{1}{2}$ дес. в поле, и дер. Дружинина, основанная десятником Дружиною Кочергиным, в которой в 1702 г. все население состояло из двух Кочергиных (десятника Микиты Кочергина и его брата, «отставленного» казака Мишки) и пешего казака Тимофея Стародубова, пахавших около 9 $\frac{1}{2}$ дес. в поле; тут же в 1702 г. зарегистрированы семья новоприверстанных крестьян Таскиных, состоявшая из трех братьев, и отставной пашенный крестьянин; за этими крестьянами числилось 15 $\frac{1}{3}$ дес. в поле.

Выше была расположена деревня пашенных крестьян — Павловская; в 1671/72 г. в ней было всего два крестьянина, в 1701 г. их было шесть. Кроме того, в дер. Павловской поселилось несколько служилых людей (в 1671/72 г. — два, в 1701 г. — семь) и посадские (в 1671/72 г. — 3 чел., в 1701 г. — 5 чел.). К XVIII в. Павловская деревня уже составляла довольно крупный поселок с населением в 18 чел. и с 40 $\frac{1}{3}$ дес. под пашней в поле. Рядом с дер. Павловской на р. Бузиме стояли две деревни Нахвальные: Большая и Малая. Обе были населены служилыми и посадскими людьми (в 1671/72 г. — 11 служилых людей и четверо посадских, в 1701 г. — 32 служилых и четверо посадских), в 1701 г. здесь пахали приблизительно 105 дес. в поле.

Крупным поселением близ р. Бузима было с. Бузимское-Никольское, стоявшее на берегу Енисея; оно построено было воеводою Петром Протасьевым в 1646—1647 гг., причем было поселено 12 крестьян; в 1671/72 г. здесь числилось 27 пашенных крестьян, шесть служилых людей и трое посадских, а в 1702 г. — 13 крестьян и в окрестностях Бузимского села 17 служилых людей и пять посадских, пахавших пашню. Недалеко от того же села, против устья р. Кана, «под бором ниже озера Дурного» была расположена в 1701 г. дер. Коркунова, основанная двумя братьями, служилыми людьми Коркуновыми, на территории с. Бузимского. Выше с. Бузимского на той же р. Бузиме имелась в 1701 г. еще дер. Кокурская (по Ремезову «Матона», чит. Матэнина), в которой жили казаки Лев Мато-

нин с товарищи (8 чел.) и двое посадских, отхвативших эту землю наездом у аринских татар²³⁵.

Выше устья Бузима шли отдельные деревни служилых людей: дер. Савостьянова, основанная сыном боярским Кононом Савостьяновым еще в 1659 г.; в 1701 г. ею владел его сын Самсон Кононов и внук Андрей Федоров Самсонов; тут же жили еще пять служилых людей; далее дер. Якушки Сорокина (кроме владельца, в 1701 г.— два служилых человека), дер. Шахова, где жили в 1701 г. вдовы двух ее основателей — служилых людей Шаховых, Хлопуновская, основанная служилыми людьми Хлопуновыми, где в 1670/71 г. было 8 чел., а в 1701 г.— 14 служилых людей. Всего во всех этих деревнях по рекам Тусте и Бузиму близ устья речки Мемъюля и в других местах под пашней было около 57 дес.

Выше Хлопуновской деревни, у бора, на берегу р. Енисея, находился поселок, основанный атаманом Емельяном Тюменцевым; в 1701 г. здесь жили его сын Дмитрий Емельянов Тюменцев с племянником атаманом Петром Аникиевым Тюменцевым и сын боярский Иван Андросов.

Далее на устье речки Нижней Шиверской обосновался еще в 1657—1661 гг. новокрещен сын боярский Иван Архипов Айкан, внуки которого Семен и Матвей продолжали владеть этой деревней в 1701 г. Рядом, на Громовой горе, была дер. Еремеева, принадлежавшая в 1701 г. сыну боярскому Трифону Еремееву. У Ремезова упоминаются здесь три названия — Шивера, Айканова и Еремеева; деревня под названием Шивера существовала уже в 1671/72 г.; в ней числилось тогда семь служилых людей.

Далее следует урочище Осыпной Яр, подле которого в 1701 г. стояла дер. Шадрина, в которой жили 10 служилых людей, в том числе двое Шадриных, пахавшие более 17 дес. в поле; в 1670/71 г. на Осыпном Яру жили два служилых человека.

Выше Осыпного Яра была расположена дер. Куваршина, в которой в 1670/71 г. жил 1 чел., а в 1701 г.— 7 чел., в том числе и Иван Куваршин; они пахали 23¹/₃ дес. в поле²³⁶.

В межах с дер. Куваршиной была деревня пашенных крестьян Частоостровская, названная так по многочисленным островам, раскинутым в этом месте на Енисее. Деревня эта, по-видимому, была устроена в 1644 г.; владения ее тянулись «от северного конца увалу вниз до Осыпного Яру»; частоостровским крестьянам также принадлежал остров на реке против их деревни для сенных покосов, скотинного выпуска и рыбных ловель и покосы на островах. В 1670/71 г. взрослое мужское население его составляли 15 чел., в 1701 г.— 26 дворохозяев; пахали они своей и государевой пашни 77¹/₃ дес. в поле.

На устье р. Кубековки была дер. Кубековская; в 1670/71 г. на Кубековке числилось 15 служилых людей; в 1702 г. здесь жили только два служилых человека и один новокрещен²³⁷; зато в обширном Кубековом лугу многие служилые люди владели покосами.

К дер. Кубековке, по-видимому, примыкали владения сына боярского Ивана Меньшого Ермолаева и его племянника недоросля Федора Григорьева Ермолаева, расположенные за речкою Кубековкою на горе

²³⁵ Стб. 292, л. 72—73.

²³⁶ Кроме Куваршина, в 1671/72 г. «повыше Осыпного Яру» жили еще трое служилых людей. Между Шиверской и Куваршиной С. Ремезов помещает дер. Барабанову, о которой пишет и Гмелин; в книге 1701 г. таковой не упоминается.

²³⁷ Такое несоответствие цифр дает повод думать, что перепись 1671/72 г. имеет в виду не только Кубековскую деревню, но и другие поселения, которые в 1702 г. причислены были к подгородным пашням.

у Частоостровской дороги²³⁸. Кубековская деревня была по левому берегу Енисея последним поселением перед Красноярском, если не считать отмеченной Ремезовым между Кубековкой и Бугачем дер. Куликовой, не упомянутой в книге 1701 г.

В стороне от реки, к западу от Красноярска, на Бугаче находилась деревня пашенных крестьян — Бугачевская, с населением в 1671/72 г. в 19 дворохозяев, к которым приселился один служилый человек; в 1702 г. здесь жили 23 крестьянина, пахавших на государя и на себя 74 $\frac{1}{3}$ дес в поле²³⁹.

К югу от Красноярска по левому берегу Енисея уже не было никаких поселений.

По правому берегу Енисея населенные места начинались южнее, чем на левом берегу; наибольшее их число сосредоточивалось против города под защитой его артиллерии. Самым северным поселением на правом берегу в 1701 г. была дер. Погорельская, расположенная под бором против дер. Нахвальской (Нахвальной); свое название она получила, кажется, от того, что двое из владельцев, служилые люди Яков Черкашенин и Василий Долгой, в 1689 покончили жизнь самоубийством; в 1701 г. в ней жили четыре служилых человека, обосновавшиеся здесь в 1640 г. Выше, на устье речки Малой, «у бору» в 1702 г. стояла деревня конного казака Микулки Немтинова²⁴⁰.

На устье р. Кана и на речке Веснинке уже к 1670 г. образовался поселок из девяти служилых людей; в 1702 г. здесь жило 5 чел., пахавших несколько более 21 $\frac{1}{2}$ дес. в поле.

К левому берегу р. Кана прилегали владения дер. Балчужской, или Балчуга, тюркское название которой (ср. Балчуг в Москве) означает болотистую местность. Территория ее распространялась от устья р. Тели до устья Кана и вверх по Кану «до нижнего порогу, а от порогу через леса к реке Енисею» до устья той же речки Тели; ей же принадлежали два «сенных острова» на Енисее. Балчужская деревня возникла в 40-х годах XVII в. и была населена пашенными крестьянами и отчасти служилыми людьми. В 1671 г. в ней числилось пять крестьян-дворохозяев и двое служилых людей, в 1702 г. — 11 крестьян и один казачий сын. В начале XVIII в. вся запашка Балчужской деревни, считая «государеву десятинную пашню», составляла 35 дес. в поле и захватывала вновь завоеванную новину «за бором на степи».

Река Теля составляла границу владений Балчужской деревни с владениями дер. Быковской, стоявшей «на устье речки Тели на стрелке». В 1671 г. «на Быку» жили четыре служилых человека и «пониже Быка» — два; в 1702 г. в Быковской деревне было трое служилых и один посадский, пахавшие около 7 дес. в поле «меж Енисеем и Телею на степи» и на устье р. Тусты.

Выше, на берегу Енисея, по речкам Холуеватой, Толконе и Батою раскинуто было с. Ясаулово с церковью «Спаса Нерукотворенного» (Ясаулов погост). Положение на сухопутной дороге из Красноярска в Канск и на пути на Ботойские промыслы способствовало превращению этого поселения в очень значительный и оживленный пункт. Взрослое мужское население его в 1671/72 г. составляло 67 чел., из них двое духовных, 27 крестьян

²³⁸ При окончательном составлении Описания населенных земель Иван Меньшой Ермолаев был спутан с Иваном Большим Ермолаевым, владевшим деревней «за рекою Енисеем ... меж бором на степи».

²³⁹ Поселение на Бугаче было основано при воеводе Петре Протасеве в 1646/47 г., когда здесь были поселены 24 крестьянина.

²⁴⁰ С. Ремезов называет ее по имени владельца деревни — Немтиновой.

ян, трое посадских, 26 служилых людей, восемь холопов и один неизвестный; в 1701 г.— 86 чел., в том числе один священник, 42 пашенных крестьянина (считая родственников), три посадских человека и 40 служилых людей. Общая распашка составляла более 211 дес. в поле, считая государеву пашню²⁴¹.

Здесь имелся постоянный двор. Квасная, сдававшаяся на откуп, бойко торговала судя по высокому откупу. Как сказано выше, село было укреплено и защищалось одной пушкой. В Ясаулове обосновалась красноярская служилая знать: дети боярские Саламатовы (в 1701 г. их было 4 чел.) и Михаил Ярлыков.

Несколько ниже Ясаулова, по Енисею, находилась деревня, принадлежавшая атаманской семье Кольцовых. В конце столетия владел деревней атаман Федор Кольцов с родными братьями, детьми боярскими Иваном и Тимофеем Кольцовыми. В 1701 г. в состав их владений входило 4¹/₂ чети пашни на лугу и в том же лугу угожих сенных покосов от Подкаменной курьи до Березова острова 28 дес., и в разных местах на том же лугу 13 дес.; но первоначально владения эти были крупнее, так как вдова Федора Кольцова, Наталья, поступилась частью земли конному казаку Федосею Черкашенину, сын которого Степан в 1701 г. владел здесь 4³/₄ четьми пашенной земли и 15¹/₂ дес. угожих покосов от Березова острова вверх, подле Енисея.

С деревней Кольцовых непосредственно граничили владения Введенского монастыря, расположенные по речке Березовке. Владения эти составились постепенно с 1638/39 г. путем покупок, пожертвований и пожалований²⁴². В 1671 г. на монастырской земле жило 12 крестьян-дворохозяев, а в 1702 г.— всего шесть и один закладник. Вся запашка — монастырская, крестьянская и закладникова — составляла более 19 дес. в поле.

Монастырю же принадлежали рыбные ловли по Енисею от устья Большой Курьи до устья речки Березовки, острова и луга вниз по Енисею, до Сметанина острова, и мельница колесчатая на речке Березовке. В центре монастырских владений на Березовке стоял самый монастырь Введенский; его изображение на Ремезовском чертеже носит, к сожалению, совершенно стилизованные черты и не позволяет судить о том, что он собою представлял. По р. Березовке вблизи монастыря жило несколько служилых людей: вверх по речке Березовке была, в частности, расположена деревня атамана Михаила Злобина. Некоторые из служилых людей распространяли свои запашки на р. Ботой и на степь «под Глухим камнем». Всего в этом районе в 1702 г. жило 26 чел. (в том числе сын введенского игумена), пахавших более 63 дес. в поле.

Следующим крупным поселением была дер. Лодейская (Лодейная), или Лодейки, в которой в 1670 г. жило 22 служилых человека, а в 1702 г.— 47 служилых людей, пахавших на степи и на речке Быстрой «у большой сопки» около 119 дес. в поле. Рядом с деревней был раскинут огромный Лодейский луг, снабжавший сеном не только жителей деревни, но и других красноярцев. Через Лодейки шла дорога из Красноярска на Кан.

Несколько в глубь страны, на речке Киковке, стояла деревня, основанная служилой семьей Торгошиных, которая и дала название как самой деревне (Торгошина), так и двум речкам, протекавшим по ее территории (Торгошины речки). В 1670 г. здесь жили четыре служилых человека с двумя малолетними сыновьями и тремя холопами, по-видимому, из чи-

²⁴¹ Странно, что Ремезов пропустил это крупное село в своем чертеже.

²⁴² В 1702 г. монастырские власти показали, что они владеют землей на Березовке «по данным крепостям и по купчим» 147, 153, 165, 170, 171 и 172 гг. и по государевым грамотам 159 и 188 гг.

сла «иноземцев». В 1702 г. здесь владели землей 18 служилых людей; пашня и перелог достигали почти 39 дес., захватывая земли по речке Тусте и степь «у Монастырской горы» и «на Каменной горе пониже Змеинцев». Торгошиной же деревне принадлежали покосы «на солонцах» и по речке Базаихе, где ее владения встречались с владениями другого деревенского поселка служилых людей.

На р. Базаихе в 1670 г. жило всего два служилых человека (с двумя малолетними сыновьями), а в 1702 г.— 5 чел., пахавших у «Каменной горы на степи», «выше Змеинца», около 14 дес. в поле.

Последним к югу поселением на правом берегу Енисея была дер. Овсянская (иначе Овсянка) на р. Овсянке, насчитывавшая в 1670 г. семь служилых людей, а в 1702 г.— 15 чел. (в том числе один новокрещен из ясачных). Запашка Овсянской деревни (более 36 дес. в поле) и принадлежавшие ей покосы тянулись в степи по р. Мане и по ее притоку Сарату. По соседству с Овсянкой на речке Слизневой стоял одно время хутор атаманского сына Ивана Злобина (вероятно, его имеет в виду Ремезов под названием дер. Атамановой), который, впрочем, не упоминается в «Описании» 1702 г.²⁴³ Река Мана и была крайней южной гранью русской земледельческой колонизации Красноярского уезда, за которой начинались «немирные земли» с их воинственным и склонным к грабежу населением, препятствовавшим дальнейшему распространению сельскохозяйственной культуры на юг.

---

²⁴³ Возможно, что книга 1702 г. причисляет эти земли к владениям Злобиных, описанным на р. Березовке, в числе которых упоминается пашня.

Глава IV

ХОЗЯЙСТВО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА В XVII в.

1. ПРОМЫСЛЫ

Одной из побудительных причин проникновения царизма в глубь Сибири был захват промысловых угодий и освоение торговых путей в Центральную Азию. Для нас поэтому интересно выяснить, в какой мере развиты были в Красноярском уезде в XVII в. промыслы (в первую очередь пушные) и какую роль играла в Красноярске торговля в первое десятилетие его существования.

Красноярский уезд в XVII в. был в достаточной мере богат зверем. Из пушных зверей здесь водились соболы (по отзыву Миллера, менее ценные, чем в других частях Сибири, но не плохие¹, бобры, лисицы, куницы, горностаи и белки. Из хищников — волки, медведи, рыси, россомахи, «макуй-ли» («по-русски называют коты дикие»); из копытных — лоси (сохатые), олени, дикие козы (козули) и, может быть, кабарги, «струя» которых (мускус) являлась одним из самых выгодных предметов красноярской торговли.

В связи с русской колонизацией, уже в середине XVII в. раздаются жалобы туземцев на катастрофическое уменьшение пушного зверя и дичи в окрестностях Красноярска. «Праведным судом Божиим, — плачутся подгородные татары, — на Красноярской земле, где мы кочуем, соболей не стало, перешел соболь в самые дальние земли, и промышлять стало негде, и что, государь, прежде сего на наших землях водился зверь — дикие козы..., и тот зверь с нашей земли шшел лет с десять». Все чаще читаем сетования на «несобольистые годы». Тем не менее, судя по тому, что енисейские ясачные тунгусы еще в конце столетия ходили за ясаком в Канский уезд, надо полагать, что истребление пушного зверя было в целом менее заметно в Красноярском уезде, чем в более заселенном Енисейском. Наиболее богаты соболем были леса Канской земли, а из местностей, более близких к городу, — верховья р. Ботоя.

Другим объектом промысловой предприимчивости могли быть хмелевые угодья и рыбные ловли на верхнем Енисее, привлекавшие большое число промышленных людей из Енисейска. О хождении на хмелевые и рыбные промыслы приезжих из Енисейска промышленников мы имеем ряд известий в течение всего XVII в. «В прошлых, государь, годах приходили в Красноярской острог из Енисейска с таможенными енисейскими проезжие грамоты, — писал в 1647 г. воевода Петр Протасьев, — промышленных людей человек по 30 и по 40 и больше, а ходили они, государь, мимо

---

¹ Красноярские соболы расценивались на сибирском рынке много дешевле, чем якутские и нерчинские. В 1690/91 г. в Нерчинске сорок соболей красноярских стоил 60 руб., а якутских и нерчинских — 130 руб. (Сиб. прик., кн. 1012, лл. 194 об.—195). В 1695/96 г. «продажная нерчинская цена» красноярских соболей была еще ниже, по 22 рубля сорок (стб. 1273, л. 50). Попадались как редкость и белые соболы (стб. 513, лл. 15—16); белый соболь ценился в 1 рубль.

Красноярский острог вверх по Енисею реке промыслять рыбою и хмелем»². По мере того как испромышлялись хмелевые угодья и рыбные ловли в ближайших окрестностях Красноярска, мы замечаем тенденцию расширить район промысловой деятельности еще дальше на верховья Енисея — на Абакан и Упу. В 1683 г. из Красноярска вверх по Енисею на р. Абакан, на хмелевые промыслы и на рыбную ловлю было отпущено девять промышленных людей; в сентябре 1692 г. из Караульного острога пять годовальщиков находились «на хмелевом промыслу вверх по Енисею реке»³. Одним из мотивов постройки острога в Киргизской земле являлись в конце XVII в. «хмелевые и рыбные промыслы». В 1668 г. красноярский атаман Елисей Тюменцев, энергично настаивая на постройке острога выше Абакана, указывал на «лесные и рыбные ловли и соляные озера и хмелевые промыслы»⁴.

Сравнительное богатство пушным зверем, обилие хмеля и рыбы, казалось, должны были благоприятствовать, после основания Красноярского острога, развитию промыслов в районе верхнего Енисея, однако мы этого не наблюдаем.

Действительное количество «гулящих» и промышленных людей, ходивших на промыслы в Красноярский уезд, было невелико. В 1647 г. наибольший приезд промышленных людей на хмелевые и рыбные промыслы определялся в 30—40 чел. в год.

Весною 1673 г. в Красноярске гулящих людей было зарегистрировано 49 чел.; имущество 40 из них было оценено в 3 рубля, 6 чел. — в 4 рубля и 3 чел. — в 5, 6 и 7 руб. В 1683/84 г. зарегистрировано 35 чел., в 1686/87 г. — 34, в 1692/93 г. — только 6 чел., в сентябре 1697 г. — 11, в мае—июле 1698 г. — 5 чел.⁵

Как в хмелевых и рыбных, так и в соболиных промыслах, кроме енисейских промысленников, принимали участие и местные «красноярские жители» — служилые люди и пашенные крестьяне. Так, «ездили зверовать осенью (1693 г.) по многие времена» из с. Ясаулова сын боярский Гаврило Кольцов, сын казачий Андрей Коновалов и четверо пашенных крестьян; им удалось убить лисицу черную. В январе 1693 г. ходили вверх по Енисею «на Бирюуские и Кемчужские вершины», «для промыслу соболей», конный казак Тимофей Потылицын «с товарищи своими с красноярцы ж, всего 5 человек, и упромышляли 25 соболей». В 1683 г. ездил на соболиный промысел конный казак Куземка Соловьев с двумя ясачными татарами и «упромышляли» 15 соболей⁶. В мае 1698 г. пятидесятник Ларион Ростовцев явил в таможене своего промыслу двух волков. В сентябре 1697 г. явили рыбу продавать в Красноярске 12 служилых и их людей (2 чел.) и один крестьянин Бугачевской деревни; в мае-июне 1698 г. — 6 служилых людей. Красноярские служилые люди держали на откуп все рыбные ловли под острогом: на Быку, на Овсянке, на Кубековом озере, на Татушевом острове и на р. Мане. Ходили служилые люди и на хмелевые промыслы. В августе 1697 г. 5 чел. из них явили 1 пуд хмелю и заплатили десятую пошлину «за промысел». В 1698 г. в Енисейск были

² Сиб. прик., стб. 292, лл. 11—12; стб. 802, л. 110.

³ Стб. 1317, лл. 17, 625.

⁴ Стб. 830, лл. 25, 68.

⁵ Кн. 590, л. 193 об.; кн. 902, л. 195; кн. 1057, л. 7; кн. 811, лл. 429 об.—430.

⁶ Стб. 980, л. 5; стб. 1317, лл. 562—563; И. П. Кузнецов. Исторические акты XVII ст., I, № 23. Любопытно описание снаряжения промышленной экспедиции. У Тимофея Потылицына с товарищи туземцы отобрали грабежом «картельного их борошно и всяких промышленных» — четыре обмета (соболиные сети), три ножа, два топора медных, «постелю» и одеяло, две нарты и четыре мешка, всего на 10 руб. У Кузьмы Соловьева отобрано три ножа, три огнива звероловных и 3 пуда хлебных запасов.

отпущены из Красноярска служилый человек Федор Темкин, а с ним «промыслу их» 1½ пуда хмелю⁷.

Участвовала в эксплуатации красноярских промыслов и местная администрация. Воевода Герасим Никитин с подьячим Василием Еремеевым посылал своих «покручеников», промышленных людей Василия Вятку и Ивана Даура с товарищи, на соболиные промыслы на два года в Канскую землю, и они выловили в угодьях ясачных людей соболей и бобров⁸.

Итоги красноярских промыслов могут быть отчасти установлены по десятинной пошлине. За 1697/98 г. в красноярской таможне было явлено 242 ¼ пуда хмелю на 364 рубля; кроме того, один бухарец явил своего промыслу 6 безменов хмелю. В 1672/73 г. продано было полученного в виде десятой пошлины хмеля на 30 руб. с лишним, что позволяет предполагать всю добычу в 200—300 пудов; в 1668/69 г., судя по выручке таможни, добыто было 195 пудов хмеля. Добыча отдельной промышленной партии была неравномерна: в августе 1697 г. партия в 5 чел. добыла 1 пуд хмелю, в 1699 г. другая партия, тоже в 5 чел., вывезла 10 пудов хмелю⁹.

Труднее определить годовую добычу рыбы, так как большая часть ее шла, разумеется, на питание. В сентябре 1697 г. в Красноярске на продажу было явлено 40 пудов рыбы просольной на 8 руб.; в мае-июне — свежей рыбы «ельцов» на 3 рубля; кроме того, три гулящих человека явили 3 пуда рыбы своего промысла¹⁰.

Надо, однако, отметить, что лучшего качества рыбу (осетрину, нельму, муксун), сушеную (юколу), икру красную и черную Красноярск получал из Енисейска.

До нас не дошли таможенные соболиные книги, и нам поэтому трудно учесть добычу пушнины. Есть, однако, основание полагать, что она была незначительна. В апреле 1689 г., например, промышленный человек Федор Харитонов привез из Красноярска в Енисейск 20 соболей на 9 руб.¹¹ Выше мы видели, что партия в 5 чел. «упромышляла» 25 соболей, а партия в 3 чел. — 15 соболей, иначе говоря, один промышленник добывал в среднем 5 соболей. В 1702/03 г. из 75 купленных в казну соболей только три были приобретены у промышленных людей, в 1708/09 г. из 282—7 соболей; остальные поступали от туземцев и особенно от служилых людей, которые со своей стороны чаще доставали соболя посредством мены или принуждения у туземцев, чем охотой¹². Следует, наконец, отметить, что за сободем приходилось идти очень далеко — на р. Бирюсу, на верховья Кемчуга, даже в Томский уезд.

Сравнивая значение в экономической жизни Красноярского уезда отдельных видов промыслов, надо прийти к заключению, что на первом месте здесь стоят не соболиные, а хмелевые промыслы, но и они не получили значительного развития.

Причины слабого развития промыслов в Красноярском уезде (помимо меньшего количества соболя в лесостепи и худшего его качества) лежат в той опасности, с которой были сопряжены промышленные предприятия в окраине, население которой еще продолжало борьбу, в полосе непрерывных набегов киргизов и монголов. «Кочуют близ Красноярска воровы и из-

⁷ Кн. 1172, л. 44; стб. 1369, л. 6.

⁸ Стб. 802, лл. 110—111.

⁹ Кн. 1172, лл. 44, 12 об.; кн. 590, л. 284; кн. 543, л. 248 об.; стб. 1327, л. 325.

¹⁰ Кн. 1172, лл. 12 об., 21.

¹¹ Стб. 1118, л. 38.

¹² Кн. 1241.

менники киргизы, алтырцы и езерцы и тубинцы», — жаловались в 1690 г. в Москву служилые люди, подгородные татары, посадские люди и крестьяне. «А мы, холопы и сироты ваши, ходим вверх по Енисею реке для своей нужи и бедности на рыбные ловли и на хмелевые промыслишка, и нам ... рыбы ловить и хмелю промышлять не дают и грабят и разоряют и побивают до смерти»¹³.

В 1657 г., например, русские посланцы выговаривали Лауцзану, что тубинские улусные люди «побили на рыбной ловле двух человек русских людей и животов их пограбили» и ушли «в мугалы». Все девять промышленников, отпущенных на Абакан в 1683 г., были перебиты киргизами, а в 1689 г. из 8 чел., ходивших на лешие промыслы вверх по Енисею до Ельника, было убито пять, остальные бежали «покинув всякий промышленный завод и платье»; в 1692 г. были убиты два служилых человека, выехавшие из Караульного острога для рыбного промысла на речку Погромную и заночевавшие против острога¹⁴. При таких условиях русские промыслы не могли получить большого развития.

К XVII в. относятся первые известия о начатках горной промышленности в Красноярском уезде. Однако сведений о рудных промыслах в XVII в. еще очень мало. Известно, что в конце столетия пашенные крестьяне сел Ясаулова и Бузимского «железную руду добывали» и «железо плавил на всякие великих государей поделки». В 1683/84 г. было выплавлено 50 пудов железа; в следующем году казенный целовальник принял у крестьян 20 пудов кричного железа. Добывали руду и плавил железо также, по-видимому, и на свои нужды. Так, казак Матюшка-кузнец жаловался, что воевода Григорий Шишков взял у него безденежно 5 пудов железа и железную руду, из которой было выплавлено 25 пудов.

Железо, выплавляемое из красноярской руды, по отзыву иностранного специалиста в Москве, было «плохое, в ковку не годится»; тем не менее оно употреблялось в Красноярске, за неимением лучшего, на оковку сундуков, ларцов, коробей, дверей, а также пушечных станков¹⁵.

С конца столетия, в связи с общим капиталистическим оживлением метрополии, начинаются энергичные поиски руды. При воеводе Игнатии Башковском дошли до Красноярска слухи, что на р. Шишкете есть гора, в которой имеется золотая руда. Монгольский кутухта прислал даже в подарок 1³/₄ золотника руды из этой горы, но когда русские попытались точнее узнать ее местонахождение, то он под различными предложениями вежливо уклонился: «И на той де земле стоят воины, и идти за дальным расстоянием никакими мерами невозможно, а и сам де он, Хутухта, от воинских людей в бегах»¹⁶. В 1697 г. на границе Красноярского уезда на р. Коштаке было положено начало казенной разработке серебряных рудников под руководством греческого инженера Ал. Левандианиса¹⁷.

Подъем интереса к рудным богатствам Зауралья вызвал в Сибири лихорадочную деятельность в том же направлении со стороны частных предпринимателей, которые обратили внимание на Красноярский уезд. В марте 1680 г. енисейский пашенный крестьянин Герасим Кирилов исхлопотал себе привилегию «беспенно» искать руду и слюду в уездах Енисейском, Мангазейском и Красноярском — «по Енисею на порог и под порог и выше порогу в горах». Однако при полном отсутствии знаний и опыта

¹³ Стб. 1052, л. 2.

¹⁴ Стб. 1317, лл. 17, 24; стб. 513, л. 44.

¹⁵ Стб. 1081, л. 56. «Опыт» производил в 1680 г. рудознатный мастер Крон Дробыш. О поделках из красноярского железа см. стб. 980.

¹⁶ Стб. 1052, лл. 641, 644.

¹⁷ ДАИ, т. X, № 77, (X—XI), стр. 333—341.

этот доморощенный искатель не имел, по-видимому, никакого успеха. Гораздо серьезнее было предложение, поступившее в декабре 1682 г. от «строителя» Спасской Ангарской пустыни Братского острожка в Енисейском уезде — старца Вавилы с братиею, касавшееся непосредственно Красноярского уезда: «В прошлых де годах посыланы были воеводы и приказные люди и немцы проведывать серебряные руды, и в том государственной казне были убытки великие, а серебряной де руды не доискались, а есть де в Сибирской стране выше Красного Яру серебряный промысел... в Крыгжской (sic!) землице вверх по Енисею на правой стороне объезжая 3 дни». Они просили разрешения учинить на этом месте промысел и плавить серебро «беспенно и безданно впредь на год, а работников и ремесленных и всяких людей держать бы им безопасно, кто ни будет». Монахи очень деловито настаивали на преимуществах применения к разработке горных богатств свободного труда перед невольным: «А будет де великие государи того промысла не изволят им дать, а изволят посылать немец или каких иных людей, а с ними будут невольные и непожалованные люди, а тем людем никому в плавежу силы и равенства не узнать». Ходатайство братии Ангарской пустыни было удовлетворено в Москве, и им было предоставлено монопольное право «серебряные и медные и иные руды доискиваться и заводы заводить и строить, и руды плавить и ковать своими деньгами и наемными людьми» в указанных ими местах на следующих условиях: владение промыслом предоставляется на семь лет безоборочно и беспошлинно с тем, чтобы после этого срока десятая доля меди отдавалась в казну; остальную медь разрешено продавать «повольно», но в случае надобности казна оставляла за собой право брать себе медь с уступкой против рыночной цены «у пуда по полуполтине»; в случае, если будет найдено серебро или золото, то в казну поступает восьмая доля безденежно, а вся остальная добыча должна отдаваться в казну по казенной цене, за золотой — по 30 алтын, а за ефимок «доброй и чистой» — по полтине «с довесом»; посторонним продавать благородные металлы было воспрещено. В казну имела поступать «безденежно и без льготных лет» восьмая часть добычи слюды и краски; остальное разрешалось продавать на сторону; «иным иноземцам» и русским заводы в тех местах заводить воспрещалось.

Очень интересна попытка урегулировать вопрос о снабжении завода рабочей силой: согласно предложению самих «прожектеров», завод должен был обслуживаться исключительно свободным трудом: «русских людей в неволю никого им не держать, наймовать их повольною ценою». Но делалось исключение для специалистов и иностранцев, которые прикреплялись к заводам: «А которые мастеровые люди и подмастерья, разных земель иноземцы, у них, строителя с братией, у тех заводов живут и впредь учнут жить, на иные заводы рудокопные без письменного их отпуску не принимать»¹⁸. Итак, на красноярской почве возникла и первая мысль об эксплуатации сибирских руд посредством частного капитала и наемного труда. Судьба этого предприятия, однако, неизвестна¹⁹.

Из других видов ископаемых в последней четверти столетия открыта была слюда под дер. Разорвиной в берегу речки Посолки, притока Енисея. В 1693 г. посадские люди, жившие в названной деревне, Исай Трухин с детьми и другие, копали здесь в горах «слюду оконечную» и прода-

¹⁸ Стб. 1081, лл. 19, 115.

¹⁹ Может быть, это «Майский рудник» (медь), лежащий на западном берегу Енисея в горах близ позднейшего Саянского острога; по крайней мере Гмелин пишет, что этот рудник был основанием, из которого выросла вся красноярская горная промышленность (J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, стр. 292 и сл.).

вали тайно многим людям. Впрочем, разработка слюды производилась очень примитивно и давала незначительные результаты. Когда в 1694 г. произведен был, по распоряжению воеводы, обыск в дер. Разорвиной, то у двух посадских людей во дворах нашли всего «слюды плохой» с пуд.

Воевода П. С. Мусин-Пушкин, побуждаемый строгими указами об обследовании производительных сил края, решил обследовать эти слюдяные промыслы. Послана была экспедиция в составе сына боярского Петра Рачковского и подьячего Ал. Собакина; снаряжение экспедиции было самое простое: «снастей таких, чем добывать, послано из Красноярска одна кирка да лом». Слюды выкопали с пуд, да реквизировали у посадских людей столько же. В ожидании распоряжения из Москвы Мусин-Пушкин поторопился прекратить кустарную разработку промыслов и «учинил заказ о тех горах, где та слюда добывается», чтобы без указа из Москвы «слюды в тех местах на себя никто не добывал».

В Москве открытием заинтересовались, и последовало распоряжение о посылке из Тобольска в Красноярск «слюдных мастеров и слюдные снасти». Для разработки промыслов предполагалось в качестве «работных людей» употребить ссыльных людей, «которые посланы с Москвы в Красноярск в пашню, а на пашню не поселены..., а им давать корм, чем им сытым быть»²⁰. Таким образом, наряду с попытками использовать вольнонаемный труд уже намечалась будущая система эксплуатации горных богатств края посредством подневольного труда ссыльных. Результаты этого распоряжения нам неизвестны.

Незначительное развитие горных промыслов в Красноярском уезде, помимо общих для всего Русского государства причин, объясняется также и тем, что богатые залежами металла районы — железные руды в бассейне Тубы и на верхнем течении Абакана, золотые россыпи на Июсах и по рекам Сисиму, Тубе, Амылу и Кызыру, сделавшиеся впоследствии известными, в XVII в. были в руках киргизов и недоступны для русского капитала. Об условиях, при которых начиналась разработка руды на границах с Киргизской землей, дают представление первые опыты Левандианиса на Коцтаке. Для охраны пришлось поставить острог и содержать в нем гарнизон, но от острога вдаль выходить не давали, так как кругом ездили киргизы. Работать можно было только поблизости от укреплений. «И корда увидим людей неприятельских,— писал Левандианис,— и мы от них убегаем в острог..., а когда ходим, государь, мы по дрова в лес и по уголье с работными людьми с тритцатью человеки, в великом страхе от киргизских людей»²¹.

В заключение следует отметить попытку собирать в Красноярском уезде лекарственные травы; из них особенно большой популярностью среди служилых людей пользовалась трава «словет зверобой», а «ростет кустами, а цвет на ней желтой и красной, лист невелик, что на дереве таволге». Зверобой считался лекарственным средством от ран: «А пригодна де та трава от ран, которой человек ранен живет на бою..., а как де они, служилые люди, посылаемы бывают на государевы службы и на драках живут раненые, и от тех раней тою травую и лечатся». Способ пользования ею был следующий: «Емлют ее летом в Петров пост об рождество Ивана Предтечи, а сушат на солнце и с кореньем и, высушив, толкут в муку, а как истолкут, что гороховая мука, и тое де траву и пьют во всяком питье, в вине и в меду и в пиве ьли в чем ни буди; а собою она горька; а как де учнет ее пить, и тех ран тот человек на себе не слушит.

²⁰ Стб. 1317, лл. 452—456.

²¹ ДАИ, т. X, № 77, стр. 339.

потому что она тое болезнь оглушит и очищит те раны, выбивает изнутри гноем ... и от той травы те убойные раны, какая ни будь, заживают, а пьют ее, сколько кто может, на день дважды и трижды».

В 1689 г. из Москвы было получено распоряжение о присылке 2 пудов «травы зверобоею толченого самого доброго, да волчья корени». Во исполнение предписания было отправлено 2 пуда зверобоею и 4 фунта «волчья корени». В Москве зверобой был оценен в 1 р. 20 к. за пуд, а волчий корень — по гривне за фунт ²².

Таким образом, мы видим, что уже в XVII в. делались слабые попытки эксплуатации природных богатств Красноярского края. В конце столетия, под влиянием роста потребностей метрополии, попытки эти принимают более последовательный и энергичный характер. Однако общие условия, в которых шла жизнь края, были мало благоприятны для его экономического прогресса, и промысловое значение Красноярского уезда в XVII в. было в конце концов второстепенным.

* * *

Художественные производства имели, по-видимому, небольшой спрос в Красноярске. Однако в 80-х годах с. Бузимского церковный и житничный дьячок Иван Бронников подрабатывал живописным искусством, а именно брал заказы «красить и травы писать сундуки большие и седла и еловчики», а также «ратовщики копейные»; расписывал он и слюдяные окончины. Главным образом, как мы видим, он обслуживал опять-таки потребность военного люда в нарядном оружии. Среди его заказчиков был сам воевода Григорий Шишков, для которого он красил разными красками сундуки, седла и другие вещи и расписал пять окончин больших к чердаку. Для этой работы он жил на воеводском дворе 10 недель и должен был «за работишку и за краски» получить рублей шесть ²³.

Упоминаются в Красноярске тоже мастера серебряники, преимущественно служилые люди, вроде казака Ивашки-серебряника ²⁴.

Чистое искусство не могло получить распространение в военной крепости. Собственных иконописцев в Красноярске не было, и когда присланные из Москвы иконы в церквах сгорели или попортились, то было «писать и починивать некому», «иконников нет». Когда в 1683/84 г. понадобилась икона в приказную избу, то пришлось «выменить» икону благовещения у енисейского посадского человека Василия Кондакова и дать «смены» 10 алт., а оклад чеканный золоченый к той иконе был «сменен» у торгового человека Григория Микитина (дано 1 р. 65 к).

Иконописное ремесло получило свое начало в Красноярске только в конце столетия от иконников, пришедших со стороны. В 1691 г. присланы были в Красноярск замешанные в деле Федора Шакловитого московские иконники Иван Владимиров и Федот Алексеев; однако уже через год получено было распоряжение о пересылке их дальше, в Братский острог. Красноярцы били челом о разрешении оставить их в городе «для церковной утвари и письма знамен»; просьба эта была исполнена только частично: разрешено было оставить одного Федота Алексеева, с предписанием посадить его на пашню и держать под строгим надзором, а Ивашку повелевалось отправить в Кузнецк, где, очевидно, тоже ощущалась нужда в иконописцах. В 1696 г. мы находим в Красноярске трех иконников —

²² Стб. 1052, л. 240; кн. 1054, лл. 65—65 об., 68 об.— 69.

²³ Стб. 980, лл. 474, 475.

²⁴ Кн. 1504, л. 34; кн. 902, л. 342 об.

Федота, Ивана и Емельяна; возможно, что Федот и Иван — названные выше ссыльные иконники; все трое были пришлыми людьми в Красноярске, судя по словам атамана Михаила Злобина: «чтоб они, естли жить хотят в Красноярску, и они б держали язык короче»²⁵.

2. ТОРГОВЛЯ КРАСНОЯРСКА В XVII в.

Пограничное положение Красноярского острога должно было способствовать развитию в нем торговли с соседними азиатскими народами. На это очень рассчитывало правительство при основании острога в Качинской земле. В 1626 г. воевода Яков Хрипунов в числе доводов в пользу своего мнения о целесообразности постройки здесь острога приводил то, что «в лошадех и в десятой пошлине будет многая же прибыль»²⁶. В 1630 г. воевода Архип Акинфьев, отстаивая необходимость сохранить город, писал, что в будущем здесь «чаять торгов многих от киргизских и алтынновых людей и от иных землиц»²⁷. Правительство было озабочено развитием намечавшихся торговых связей. В наказе Никите Ивановичу Карамышеву (1632) ему было поручено выяснить возможность покорения братских людей; если же окажется, что «братских людей под государеву руку привести не мочно, и государю с них ясаку и никакие прибыли не чаять», но что с их стороны «задору и дурна никакого не чаять», то предписывалось послать в Братскую землю к князьям и лучшим людям, «чтоб братские люди приходили в новый острог на Красной Яр со всякими товары торговати с государевыми людьми; да будет похотят торговать приезжать в новый острог, и им дати торг за острогом, где пригоже, и велети с ними торговати всяким людем, а в остроге б люди были в то время с великим бережением». В заботах о привлечении туземцев на красноярский рынок правительство приказывало следить, чтобы русские «на торгу не чинили никакого задору», и провинившихся подвергать наказанию тут же, «смотря по вине, чего доведется»²⁸.

Действительно, Красноярск служил в XVII в. одним из пунктов торговых сношений со Средней Азией. Посредниками в этой торговле были бухарцы, ездившие в Китай и оттуда через монгольские степи доезжавшие до Красноярска. В январе 1674 г., например, прибыли четыре бухарских купца и сказали, «что де они пришли из Бухар в Красноярской острог, а шли де через Китаи, а из Китаи через Калмыцкую землю». Точно так же в 90-х годах приходил на Красный Яр бухаретин Олжа из «китайского городка Шурги»²⁹.

Впрочем, Красноярск являлся для бухарских купцов лишь местом временной стоянки по пути в более центральные сибирские города, в первую очередь в Енисейск, «а в Красноярском де товаров продавать... некому и не на что», как заявлял бухарский «башлык», приезжавший в Красноярск при воеводе Григории Шишкове³⁰.

Приезды бухарских купцов в Красноярск были неравномерны. В 1671 г. приезжали четыре бухарца «с торжишком»; в 1672 г. пришли

²⁵ Стб. 1317, лл. 530—533; стб. 1288, л. 174; кн. 811, л. 443 об.

Часть материала, отнесенного С. В. Бахрушиным к разделу «Промыслы» (тексты о металлургии и Красноярских иконописцах), по существу следует рассматривать в связи с ремеслом и мелкой промышленностью (см. § 4, стр. 147—151).— *Примечание редакции.*

²⁶ Стб. 12, л. 118.

²⁷ Стб. 30, л. 552.

²⁸ Стб. 30, лл. 515—516.

²⁹ Стб. 886, л. 301; стб. 980, л. 261.

³⁰ Стб. 980, л. 168.

с торгами «от джунгарского хунтайчи» «купчины его, бухарцы Дейна с товарищи», 12 чел.; в 1686/87 г. «в приезде бухарцев было человек с три с малыми товарами». В одном случае дело идет о целом караване торговых бухарцев и калмыков в 30 верблюдов. «Для приезду торговых людей бухарцев» при Григории Шишкове был построен особый «бухарский двор»; в 1693/94 г. постоялого с них было взято материями на 4 р. 9 алт.³¹

По словам самих бухарцев, развитию правильных сношений мешали произвол и притеснения русской администрации — «а есть ли б де воеводы их не грабили, и их бы, бухарцев, в Красноярской с торгами в приезде много»³². В 1685 г. енисейскому подьячему Федору Клепикову в Красноярске, на бухарском дворе, говорил «последнему приходу бухарский башлык»³³, что «продавать ему в Красноярском товары свои опасно, потому что стольник и воевода Григорий Шишков так же, как и у иных бухарцев, узнав, какие бухарские дороги товары, имать будет к себе на двор и давать будет цену малую, а иное де имать будет и даром». В разговорах с качинскими служилыми татарами бухарцы, башлык Тортомбай с товарищи, выражались еще энергичнее: «Григорий Шишков чинит им налоги и грабежи, и от того их насилства быть войне ж и с торгами де ездить в Красноярск не будут»³⁴. Джунгарские хунтайчи всячески стремились охранять торговые интересы бухарского купечества в пограничных русских городах, прибегая и к дипломатическому воздействию и к военным демонстрациям. Знаменитый Галдан присылал в Красноярск к воеводе «гостинцы большие для того, чтобы де их, бухарцев, ни в чем он... не теснил, и обид де и налог никаких им не чинил»³⁵. В 1689 г. приходили торговые люди от двух калмыцких тайшей, двоюродных братьев того же Галдана. Чтобы обеспечить себе свободную торговлю, они от их имени «подвели воеводе двух малых робят». «И я, холоп ваш,— докладывал тактично воевода государю,— тех подарочных робят принял, а и не принял не смел, чтоб они, тайши, [не] поставили себе в озлобление, и послал я, холоп ваш, к ним, калмыцким тайшам, подарков своих и в гостинцы сукна своего по портищу... и о подведенных тех подарочных робят от них, мугалских тайш, мне, холопу вашему, в почесть, и о том о всем, что вы великий государь... укажете».

С другой стороны, притеснения красноярской администрацией бухарских купцов вызывали неоднократно репрессии со стороны калмыков. Так, набег на Красноярск калмыков и киргизов при воеводе Герасиме Никитине был, по словам красноярских служилых людей, вызван «нападками и непомерными взятками», которые последний чинил «калмыцким и киргизским и бухарцам торговым людям и колмыцким посланцам». «И после того,— заявляли служилые люди,— был в Красноярску такой же воевода разоритель Данила Загряской; от таких его обид и налог и задоров калмыки и киргизы войною приходили одного лета дважды, села и деревни пожгли, скот и кони отогнали, жен и детей в полон поимали»³⁶.

Главным товаром, который привозился бухарцами, были китайские ткани — камки и китайки³⁷. Китайского же происхождения были драго-

³¹ Стб. 886, л. 223; стб. 715—716, л. 200; стб. 623; кн. 1057, л. 2 об. Цифры приезда бухарцев в Томск в 1696/97 и 1697/98 гг. (6 и 8 чел.) показывают, что приезд в Красноярск был сравнительно значителен.

³² Стб. 1417, лл. 205—206.

³³ «Башлык» от слова «баш» — голова, начальник; в данном случае начальник каравана.

³⁴ Стб. 980, лл. 158, 167—168.

³⁵ Стб. 980, л. 159.

³⁶ Стб. 366, лл. 104—105.

³⁷ Стб. 980, лл. 168, 261; стб. 886, л. 301; кн. 1057; л. 2 об.; кн. 902, л. 169.

ценные камни и жемчуг³⁸. Из других бухарских товаров надо отметить лисьи меха³⁹. Очень важной отраслью бухарского ввоза были рабы, «ясырь». В июле 1689 г. прибыли, например, в Красноярск один калмык и два бухарца и привезли «полоненного мугальского ясырю 60 чел.»; «а тот ясырь привезли в Красноярской продавать». В 1687 г. бухаретин Мула продал в Красноярске ясыря «бабу и девку ясырку 3-х лет» и т. д.⁴⁰

О размерах бухарского ввоза дает понятие запись сбора с торговых бухарцев десятой пошлины: в 1686/87 г. с них поступило деньгами 1 р. 7 алт., да китайками на 9 р. 79 к., что позволяет предполагать привоз приблизительно на 110 руб. Эту цифру любопытно сравнить с привозом бухарских товаров за то же время в Томск. В 1686/87 г. в привозе бухарского и иркутского товару в Томске было только на 500 руб., а в следующем 1687/88 г. бухарцы привезли товаров (китайских) еще меньше, на 297 р. 40 к. О сравнительной значительности бухарского привоза в Красноярск свидетельствует и то обстоятельство, что для торговли с бухарцами приезжали в конце столетия русские торговые люди с товарами и из Енисейска⁴¹.

Со своей стороны, бухарцы приобретали в Красноярске местные товары, вероятно пушнину, хотя точных указаний на то, кроме шаблонных фраз наказов, мы не имеем, а также лошадей и скот. В 1697 г. названный бухаретин Мула приобрел пять лошадей (на 8 р. 10 к.) и четыре коровы (4 р. 60 к.)⁴².

Вместе с бухарскими упоминаются калмыцкие и киргизские торговые люди⁴³.

Что касается киргизов, то русские сами ездили в Киргизскую землю для торговли. Воевода Алексей Башковский послал туда своего человека, крещеного калмыка Якова Аргамачка, а с ним отправил для продажи шесть лошадей, 10 кож красных, 60 песцов; злые языки утверждали, что он привез с собою для торгу даже запретные товары: порох и свинец. Кроме того, из предметов вывоза в Киргизскую землю упоминаются шелк и различная мелочь вроде гребней⁴⁴.

Красноярские служилые люди пользовались также своими поездками в улусы монгольских тайшей для торговли. В 1709 г., например, пятидесятник Иван Сиротинин и Иван Кожуховский с товарищи привезли из «Мунгальской землицы» 12 соболей, «а посыланы они с товарищи для государева дела»⁴⁵.

С своей стороны и монгольские послы — алтын-ханов и калмыцкие — слегка приторговывали в Красноярске⁴⁶. Из других соседних земель ездили для торговли в Саянскую землю за соболями. Тот же Башковский посылал туда юфти, сукно анбурское, медные котлы, оловянные блюда, цевки мишуры, табак и дешевую пушнину (выдра, белые песцы, лисицы)⁴⁷.

В конце столетия Красноярск втягивается несколько и в китайскую торговлю. Отдаленность от прямых путей в Китай не позволяла этим тор-

³⁸ Стб. 980, л. 168.

³⁹ Стб. 1417, л. 46.

⁴⁰ Стб. 1052, лл. 110—116; кн. 1172, л. 24 об.; стб. 366, л. 103; стб. 980, л. 480 (купленная «девка-иноземка бухарского привозу»); стб. 1317, л. 25.

⁴¹ Кн. 902, л. 169; стб. 1052, лл. 172—173; стб. 366, л. 206.

⁴² Кн. 1172.

⁴³ Стб. 366, лл. 103, 104; кн. 70, л. 389.

⁴⁴ Стб. 1317, лл. 424, 296.

⁴⁵ Кн. 1241, л. 110 об.

⁴⁶ Например, кн. 1241, л. 114 об.

⁴⁷ Стб. 1317, лл. 194—195.

говым сношениям принять какой-либо серьезный оборот. Можно скорее сказать, что красноярская администрация поддалась общей горячке, охватившей московские торговые круги в связи с заключением Нерчинского договора в 1689 г. Тот же Алексей Башковский заинтересовался перспективами китайской торговли, расспрашивал про нее «у купецких людей и бухарцев, которые бывали в Китаех», и на основании полученных данных отправил через Нерчинск в Китай своего крестьянина Гришку Федорова и двух служилых людей; с ними он послал 18 сороков 25 соболей и другой говар, всего на 1872 р. 10 к. В обмен ему привезли «китайских камок и китаек многое число». Имели место поездки и отдельных служилых людей в Нерчинск и даже в Китай⁴⁸.

Из частных лиц сравнительно крупную торговлю с Китаем вел «красноярский житель» Федор Иванов Истопников, по происхождению ссыльный подьячий одного из московских приказов, который регулярно возил в Китай пушнину и русские товары и вывозил оттуда китайские ткани. В 1694 г. он выслал из Нерчинска в Енисейск «китайского товару из своего привозу» 3 постава камок пятиланнных, 4 тюня китаек, 1 тюнь самзы и 20 кушаков бумажных. В апреле 1695 г. он вез в Китай 2 сорока соболей красноярских, 3 тыс. белок, 300 горностаев, 2 лисицы, 2 меха ушканьих и других товаров на 117½ руб., а в ноябре 1696 г. уже явил в Нерчинске «китайского товару своего привозу» 25 поставов камок, 70 концов и 20 тюней китаек и 20 кушаков; в июне 1697 г.— опять 34 тюня и 7 концов китайки и 5 поставов камок⁴⁹.

Через Красноярск ездили в Киргизскую землю и русские купцы. Так, в октябре 1692 г. прибыли в Красноярск торговые люди Михаил Остафьев, приказчик Ярослава Семенова Лузина Иван Борашков, каргополец Петр Федоров и тобольский житель Андрей Заровня и сообщили: «пришли де они из Киргизской земли в Караульный острог, и из Караульного острогу в Красноярск с товары свои поплыли». Из Москвы проникли этим путем в Киргизию и торговые греки. Два из них, Мурад и Иван, жили продолжительное время «за торговыми своими промыслами» в Киргизской земле, и Игнатий Башковский пользовался их услугами при попытках вступить в торговые сношения с киргизами⁵⁰.

В результате как этих случайных поездок, так и приезда бухарских купцов в Красноярске собиралось довольно много китайских товаров. У служилого человека Григория Ермолаева, например, при обыске забрали 8 поставов камок, лауданов, 6 атласов, 2 бархата, 40 тюней китаек (по 10 концов в каждом), 4 золотника жемчугу⁵¹.

Потребность в европейских товарах удовлетворялась приезжими торговыми людьми из русских городов. Число таких приезжих было невелико, и количество товара, который они привозили с собой, было тоже не очень значительно. В марте 1673 г. в Красноярске было четыре торговых человека и посиделец пятого; торги их оценивались в 167 р. 50 к.; в 1679 г.— пять «посидельцев»; в мае 1686 г.— пять торговых людей; в марте 1689 г.— четверо торговых людей и четверо посидельцев⁵².

Среди приезжих торговых людей мы видим, во-первых, агентов крупных московских гостей. Красноярский рынок не представлял для них значительного интереса; но приказчики их из Енисейска, между прочим, посылали своих лавочных сидельцев в Красноярск с некоторым количеством

⁴⁸ Стб. 1288, л. 57; стб. 1417, л. 198; стб. 366, л. 104.

⁴⁹ Стб. 1273, лл. 37, 75, 139; стб. 1251, л. 323; кн. 1124.

⁵⁰ Стб. 1417, лл. 424, 27.

⁵¹ Стб. 366, л. 212; стб. 1417, лл. 36, 46—47, 192; стб. 1288, л. 323.

⁵² Кн. 590, л. 193 об.; кн. 902, лл. 320 об. и сл.; кн. 717, лл. 503—504; стб. 980, л. 277.

товаров, по привычке вести скупку мехов по мелочам. В числе этих гостей первое место занимает Остафий Филатьев; его торговые операции в последней четверти XVII в. захватывают обширные пространства от Архангельска до Китая; во всех важнейших сибирских городах у него действуют его приказчики, энергично скупая пушнину, лучшая из которой идет на Архангельскую «ярманку» для вывоза в Западную Европу, худшая — через Нерчинск «в Китай». Остафьевские приказчики, оперирующие в Енисейске, засылают своих людей и в Красноярск. В сентябре 1687 г. вернулся с Красного Яру в Енисейск лавочный сиделец одного из них, Андрея Васильева Едомского, и привез «красноярской покупки» 50 соболей и 1 фунт струи бобровой на 36 руб. и нераспроданного русского товара на 8 р. 80 к., всего на 44 р. 80 к.

В феврале 1688 г. отпущен из Илимска в Красноярск и Енисейск лавочный сиделец Остафия Филатьева Андрей Афанасьев с 25 р. 72 к. денег. В том же году в Красноярске торгует другой его сиделец, Кирилл Пестряков, по поручению его приказчика Афанасия Якимова. В январе 1689 г. его человек посылает на Красный Яр рыбу «Туруханского промыслу» с лавочным сидельцем Иваном Емельяновым, к которому «для рыбного бережения» приставлен промышленный человек; в 1693 г. его приказчик вывез из Красноярска мягкой рухляди на 128 руб.⁵³

Второе место после Филатьева занимает в торговых кругах Москвы гость Семен Лузин, ярославец по происхождению, приказчиков которого мы встречаем во всех углах Русского государства и который, подобно Филатьеву, ведет обширные дела и с Западной Европой, и с Персией, и с Китаем. В 1679 г. мы встречаем «посидельца» его приказчика Михаила Петрова в Красноярске. В 1695 г. приказчик Семена Лузина вывез из Красноярска мягкой рухляди 2 сорока 10 соболей и недособолей, 500 «горносталей», 600 белок, 15 «бобришков»⁵⁴. Появились в Красноярске и представители других крупных ярославских торговых людей; в 1699 г. приказчик ярославского гостя Логина Добрынина покупал в Красноярске «розницу на товарные платежные деньги... белку, горностали и росомаки» и вывез на 15 р. 60 к. пушнины и пр. и 35 рублей деньгами⁵⁵. Приказчик другого видного ярославца, Павла Черницына, тоже скупал в Красноярске мягкую рухлядь для вывоза в Китай⁵⁶. Далее следуют выходцы из торговых центров Поморья — устюжане и сольвычегодцы, которые торгуют сами или через своих приказчиков и посидельцев. Так, в 1688 г. торговый человек устюжанин Федор Иванов повез на Красный Яр русских товаров на 22 р. 30 к.; «для товарного бережения» он взял с собою рабочего человека. Несколько лет спустя он производит на Красном Яру скупку соболей для воеводы Алексея Башковского. В феврале 1689 г. из Енисейска в Красный Яр послано привозного русского товара устюжанина Ивана Максимова Хлебникова на 42 р. и 200 р. денег; в апреле он сам привез с Красного Яру мягкой рухляди красноярской покупки на 89 р. 80 к. В 1698 г. сиделец устюжанина Екима Семенова Протопопова продал в Красноярске русских товаров на 50 р. 75 к. и купил «розницу» 100 белок, хлебных запасов на 6 руб. и крещеного мунгальского парня. В 1699 г. лавочный сиделец устюжанина Федора Парфенова Игумнова вывез из Красноярска мягкой рухляди на 25½ руб. Упомянуты и другие торговые люди Устюга Великого и их сидельцы, например лавочный

⁵³ Стб. 1018, лл. 100, 102; кн. 902, л. 322 об.; кн. 1037, л. 294.

⁵⁴ Кн. 717, л. 503; стб. 1204, л. 188; стб. 1200, л. 264.

⁵⁵ Стб. 1327, л. 339.

⁵⁶ Кн. 1124, л. 50 и сл.

сиделец торговых людей устюжан Силы Васильева Воробьева и Гаврилы Агафонова Смольникова, вывезший в 1699 г. пушнины, хмелю и т. д. на 32 р. 30 к. и деньгами 100 руб. за проданные в Красноярске товары; сиделец Ивана Мазалова, вывезший товаров на 32½ рубля и 50 руб. товарных денег и т. д.⁵⁷ Среди сольвычегодцев выделяются энергичные представители торгового Лальского погоста. В 1673 г. на Красном Яру торгуют крупнейшие торговые люди своего времени лаличи Михаил Ворыпаев и Федор Норицин.

Постоянными посетителями Красноярска были агенты другой выдающейся торговой семьи Лальского погоста — Бобровских: в 1679 г. здесь упоминаются посидельцы Андрея Бобровского и приказчика Леонтия Бобровского — Козьмы Петрова, в 1688 г. — Михаил Осипов Пустохин, лавочный посиделец Михаила Бобровского. Лалетин Петр Прохоров, по-видимому, сосредоточивал свои операции главным образом в Красноярске. В 1688 г. он был отпущен на Красный Яр прямо из Тобольска. В 1695 г. ему поручают красноярские служилые люди от их имени отказать от воеводства воеводе Мирону Башковскому. Он был в Красноярске и в следующем году. Из других сольвычегодцев упоминается в 1688 г. Афанасий Ерофеев Иконников⁵⁸.

Из других поморских городов Вага представлена Павлом Юринским, посиделец которого Федор Давыдов был в Красноярске в 1679 г.⁵⁹ Из Поморья был, вероятно, и торговый человек Ларион Федоров Крюков, который в марте 1689 г. отпустил на Красный Яр сына своего Андрея, и с ним русского товару его привозу на 32 р. 70 к. В апреле он уже возвращается, взяв с собою 20 соболей на 8 руб., 20 руб. денег и нераспроданный товар. В августе Крюков повез свою енисейскую и красноярскую покупку на Русь⁶⁰.

Очень крупную фигуру на красноярском рынке представляет крестьянин Кириллова монастыря Григорий Федоров, который в 1694 г. скупил в Красноярске громадное по местным условиям количество пушнины для вывоза в Китай: 20 сороков соболей, 4 лисицы чернобурых, 115 лисиц более дешевых сортов, 31 хребет лисий, 700 горностаев, 18 рысей, 6000 белок, 200 песцов белых, 2 песца голубых, всего на 400 руб.⁶¹

Из сибирских городов участие в красноярской торговле принимает главным образом соседний Енисейск. Енисейские посадские люди ездят на Красный Яр с товарами для покупки китайских тканей у бухарских купцов. Красноярск привлекает их и как рынок мяса — «из Енисейского острогу торговые посадские люди и мясники покупают скота». В 70-х годах скупкой скота в Красноярске занимались енисейские посадские люди Еремка псковитин, Андрей Чигарин, Харька Андреев кузнец, Иван Краженовский, Петр Токмаков и др. В июне 1698 г. приезжал для «скотской покупки» енисейский житель Василий Скобеев⁶².

Енисейск во второй половине XVII в. служил как бы преддверием богатых соболиных промыслов на Енисее и Лене и промежуточной станцией на пути в Дауры и Китай. Здесь промышленники запасались всем необхо-

⁵⁷ Стб. 1018, лл. 146, 138, 74; стб. 1327, лл. 323, 344; кн. 902, л. 320 об. и сл.; кн. 717, лл. 503—504; кн. 1172, л. 22 об.; стб. 1384, л. 67; стб. 1057, л. 23 об.

⁵⁸ Кн. 590, лл. 193 об.—194; кн. 902, л. 324 об.; кн. 717, лл. 503—504; стб. 1288, л. 23; стб. 1066, л. 68; стб. 1417; стб. 902, л. 181.

⁵⁹ Кн. 717, л. 504.

⁶⁰ Стб. 1018, лл. 37, 38, 39, 139.

⁶¹ Кн. 1073, л. 168. Часть этой мягкой рухляди была, несомненно, не местного происхождения (например, песцы); в частности, лисицы и лисьи хребты были присланы из Москвы на жалованье служилым людям, у которых и скупил их Григорий Федоров.

⁶² Стб. 802, л. 211; кн. 1172.

димым для промыслов; здесь же можно было приобрести из первых рук пушнину и китайские товары. В Енисейск поэтому съезжались в большом числе русские торговые люди, и здесь сосредоточивалось большое количество русских товаров. Енисейский посад принимал участие в прибылях этой торговли; скупая русские товары, енисейские посадские люди везли их в соседние города — Мангазею, Красный Яр для обмена на пушнину. Енисейские таможенные головы отмечали в конце столетия поездки енисейских торговых людей с товарами в Красноярск как явление постоянное. Среди приезжих из Енисейска торговых людей встречаются видные представители енисейского посада вроде Ушаковых, впоследствии вошедших в состав привилегированной гостинной сотни (в 1679 г.); упоминается посылец Иван Ушаков, а в 1698 г. — торговый человек Давыд Ушаков, явивший русского товара на 20 р. 40 к.⁶³ К числу крупных торговых людей из Енисейска надо отнести посадского человека Харитона Гаврилова, погибшего в Красноярском уезде в 1690 г. Он широко раскинул свои торговые операции: посылал в Туруханск хлеб, в Красноярск — русские товары и мягкую рухлядь. В 1690 г. он провез в Красноярский уезд товаров на 296 р. 25 к. и распisał товарную на Митрофана Белобородова в 75 руб., всего на 371 р. 25 к.⁶⁴

Кроме енисейских, попадали в Красноярск служилые люди с товарами и из других сибирских городов. Так, в 1697 г. сын тюменского стрелецкого сотника Трифона Головина, пробыв в Красноярске 26 недель, продал там русского товару на 142 р. 39 к. и уехал в Тюмень везя 100 руб. денег и на 35 руб. товаров красноярской покупки⁶⁵. В 1669 г. тобольский «недоросль» Илья Кононов вез в Нерчинск мягкой рухляди «красноярской покупки» на 7 руб.⁶⁶ Приезжали с товарами в Красноярский уезд и томские служилые люди⁶⁷. Особо следует отметить крупные торговые операции крестьянина Тобольского Софийского дома (т. е. митрополии) Андрея Заровняного, который в 1694 г. вывез мягкой рухляди из Красноярска на огромную сумму 806 руб.⁶⁸

Русские товары, привозившиеся в Красноярск, были те же, что и в прочей Сибири. При очень слабом развитии собственных кустарных производств и трудности непосредственных сношений с Западом Сибирь почти всецело зависела от Европейской России в отношении всевозможных фабрикатов, как русского производства, так и иностранного.

Это были, во-первых, ткани, преимущественно русского кустарного производства: сукно сермяжное, крашенина, пестрядь нижегородская, холст, «средний» и «хрящ», в небольшом количестве иностранные сукна («анбурские», «английские», настрафиль, летчина, шептуг) и восточные материи (киндяки кизилбашские, дороги, зендени, красные кумачи); далее предметы одежды: шубы овчинные, кафтаны шубные овчинные, вершки шапочные, чулки вязаные, вареги и т. д.; кожи красные и сафьяны и всевозможные кожаные изделия: сапоги и башмаки телятненные и сафьянные разных размеров, чарки, обутки, стельки, переды чарочные, кожа телятненная и т. д.; металлические изделия — топоры, косы, сошники, сковороды железные и медные, ножи усольские с медной оправой, ножевые железца (и к ним деревянные черенки), медная и железная проволока, котлы медные, иглы, булавки, вески и гири, оловянные блюда и тарелки,

⁶³ Кн. 1172, лл. 12, 18 об.— 19; кн. 717, л. 503.

⁶⁴ Стб. 1052, лл. 460—462.

⁶⁵ Кн. 1172, лл. 14 об., 22 об.

⁶⁶ Стб. 1384, л. 93.

⁶⁷ Стб. 466, л. 166.

⁶⁸ Кн. 1057, л. 309.

олово прутовое, наконец, «железо на поделки»; галантерея и туалетные принадлежности: кокошники золотные и жемчужные, серьги жемчужные с финифтом, перстни серебряные золоченые, гребни роговые, очки, кружево мишурное, золото и серебро в цевках и качитель, мишура, трунцало золотное и серебряное, шелк «по цветам», бумага хлопчатая; аптекарские товары и краски, сера горючая, купорос, ярь, орешки чернильные, цилибуха, киноварь; бумага писчая, недостаток в которой настолько ощущался в Красноярске, что воеводы запрещали переписывать документы начисто «за скудостью бумаги»; деревянная посуда: блюда, ставцы, чашки, миски, ложки корельчатые; пряности (перец); порошок; ладан; слюда; брусы печерские; мед, воск и восковые свечи; семя огурешное; клей; книжки (например, азбука учебная). Из Енисейска, кроме того, привозили рыбу, в частности туруханского промысла (осетры соленые в бочках, юкола, муксуны, т. е. сушеная рыба, нельмы вяленые, бочонками икра черная и красная). Так, человек Остафия Филатьева в 1689 г. отправил на Красный Яр «своего промыслу рыбы из Туруханска: 50 пудов осетрины, 200 муксунов, 1 пуд юколы, 20 пудов нельмы, 3 пуда икры черной. Енисейск же поставлял соль на Красный Яр. Так, в 1697 г. служилый человек Григорий Шахматов явил своего привозу 6 пудов соли, «а купил он, Григорий, тое соль на Казачьем лугу»; Красноярский житель Василий Стрижев явил в числе «привозного енисейского товару» 10 пудов соли⁶⁹.

Любопытно, что из Енисейска возили в Красноярск, кроме русских товаров и продуктов питания, еще пушнину, очевидно для меня на азиатские товары. В числе этих мехов были такие, которые являлись редкостью в южных уездах Сибири и имели спрос у киргизов и калмыков, как то песцовые меха, которые в Енисейск привозились с Турухана; но наряду с этим везли белку, горностаю, лисицу, соболя, соболиные пупки, подчереvesи бобровые, лапы волчьи, а также оленьи постели.

В обмен на русские и иные товары приезжие торговые люди покупали в Красноярске пушнину: дешевую — белку, росомаху, волка, горностаю, выдру, и более дорогие — соболя, бобра и лисицу. Приобретались как целые меха («соболи в косках с хвосты»), так и части мехов (соболиные пупки и хвосты, бобровые черевеси и т. п.). Пушнину скупали в розницу. Для воеводы Алексея Башковского, например, купил торговый человек Федор Иванов сорока с два соболей, принося по 2, 3 и по 4 соболя; 20 соболей он, кроме того, приобрел у пятидесятника Семена Потылицына и 2 сорока — у пятидесятника Петра Муруева; его собственный человек Митька Мороз и крестьянин Гришка Федоров скупали для него лисиц⁷⁰. Особенно характерна скупка пушнины на товары и на деньги, которые производила казна в первые годы XVIII в.: здесь покупали по одному соболю, иногда даже по соболиному хвосту⁷¹.

Количество пушнины, выходящей из Красноярска, не было велико, что видно из сбора десятинной пошлины. В 1691/92 г. было собрано всего 33 соболя и 6 хвостов соболях, что предполагает представление в таможенную всего 330 шкур и 60 хвостов; в 1693/94 г. поступило 34 соболя, 10 хвостов соболях, 2 росомахи и 1 бобер.

⁶⁹ Стб. 1018, лл. 98, 135, 136, 138, 145, 146; кн. 1241, лл. 122 и 123 об.; кн. 1172; кн. 980; кн. 70; стб. 1052, лл. 431, 460, 462, 468, 470, 473, 498, 529; стб. 1288, лл. 147—148, 172; стб. 1327, лл. 339, 344, 323 и др.

⁷⁰ Стб. 1417, л. 44.

⁷¹ Кн. 1241. О мягкой рухляди: кн. 1384, лл. 67, 93; кн. 1018, лл. 38, 74, 100; кн. 1172. В 1693 г. казна сделала неудачную попытку организовать скупку соболей на хлебный запас; из этого ничего не вышло, и хлеб был распродан на деньги (кн. 1057, л. 7).

В 1695/96 г. — 20 сороков соболей (т. е. 200 соболей), в 1696/97 г. — 2 сорока 25 соболей (1050 соболей)⁷². В 1697/98 г. собрано было 3 сорока 13 соболей в парах, 2 сорока 22 пупков, 2 бобра, 89 хвостов собольих (1330 соболиных шкурок, 1020 пупков, 20 бобров и 890 хвостов собольих).

Небольшие размеры вывоза пушнины из Красноярска подтверждаются данными отдельных операций торговых людей. Названный выше тоолянин Илья Кононов вез всего 1000 белок и 50 горностаев; в 1689 г. устюжанин Иван Хлебников вывез 300 соболей, 4 росомахи вешних, 4 фунта черевеси бобровой; в 1687 г. к приказчику гостя Остафия Филатьева привезли 50 соболей; в 1689 г. к Андрею Крюкову его сын доставил 20 соболей. Все это далеко от тех цифр, которые мы находим в главных центрах соболинного торгова в Сибири — Мангазее, Енисейске, Якутске, Илимске⁷³. Кроме пушнины, покупали лосиные и оленьи шкуры и камасы⁷⁴.

Из других продуктов животного мира из Красноярска вывозились в значительном количестве мускус (кайра, кабаргина или табаргина струя) и струя бобровая⁷⁵.

Соседство с кочевыми народами, главное богатство которых составляли табуны и стада, сделало Красноярск местом покупки лошадей и рогатого скота. Еще ранее основания Красноярска Тюлькина земля славилась как рынок, на котором служилые люди приобретали лошадей. «Да мы ж, холопи твои, — писали они, — покупаем для государевы службы в Тюлкине земле лошади на русские товары, а даем за лошадь по 20 р. и больши»⁷⁶. Яков Хрипунов, как сказано, ожидал «прибыли немалой» от торговли лошадьми. По основании Красного острога поселенные здесь служилые люди покупали «пашенных лошадей» у качинских татар. В 1654 г. красноярский воевода Михаил Скрязин предлагал приобретать в русских городах и Тобольске «сукна летчинные и настрафили и юфти красные, чтобы на те товары менять в Красноярском остроге у иноземцев в пригонех рогатый скот и лошади» на корм аманатам⁷⁷. Эта мысль не была новою. В 1636 г. было приобретено в Енисейске «на лошадиную покупку» сукон и зипунов на 29 р. 36 к. В том же году было приобретено «для государевой пашни» 10 лошадей, в том числе пять лошадей у алтыновых послон и у киргизских людей.

Большой спрос на лошадей и особенно на рогатый скот предьявлял в XVII в. Енисейск, откуда «зимою и летом по многие времена» приезжали мясники и «покупливали скота десятка по два и по три». Воевода Герасим Никитин, по словам его врагов, «лошадей десятка по два и по три и рогатого скота десятка по три и по четыре из Красноярского острогу в Енисейский острог посылал»; покупали лошадей и скот в Красноярске и приезжие бухарские купцы. Наконец, воеводы использовали свое пребывание на Красном Яру, чтобы вывозить на Русь лошадей: тот же Герасим Никитин вывез их 15 голов. Служилые люди покупали лошадей чаще всего у бурят. В 1688 г. удинский приказной человек Степан Иванов выслал в Красноярск 44 лошади; в 1695 г. он же вывез из Удинского острога 16 лошадей⁷⁸.

⁷² Стб. 366, л. 76; 1054, л. 66; кн. 1057.

⁷³ О мягкой рухляди: кн. 384, лл. 67, 93; стб. 1018, л. 38.

⁷⁴ Стб. 1052, л. 50.

⁷⁵ Стб. 1018, л. 74; стб. 1288, лл. 74, 100, 172; стб. 980, л. 228; кн. 1172.

⁷⁶ Стб. 12, л. 118.

⁷⁷ Стб. 446, лл. 465—466; кн. 70, лл. 391 об.—392

⁷⁸ Стб. 802, лл. 459, 211; кн. 1772; стб. 1062, л. 579; стб. 1288, л. 71.

Приходится, однако, отметить, что туземцы иногда являлись сами покупателями лошадей. Это особенно касается киргизов, которые охотно приобретали у русских лошадей лучшей породы, чем объясняется посылка Алексеем Башковским в Киргизскую землю для продажи шести лошадей и отмечаемые в документах случаи обмена киргизами куяков на коней.

Наряду со скотом можно отметить спрос на такие продукты производства местного нерусского населения, как кожи сырые, козины, тулупы козлиные и овчинные и т. п. Так, сын боярский Степан Иванов в 1688 г. вывез из Удинского уезда 87 тулупов козлиных, девять тулупов овчинных, 11 ярагов козлиных, 215 козлин, две кожи сырые бычьи и т. д. В 1696 г. он вывез оттуда же 110 тулупов⁷⁹.

При богатстве Красноярского уезда хмелевыми угожьями естественно, что наряду с продуктами охоты и скотоводства хмель был здесь предметом значительного вывоза. В сентябре 1697 г., например, четыре енисейских посадских человека и один «гулящий» явили «на хмелевую покупку» 2 р. 80 к.; в мае 1698 г. один бухаретин явил «б безмен хмелю своего промыслу»⁸⁰.

Очень крупную отрасль местной торговли в Красноярске составляли рабы, как привозные из Монголии, так и пленники, взятые «с бою» красноярцами. Условия жизни пограничного военного поста, каким был Красноярск, способствовали созданию здесь оживленного невольничьего рынка. Каждый набег на «немирную» Киргизскую или Тубинскую землю сопровождался пригоном в Красноярск «погромного ясыря», главным образом женщин и детей, которых затем служилые люди распродавали. Из полона получал свою часть и воевода в виде «почести», он же присваивал несколько ясырей, предназначавшихся для вывоза в Москву.

Не забывали при распродаже полона и церковь. Обычно из общей добычи выделялся один или несколько ясырей, выручка за продажу которых поступала в пользу той или иной церкви или святыни. В 1668 г., после очередного похода в погоню за Ереняком, сын боярский новокрещен Иван Айкан предложил «в войске которой малой киргизской взят, и его б де продать, в том приклад богородице Владимирской». Говорили, что Айкан имел в виду его выкупить, «для того, что ему свой»⁸¹. Как происходила самая реализация такого пожертвованного полона, показывает пример «татарской девки братского полону Санкай»; ее взяли красноярские казаки «полоном» на Красный Яр из Братской земли, и отдана она была от тех служилых людей в Красноярском остроге «в дом боголепного Преображения для продажи на всякие церковные обиходы»; ее купили у церковного старосты «из церковной казны красноярской толмач Иван Архипов (Айкан) да красноярской служилый человек Дружинка Кочергин», дали за нее 35 руб. и затем продали ее красноярскому подгородному татарину Курте⁸².

В случае, если разбитые туземцы «добивали челом» и шертовали на том, что будут платить ясак, полон отдавался им на выкуп. Этот порядок служил поводом для больших спекуляций. Как русские, так и подгородные татары, у которых были лишние средства, скупали ясырь у вернувшихся из набегу служилых людей и содержали пленников в ожидании заключения мира, после чего старались получить с лихвою все свои рас-

⁷⁹ Стб. 1052, л. 581; стб. 1288, л. 70. Ср. стб. 292, л. 25 (служилые люди берут выкуп с бурят «платьем холодным и тулупами козлиными»).

⁸⁰ Стб. 1384, л. 35; кн. 1172, лл. 2 об., 12 об.

⁸¹ Стб. 802, л. 497.

⁸² Стб. 380, л. 49.

ходы с их родичей. Когда братский князец Оилан подчинился, он ходатайствовал о выкупе пленных. Воевода Петр Протасьев, «собрав их братский полон, который есть в лицах у русских людей и у татар, велел перед ними, братскими людьми, поставить и велел с ними полюбовно договор чинить, как им мочно полон свой выкупать». «И русские, государь, люди,— докладывал воевода,— и татарове почали у братских людей за тот их полон просить больших запросов, потому что они, русские люди и татарове, покупали тот братский полон меж себя дорогою ценой и кормили де их два годы, и братские, государь, люди били челом тебе, государю, чтоб де ты, государь, пожаловал, велел им в том свой государев указ чинить, по чему им давать выкупу за полон за свой». Братские люди предлагали по 20 и по 30 соболей за полоняника, а в сороке половина недособолей. Подгородные татары меньше 150 соболей рослых не соглашались брать, а служилые люди просили по 2 сорока рослых соболей.

Татары и служилые люди просили разрешения брать окуп с братских людей «как цена подымет», и в случае, если не состоится соглашение, то крестить и продавать пленников в иные земли, «потому что братские люди долго не выкупают, и они, служилые люди, покупают хлеб, полон кормят»⁸³. Воевода не решился нарушить рабовладельческие интересы краснаярцев и предписал в виде компромисса, чтобы «полон выкупали лошадыми и скотом и ратною сбруею, а соболей и лисиц (пригодных для ясака) русским людям и татарам за выкуп не давали»; о том же он заказывал и русским людям⁸⁴.

Точных сведений о размерах торго рабами в Красноярске мы не имеем. В летние месяцы 1697 г. записаны следующие случаи продажи ясыря: качинский служилый татарин продал «своего ясыря бабу... тубинской породы служилому человеку Роману Коромыслову» за 3 рубля и заплатил 10 алт. пошлыны, как за обычный товар; другой служилый татарин — «своего промыслу ясыря мунгальской породы парня» — служилому человеку Павлу Казанцеву — за 7 руб.; бухаретин Мула — «ясыря бабу иноземку» продал служилому качинскому татарину Карочику Тайларову за 1 р. 20 к. и девку ясырку трех лет жене посадского человека Ефима Андреева за 1 р. 80 к.; наконец, служилый человек Иван Верхотур перепродал «своего купленного ясыря, парня Ларку Петрова калмыцкой породы» торговому человеку Меркулю Тимофееву Холопову за 10 руб. Всего продано 5 чел. на сумму 23 рубля⁸⁵.

Значительная часть купленного ясыря оставалась в Красноярском уезде в качестве слуг и работников их хозяев, русских служилых людей. Но часть их иногда отправляли за пределы уезда. 17 августа 1697 г. сиделец устюжанина Протопопова вывез купленного им за 10 руб. у Верхотура «работника». Вдова и дети известного красноярского атамана Милослава Кольцова отняли «ясачную девку» и продали ее енисейскому посадскому человеку и т. д. Скупали ясырь на вывоз и воеводы. При проезде через Верхотурье у Герасима Никитина было отобрано семь «иноземцев», из них 6 чел. «мунгальской породы» и один русский; последний ребенком был взят в плен калмыками в Тюменском уезде и вышел «из мунгал» на Кзанный Яр, где прожил два года в Введенском монастыре и был похолоплен воеводою. Кроме того, одного «детину мугальского» у него конфисковали в Тобольске. Этот ясырь был по большей части куплен «в мунгальских улусах», по поручению Никитина, русскими

⁸³ Стб. 377, л. 130.

⁸⁴ Стб. 232, лл. 24—25.

⁸⁵ Кн. 1172, лл. 12, 13 об., 22, 24 об., 29 об.

и татарскими служилыми людьми и отчасти отобран ими насильно. В одном случае он дал татарину Куле на покупку 8 аршин летчины 2 выдры, в другом случае насильно отнял у одной киргизской княгини ее человека, родом бухарца, «крестил и с собою взял» и т. д.⁸⁶

В заключение надо отметить, что русские охотно приобретали в Красноярске у киргизов и бурят предметы вооружения — куяки, шишаки, наручи — и вывозили их на Русь. Так, упомянутый выше Герасим Никитин повез с собою в Москву несколько киргизских и калмыцких куяков и шишаков. Он взял, например, у киргизского князца Шанды «куяк, посеребренное гвоздье, а для того куяка ездил с пивом и вином к нему в юрты»⁸⁷.

Главными поставщиками местных произведений, особенно пушнины, были туземцы Красноярского уезда. В 1702/03 г. из 75 купленных казною соболей 26 соболей и 17 хвостов соболей были приобретены у туземцев и у новокрещенов; то же в 1708/09 г. (из 282 соболей — 69 соболей и из 69 хвостов — 19)⁸⁸.

В обмен на пушнину, тулупы и лошадей туземцы предъявляли в первую очередь спрос на металлические, особенно на железные, изделия: котлы, топоры, ножи, иглы, железные стремена. Особенно остро ощущалась среди них потребность в огнестрельном оружии. По всей Сибири было строгойше запрещено «иноземцам пищалей и пороху и свинцу продавать и на товары менять..., чтоб в иноземцах никакого огненного бою не было». Тем не менее, благодаря жадности служилых людей, пищали и винтовки переходили в руки туземцев. В 1653 г. сыск, произведенный красноярским воеводою, показал, что у подгородных качинских и аринских татар много русского оружия. Так, качинский татарин Кула приобрел у пятидесятника Родиона Кольцова винтовку, дал за нее «наручи мугальские», Абай Кожераков — у служилого человека Андрея Сокина, дал коня; Секир Серков — у томского служилого человека Юшки Шадрихина, дал корову, бобра да соболя; у него же купил и аринский татарин Ойдак Катусев; качинский татарин Алыка — у тобольского сына боярского Ивана Астраханца, дал быка и два соболя. В 1696 г. обвиняли сына боярского Конона Самсонова и атамана Михаила Злобина в том, что они продавали «ружье свое винтовальное» в Канскую и Камасинскую земли «винтовок с 20»⁸⁹.

Из других товаров туземцам продавали предметы, которые служили для украшения платьев: мишуру, шелк; из мехов имели спрос дешевые, но редкие в Красноярском уезде белые песцы.

Кроме того, туземцы нуждались в кожах и кожаных изделиях (сапоги, переработанные чарошны), далее следовали ткани: сукна сермяжные, анбурские, летчины, настрафиль, пестряди нижегородские и др. Наконец, одним из обычных способов выкачивания пушнины было самое беззастенчивое спаивание туземцев. В ясачные зимовья возили котлы и трубы для винокурения, курили вино и продавали ясачным людям за пушнину. Не менее притягательным был и табак. Этим пользовались русские люди для приобретения по дешевым ценам нужных товаров. В 1688 г., например, атаман Михаил Злобин посылал в Каргачайский и другие улусы из Удинского острога сына своего Никиту с табаком. Служилые люди в Красноярском уезде специально сеяли китайский табак (шар) для продажи

⁸⁶ Кн. 1172; стб. 802, лл. 452, 458, 477, 256.

⁸⁷ Стб. 802, лл. 241, 501. Ср. стб. 292, л. 25 (в виде выкупа с бурят — «служилая ружьядь»).

⁸⁸ Кн. 1241.

⁸⁹ Стб. 446, лл. 99—100; стб. 1288, л. 18; стб. 1052, лл. 574, 584, 708.

туземцам. В 1667 г., например, ястынский татарин Кизлак ездил к сыну боярскому Титу Саламатову в деревню «купить шару» («а шар у него сеяной был на огороде»), захватив с собою товар (соболей, лисиц и т. п.)⁹⁰.

Наконец, практика выработала своеобразный прием мены мехов на меха. Ввиду того, что в Красноярском уезде ясак взыскивался из известного количества соболиных шкур с человека, вне зависимости от их качеств, русские с выгодою для себя брали у ясачных людей «добрых» соболей себе, а «худых» давали им платить ясак по два соболя за один⁹¹.

Непосредственные сношения туземцев с русскими покупателями возможны были лишь для подгородных татар. Русским купцам было строжайше воспрещено ездить по ясачным волостям для скупки пушнины во избежание ущерба «государеву ясачному сбору»; они должны были производить все торговые сделки в Красноярске на гостинном дворе; поэтому, как общее правило, между приезжим торговым человеком с его русскими товарами и туземцем с его пушниной стоял красноярский житель — служилый человек или реже пашенный крестьянин.

Служилые люди, отправляясь для сбора ясака в ясачные земли, всегда везли с собою кое-какие товары для мены на мягкую рухлядь; очень часто они захватывали с собою хлебные запасы, из которых курили в тех же целях вино. Наконец, у них было очень много возможностей, чтобы понудить ясачных людей к предоставлению им пушнины и просто даром, «в почесть». В 1688 г., например, удинский приказчик Степан Иванов пробовал вывезти 1060 белок, 30 соболей, 10 бобров, 24 горностаев, 2 лисицы, 5 выдр и т. д.; в 1695 г. он из Удинского же острога вез 7 сороков 6 соболей, 2600 белок, 20 горностаев, 3 выдры, 14 бобров, 2 лисицы седых и т. д. В 1697 г. у двух служилых людей, вернувшихся из ясачных зимовий, было конфисковано 2 сорока 4 соболя, 1 лисица красная и т. д.⁹²

Но не одни красноярские служилые люди пользовались своим положением, чтобы «оторговывать» ясачных людей. В половине XVII в. в Красноярский уезд ездят из Томска томские служилые люди и скупают соболей, бобров и всякого зверя⁹³.

В результате своих поездок по ясачным волостям красноярские служилые люди набирали законными и незаконными средствами значительное количество мягкой рухляди. Этим объясняется, что на красноярском рынке они были главными поставщиками пушнины. Воевода Алексей Башковский, скупая мягкую рухлядь для посылки в Китай, самые крупные партии соболей приобрел у пятидесятников Петра Муруева и Семена Пытылицына (3 сорока за 43 руб.)⁹⁴. При скупке соболей в казну в 1702/03 г. из 75 соболей 27 были приобретены у служилых людей, а в 1708/09 г. больше половины было доставлено ими⁹⁵.

Частые служебные поездки в Енисейск и дальше позволяли служилым людям расширять свои торговые операции. В енисейской таможенной книге 1640/41 г. отмечен привоз четырьмя красноярскими служилыми людьми 70 соболей, 150 пупков, 70 хвостов соболиных и 30 бобров⁹⁶. Взамен в Енисейске покупались русские товары, имевшие спрос в Красноярске. Сын боярский Спиридон Худогонов заявил, например, что найденные у него в подполье сукно и вареги он купил в Енисейске у торговых людей

⁹⁰ Стб. 1082, лл. 584, 708, 710; стб. 1288, л. 206; стб. 802, л. 424; стб. 980, л. 14, стб. 1417, л. 194.

⁹¹ Стб. 802, л. 423.

⁹² Стб. 1288, л. 79; стб. 1052, лл. 571, 579; стб. 366, лл. 76, 78.

⁹³ Стб. 446, л. 166.

⁹⁴ Стб. 1417, л. 44.

⁹⁵ Стб. 1241.

⁹⁶ Кн. 144, лл. 96, 157, 158 об., 159, 180.

Якова Шангина да у Фомы Попова. В 1689 г. казачий сын Федор Филиппов Песегов выехал из Красноярска с 10 руб., которые вышли у него из товарной продажи, и в Енисейске на эти деньги приобрел чарок и башмаков, шелку, икры, пять сошников, пять топоров и все это повез обратно на Красный Яр⁹⁷. Летом 1697 г. служилый человек Василий Стрижов привез в Красноярск из Енисейска 30 пудов соли, 10 пудов осетрины и товаров, всего на 112 р. 40 к.⁹⁸

Иногда торговые предприятия переносятся еще дальше, в Москву. Сын боярский Степан Пыховский, будучи по служебным делам на Москве, продал переводчику Сибирского приказа кайры (мускуса) на 20 руб. и на обратном пути из Москвы в Ярославле «торговал кожи»⁹⁹. В Красноярске поэтому служилые люди, наравне с торговыми людьми, являются главными поставщиками так называемых «русских товаров».

По сравнению с служилым человеком посад принимает незначительное участие в красноярской торговле.

В 1702/03 г. посадские люди поставили в казну только 14 соболей и 3 хвоста соболевых; в 1708/09 г.— 22 соболя и 5 хвостов. Среди посадских людей можно отметить только одного более или менее крупного поставщика в казну — это Ефим Охлупов¹⁰⁰, который в 1695 г. занимал в Красноярске должность таможенного головы: в 1702/03 г. он продал 13 соболей на 18 1/2 руб., в 1708/09 г.— 15 соболей и 3 хвоста. Другой посадский человек, Василий Стрижов, торговавший скотом и привозивший товары из Енисейска, был по происхождению служилый человек. Вероятно служилого происхождения была семья красноярских жителей Истопниковых, члены которой выступают с чертами крупных торговых людей. В Красноярске Истопниковы снимают лавку, в которой торгуют в течение целого года. В 1706/07 г. Иван Истопников продал енисейского товару, присланного на имя его брата Григория Иванова, на 86 1/2 руб. Но Истопниковы не ограничиваются Красноярском и Енисейском. В декабре 1698 г. отпущен из Енисейска «мимо Илимска и Иркутска» в Нерчинск с мягкой рухлядью и товарами Федор Степанов Истопников в сопровождении своего работного человека, а в феврале 1699 г.— его брат Михаил Степанов Истопников, с которым «для товарного береженья» шел тобольский сын казачий Савва Иванов. Товар был ими куплен в Енисейске на гостинном дворе на деньги, вырученные с товаров нерчинского привоза предшествующего года, что свидетельствует о периодическом характере их поездок в Нерчинск¹⁰¹.

Втягивалось в торговые предприятия и красноярское духовенство. Поп Дмитрий, пользуясь близостью к воеводе Герасиму Никитину, добивался от него разрешения «заповедным товаром, вином и табаком торговать на соболи»¹⁰².

В широких размерах принимала участие в красноярской торговле администрация в лице приезжих с Руси воевод. Наиболее яркий в этом отношении образец представляет Алексей Игнатьевич Башковский. Он посылал товары в Киргизскую и в Саянскую земли, скупал через своих агентов пушнину в Красноярском уезде, принуждая ясачных сборщиков брать с собой в ясачные волости для мены его товары и взysкивал с них пени в случае неудачи торговых операций. Так, он отправил на Турухан в Ман-

⁹⁷ Кн. 1052, л. 431; кн. 1018, лл. 134, 135.

⁹⁸ Кн. 1772, л. 34 об.

⁹⁹ Стб. 980, л. 228.

¹⁰⁰ В 1688 г. он упоминается в качестве посидельца богатого солевыхгодца Бобровского.

¹⁰¹ Стб. 1384, лл. 34—38.

¹⁰² Стб. 802, л. 456.

газею своего человека с китайками, кумачами и деньгами для покупки песцов, затем посылал скупленную и «благоприобретенную» мягкую рухлядь в Китай в обмен на китайские товары ¹⁰³.

Наконец, и казна с своей стороны тоже находила для себя выгодным скупку пушнины в Красноярском уезде.

В этих целях в начале XVIII в. доставлялись на Красный Яр русские товары для мены на соболей. С 1 сентября 1702 г. по 5 августа 1703 г. было приобретено 75 соболей и 24 хвоста собольих на 59 р. 79 к., в том числе на 20 руб. было дано товарами. С 1 сентября 1708 г. по 24 августа 1709 г. было приобретено 7 сороков 2 соболя, 89 хвостов на 175 р. 99 к. на товары и деньги ¹⁰⁴.

Любопытно, наконец, отметить, что в торговлю были втянуты отчасти и туземцы, не только в качестве пассивных поставщиков пушнины, но и как предприниматели. В конце столетия в Камасинскую землю ездили качинские подгородные служилые и ясачные татары для торгу «по многие времена», и «тем камасинским татарам чинили обиды и налоги и всякими своими товарами торговали... продавали тем камасинским татарам пищали свои, и имали собольми» ¹⁰⁵.

Итак, мы видим, что в Красноярском уезде идет оживленная торговля, в которой в той или иной мере участвуют все — служилые люди, посадские, администрация, казна, сами туземцы.

Но бросающееся в глаза оживление не должно нас обманывать в отношении размеров этой торговли. В общем итоге она далеко не такая крупная, как можно было бы ожидать. Показателем размера сборов до известной степени могут служить данные таможенных сборов. В 1668/69 г. было собрано всего 19 р. 95½ к.; в 1669/70 — 67 р. 90 к.; в 1672/73 г. — 139 р. 98 к.; в 1678/79 г. — 130 р. 57 к.; в 1692/93 г. — 67 р. 32½ к.; в 1696/97 г. за полгода 87 р. 31 к.; в 1698/99 — 210 р. 95 к. Принимая во внимание, что сюда же входят оброк с промышленных людей, штрафы и т. п. доходы, цифры эти не свидетельствуют о значительности красноярской торговли ¹⁰⁶. Не свидетельствует о том и небольшое число приезжих торговых людей в Красноярск и ничтожные размеры их операций здесь. В середине XVII в. воевода Михаил Скрыбин писал в Москву: «Красноярский острог от сибирских пределов удалел, стоит в стороне, торговых людей заезжает немного». «А ныне, государь,— писал он в другой отписке,— в Красноярском остроге в твоей государеве казне в таможенном сборе никаких доходов не собирается; торговые, государь, люди в Красноярский острог от приходу воинских людей и за скудостью служилых людей не приезжают» ¹⁰⁷.

Причины слабого развития красноярской торговли показаны Скрыбиным в сущности правильно. Отдаленность торговых путей Сибири, которые шли севернее и допускали только случайный заезд, а с другой стороны — недостаточная безопасность влияли и на успешность красноярских промыслов.

Постоянное военное положение, которое переживала эта далекая окраина делало мирные торговые сношения затруднительными. Это был военный стан, где купец всегда рисковал от руки чужого или своего. Некоторые эпизоды хорошо рисуют условия торговли в Красноярском уезде.

¹⁰³ Стб. 1417.

¹⁰⁴ Кн. 1241.

¹⁰⁵ Стб. 366, л. 243.

¹⁰⁶ Кн. 543, лл. 197 об., 248 об.; кн. 717; кн. 1057, л. 16 об.; кн. 590, л. 284 об.; кн. 1354, л. 326 об.; кн. 1172.

¹⁰⁷ Стб. 446, л. 465; стб. 380, л. 47.

На 30 верблюдах шли в Красноярск и подходили к Караульному острогу черные калмыки и торговые бухарцы. Приказный человек сын боярский Юрий Остафьев Саковский с товарищи вышли к ним навстречу; «не допустя до Караульного острога в двух или трех днищах», побили их всех, жен и детей живых с верблюдами «посадили в воду», а «живот» их и лошадей поделили ¹⁰⁸.

От таких нападений не были обеспечены и русские торговые люди. В ночь с 7-го на 8 апреля 1690 г. в с. Ясаулове ночевал богатый енисейский торговец Харитон Гаврилов; 8-го утром он поехал с товаром из Есаулова Енисеем; с ним шли два промышленных человека «для товарного береженья»; сын боярский Константин Кольцов, принадлежавший к видной в Красноярске служилой семье, подсмотрел у них «живота»; «смолвась» с Гаврилой Кольцовым, они оба выехали за торговыми людьми «горою», т. е. по берегу. Гаврило, выехавший раньше (по его уверению — без заранее условленного замысла), рубил в кустах близ Кубековского плеса прутья для вершей, когда его догнал К. Кольцов; последний, вырубив «ратовище» березовое и насадив копьё, сел на Гаврилова коня, а сам Гаврило с пищалью последовал за ним пешком. Настигнув ехавших по льду, они напали на них. Харитон Гаврилов был поражен из пищали и добит копьем, а его спутники переколоты. Поживиться «животами» убитого не удалось, так как вдали показались проезжие люди, и убийцы побежали со льда в Никитин бор, где и скрылись ¹⁰⁹.

С другой стороны, поездки в степь были сопряжены с очень реальной опасностью со стороны киргизов. Служилых людей и человека воеводы Игнатия Башковского, Аргамачка, ехавших с товарами в Киргизскую землю, встретил по пути сын Ереняка Корчун, ограбил их, служилых людей отпустил, а Аргамачка задержал ¹¹⁰. В 1692 г. торговые люди, ехавшие на плотах от Караульного острога в Красноярск, подверглись нападению киргизов, которые «стреляли по ним... многими стрелами, [которые] хранением божним падали мимо плотов, а их никого не ранили, а не доехав до острогу, отогнали у них киргизские люди 16 лошадей» ¹¹¹.

Таковы были реальные условия, в которых происходили торговые сношения в Красноярском уезде, мало способствовавшие их развитию. Здесь, на границе с Монголией, в атмосфере постоянных вражеских нападений и столкновений, купец попадал в обстановку полуразбойничьего лагеря, где он мог иногда нажиться на добыче, но мог и сложить свою голову.

3. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Почвенные и климатические условия Красноярского уезда были благоприятны для развития земледелия. Там выращивались овес, ячмень, рожь и ярица, пшеница, гречиха (курлык); из огородных растений — овощи, конопля, табак ¹¹². Некоторые местные племена еще до русских перешли к примитивному хлебопашеству и сеяли курлык и ячмень. Однако лишь с приходом русского земледельца здесь получила развитие более высокая сельскохозяйственная культура.

Главное зло, от которого страдали хлеба, была саранча — «кобылка». В середине столетия татары жаловались, что у них «почал падать ежегодно сеяной наш хлеб курлыки и ячмени; нахожей гад кобылка почала родиться

¹⁰⁸ Стб. 715—717, лл. 200—201.

¹⁰⁹ Стб. 1052.

¹¹⁰ Стб. 1417, л. 425.

¹¹¹ Стб. 1417, л. 27.

¹¹² Стб. 980, л. 14. «Сеяной на огороде шар».

из земли ежегодно и на всходах выедаёт хлеб и с корени». В 1656 г. на то же жалуются русские: «Во 160 (1652) году... почал в Красноярском во всем уезде сеяной ржаной и яровой хлеб на всходах поядать степной нахожей гад кобылка, и от того гаду ржаной и яровой хлеб не почал родиться»¹¹³.

Красноярский округ был во всяком случае даже в лучших условиях в отношении сельского хозяйства, чем соседний Енисейский уезд, который в XVII в. служил до некоторой степени житницей для соседних «беспашенных» и «бесхлебных» уездов. Известно, что в последующие времена Минусинский район сдѣлался одним из наиболее развитых земледельческих районов Сибири.

В XVII в. русские, однако, пришли на Качу не за хлебом, а за пушной. Земледелие как самостоятельная цель в те времена не имело для них значения; оно играло исключительно подсобную роль как средство содержания гарнизона, занятого сбором ясака с туземцев. Гарнизон питался в основном в течение всего XVII в. привозным хлебом, который доставлялся через Енисейск из государевых житниц Тобольска¹¹⁴.

Доставка хлеба была сопряжена с огромными трудностями вследствие тяжести пути. Запасы надо было посылать весьма заблаговременно, «чтоб на Кети... хлебных запасов замороз не взял, потому что место... дальное, от Сибири и от Тобольска и от Сургута удалело, ходу до Красного острогу год и больши». При самых благоприятных условиях хлебные запасы доходили на второе лето в осень, но если «займут на Кети реке мели великие, и запасы замерзнут, и в Маковской острожек не дойдут, те... государевы хлебные запасы станут приходить в Красной острог в третье лето в осень». Так, из посланных в 1652 г. для Красноярска запасов не дошло ни одной чети, потому что они «застояли на Кете реке в заморозок». Недовозные хлебные запасы прибыли в Маковский острог весною следующего 1653 г. и были положены в амбары, так как летнею порою их невозможно было перевезти через волок в Енисейск; из Енисейска же в Красноярск проплавить их можно было только водою, следовательно, хлеб мог дойти до красноярского гарнизона только летом 1654 г. К этому присоединялись и злоупотребления енисейской администрации, которая иногда расходовала красноярские запасы на местные енисейские нужды¹¹⁵.

При частых недосылках хлеба приходилось покупать у татар сарану и курлык дорогой ценою, обменивая на них «последнее свое платьишко»¹¹⁶. Но и в тех случаях, когда хлеб доходил вовремя, он, в результате путевых трудностей, попадал в Красноярск уже в недоброкачественном виде: запасы, «идучи в судех, подмокают до полумеры, а крупа и толокно приходят... все гнило, и есть немощно, и... те хлебные запасы из-за волоку и перекладывая на нарты и летом в суда, мука пылится и меха дерутся». По пути из Енисейска до Красноярска на порогах хлебные запасы служилым людям приходилось «здымать дней по 7 и по 8 и на себе носить». В результате всех этих мытарств «приходят те хлебные запасы в Красноярской острог весом 2½ пуда и меньше (четырепудовая четь.— С. Б.)»¹¹⁷.

Обязанность доставлять хлебные запасы в Красноярск падала тяжелой повинностью на енисейских служилых людей. До Маковского острога запасы провозжали тобольские служилые люди, число которых для этой

¹¹³ Стб. 513, л. 7; стб. 489, л. 262; стб. 802, л. 105.

¹¹⁴ Ежегодно на жалованье служилых людей должно было доставляться, как показывают приводимые ниже цифры, 2 тыс. четей ржи и 1300 четей овса.

¹¹⁵ Стб. 161; стб. 466, л. 477 и сб.; стб. 49, л. 34.

¹¹⁶ Стб. 12, л. 15.

¹¹⁷ Стб. 12, л. 516.

«новоприбылой» службы было увеличено на 150 чел.,¹¹⁸ от Маковского же до Красного Яра должны были везти наличными силами енисейские служилые люди. Последние непрерывно обращались в Москву с горячими ходатайствами освободить их от этой обязанности: «А только, государь, нам, холопам твоим,— писали они,— на Красный Яр служилым людям запасы возить будет укажешь, и твой, государь, ясачный сбор в Тунгуске и по другим рекам и в новых земляцах впредь ляжет... Не вели, государь, на нас, холопей своих, накинуть такие великие работы не по нашей силе, чего нам, холопом твоим, и понести невозможно»¹¹⁹.

Енисейских служилых людей энергично поддерживала их администрация. Воевода Семен Иванович Шаховской под угрозой кнута пробовал заставить приехавших в Енисейск красноярцев самих ездить за хлебными запасами, но те твердо помнили, что это не их обязанность. «Только приезжают в Енисейский острог, воруют,— жаловались енисейцы,— и промышленных людей грабят и зерную играют и живут в Енисейском недель по 5 и по 6 и по 10, а запасов своих сами на себя не возят, а уметываются, государь, на нас, холопей твоих»¹²⁰. Жалобы енисейских служилых людей производили должное впечатление в Москве. В 1630 г. они чуть не послужили мотивом уничтожения нового острога на Каче. Позднее, когда вопрос был пересмотрен и острог остался, вопрос о том, кому возить хлеб, встал с новой силой. Правительство то становилось на сторону красноярцев, предписывая енисейцам возить запасы, то перелагало эту обязанность на самих красноярцев, несмотря на их протесты. В конце концов, когда собственная енисейская пахота настолько расширилась, что могла частично продовольствовать и Красноярск, хлебные запасы для Красного Яра стали выдаваться из енисейских житниц, и красноярцам оставалось только приезжать за ними в Подпорожную слободу и получать их от житничных целовальников. Служилым людям, ехавшим из Красноярска на годовую службу в Удинский острог, оклады выдавались непосредственно в Енисейске, через который им приходилось проезжать.

Трудность снабжения далекого Красноярска привозным хлебом заставила правительство сделать попытку завести пашню на месте. Для этих целей еще с Андреем Дубенским было послано «на завод и на семена» 30 четей ржи, 30 четей овса, 2 чети ячменю¹²¹.

Правительство прибегло к обычному приему принудительного переселения пашенных крестьян на новые места и принуждения их пахать «государеву десятинную пашню», урожай с которой поступал в казну.

Организацию десятинной пашни правительство брало на себя. Посаженым на пашню крестьянам выдавалась от казны подмога «на завод» — по 7 руб. денег, а также лошадь, сошники, топор, коса и серп¹²². Если лошадь падала по несчастному случаю или по небрежности крестьянина, то казна, несмотря на обычную скупость, приходила на помощь, потому что, как писал воевода Михаил Скрябин, «не дать, государь, лошадей, и твоей государевой пашни пахать им не на чем, а им, пашенным крестьянам, у которых лошадей нет, купить нечем, а в долг, государь, дать, и по них никто не ручается, а на них взять нечего». Из Москвы, в ответ на отписку Скрябина, последовало разрешение «бедным людям давать лошади на ссуду из государевы казны по рассмотрению с доброю порукою»¹²³.

¹¹⁸ Стб. 12, лл. 440 и сл.; лл. 392 и сл.

¹¹⁹ Стб. 12, лл. 392 и сл.; стб. 89, лл. 514—520.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Стб. 160, л. 4.

¹²² Стб. 446, л. 412; кн. 717, л. 388; кн. 70, лл. 361—361 об.; 363, 365—365 об., 375, 380, 385, 386 об.

¹²³ Стб 446, л. 411.

Администрация выбирала угрожие места для пашни. Воевода Петр Ануфриевич Протасьев сам приезжал в пашенные деревни, расспрашивал про хорошие земли и отвел под пашню «земли хорошие и хлебородные», между тем как «наперед государевы пашни паханы на обычных землях»¹²⁴.

За пахотой наблюдал назначаемый воеводою приказчик, который должен был, в частности, определять отдельным крестьянам количество обязательной для них пахоты, а также прибирать новых крестьян¹²⁵. Когда наступал момент снимать хлеб, «для замолоту» из города посылались в деревню служилые люди: измолотив хлеб, его отдавали с гумна в житницы целовальнику¹²⁶.

Для государевых хлебных запасов в деревнях были построены особые «житнишные анбары» и овины и устроены гумна; все это было огорожено крепкими заплотами, вместо острога, во избежание внезапных нападений киргизов¹²⁷. Часть казенного зерна откладывалась на семена и выдавалась затем крестьянам на посев. В 1635/36 г. на семена выдано было 2 чети овса и 7 четей ярицы¹²⁸.

Казенная «десятинная пашня» не достигла в течение XVII в. крупных размеров: в 1670 г. она составляла всего 42¹/₂₄ дес., в 1680 г.— 69⁵/₁₂ дес., в 1689 г.— приблизительно 57⁵/₁₂ дес., в 1690 г.— 61 дес. 30 саж., в 1693 г.— приблизительно 54¹/₂ дес., в 1698 г.— 54 дес., в 1702 г.— 59 дес. в поле¹²⁹. Урожай с десятинной пашни выражался в следующих цифрах¹³⁰.

Годы	Рожь	Овес	Ячмень
1637	110 чет. 1 осьм. 1/2 чк.	43 чети 1 осьм.	6 чет. 1/2 осьм.
1644	—	520 чет. 1/2 осьм.	—
1645	—	685 чет.	—
1646	—	1003 чет. 1 осьм.	—
1670	1057 чет. 2 1/2 чк.	228 чет. 1 осьм 1/2 чк.	—
1673	1174 чети	230 чет. 2 осьм. 2 чк.	—
1685	1234 чети 1 1/2 осьм.	238 чет. 1 осьм.	—
1690	928 чет.	155 чет. 1/2 осьм.	—

Между тем на продовольствование красноярского гарнизона требовалось в конце XVII в. ежегодно около 2 тыс. четей ржи и более 1300 четей овса¹³¹. Таким образом, приходится признать правительственный опыт совершенно неудачным.

Очень слабое развитие получила и «собинная» крестьянская пашня. В 1702 г. она составляла всего 310⁷/₂₄ дес. в поле¹³². К этой крестьянской запашке следует присоединить запашку посадских людей, проживавших в деревнях и по существу мало чем отличавшихся от крестьянства.

При слабом развитии торгов и промыслов созданный искусственно, принудительными мерами правительства, красноярский посад должен был обратиться к земледелию. Уже в середине XVII в. из 14 известных нам посадских людей трое пахали пашню¹³³. В 1672 г. перепись Красноярского

¹²⁴ Стб. 292, л. 86.

¹²⁵ См. челобитную приказчика деревней Ясауловской и Частоостровской Клина Семенова (стб. 292, л. 85 и сл.).

¹²⁶ Стб. 980, л. 493.

¹²⁷ Стб. 292, л. 86; стб. 980, л. 387.

¹²⁸ Кн. 70, лл. 361 об., 369 об.; стб. 980, л. 170.

¹²⁹ Кн. 1504; кн. 717; кн. 1354, л. 326 об.

¹³⁰ Кн. 70, л. 534—534 об.; кн. 543, л. 265; кн. 590, л. 249; кн. 811, л. 337; стб. 292, л. 87; стб. 1052, л. 378.

¹³¹ Данные за 1692 г.

¹³² Кн. 1504.

¹³³ Стб. 446, л. 415; кн. 266.

уезда зарегистрировала живущими в уезде 25 посадских людей, а именно в деревнях Лодейной, Частоостровской, Шиверской, Нахвальской, Павловской, в селах Ясаулове и Бузимском и в слободе Надпорожной.

В 1688 г. хлебопашеством занимались двое «городовых посадских людей», на Ясаулове — 3 чел., в Нахвальской деревне — 3 чел., в Павловской — 4 чел. и в Спасской Надпорожной 32 чел.; всего, следовательно, 44 чел. из 53. В 1702 г. пахали землю 68 посадских. Всей пахоты у них было $132\frac{3}{4}$ дес. в поле¹³⁴.

Гораздо быстрее развивалась служилая пашня. Тяжелое положение, в какое служилые люди попадали вследствие неаккуратной доставки провианта, заставило их очень скоро самих обратиться к земледелию. Уже в 1630 г. они «для той бесхлебицы покупали у татар пашенные лошааденка, сложась человек 10 и 20, а семян... яровых покупали у них же, татар, ячмени пуд по рублю и дороже и... сеяли ярового хлеба». Первый опыт оказался, однако, неудачным. В августе налетели киргизы, отогнали лошадей, пожгли и потоптали посевы и исчезли — «стали в прикрытие»¹³⁵.

Эта неудача не могла остановить переход служилых людей к земледелию. Уже при воеводе Федоре Михайловиче Мякиnine (1635) служилые люди распахивали 843 дес.¹³⁶, а в 1672 г. из 378 служилых людей 167 жили в деревнях и «присеивали хлеба небольшое место, потому что... стали семейны, чтоб... было чем прокормиться»¹³⁷. В 1702 г. служилые люди пахали $1137\frac{2}{3}$ дес. в поле и «в дву потому ж»; кроме того, отставные казаки, недоросли, казачьи дети, вдовы распахивали приблизительно 137 дес.; к числу отставных служилых людей следует, вероятно, отнести и 14 монастырских вкладчиков, обрабатывавших в 1702 г. $20\frac{1}{3}$ дес. Всего, таким образом, в начале XVIII в. служилые люди распахивали 1295 дес. в поле¹³⁸.

Некоторое участие в земледелии принимало и духовенство. В 1702 г. семи представителям духовного звания принадлежало $21\frac{5}{12}$ дес. в поле; однако многие из духовенства (тоже 7 чел.) довольствовались казенной ругою и подаванием верующих, собственной пашни не заводили и ограничивались сенокосами.

Приходится, наконец, отметить, что под влиянием русских переходят к земледелию, или, точнее, к трехпольной системе земледелия, и туземцы. В 1671/72 г. среди крестьян Частоостровской деревни встречаем Михаила Борисова, калмыка, в с. Ясаулове — Тимофея Сергеева, калмыка¹³⁹. В 1702 г. в окрестностях Красноярска на степи отмечены, как вновь обзаведшиеся пашней, три новокрещена, в том числе один «мугал»; в деревне Юкеевской — один новокрещен, в Овсянской и Шиверской — два, в том числе один «калмак».

Можно отчасти проследить, как происходило это приобщение туземцев к земледельческой культуре. Преимущественно садились на землю вольноотпущенные холопы. Таковы отпущенники детей боярских Трифона Еремеева — Алешка Колмак и Матвея Айканова — Василий, распахивавшие в дер. Шиверской в 1702 г. $7\frac{1}{6}$ дес. в поле. Переход к земледелию происходил не сразу. Иван Айкан, крещеный киргиз, дед названного выше Матвея Айканова, жил еще в кочевных юртах. Около дер. Кубековской в 1702 г. Димитрий Кангаров новокрещен владел двором и 5 дес. скотинного выгона, но пашни и перелогу не имел. Всего в 1702 г. восьми новокре-

¹³⁴ Кн. 811; кн. 1504.

¹³⁵ Стб. 12, л. 515.

¹³⁶ Стб. 90, л. 163 и сл.

¹³⁷ Кн. 226; стб. 802, л. 103.

¹³⁸ Кн. 1504.

¹³⁹ Там же.

щенам принадлежало в Красноярском уезде $13\frac{1}{4}$ дес. пашни (в поле) и 5 дес. выгона. В это число не входят туземцы, к тому времени обрусевшие ¹⁴⁰.

В общем итоге к концу столетия посевная площадь достигла в Красноярском уезде 1938 дес. с лишком в поле, которые распределялись по отдельным группам населения следующим образом: за служилыми людьми — $1137\frac{2}{3}$ дес., за государевыми крестьянами собинной пашни — $310\frac{7}{24}$ дес., за монастырскими крестьянами — $59\frac{7}{12}$ дес., за духовенством, посадскими людьми, отставными служилыми людьми и др. — $338\frac{5}{6}$ дес.; государевой десятинной пашни — 59 дес., монастырской пашни — $12\frac{2}{3}$ дес. Всего, таким образом, обработано было более 1900 дес. в одном поле, или 5700 дес. с лишним в трех полях ¹⁴¹.

Такой сравнительно быстрый рост земледелия в Красноярском уезде тем более показателен, что внешние политические условия были крайне неблагоприятны для развития земледельческой культуры. Ежегодные почти набеги степняков беспрестанно нарушали правильный ход сельских работ и лишали земледельца плодов его труда. Красноярский земледелец все время находился под угрозой вражеского наезда. «И пашен нам, холопом вашим,— жаловались в конце столетия служилые люди,— по вся годы пахать некогда, да и пахать нам, холопом вашим, стало не на чем, лошадей многих воинские и воровские киргизские люди у нас, холопей ваших, отогнали, а которые из нас, холопей ваших, пашни припахивают, и того хлеба те же воинские и воровские киргизские люди частыми своими к Красноярску и в уезд воинскими и воровскими в самое работное время приходами с поля снимать всего и в иное время и ничего не дают, травят и вытаптывают и в кладях жгут, а ино и не жатой пропадает, а лошади беспрестанно отгоняют»¹⁴².

Посадские люди и крестьяне подали челобитную с жалобой на киргизов и их союзников: «Как мы, холопы и сироты ваши, пашнишка свои пашем небольшие и сено косим, а они нам... пашен пахать и сен косить не дают, по вся годы угрожают войною, и по тем их угрозам мы... на пашнишки свои и сен косить вдаль ездить не смеем. А которые мы, холопы и сироты ваши, живем по деревням и от города удалили верст по 20 и по 30 и по 50 и тем оберечься от них... никакими мерами невозможно, бывает их воровской изменнический воинский приход безвестно»¹⁴³.

Цены на хлеб, ввиду указанных случайностей, подвергались довольно сильным колебаниям. В 1692 г. цены были высокие вследствие недорода, «а у которых и родится что малое число сверх домашние нужды, и те де продают дорогою ценою сыромолоту по 23 а. 2 д. и по 26 а. 4 д. зимним временем, а летом и по рублю четверть». В марте 1693 г. московскую четверть зерна купили: ржи — по 40 алтын, овса — по 20 алтын, ячменю — по 8 гривен и пшеницы — по 60 алтын.

Когда Семен Дурново приехал на воеводство в августе 1696 г., если верить ему, четверть ржи стоила 2 рубля вследствие большого спроса на тайные винокуренные заводы; когда же он учинил строгий заказ курить вино, то цены опустились до полтины. Действительно, весной 1697 г. цена ржи держалась в 4 гривны за четь, а в августе — очевидно, вследствие того, что запасы подошли к концу, а новый урожай еще не поспел,— цены поднялись до 50—60 коп. за четь ¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Кн. 1504. О хозяйстве новокрещенов см. выше.

¹⁴¹ Кн. 1504.

¹⁴² Стб. 1317, лл. 49, 62.

¹⁴³ Стб. 1052, лл. 2—3.

¹⁴⁴ Стб. 1417, лл. 60—62; стб. 1317, л. 586; стб. 366, л. 81; кн. 1172, лл. 10 об. и сл.

Кроме пашенных земель, красноярцы эксплуатировали сенокосы. По-видимому, коневодство и скотоводство составляли существенную отрасль хозяйства русских колонистов в Красноярском уезде. При рассказах о набегах степняков всякий раз упоминается об отгоне коней и рогатого и мелкого скота.

О размерах коневодства свидетельствуют следующие данные. В августе 1692 г. киргизы отбили из-под Бугачевской деревни более 80 лошадей, «которые лошади отогнаны были для корму в отгон»; в том же году осенью отогнаны были из Березовской деревни 53 лошади. Кроме лошадей, разводили коров, овец, свиней. Количество скота в отдельном хозяйстве видно из описи имущества десятника Ивана Злобина: ему принадлежат два коня, кобыла, четыре коровы, два теленка маленьких и две свиньи¹⁴⁵. Из домашних птиц упоминаются куры¹⁴⁶.

Развитию скотоводства способствовало обилие лугов в окрестностях Красноярска. На пастбу скот отправляли «в отгон»; кроме того, каждому хозяину были отведены покосы поблизости от его заимки. Хорошие сенокосы были на заливных островах на Енисее: на Татушевом острове, где в 1702 г. около 89 дес. покосов были розданы 137 служилым людям небольшими участками (преимущественно по $\frac{1}{2}$ дес.), на Посадном, отведенном под покосы посадских людей, на Конном, на Атамановом и др. Громадное пространство занимали: Кубековский луг размером в $212\frac{1}{2}$ дес., на котором были выделены под покосы служилых людей (более значительных) участки преимущественно в 6 или в 10 дес., иногда и больше; Лодейный луг (очевидно, близ дер. Лодейной) в $43\frac{1}{2}$ дес.; луг, принадлежавший детям боярским Кольцовым, «от Подкаменной... до Березова острову» в $56\frac{1}{2}$ дес. и др.; кроме того, большие покосы были на противоположном берегу Енисея — на Борщевике и в других местах. Размеры отдельных сенокосов были очень различны — от $\frac{1}{2}$ дес. до 2 и даже 4 дес. (у детей боярских Кольцовых)¹⁴⁷.

В общей сложности ближайшие окрестности Красноярска уже в середине XVII в. эксплуатировались в сельскохозяйственном отношении в достаточной мере интенсивно; здесь многие служилые люди «поселились деревнями и иззяняли заимки и хлеб пашут и сено косят в угодных кочевных местах». Туземцы жаловались, что под Красноярском им уже «тесно, и с коньми и с рогатым скотом кочевать негде,— казачьи заимки и деревни живут многие и хлебам и сенам живут потравы, и челобитья на них многие были и ссоры многие»¹⁴⁸.

В начале XVIII в. земледельческая полоса Красноярского уезда тянулась от Красноярска вниз по Енисею до границы Енисейского уезда, захватывая впадающие в него с обеих сторон речки. Здесь деревенские владения были в сравнительной безопасности. Зато к югу от Красноярска мы почти уже не находим земледельческих участков. Ремезов показывает выше Красноярска только дер. Атаманову; и по книге 1702 г. пашня прекращалась не доходя устья Маны. Что касается р. Кана, то пашенные угодья имелись у ее устья и вверх по Кану под Березовым островом.

Земельные владения образовывались, по-видимому, простым захватом пустопорожных участков, который (иногда через много лет) санкционировался администрацией, выдававшей заимщикам по их челобитью особые «данные» на занятую ими землю. Перепись 1702 г. неоднократно отмечает землевладельцев, которые «пашенною землею... владеют без

¹⁴⁵ Стб. 1288, л. 147 и сл.; стб. 1317, лл. 11, 31.

¹⁴⁶ Стб. 980, л. 39.

¹⁴⁷ Кн. 1504.

¹⁴⁸ Стб. 380, лл. 82, 89.

крепости, по наезду своему» или «пашню пашут за рекою Енисеем без крепости по наезду своему». В Кокурской деревне, например, служилые люди Иван Черкашенин с детьми, Малафей Терской с братом Федором, Иев Корелин, Кузьма Федоров и Степан Корелин владели в 1702 г. землею «без крепости по наездам» и только во время переписи били челом об отводе им участков администрацией и т. д.¹⁴⁹

«Заимки» заводились силами отдельных семей. Отсюда ряд деревень, названных по именам их основателей: Милославская (атамана Милослава Кольцова), Тюменцева, Торгошина, Хлоптуновская, Куваршина, Айканова, Дружинина (Кочергина), Мезенина и т. д. Примером такого семейного хутора в 1702 г. может служить деревня сына боярского Ивана Большого Ермолаева, принадлежавшая ему и его племяннику Федору Ермолаеву; Иван Ермолаев пахал «меж бором на степи» 4 дес. в поле, его племянник — $1\frac{1}{3}$ дес. в поле; «дворовым поселением» они владели «вопче». Захваты земли семейными группами способствовали образованию в одной и той же местности целых гнезд землевладельцев с одинаковыми фамилиями. Таково гнездо Потылицыных в Лодейской деревне, насчитывавшее в 1671/72 г. 10 и в 1702 г. — 13 мужчин.

При увеличении состава семьи происходили разделы; общая земля дробилась на доли, но братья и племянники продолжали жить «в межах» друг с другом. Постепенно во владения, занятые отдельными семьями, вселялись посторонние элементы и образовывались более значительные поселки. Для примера можно привести дер. Торгошину на р. Киковке. В 1671/72 г. в деревне, у отца своего Якова Торгошина, жили десятник Роман Яковлев Торгошин, его братья Яков и Ермолай, сын умершего брата Иван Петров, их человек, новокрещен Яков Васильев, и человек их зятя Фомы Павлова, тоже новокрещен; из посторонних — казак Микита Яковлев Леонтьев с работником и свободный новокрещен Роман Павлов. В 1702 г. мы встречаем здесь уже 18 землевладельцев, в том числе трех Торгошиных (десятника Романа и его двух братьев), которым принадлежало $13\frac{2}{3}$ дес. в поле, сына Микиты Лалетина Козьму и Михаила Лалетина, т. е. потомков одного из ранних товарищей Торгошиных, двух Сиротининых ($4\frac{2}{3}$ дес.), трех Ковригиных ($4\frac{2}{3}$ дес.) и т. д.

Таким образом, из общего количества пахотной земли в $38\frac{7}{8}$ дес. потомкам первого заимщика принадлежало $13\frac{2}{3}$ дес., т. е. несколько более трети. На право владения землею Торгошины предъявили крепости 155 (1646/47) и 168 (1659/60) гг. Пятидесятник Иван Сиротинин, десятник Тимофей Ковригин с братьями и казак Василий Медведников жили в той деревне Торгошиной «дворами своими» и владели пашенной землей, но крепости не предъявили, причем Сиротинин заявил, что «те де крепости в прошлых годах в приход калмыцких воинских людей утерялись». Пять других служилых людей жили «дворовым поселением» в городе и пахали здесь землю «в названных урочищах» совсем без крепости, «по наезду своему»¹⁵⁰. Мы видим, таким образом, как постепенно хутор, заведенный отдельной семьей, превращается в небольшой поселок.

Размеры заимок отдельных землевладельцев были невелики. Лишь более мощные экономически предприниматели могли захватить крупные участки земли. Так, атаман Дементий Андреев Злобин захватил 40 дес., другой атаман, Милослав Иванов Кольцов, — 60 дес.¹⁵¹

¹⁴⁹ Кн. 1504, л. 115 об. и сл. В данном случае в источнике под «наездом» подразумевается форма владения земельными участками, а не система ведения полевого хозяйства («пашня наездом»). — *Примечание редакции.*

¹⁵⁰ Кн. 1504, л. 45.

¹⁵¹ Стб. 90, л. 163 и сл.

Но такие сравнительно большие участки были исключением. Характерной чертой красноярского землевладения являются его чрезвычайно мелкие размеры: пашут «припашку не по велику, по десятине, по 2 и по 3, потому что Красноярский острог место новое»¹⁵². При Федоре Мякишине из 103 служилых людей, владевших землею, только трое имели более 30 дес.; размеры заимок остальных не превышали 18 дес., а у большинства (43 чел.) они составляли от 2 до 5 дес. В 1702 г. из 893 владений в 102 владениях пашня не достигала 1 дес. в поле, в 253 — составляла десятину или десятину с небольшим, в 70—4 дес. с небольшим, и только в 44 владениях ее было несколько больше, причем наивысшая норма — 9 дес. в поле — упоминается в одном случае, 8 дес. — в четырех и 7 дес. — в трех. Эти незначительные размеры пашни объясняются, по-видимому, кроме недостатка капитала, общими условиями жизни в пограничном уезде. Опасность со стороны киргизов и калмыков не позволяла расширять запашку в сторону степи; опасения набегов заставляли тесниться поближе к стенам города или, по крайней мере, не очень удаляться от деревянных острожков, защищавших поселения государевых пашенных крестьян. «Лошадей и коров и всякой скот пасут от Красноярска в близких местах в день, а в ночь держат в городе, а хлеб, сжав, везут в город же»¹⁵³. Земли в окрестностях Красноярска поэтому заселены были очень быстро. Уже в 1690 г. «в близких местех около города пашен и сенных покосов нет» и приходится «вдаль ездить»¹⁵⁴.

Займки эксплуатировались двояким способом: либо единоличным трудом заимщика и его семьи, либо посредством наемного или подневольного труда. Громадное большинство хозяйств принадлежало к первому типу. «Людишка одинокие» в подмогу себе выписывали с Руси «отцов своих и братью и племянников». В 1647 г. красноярские служилые люди были челом государю, чтобы их родственников не сажали на государеву пашню: «Нам, холопом твоим, — писали они, — без них в конец погинуть и твоей государевы пашни отбыть... Вели, государь, им жити... подле нас, холопей твоих, слободно»¹⁵⁵.

Но из общей массы мелких заимщиков, обрабатывающих землю силами своей семьи, выделяются сравнительно крупные владельцы, обладающие значительным инвентарем и пользующиеся трудом подвластных людей.

Хозяйство более состоятельной части служилых людей велось преимущественно при посредстве невольничьего труда «купленных» новокрепчен «мугальской, калмыцкой и братской породы». Так, мы знаем, что сын атамана Ивана Злобина, Прохор, ездил на Березовскую займку «пахать вешнюю» с новокрепченным калмыком Андрюшкой¹⁵⁶. В 1672 г. из общего числа 37 туземцев, принадлежавших служилым людям, 33 жили у них в деревнях. У некоторых, более состоятельных, было по два и три холопа¹⁵⁷. Иногда, по миновании надобности, их отпускали на волю, и они умножали число полурусского населения уезда¹⁵⁸.

Пользовались трудом холопов и некоторые из крестьян для обработки своей земли. В 1671/72 г. мы находим у одного ясауловского крестьянина

¹⁵² Стб. 292, лл. 2—3.

¹⁵³ Стб. 1317, л. 28.

¹⁵⁴ Стб. 1052.

¹⁵⁵ Стб. 292, л. 28.

¹⁵⁶ Стб. 1288, л. 147.

¹⁵⁷ Кн. 266.

¹⁵⁸ Кн. 1504 (дер. Шиверская)

и у двух бугачевских крестьян купленных мугальских «малых», новокрещенов¹⁵⁹.

Ценность холопов-иноплеменников, особенно мужчин, вызывавшая на них значительный спрос в хозяйстве, не только способствовала усилению торговли ими, но и приводила к попыткам закабалить свободных туземцев. В 1653 г. бохтинец новокрещен Василий Емельянов сообщил о себе следующие сведения. При воеводе Никите Карамышеве (около 1633 г.) он крестился «и прибежал... к атаману Дементию Злобину волею о своей силе, а на себя... кабал никому не давал»; затем поступил в государеву конную службу и служил благополучно в течение 10 лет; но в 1653 г., через 20 лет после его крещения, Злобин, выдавая свою дочь за сына боярского Михаила Ярлыкова, написал его за дочерью своею в приданое. Ярлыков и вознамерился его «себе поневолить» по приданной ложной «и отставить от государевы службы». Дело дошло до Москвы, откуда последовала резолюция в пользу новокрещена, чтобы «его Михаилу Ярлыкову не отдавать, а велеть ему вперед служить государеву службу, потому что он иноземец и крестился в православную веру и таких покупать и в холопы иметь никому не велено, а атаман Дементий Злобин, хотя будет и взял на такого иноземца какую крепость и написал его за дочерью своею Михаилу Ярлыкову в приданое, но то он сделал воровством». Но в данном случае мы имеем исключение, когда обрусевший на государевой службе туземец сумел найти управу и добиться свободы; очень много подобных же злоупотреблений оставались нераскрытыми при попустительстве или даже соучастии администрации¹⁶⁰.

Кроме труда холопов, пользовались и трудом наемным. В 1671/72 г. отмечены живущими в наемной работе гулящие люди. Крестьяне Введенского монастыря исполняют часто барщину «наймуя».

Примером довольно крупного хозяйства может служить хозяйство Ивана Злобина близ Овсянкиной деревни вверх по Енисею по заречной дороге. На усадьбе стояли изба на подклете, амбар, баня и повыше избы на Слижневой речке мельница. Из скота имелось два коня, кобыла, четыре коровы, два теленка и две свиньи. Рабочую силу составляли, кроме хозяина и его сына, несколько холопов-новокрещенов — «калмык Андриушка», который вместе с хозяйским сыном в момент описи пахал «Березовскую заимку вешнюю», и две «девки новокрещенные», 15 и 10 лет. Пахали отъезжую пашню в стороне от усадьбы на р. Березовке. Сеяли рожь-ярицу, ячмень, овес и пшеницу¹⁶¹.

Единственным сравнительно крупным землевладельцем, пользовавшимся трудом крепостных, был в Красноярском уезде Введенский монастырь, стоявший ниже Красноярска на устье речки Березовки. Здесь монастырю принадлежал значительный участок земли — 19¹/₃ дес. пахотной земли в поле (58 дес. в трех полях), рыбные ловли и сенокосы по обоим берегам Енисея, с островами и лугами «вниз до Сметанина острова»; кроме того, на реке Подъемной, ниже р. Юксевки, он владел 61¹/₃ дес. пахотной земли в поле. Всего за монастырем числилось в XVII в. 242 дес. пашенной земли в трех полях. На этих землях монастырь вел довольно большое хозяйство. На монастырь в 1702 г. обрабатывалось 12³/₄ дес. в поле, «а в трех потому ж» (4 дес. на Березове, «на степи меж березняками», и 8³/₄ дес. на р. Подъемной). На р. Березовке стояла монастырская мельница «колесчатая», амбар «мерюю 3-х сажень меж углов, вышиною 2 саж.

¹⁵⁹ Кн. 266, л. 205; кн. 203, л. 204 об.

¹⁶⁰ Стб. 466, л. 533 и сл.

¹⁶¹ Стб. 1288, л. 147 и сл.

а в нем жернова на ходу мерою $1\frac{1}{4}$ арш.»¹⁶². У Ремезова отмечена Введенская мельница и на р. Подъемной. Хозяйство велось посредством монастырских работников, которых в 1672 г. было 19 чел., живших на монастырском дворе на Березовке. Эти работники были, по-видимому, зависимые люди, в частности крещеные туземцы, закабаленные монастырем. Один из таких новокрещенов, «породою иноземец Казачьи орды (т. е. казах.— С. Б.), Аргамачком зовут а во крещении имя ему Якушко Максимов», сообщил про себя, что он был крещен в Введенском монастыре и стал жить в деревне на Березовке; через некоторое время игумен Филипп женил его на иноземке «мугальской породы девке Анютке», которая вышла в Красноярский уезд вместе с матерью, крестилась и жила в Березовке; с нею он жил за монастырем года с два, после чего игумен отдал его с женою воеводе Алексею Башковскому,— продал, или отдал безденежно, этого он не знал¹⁶³.

Наличие в уезде хозяйств, размеры которых позволяли производить хотя бы небольшое количество хлеба сверх нормы, необходимой для прокормления самих землевладельцев, показывает, что в Красноярске существовал известный спрос на покупной хлеб.

Местный хлебный рынок обслуживался преимущественно служилыми землевладельцами. В апреле — августе 1697 г. в числе 23 лиц, продававших хлеб, были 17 служилых людей, «работник» Василия Канкарина (социальное положение которого неизвестно,— может быть, тоже служилый человек), один вкладчик Введенского монастыря и только два крестьянина. Но продавали служилые люди хлеб «своей пахоты» очень небольшими количествами, редко более 1—2 четей; только в одном случае — 9 четей и в другом — 4 чети. Всего служилыми людьми было продано $49\frac{1}{4}$ четей, между тем как все остальные зарегистрированные продавцы продали $17\frac{1}{2}$ четей; кроме того, $28\frac{1}{2}$ четей было куплено в «разных местах и числах» неизвестно у кого.

Из хлебных продуктов продавали также дрожжи и солод; например, в мае 1697 г. один ясауловский крестьянин продал «оржаного солоду» на 2 рубля; здесь наряду с крестьянами мы встречаем и служилых людей; в 1693 г., например, у служилого человека на государев обиход куплено два ведра дрожжей¹⁶⁴.

Несмотря на неполноту, сообщаемые сведения показывают, что красноярское землевладение работало меньше всего на рынок, и служилые люди говорили правду, когда утверждали, что «припахивают что малое... про свою домашнюю нужду». Это наблюдение подтверждается и данными о покупателях, которые приобретали хлеб в Красноярске. Это почти исключительно иногородцы: енисейские посадские люди, гулящий человек, мангазейский стрелец. Очевидно, большая часть жителей пашет «про себя», не вывозит ржи на рынок, зато и не покупает ее на рынке. Исключения составляют два покупателя, выступающие с чертами скупщиков хлеба: «тобольский переведенец» Микита Еговцев и вкладчик Введенского монастыря Афанасий олончанин, которые скупили по мелочам — первый 10 четей, а второй — 25 четей,— надо думать, что для перепродажи; но эти цифры настолько скромны, что не меняют общей картины. Тем не менее приходится отметить, что красноярская пахота в конце столетия не только удовлетворяла потребность населения, но и поставляла, правда, небольшое количество зерна на вывоз. Так, в июле 1697 г. казачий сын Михаил Шадрин повез в Енисейск 8 четей ржи и 3 чети пшеницы на

¹⁶² Кн. 1504, лл. 84 об.— 86, 140—147 об.

¹⁶³ Стб. 1417, л. 424.

¹⁶⁴ Кн. 1057, л. 25 об.; кн. 1172, л. 18.

2 р. 40 к., всего на 6 р. 40 к.¹⁶⁵. Надо думать, что и иногородние покупатели, например енисейские посадские люди, которые купили в мае 22½ чети и 50 пудов ржи на 11 р. 50 к., покупали отчасти и для вывоза.

Одним из показателей развития земледельческого хозяйства Красноярского уезда является заведение в этом районе мукомольных предприятий, среди которых наиболее значительными были казенные мельницы. Наряду с казенными мельницами в уезде возникают мельницы частные, содержавшиеся служилыми и посадскими людьми.

В 1682/83 г. в Надпорожной слободе были две мельницы посадских людей Семена Семёнова с братьями и одна — Ивана Туруханка и Михаила Афонасева; на Быку — мельницы служилых людей Михаила Шахова и Федора Козырева; на Базаихе — мельница служилого человека Якова Савостьянова и в дер. Торгоши — Якова Торгоши. Всего, в 80-х годах в Красноярском уезде было девять мельниц¹⁶⁶.

Широко практиковался один незаконный промысел — курение вина из ржи на продажу. Винокурение было строго воспрещено, так как нарушало государственную винную монополию, составлявшую главный доход казны в Красноярске. Это не мешало тому, что оно процветало негласно. Тайное винокурение было основной статьей дохода всей администрации, высшей и низшей. «В разных слободах и деревнях сидят на приказах прикащики красноярские, дети боярские..., и в тех слободах они... курят беспрестанно вино и то де они вино в деревнях продают всяких чинов людям и в Красноярской острог на продажу возят». Здесь, в уезде, вдали от начальства возникали небольшие винокуренные заводы. В 80-х годах в Надпорожной слободе, у приказчика сына боярского Федора Клепикова, была устроена винокурня саженях в десяти от его двора, «а курит вино в один котел мерою ведер в 11, да 2 трубы медные, а в заторе хлеба де было (в момент обыска.— С. Б.) пудов с 10»; у ясауловского приказчика на «винной поварне» были «котлы, что он теми котлами вино курил, два котла больших, да медяник, да 6 труб».

Василий Кондырев, будучи на приказе в с. Бузимском, курил вино «без престани в два котла, да кубом, да в 6 труб, а те де котлы и куб и трубы меди красной, а куб в 4 ведра» и т. д.¹⁶⁷.

Дело не ограничивалось торговлей на месте. В 1686 г. атаман Федор Кольцов, будучи послан для сбора ясака, в Удинском остроге «своею посудю котлом да двумя трубами курил вино и продавал в чарки и в ковши, а пиво в ведра служилым людям на мягкую рухлядь»¹⁶⁸.

Таким образом, на наших глазах колония, основанная исключительно в целях эксплуатации края, в силу природных условий перерождается в сельскохозяйственную область, несмотря на постоянную угрозу войны, невзирая на то, что «воинские и воровские киргизские люди воровскими частыми своими приходами хлеба всего снимать не дают, травят и топчут и в кладях жгут».

4. РЕМЕСЛО И МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В Сибири, жившей исключительно пушниной, мелкая промышленность (в частности, ремесло) в XVII в. была вообще мало распространена. Предметы промышленного производства — сукна и холсты, кожи и обувь,

¹⁶⁵ Кн. 1172, л. 28.

¹⁶⁶ Кн. 1053, л. 282 об.; кн. 1052.

¹⁶⁷ Стб. 980.

¹⁶⁸ Стб. 1052, л. 713.

мыло и т. п. поставлялись из Европейской России в обмен на меха Сибири. Если это наблюдение справедливо для всей Сибири вообще, то оно особенно применимо к Красноярску. Здесь, на границе русской колонизации, в лихорадке постоянного военного времени, мелкая промышленность не могла получить большого развития. Бросается в глаза, что в городе и уезде очень мало мастеров-специалистов, а если они имеются, то почти исключительно в среде гарнизона и обслуживают его нужды. Про красноярский гарнизон можно (конечно, только в виде парадокса) сказать, что это была большая оïко, замкнутое хозяйство, отрезанное дальностью расстояния от других рынков, в котором скромные потребности удовлетворялись трудом его собственных членов.

В военной крепости, какой был Красноярск, было одно ремесло, которое являлось крайне необходимым, — ремесло кузнечное. Однако и оно не получило значительного развития в городе, куда специалисты попадали лишь по принуждению, чтобы при первой возможности выбраться вон. Первое время кузнечным мастерством занимались исключительно служилые люди, случайно его знавшие.

После повторных требований «кузнеца доброго, которому б самопальное дело за обычай», в Красноярск из Казани был прислан специалист, кузнец Потешка Иванов. В связи с этим в 1636 г. была срублена казенная кузница. В последующее время отмечаются в расходных книгах покупки угля «мехами» для «казенного кузнечного дела»; специальный станок «для ствольного дела» сделал в 1637 г. служилый человек Вторка Артемьев за 30 коп.; тогда же за четвертак приобретен был точильный камень для ствольного дела¹⁶⁹.

Новый кузнец (Потешка Иванов) на месте службы получал 5 руб. жалованья, 5 четей 1 осьмину муки, 1 четь круп и толокна и 1³/₄ пуда соли. Он делал «черное дело» — топоры и ральники, косы и серпы, но «бронного дела» не знал, пищалей и пищальных замков чинить не умел. Один он не справлялся с большим спросом на его работу, и ему помогали частные кузнецы из служилых людей. В 1637 г. заплачено служилому человеку Григорию Семенову пятачок, «что у кузнеца ковал скобы для государевых судов»; другой служилый человек, Евсей Степанов, тоже «робил... в кузнице с кузнецом ствольную поделку», причем получил за неделю работы полтину; он же к государевой кузнице сделал два ложа, тоже за полтину¹⁷⁰.

Главный спрос был на ремонт оружия — починку пищальных стволов и замков. Этим и занят был Потешка Иванов с первых же дней функционирования государевой кузницы¹⁷¹. Однако, как сказано, он плохо справлялся с этой работой, и со всякой мало-мальски сложной работой приходилось обращаться в Енисейск, где, например, «починиваны» замки городовые. «А пищальных, государь, и замочных мастеров в Красноярском остроге нет, — писал воевода Михаил Скрыбин, — починивать стволы и замков некому». Из Москвы в ответ было предложено «горелое ружье для поделки послать в Томской». В 1654 г. били челом служилые люди, что казенные пищали, которые выданы им при царе Михаиле, на боях попортились, «и тех де пищалей и пищальных замков починивать некому, пищального и бронного мастера нет» и «купить в Красноярском остроге негде... торговые люди пищалей и всякой служилой сбруи не завозят».

¹⁶⁹ Стб. 12, л. 517; стб. 49, л. 133; кн. 70, лл. 372 об., 378 об., 382.

¹⁷⁰ Стб. 380, л. 47; кн. 70, лл. 212, 231 об., 386, 388 об.

¹⁷¹ Кн. 70, лл. 388 об., 382.

Осенью 1653 г. в Красноярск забрел ссыльный человек Петр Алексеев Дорогобужский, сосланный из Москвы «за вину» в Илимский острог; оказалось, что он «бронного и пищальных замков новых делать умеет, и всякое черное железное дело делает, и для того и пришел в Красноярский острог, чтоб ему рукодельем своим прокормиться». Ему здесь чрезвычайно обрадовались, потому что «всем городовым людям без такого кузнечного мастера быть нельзя». По ходатайству красноярцев из Москвы последовало разрешение ему быть в Красноярске — «у государева кузнечного дела в бронных мастерах и поверстать его жалованьем»¹⁷².

В конце столетия в Красноярске имелись уже настоящие специалисты оружейники: «записной бронник» Кондратий Моисеев, присланный из Енисейска по требованию А. И. Сумарокова в 1667 г. ввиду опасности со стороны калмыков, который, кроме своей основной профессии оружейника, принимал заказы на ковку сундуков, коробей и ларцов, а позже — «бронник и часового дела мастер» Борис Микифоров. Последний случайно попал в Красноярск: он «строил» здесь часы на Спасской башне и когда по окончании работы захотел уехать в Енисейск, то красноярские служилые люди ходатайствовали об оставлении его в Красноярске с предоставлением ему убылого оклада сына боярского Андрея Любимского и «против енисейского часовщика»; просьба мотивировалась тем, что без него часы «водить некому». Ходатайство было удовлетворено; Б. Микифоров остался служить в Красноярске, где получал исключительно высокий оклад — 10 руб., и это показывает, что он считался высококвалифицированным специалистом¹⁷³. Впрочем, до конца столетия красноярские служилые люди «для оружейной починки» ездили в Иркутск¹⁷⁴.

Наряду с казенной кузницей в Красноярске продолжали существовать и частные кузницы, с которых шел оброк в казну¹⁷⁵. Несколько кузнецов было среди служилых людей. В 30-х годах работал казак Семен Гаврилов, кузнец; в 1671/72 г. в Лодейной деревне жил казак Сергей Васильев, кузнец, а в деревне на устье Кана — десятник Иван Ларионов, кузнец; кузнецом же был пушкарь Елеска Иванов¹⁷⁶.

Кроме служилых людей, кузницы были и у посадских. В 1688 г. имели кузницы и ковали «медное и железное» два посадских человека — «Ивашка медник и Васька медник»; свой промысел они оценивали — один в 3 рубля, а другой — в 2 рубля¹⁷⁷. В 1685 г. в с. Бузиме упоминается кузнец Матюшка, который плавил железо «на великих государей» из своей руды¹⁷⁸.

В приведенных примерах кузнечное мастерство сочетается иногда с медеплавильным. Но были в Красноярске и просто медники. Тут опять мы имеем дело, во-первых, со служилыми людьми, вроде Остафия Спиридонова, который в 1635—1636 гг. делал для казны винную трубу из олова и починивал «государевы винные кубы»¹⁷⁹. Как пример изделий красноярского медеплавильного ремесла можно назвать «свечные трубы, что

¹⁷² Стб. 380, л. 46 и сл.

¹⁷³ Стб. 980, л. 1407; стб. 1317, л. 197; кн. 1057, лл. 63 об., 68 об., 24 об., 28 об.; ДАИ, т. V, № 33 (111). В 1670 г. в Красноярске было два кузнеца с жалованьем в 5 руб. (кн. 543, л. 109 об.).

¹⁷⁴ Кн. 1372, л. 551 об.

¹⁷⁶ Кн. 266, лл. 193, 195; кн. 902, л. 342; кн. 70, л. 120.

¹⁷⁷ Кн. 902, лл. 310, 313; кн. 1057, л. 27 об.

¹⁷⁸ Кн. 902, л. 178.

¹⁷⁹ Кн. 70, лл. 370, 382.

свечи льют», которые в 1692 г. делал для съезжей избы Илюшка медник¹⁸⁰.

Плотничеством занимались в Красноярске тоже преимущественно служилые люди. В 1636 г. «рубилы государев погреб» служилые люди Степан Юрков с товарищи, кузницу — служилые люди Артемий Григорьев с товарищи и т. д.¹⁸¹.

Среди служилых людей выделилась группа плотников, специально делавших «струговое дело», т. е. речные суда, так как «делать... судов на Красном Яру некому, и мастеров... судовых нету». В 30-годах XVII в. таковым является Григорий Щербак: в 1634/35 г. у него куплено три струга гребных, в том числе один большой — на 21 1/2 рубля; он же чинил государев струг, взяв за это полтину. В 1637 г. артель служилых людей — Григорий Семенов с товарищи «починивали государев каюк, скобили, конопатили и смолили», за что получили вознаграждение по 2 гривны. Михаил Дурново для постройки стругов для посылок во вновь построенный Удинский острог обращался к артели струговых плотников — служилым людям Омельке плотнику с товарищи, 6 чел. В 1683/84 г., два дощаника для той же «годовой удинской службы» и вторично в 1686/87 г. опять два дощаника делала тоже служилая артель — «плотники, казак И. Т. Таскин с товарищи», получившие за работу оба раза 20 руб.; он же делал новые ложа к мушкетным стволам¹⁸².

Из других производств можно указать в Красноярске кожевенное дело. И в этом ремесле мы встречаем много служилых людей. В 1637 г. служилый человек Иван Денисов делал кожи на ременье. В 70—80-х годах работал служилый человек Тимофей Григорьев кожевник, который, между прочим, «кожи подделывал и чемоданы шил» и «делал на ременье кожу». В 90-х годах Афанасий Шалков, прославившийся своим участием в бурных событиях 1698 г., занимался мясничеством и выделкой кож. Из служилых людей выходили также скорняки: в 1656 г. встречается среди них Ефрем Скорняк; в 1687 г. «подделывал» ясачных жирных лисиц пушкарь Ларион Яковлев; в 1693 г. служилому человеку Ганьке Бугаеву за подделку 84 ясачных лисиц заплачено 84 коп.¹⁸³ Среди посадских людей середины XVII в. двое кормились «иглишком», т. е. портновским ремеслом; но, по-видимому, и некоторые из служилых людей тоже умели работать «иглишком»; например, в 1687 г. драгун Марчко Дубровский шил 17 мешков «своими нитьми» на государеву соболиную казну¹⁸⁴.

Наконец, среди служилых и посадских людей были сапожники¹⁸⁵.

Из других ремесел упоминается оконичное. В 1683/84 г. на государев двор делал четыре окончины большие оконичник Петр Васильев, получивший за труд 4 гривны. Как мы видели, на окончины употреблялась местная слюда.

Существовала также обработка камня для хозяйственных целей; так, на государеву мельницу некий Трофим Яковлев делал «жерновой камень», за что получил 2 1/2 рубля.

Для казенных нужд, а именно для постройки каменного выхода к погребам зелейному и винному, в 1683/84 г. была сделана попытка орга-

¹⁸⁰ Кн. 1057, л. 23.

¹⁸¹ Кн. 70, лл. 378, 378 об.

¹⁸² Кн. 70, лл. 363, 363 об., 365, 386, 386 об.; стб. 380, л. 12; кн. 902, л. 179 об.; кн. 811, л. 444; стб. 908, л. 407; стб. 12, л. 517.

¹⁸³ Стб. 446, л. 415 и сл.; кн. 1057, лл. 24—29 об.; кн. 70, лл. 120, 387; кн. 902, л. 176 об.; стб. 489, л. 153; кн. 266, л. 193; кн. 811, л. 437 об.

¹⁸⁴ Стб. 446, л. 415; кн. 902.

¹⁸⁵ Стб. 446, л. 414; кн. 593, л. 306 об.

низовать кирпичное производство. Был оборудован убогий кирпичный завод. «К кирпичному делу» было сделано шесть шаек и куплен один ушат. Работали на заводе 12 ссыльных, получавших на корм «по 2 деньги человеку» (по копейке); кроме того, им выдано было 4 чети муки ржаной и 1 пуд соли. Завод этот имел временный характер, функционировал дней 10 и по миновании надобности прекратил работу.

Такой же временный характер имел, по-видимому, и другой казенный завод, функционировавший в том же году, — «прядильня». В ней выделялась бечева для судов, в которых служилые люди ездили на службу в острожки; «на бечевное дело» отпускались от казны деготь и смола.

Глава V

УПРАВЛЕНИЕ КРАСНОЯРСКОМ В XVII в. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

1. ТОМСКИЙ И ЕНИСЕЙСКИЙ РАЗРЯДЫ

Административное устройство Красноярска в течение XVII в. подверглось некоторым изменениям. После того как кончился срок службы Андрея Дубенского, на его место назначен был на правах самостоятельного воеводы Архип Акинфьев¹. Однако, как сказано, уже в 1630 г. возник вопрос о низведении Красноярска на положение острожка, подчиненного Енисейску, иными словами, о лишении его самостоятельного административного значения, а потому и посылка туда воевод из Москвы была временно приостановлена. Когда же, после некоторых колебаний, вопрос о существовании Красноярска, как центра независимого уезда, был разрешен положительно, в 1632 г. из Москвы туда был командирован новый воевода, Никита Иванович Карамышев². Одновременно с тем Красноярск был приписан к основанному в 1629 г. Томскому разряду.

Устройство в Сибири больших округов (разрядов), объединявших под главенством одного главного города другие второстепенные города, нарушало существовавшую в европейской части государства систему подчинения отдельных городов непосредственно центральным учреждениям, но это было вызвано местными условиями отдаленной колонии, эксплуатация которой не могла осуществляться с достаточной эффективностью из Москвы. Отдаленность от центра, затруднявшая не только плановую организацию эксплуатации и контроля, но и возможность своевременного выполнения экстренных мероприятий, уже с первых шагов присоединения Зауралья определила необходимость создания крупных административных центров здесь, на месте. Сначала такую роль должен играть г. Тюмень; позже роль столицы Сибири перешла на «царствующий град» Тобольск, который сохранял свое исключительное положение в Западной Сибири в течение не только XVII в., но и последующего времени³. Однако по мере расширения русских владений, ввиду невозможности управлять из одного центра разросшейся территорией, из Тобольского разряда был выделен Томский разряд в составе уездов Томского, Сургутского, Нарымского, Кетского, Енисейского и Кузнецкого. Естественно было подчинить томским воеводам и Красноярский уезд.

Позже, в 1677 г., из Томского разряда был выделен новый разряд, Енисейский, которому подчинены были Енисейский, Мангазейский, Красноярский и Иркутский уезды.

Роль «разрядных» воевод в отношении подчиненных городов не была отчетливо установлена. С одной стороны, они должны были контролировать деятельность местных воевод, с другой — оказывать им всяческое

¹ СГГид, т. III, № 78, стр. 299—304.

² Наказ ему см. Сиб. прик., стб. 30.

³ Об организации управления Тобольским разрядом в XVII в. см. работу С. В. Бахрушина «Воеводы Тобольского разряда в XVII в.» — С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1.— *Примечание редакции.*

содействие. Местные воеводы не лишались самостоятельности в текущей деятельности. Обо всех делах они должны были писать в Томск, но вместе с тем сохраняли право и даже обязанность сноситься и непосредственно с Москвою. Распоряжения по вопросам, возбуждаемым местными воеводами, обычно давались из Москвы через Томск, но бывали случаи, когда они направлялись и прямо на места. Приходилось считаться и с тем, что «разрядные» воеводы не обладали никакими реальными средствами ни для понуждения местных воевод к исполнению законных требований, ни для удовлетворения нужд подчиненных им городов. Отсюда вытекали постоянные недоразумения между «разрядными» воеводами и местными, усугублявшиеся благодаря вмешательству в междудеятельностные распри служилых людей главного и подчиненных городов. Томским служилым людям воеводы городов, входивших в состав Томского разряда, представлялись «холопами» томских воевод, а их гарнизоны — киштымами Томска. Наоборот, местные воеводы видели бесчестье в своем подчинении разрядному воеводе и жаловались на полное невнимание к их заявлениям с его стороны.

Отпуская в январе 1632 г. Н. И. Карамышева на воеводство в Красноярск, Сибирский приказ уведомил томских воевод от имени царя, что «велено ему о всяких наших делах писати к вам в Томской», «а о которых... делах об указах Микита Карамышев учнет к вам писати, и вы б к нему указ наш посылали»⁴. Так определялись взаимные отношения между воеводами томскими и красноярскими. Все сложные вопросы, выходящие из ряда обыкновенных, должны были рассматриваться в Томске; распоряжения томских воевод являлись обязательными для красноярских воевод «указами»⁵.

В первую очередь томские воеводы обязаны были заботиться о военной безопасности далекой красноярской окраины. По «вестям» о грозящих нападениях со стороны неприятеля красноярские воеводы должны были писать в Томск о подмоге — о «прибавочных ратных людях» и о «наряде» (артиллерии)⁶. В делопроизводстве красноярской съезжей избы мы имеем очень много обращений за военной помощью к Томску. Недостаток военных сил в самом Томске и систематическое противодействие томских служилых людей, упорно отказывавшихся идти на подмогу красноярцам, препятствовали томским воеводам исполнять свою насущную обязанность в отношении Красноярска, что вызывало неоднократные жалобы со стороны красноярских воевод. 22 февраля 1646 г. в Томск поступила отписка из Красноярска от воеводы Петра Ануфриевича Протасьева о том, что им получена 29 января 1645 г. из Москвы грамота с приказом о походе на братских людей вместе с томскими служилыми людьми. Протасьев писал об этом в Томск, но ратных людей из Томска в Красноярск не прислали. Он требовал присылки вспомогательного отряда в 200 чел. Томские воеводы, князь Осип Иванович Щербатой и Андрей Афанасьевич Молвянинов, предложили томским служилым людям выбрать из своей среды 200 чел., но те категорически отказались под предлогом, что им не выдано жалованье. 26 апреля Протасьев прислал нарочного гонца с «вестовыми отписками», «что де братские многие люди стоят в скопе и хотят идти войною в Красноярский уезд», и просил о присылке из Томска ратных людей «для вспоможения... вскоре». Не дождавшись ответа, он отправил новую отписку, полученную в Томске 21 июня 1646 г., в которой язвительно писал в опровержение домогательств томских служилых людей:

⁴ Стб. 30, л. 554.

⁵ Стб. 712, л. 84.

⁶ Стб. 89, л. 262

«В Красноярском де, государь, остроге служилые люди в прошлом 153 (1644/45 г.) ходили на твою государеву службу без твоего государева жалованья, да на нынешний 154 (1645/46) год не пожалованы ж, а хлебным, государь, жалованьем многие служилые люди в Красноярском остроге не пожалованы ж, а в твоей де государственой службе тем не отказывают, всегда де на твою государеву службу готовы». Томские воеводы снова призвали служилых людей, но те отвечали: «Только де ты их, государь, пожалуешь вперед на 2 года, и они на твою государеву службу готовы, а ныне де им на твою государеву службу подняться нечем». Одновременно томские служилые люди подали челобитную, в которой инсинуировали, что весь поход на братских людей затеян зря, что Протасьев «с братскими людьми задрался для своей бездельной корысти и братских ясырей» (пленников), не дождавшись «подлинного государева указу»; что от этого могут быть самые печальные последствия, так как «братских людей много, во всех улусах тысяч 70», по сравнению с ними «киргизских людей...десятой доли нет, гораздо мало, а как... Протасьев и ратные люди братских людей задрали войною... и задор учинили для своей бездельной корысти, и от тех, государь, братских людей и киргизские люди опасаются гораздо, а чают от них на себя приходу»⁷.

Халатное отношение томских воевод к вопросам защиты подчиненных городов, на которое непрестанно жаловались воеводы Красноярского и Кузнецкого уездов, находившихся в особенно опасном положении от киргизов и калмыков, вызывало неоднократно недовольство Москвы. В 1638 г., ввиду жалоб красноярского воеводы на неприсылку войск из Томска, князю Ивану Ивановичу Ромодановскому с товарищи из Москвы послали выговор, «куда им велено по государеву указу на изменников посылать, не послали, а где посылать не велено, на Лену реку и далее..., и они туды без государева указу служилых 54 человек послали собою». В 1683 г. из Сибирского приказа в Томск к князю Андрею Михайловичу Кольцову-Мосальскому отправлена была грамота еще более вразумительного содержания: «чтоб он, будучи в Томском, прочитал наказ почасту и памятовал великих государей дело, и делал с раденьем, и города, которые ведомы к Томскому, великих государей разными людьми оберегать, и порох и свинец в те города посылать, чтоб над теми городами порухи не учинилось»⁸.

Кроме военной помощи, на томских воеводах лежала забота о развитии хлебопашества в Красноярском уезде, в каковых целях им предписывалось снабжать красноярских воевод необходимыми средствами. При назначении Н. И. Карамышева в Томск был послан указ о том, чтобы «крестьянам, которые на Красном Яру прибраны вновь и вперед учнут прибираться, на подмогу и на семена хлеб... посылать из Томского города»⁹. Этот вопрос, менее острый, чем вопрос о военной помощи, служил тоже поводом для оживленной переписки между Красноярском и Томском, и красноярские воеводы жаловались постоянно на безрезультатность их обращений в Томск о подможных деньгах на крестьян¹⁰.

После подчинения Красноярска Енисейску мы находим указания и на организацию таможенного дела в нем при содействии разряда. С 1687 г. енисейский воевода посылал в Красноярск в таможенные головы когонибудь из енисейских посадских людей, снабдив его «наказною памятью»;

⁷ Стб. 252, лл. 22—50.

⁸ Стб. 712, лл. 84, 199.

⁹ Стб. 30, л. 554.

¹⁰ Стб. 446. л. 413.

по окончании срока службы голова отчитывался перед ним и привозил «для счёту» книги в Енисейск, откуда они уже «с очисткою» (т. е. проверенные) направлялись в Москву¹¹.

В общем итоге содействие Томского разряда Красноярскому было невелико. Гораздо более действенной была другая сторона деятельности томских воевод — их роль как органа контроля. В этой сфере томские воеводы проявляли свою власть различными путями. Во-первых, им принадлежала ревизия финансового делопроизводства Красноярска. Местным воеводам предписывалось посылать в Томск денежные и хлебные сметные и пометные списки (т. е. отчеты по приходованию и расходованию денег и хлебных запасов и сметные предположения на следующий год) и все книги, служившие оправдательными документами к ним. Впрочем, это прохождение через руки томской администрации финансовой отчетности Красноярска являлось, по-видимому, формальностью, так как никаких признаков действительной проверки ее в Томске мы не находим.

Далее, в силу отдельных указов, томская администрация присылала в Красноярск своих агентов для проведения тех или иных мероприятий, в частности переписей. Так, в 1647 г. для выяснения наличия в Красноярском уезде людей, не несущих ни тягла, ни службы, был прислан томский сын боярский Василий Былин, который и переписал «казацких отцов и братию и гулящих людей»¹².

Позже такие переписи производились лицами, присылавшимися из Енисейска; так, в 1687 г. «для писцового земельного дела» приезжал енисейский сын боярский Марк Вындомский, работа которого тоже вызвала на месте много нареканий¹³.

Чаще всего контроль томских воевод выражался в производстве сысков по жалобам на действия красноярской администрации и по другим делам, выходящим из ряда обыкновенных. Так, по жалобе енисейского воеводы Афанасия Пашкова на действия красноярских служилых людей в Москве было постановлено послать в Томск грамоту с приказанием «про то сыскать» и наложить наказание на красноярского сына боярского Михаила Ярлыкова. В 1653 г. из Томска был прислан пятидесятник Дмитрий Иванович Вятка для подлинного сыска в государевом деле. В 1666 г. поголовный сыск о подьячем Василии Еремееве производил томский сын боярский Матвей Кулаковский и т. д. По случаю взаимных обвинений красноярских служилых людей, вызванных неудачей похода на братских людей в 1636 г., в Москве состоялась резолюция: «отписать в Томской против обеих челобитен, сыскать накрепко, да тот сыск прислать к государю к Москве»¹⁴.

Право контроля, которым пользовались воеводы Томского разряда в отношении своих красноярских коллег, при недостаточной выясненности взаимных между ними отношений приводило неоднократно к столкновениям между ними. В 1653 г. красноярский воевода Михаил Федорович Скрябин «государева указу и томской отписки не послушал» и не выдал присланному из Томска пятидесятнику Дмитрию Вятке двух подьячих, которые затребованы были к сыску в Томск: «Не дам де я, — заявил он, — с Красного Яру никакого человека, не токмо что подьячих, а то де присылает ко мне стольник и воевода Никифор Осипович Нащокин с товарищи своим умыслом для своей бездельные корысти, а яз де таков же

¹¹ Стб. 1067, лл. 118—120.

¹² Стб. 292, лл. 6—14.

¹³ См. кн. 1504.

¹⁴ Стб. 466, лл. 1, 250 и сл.; стб. 380, л. 106; стб. 90, л. 274 об.

воевода, что и Никифор Нащокин, а того де у меня указу нет, что людей с Красного Яру давать». Дмитрий Вятка возразил не без едкости: «Буде ж Михайла Федорович таков, что Микифор Осипович Нащокин, и ты бы сидел в Томском городе. Государева указу и томской отписки не слушаешь напрасно, а только мне, Митке, ведомо, что преж сего сидел воевода Василий Отяев в Кетском остроге, и он местничался с стольником и воеводою со князем Семеном Васильевичем Клубковым-Масальским, и тот де воевода Василий Отяев за то был бит батогами многожды и в тюрьме сидел». Эти слова так рассердили Скрыбина, что он хотел было бить кнутом томского посланца и не велел ему давать подворья, и смилостивился только благодаря заступничеству красноярских атаманов. Однако, прожив четыре дня на Красном Яру, Вятка должен был уехать без всякого результата¹⁵.

С учреждением Енисейского разряда енисейский воевода унаследовал все права и обязанности томских воевод в отношении Красноярска. Но зависимость Красноярска от Енисейска, благодаря большей близости последнего, оказалась гораздо более реальной, и это неизбежно должно было вызвать реакцию со стороны красноярской администрации.

Еще до образования разряда енисейская администрация имела известные обязательства относительно своего окраинного соседа. На нее возлагалось доставление денег и продовольствия, а также некоторые обязанности по организации государевой пашни. В отдельных случаях енисейские вспомогательные отряды дрались бок о бок с красноярцами.

С другой стороны, близость к резиденции главы разряда и постоянные поездки туда красноярцев по делам служебным и личным способствовали тому, что недовольные действиями воевод имели всегда возможность непосредственно обращаться с жалобами в Енисейск, чем облегчалось дело контроля. Тщетно стремилась красноярская администрация помешать таким сношениям ее подчиненных с разрядным воеводою, не останавливаясь перед самыми решительными мерами, тем более, что сама она упорно отказывалась признать самый факт своего подчинения Енисейскому разряду.

В достаточной мере независимые под властью Томска красноярские воеводы не могли безропотно сносить постоянное вмешательство в их дела енисейских воевод и то и дело оказывались «непослушны» приказаниям, шедшим из Енисейска. Как общее правило, они отказывались высылать по требованию енисейских воевод своих подчиненных к следствию в Енисейск и всячески стремились уклониться от исполнения законных требований, шедших из Енисейска.

Упорную борьбу с притязаниями разряда вёл Григорий Иванович Шишков, систематически не выполнявший енисейских предписаний. Получив распоряжение князя Константина Осиповича Щербатого отправить в Москву с государевою казною сына боярского Тита Саламатова, он его не послушал, послал иного и подорожную дал мимо Енисейска до Москвы, «и тем де его, боярина и воеводу, обесчестил». Но с боярином и князем Шишков еще церемонился; когда же был назначен в Енисейск простой стольник, как он сам, Степан Афанасьевич Собакин, то Шишков прямо заявил енисейскому подьячему Федору Клепикову, приехавшему в Красноярск для производства сыска по некоторым делам, что он «против енисейских отписок из Красноярского никого не даст и отписок слушать не будет и указу де такого нет, что ему быть у него, Степана, в разряде, да и

¹⁵ Стб. 446, л. 1 и сл.

быть де ему, Григорию у него в разряде не доведется для того, если де ему, Григорию, у него в разряде быть, за то де родственники его, Григорьевы, на Москве будут его бранить и в дома к себе не пушать, а будет кто впредь из Енисейска в Красноярской для высылки каких людей, тех де присыльных людей он, Григорий, будет бить кнутом и держать за караулом до указа великих государей и о том де будет писать об указе к Москве»¹⁶.

Не ограничиваясь пассивным сопротивлением, Григорий Шишков попытался совершенно стряхнуть с себя власть Енисейска¹⁷. В марте 1686 г. в Красноярске на него объявил «государево дело» сын боярский Федор Айканов и заявил, что ему он ничего не скажет, «а скажет де он, Федька, про великих государей дело в Енисейску в приказной избе стольнику и воеводе Степану Афанасьевичу Собакину и чтоб де его... отослать в Енисейск». Шишков отказался наотрез и сказал, что он сам будет о том писать в Москву, «а в Енисейск де его, Федьку, не отпустит для того, что он, Григорий, у стольника и воеводы у Степана Афанасьевича Собакина не в разряде и ни в чем де его он стольника и воеводу Степана Афанасьевича Собакина не слушает, и сам де он, Григорий, его, стольника и воеводу, честнее». Присутствовавшие при этом служилые люди стали настаивать на отправлении Ф. Айканова в Енисейск, но Григорий Шишков стоял на том, что он Собакину «не подсуден». На это служилые люди с своей стороны заявляли, что «Красноярской — под Енисейским разрядом» и что они «указу великих государей непослушны быть не хотят». Федору Айканову дали возможность бежать в Енисейск, и дело получило законный ход. В самый разгар следствия мимо Енисейска плыл в Москву сын Григория Шишкова, Степан. При досмотре его багажа таможенными властями нашли у него зашитую в «тюшаке» отписку на имя государя. Тогда же находившиеся в Енисейске красноярские челобитчики на Григория Шишкова во главе с Федором Айкановым били челом в приказной избе, что в найденной отписке «написано ваше великих государей именованье, и запечатана вашей, великих государей, печатью, и он Степан Шишков, не сохраняючи вашего великих государей именованья и печати, чинил ругательство на той отписке... спал и на ней сидел». Допрошенный по этому поводу Степан Шишков не отрицал, что отец его зашил в тюшак отписку, «а как де он в Енисейск поплыл, и отец де его ему приказывал, чтоб де он на том тюшаке не спал до Енисейска, а как де он, Степан, из Красноярского в Енисейск плыл, и на том де тюшаке он не спал... А отец де его... велел ему, Степану, с тою отпискою ехать мимо Енисейска к великим государям к Москве, а как бы де он, Степан, мимо Енисейск провез, и ту бы отписку он, Степан, из того тюшака вынял и подал на Москве в Сибирском приказе»¹⁸. Вопрос о том, пользовался ли молодой Шишков тюшаком как постелью, остался невыясненным, но свидетельскими показаниями было установлено, что он на нем сидел. Что касается отписки, то оказалось, что это было донесение в Москву с мотивированными жалобами на действия енисейского воеводы С. А. Собакина. В этой отписке Григорий Шишков доказывал формальными соображениями основную мысль о своей неподсудности Степану Собакину. «А по вашему великих государей... указу и по наказу, каков мне, холопу вашему, наказ дан на Москве из Сибирского приказу, велено мне, холопу вашему, о ваших великих государей великих делех писать

¹⁶ Стб. 998, лл. 3, 5.

¹⁷ Стб. 980.

¹⁸ Стб. 980, л. 132 и сл.

к вам, великим государям, к Москве и в Енисейск к вашему, великих государей, боярину и воеводе князю Константину Осиповичу Щербатого... а как приехал на вашу великих государей службу... на князь Константиново Осиповича Щербатого место стольник и воевода Степан Собакин, и ко мне, холопу вашему, в Красноярской вашего великих государей указу не бывало, что мне, холопу вашему, писать о всяких делех и о посылке Красноярских жителей к нему Степану Собакину в Енисейск».

Но не это кляузническое крючкотворство подчиненного, желающего избавиться от необходимости подчиняться воле начальства, интересно для нас. В отписках Г. Шишкова интересна попытка точно установить принципиальное разграничение компетенции разрядного воеводы и его собственной. Он обвиняет Собакина в том, что тот, во-первых, действует в Красноярском уезде «мимо Красноярска» и тем его «теснит и гоняет напрасно», иначе говоря, что Собакин превышает власть, нарушая иерархию административных отношений. Далее Шишков доказывает (вполне справедливо по существу), что право надзора не дает права вмешательства в текущую административную деятельность подчиненного города. «Присылал он, Степан Собакин, из Енисейска приказные избы подьячего Федора Клепикова,— пишет Г. Шишков,— допрашивать Красноярских жителей мимо меня, холопа вашего, в истцовых дел (т. е. в гражданских.— С. Б.), и такого вашего великих государей указу не бывало, что подьячему над нами, холопи вашими, над воеводами, ведать, и то он, Степан Собакин, сделал за вашим великих государей указом... Да в истцовых, государи, делех, за челобитьем градских людей, не посылал я, холоп ваш, в Енисейск к нему, Степану, Красноярских служилых Тита Саломатова с товарищи, и он, Степан, писал ко мне в Красноярской, будто не посылал для своих корыстей, да и во многих, государи, своих отписках он, Степан, меня, холопа вашего, бесчестит и теснит и гоняет напрасно и истцовые дела у меня, холопа вашего, отымают за вашим великих государей указом, чего, государи, в наказе не написано, и Красноярских жителей емлет к себе в истцовых делех от ваших великих государей дел».

В заключение Шишков приводил практические соображения, почему ему для пользы дела нельзя исполнять приказание енисейского воеводы о высылке Красноярцев на суд в Енисейск. «И по тем его иным отпискам я, холоп ваш, иных не посылал потому, государи, что Красноярской город украинной и малолюдной, а прилегли немирные землицы многие». Он доказывал далее, что посылки енисейских детей боярских в ясачные волости Красноярского уезда приводят лишь к разорению ясачных, и заканчивал патетической просьбой об отставке. «Велите, государи, меня переменить, потому что мне, холопу вашему, с ним, с Степаном Собакиным, быть невозможно... и не велите, государи, ему, Степану, меня, холопа вашего, за моим челобитьем теснить».

Шишкова сменил Игнатий Васильевич Башковский, Собакина — Григорий Васильевич Новосильцев. Но борьба продолжалась и при них. В 1688 г. воевода Игнатий Башковский не позволил пятидесятнику Михаилу Абалакову, присланному из Енисейска Новосильцевым для следствия по поступившим извещениям, произвести сыск и при многих людях в приказной избе сказал ему, что не только не даст ему «разыскивать и допрашивать», но вообще «ни о чем в Енисейск отписываться не будет, потому что де все Красноярцы послали к... великим государям челобитчиков, чтоб Красноярскому под Енисейским разрядом не быть, и хотел де его, Михайла, бить кнутом, да и впредь бы де в Красноярской ни для каких сыскных дел он, Григорий Новосильцев, никого не присылал, а буде

пришлет, и тех де людей будет он бить кнутом», и выслал Абалакова обратно в Енисейск¹⁹.

Когда в конце 1687 г. оказалось, что присланный из Енисейска в Красноярск «смерок» ведра, по которому должен был производиться прием вина, разнствует с имевшимся в Красноярске официальным образцом ведра, и Новосильцев потребовал присылки «смерка» в Енисейск для проверки, то Башковский отвечал ему грубо, что «тех спусков послать к тебе нельзя, потому что ты их переменишь», «а буде тебе свидетельствовать те слуски и сводить надобе, и тебе б кого пригоже... о присылке ко мне в Красноярской для подлинного свидетельства учинить по указу великих государей. А о том о всем буду я писать великим государям к Москве». Оскорбленный Новосильцев писал царям Ивану и Петру: «А по указу отца вашего..., и брата вашего... и по вашему, великих государей, указу и по грамотам, послан я, холоп ваш, на ваши службы и, будучи на тех службах, служил... со всяким радением в правду и никакой неверности и лжи от меня, холопа вашего, ни в чем в ваших, великих государей, делех не объявилось. И ныне меня, холопа вашего, воевода Игнатий Башковский в отписке своей тем лаает и пишет от себя во многих отписках с указом; а по вашему великих государей указу красноярским разрядом ведать и к нему с указом писать от себя — мне, холопу вашему»²⁰.

В 1686 г. енисейский воевода С. А. Собакин воспользовался в отношении Г. Шишкова предоставленным разрядом правом временного смещения подчиненного воеводы. К этому его побудили как открытый отказ Шишкова в подчинении разряду, так и особенно ряд постуливших на него жалоб и челобитных красноярцев с требованием его удаления. Из Енисейска был послан в Красноярск «для розных великих государей дел и для расправы меж всяких чинов людьми стольника и воеводы на Григорьево место Шишкова» енисейский сын боярский Иван Погирский. Прибыв в Красноярск, он, согласно инструкции, взял с собой красноярских «лучших» детей боярских и пятидесятников и «иных многих служилых людей» и, придя с ними в приказную избу, подал Григорию Шишкову енисейскую отписку, в которой говорилось, что «по указу великих государей и по наказу и многому челобитью красноярских всяких чинов русских людей и иноземцев и пашенных крестьян велено его, Григория, для сыскных великих государей и челобитчиковых дел с воеводства переменить, а до указу великих государей на его, Григорьева, месте велено в Красноярском быть... [ему] Ивану». Шишков, «высмотря енисейскую отписку и выслушав указ», заявил, что он «переменить себя... [ему] не дастся», печати и города не сдаст и ни в чем не распишется и «енисейских де отписок не слушает, потому что де ему, Григорию, с стольником и воеводою Степаном Афанасьевичем Собакиным в разряде быть невозможно, а для чего де быть невозможно, и то де скажет он, Григорий, великим государям на Москве, а как де будет великих государей указ и грамота с Москвы и кто де приедет на его, Григорьево, место в Красноярской на перемену новый воевода, и он де с ним во всем распишется». Погирский запросил Енисейск, как ему действовать дальше, а Шишков продолжал распоряжаться в Красноярске как хозяин, выдавал вино на кружечный двор и готовил соболиную казну к отправке в Москву. 13 июля из Енисейска к Погирскому была послана память с предписанием собрать красноярских лучших детей боярских, атаманов, пятидесятников и десятников, рядовых конных и пеших служилых людей, татар, посадских торговых людей

¹⁹ Стб. 1067, лл. 269—270.

²⁰ Стб. 1067, л. 106 и сл.

и «сказать им великих государей указ, что указу великих государей... стольник и воевода Григорий Шишков учинился непослушен, что он против отписки стольника и воеводы Степана Афанасьевича Собакина тебе, Ивану, Красноярского острогу и ключей и великих государей печати и книги уложенной и никакой... казны и дел не отдал, и стольник и воевода Степан Афанасьевич Собакин велел, по наказу и по сей памяти, тебе, Ивану, взяв с собой их, красноярских разного чину людей, итить в приказную избу и, пришед в приказную избу, и при них... печати великих государей... досмотреть, и ту печать и книгу уложенную и... всякую казну и острожные ключи и великих государей грамоты и всякие приказные дела и все против наказу принять и переписать на роспись имянно».

Впрочем, апеллируя к населению Красноярска, предлагалось еще раз обратиться к Шишкову с приглашением присутствовать при приеме дел в приказной избе; в случае же упорства с его стороны следовало ограничиться тем, что присутствующие при приеме красноярцы, в качестве понятых, подпишутся, а иноземцы приложат знамена под росписью, «и впредь его, Григория Шишкова, ни для чего в приказную избу пускать не велеть, чтобы он каких дел великих государей к себе не взял».

Получив «память», Погирский 24 июля исполнил все, как было приказано, но встретился с неожиданным препятствием. Оказалось, что Григорий Шишков «преж указа» взял к себе красноярскую печать «в малом ящике» и ясачные примочные книги, т. е. все наиболее существенное, без чего Погирский фактически не мог приступить не только к важнейшей функции воеводы — отправке соболиной казны в Москву, но и вообще к исполнению своих обязанностей. Посланные на двор к низложенному воеводе служилые люди получили от него категорический отказ подчиниться распоряжению из Енисейска — «я де в приказную избу нейдю и печати великих государей и книги уложенной и всякой... денежной и ясачной казны и всяких дел великих государей Ивану Погирскому не дам и ни в чем с ним, Иваном, не расписываюсь».

Погирскому оставалось переписать в приказной избе оставшиеся там дела, но и тут оказалось, что ящики, в которых хранился архив за прежние годы, и большой ящик, в котором обыкновенно хранилась печать, запечатаны печатью Григория Шишкова, и Погирский не посмел их вскрыть в его отсутствие, чтобы он его в чем-либо не обвинил. В конце концов дело ограничилось тем, что к приказной избе был поставлен караул, чтобы не допускать в нее бывшего воеводу, но в тот же день Григорий Шишков приходил к приказной избе со своими людьми и у сеней двери ломал, бранил караульщиков «неподобною бранью», грозил им «смертным убивством» и говорил, «что де велю их, служилых людей, перерубить всех»; один из его людей «сквозь двери» «колол их ножом». Таким образом, борьба за приказную избу приняла характер почти вооруженной стычки.

В столкновениях красноярской администрации с енисейской красноярцы были обычно на стороне последней, видя в ней защиту от воеводских притеснений, а иногда и опору своим притязаниям. В 1686 г., когда произошел конфликт между Шишковым и Собакиным, красноярские служилые люди подали челобитную, в которой писали: «И мы, холопи ваши, вашего великих государей указу не ослушаемся и под Енисейским разрядом... стольнику и воеводе Степану Афанасьевичу Собакину по вашему великих государей указу и впредь подсудны и послушны»²¹.

Несмотря на вхождение Красноярска в независимый разряд — Том-

²¹ Стб. 980, л. 49.

ский или Енисейский, верховный Сибирский разряд — Тобольский — имел высшее наблюдение и над Красноярском. В исключительных случаях тобольским воеводам поручалось производство следствия по делам, в которых оласались пристрастия со стороны непосредственного начальства над Красноярском. Так, в 1693 г. для сыска о насилиях, производившихся красноярскими служилыми людьми при проездах по территории Енисейского уезда, было предписано из Тобольска послать в Красноярск сына боярского и о результатах розыска уведомить Сибирский приказ²². Но участие Тобольска в делах Красноярска выражалось главным образом в мероприятиях по военной обороне далекого украинного города. С самого основания на Тобольске лежала обязанность по защите зауральской колонии в целом от внешних неприятелей. Эта обязанность осталась на Тобольске и после того, как основаны были обособленные от него разряды. Поэтому в минуту крайности из Томска обращались в Тобольск с просьбой о посылке служилых людей «на легких стругах» в Красный Яр. Точно так же и из Москвы при известии об опасности, грозившей Красноярску, писали о посылке в Красноярск вспомогательного отряда к тобольскому воеводе, как это имело место в декабре 1667 г. При Петре Годунове забота об усилении красноярского гарнизона и набор новых военных контингентов для этих целей был опять возложен на Тобольск. Вопрос о постройке острога на р. Абакане для защиты подходов к Красноярску при князе Иване Борисовиче Репнине рассматривался также в Тобольске²³. И в хозяйственных вопросах руководство нередко предоставлялось Тобольскому разряду; так, тобольским воеводам была поручена организация слюдяных промыслов в Красноярском уезде²⁴.

2. ВОЕВОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Назначение на воеводство в Красноярск, как и в другие города, рассматривалось как способ вознаграждения за служебные заслуги. Так, Андрей Андреевич Бунаков в 1648 г., ходатайствуя о назначении в Красноярск, ссылаясь на то, что он служит царю Алексею и его отцу 50 лет и «кровь свою за вас, государей, проливал на многих боях, ранен был многожды и в осадех сиживал, а в воровстве и измене не бывал и ни к какому дурну не приставал», и просил на этом основании пожаловать его «за службу и за кровь и за полонное терпенье и за осадное сиденье, велеть быть на государевой службе в Сибири на Красном Яру». Его преемник Матвей Осипович Аничков тоже указывал в своем ходатайстве на то, что служит на государевой службе 17 лет. Другим мотивом назначения служила бедность просителя. Андрей Бунаков пишет в челобитной: «А поместейце за мною худое, службу с того поместейца с сынишком две службы и на Москве живем без съезду». Аничков со своей стороны мотивировал свое ходатайство в 1650 г. тем, что в предшествующие годы (в частности, в знаменитый пожар 1648 г.) у него в Москве сторели в Чертолье два двора; он просил государя его пожаловать «для своего государьского многолетнего здравия и за службишку и за пожарное разорение» и велеть быть воеводою на Красном Яру, «чтоб мне, холопу твоему, с таких пожаров и досталь не обеднеть». Итак, назначение на красноярское воеводство в ряде случаев являлось средством поправить расшатанное имущественное состояние беднейших представителей тогдашнего господствующего класса²⁵.

²² Стб. 1214, л. 299 об.

²³ Стб. 513, л. 101; стб. 886, лл. 211, 215.

²⁴ Стб. 1081.

²⁵ Стб. 89, лл. 212, 233.

Вновь назначенный воевода обычно ехал не один. Как общее правило, его сопровождала семья — жена и взрослые сыновья. Так, с Матвеем Аничковым, с Семеном Дурново, с Алексеем и Мироном Башковскими ехали их жены, с Григорием Шишковым в Красноярске был его сын Степан и т. д. В одном случае правительство санкционировало этот обычай, назначив в товарищи к стольнику П. С. Мусину-Пушкину его сына Алексея Петровича. Далее, воевода вез с собою многочисленную дворню: с Аничковым шло «людей дворовых, служилых и работных мужеска полу и женска» — 64 чел., с Андреем Бунаковым — «людей мужеского полу и женского и робят 50 чел.». Для содержания семьи и всей этой челяди воевода нуждался в значительных запасах, которые приходилось везти с собою из Москвы, так как в Сибири их было трудно приобрести дешево. Для продовольствования везли в большом количестве масло коровье, масло конопляное, сало свиное, полоти ветчины, солод и крупу, «пряные зелья» (в частности, перец), лимоны, мед, вино (простое и двойное, церковное, романею, ренское), уксус «ренский» и т. д. Кроме того, предоставлялось, как общее правило, приобрести в сибирских городах на свой обиход определенное количество хлебных запасов. Наконец, некоторые воеводы захватывали «дели неводные для рыбной ловли, чем питаться». Но мало было накормить семью и дворню, надо было всех одеть. Воеводы везли с собою сукна белые (сермяжные. — С. Б.) «для одежды людям» и «розных холстов на людей»; «холст середний людской на одежду» и толстый холст «хрящ», крашенину «на людей и на подкладки ферезем»; на кафтаны «людей домовых» шли и дешевые «нашивки хамьянные»; для себя везли более дорогие иностранные ткани: сукна аглинские, настрафиль и летчины, зендени, киндяки, дороги, камки, атлас, изуфрь, для шитья — золото и серебро и т. д.; на обувь себе и людям — «кожи сдубленные подошвенные», юфти кож красных и сафьянов и готовую обувь: коты и сапоги. Из других запасов брали с собою мыло «простое белое платяное» и костромское, несколько пудов воска и свеч восковых, порох и свинец, металлическую посуду: суды медные поваренные, котлы красной меди, тазы зеленой меди и т. д. Перед отъездом воевода представлял «роспись» того, что он хотел с собою взять, и начинался торг с приказом.

Под видом запасов «на свой обиход» обычно старались провезти товары, которые на месте службы рассчитывали променять на пушнину или на восточные товары, и приказ безжалостно вычеркивал и сокращал представляемую роспись²⁶. Матвеем Осиповичу Аничкову, например, на просьбу его о вывозе с собою 200 пудов меди разрешено 50; вместо 50 пудов воску — 15; вместо 20 дорог — пять; вместо 7 тыс. аршин холстов — 1200; вместо 100 юфтей кож — пять и т. д. В росписи Андрея Бунакова вычеркнуто совершенно 2 портища атласу, 2 портища камок и т. д.

Точно так же ограничены были и денежные суммы, которые разрешалось воеводам брать с собою. С Андреем Бунаковым, например, денег было отпущено 200 руб.

«Росписи» запасов воевод дают представление о хозяйстве и обстановке жизни красноярских губернаторов XVII в. На месте своей службы они стремились сохранить обиход обычного служилого двора того времени с его неизменной толпой всевозможной челяди.

Для провоза в Красноярск воеводы, его семьи и челяди, его запасов и багажа правительство предоставляло ему средства передвижения —

²⁶ Сиб. прик., стб. 89, лл. 226—238. Ср. ЦГАДА, Отдел дворцовых фондов, стб. 41764, лл. 41—42 («роспись, что к Федору Михайловичу [Мякинину] послано в Сибирь с человеком его Огафоном»).

подводы, т. е. право брать с населения определенное количество лошадей и повозок.

В 1652 г. Михаил Скрябин жаловался, что для красноярских воевод предоставляемых им «против ближних сибирских городов» 12 подвод мало, и, ссылаясь на то, что «в дальные, государь, сибирские города, по твоему государеву указу, дают подводы вдвою ближних городов», просил его уравнивать с илимским воеводою, который получил 25 подвод. Ходатайство было удовлетворено²⁷.

Первым делом по приезде в Красноярск новый воевода должен был взять у своего предшественника в съезжей избе «государеву печать», которая являлась символом воеводской власти и хранилась в съезжей избе в ящике за воеводской печатью, и принять от него город, т. е. острожные ключи, острог (укрепления) и артиллерию, причем должен был «пересмотреть на остроге, на раскатах и на башнях, наряду всякого и всяких острожных крепостей и слухов и подкопных мест и рву». Далее, он принимал соболиную и денежную казну, свинец и ядра и в житницах хлебные запасы; последние он приказывал при себе перемерить, зелье и свинец перевесить, а деньги счесть. Наконец, он принимал приходо-расходные книги, сметные и пометные списки (т. е. отчет за прошлый год и смету на будущий), «имянные книги» (списки) служилых людей, пашенных крестьян и др., государевы наказы, указные грамоты и всякие «государевы дела». Он должен был, далее, «счесть» своего предшественника по книгам во всем и проверить наличный состав гарнизона, пашенных крестьян и посадских. В случае каких-либо недочетов он должен был «доправить» на виновном все нехватящее и, «не доправя, что доведется, и не счетчи», не имел права отпустить его из Красноярска. В приеме города новый воевода расписывался со старым, и счетный список отсылался в Москву²⁸.

Приезд воеводы в Красноярск очень живо представлен в показаниях красноярского подьячего Алексея Пословина в 1698 г. Приезд этот, правда, был не совсем обычный. Стольник Семен Иванович Дурново был отозван из Красноярска в Енисейск ввиду поступивших на него жалоб, и обязанности воеводы временно исполнял енисейский письменный голова Степан Лисовский; но Дурново удалось оправдать себя, и он вновь был восстановлен в своих правах и был отпущен из Енисейска в Красноярск, где его никто не ждал. «В нынешнем 206 (1698) г.,— рассказывает Алексей Пословин,— августа в начале 2-го числа, в отдаче ночных часов приехал ко двору моему красноярский казак Митька Потылицын на верховой лошади и говорил, чтоб я шел в приказную избу для того, приехал де в Красноярской прежний воевода стольник Семен Дурново, и пришел он, Семен, в приказную избу, а его де Митьку прислал ко мне и велел мне итти в приказную избу он, Семен. И того же числа и часу пришел я в приказную избу, и в то время в приказной избе он, Семен, сидел на воеводском месте, а перед ним, Семеном, стояли подьячий Кузьма Елисеев, пятидесятник Федор Моисеев, казенные целовальники Петр Анцыфоров, Иван Шорох, сторож Олферко Степанов, а Степана Лисовского в то время в приказной избе не было». Дурново послал за ним подьячего Кузьму Елисеева, который вернулся с ответом, что он «в приказную избу будет», но воевода, не дождавшись его, пошел в собор служить благодарственный молебен, а оттуда последовал на воеводский двор. «А я де, Алешка,— продолжал подьячий,— да Кузьма Елисеев, да Федор Моисеев пошли за ним, Семеном. И Степан Лисовский вышел к нему, Семену,

²⁷ Стб. 89, л. 206.

²⁸ См. наказы, например, в стб. 89.

из другой горницы в переднюю, и стал он, Семен, с себя в передней снять платье, и в то время Степан Лисовский усмотрел на нем, Семене, на вороту государеву красноярскую печать и, взяв тое печать рукою, говорил ему, Семену, где он, Семен, тое печать взял? И Семен Дурново сказал., печать де государеву взял он, Семен, в приказной избе из ящика для того, что его, Степана, вскоре в приказ не дождался. И после того вскоре вышел он, Семен, из горницы в одном полукафтанье на переходы умываться, а Степан Лисовский и я, Алешка, вышли с ним же, Семеном, и на переходах Семен Дурново подал ему, Степану, о приезде своем в Красноярск великого государя указ и с того указа список и говорил ему, чтобы он, Степан, на списке того великого государя указу и об отдаче города и во всем с ним, Семеном, расписался. И Степан Лисовский, приняв государя указ и с указа список, о сходстве того указу с списком, с подьячим Кузьмою Елисеевым прочитал, и Степан Лисовский на списке этого великого государя указу о приемке подлинного списку [расписался]²⁹. После всего этого Дурново, отпустив красноярцев, пришедших на поклон к нему с хлебом-солью, угощал Степана Лисовского, соборного протопоча и подьячих обедом и после обеда пошел спать в мыльню.

Первым делом нового воеводы был официальный прием своих подчиненных. Он должен был, согласно наказу, призвать в съезжую избу, во-первых, всех русских людей — служилых, посадских и крестьян — и сказать им «государеву жалованное слово». Смысл этой официальной речи, всегда неизменно одной и той же по содержанию, сводился к тому, что государь всех их «пожаловал, велел их беречь», «а ему о том царского величества крепкий приказ — велено во всем ему расправу чинить в правду, и береженье держать, а воров от воровства унимать». Особо воевода принимал приезжих торговых людей. Содержание речи к этим последним было еще любопытнее. От имени царя воевода должен был заявить торговым людям, что его предшественник им чинил обиды и налоги, но что царь пожаловал их — сменил его, а вместо него прислал говорящего. Наконец, в съезжую избу призывались ясачные люди. Воевода встречал их в парадном, «цветном» платье, чтобы произвести на туземцев соответствующее впечатление, и говорил речь на тему о том, как их притеснял его предшественник, вместо которого теперь царь прислал его самого; речь заканчивалась призывом доводить до сведения администрации про «воровство» среди туземцев, если таковое будет. Прием ясачных завершался угощением, после чего их отпускали, предварительно сделав внушение о необходимости аккуратно платить ясак.

Церемония приемов и содержание речей были твердо и раз навсегда установлены в наказах. Года через два, когда появлялся новый воевода, он с тем же пафосом сообщал о том, что его предшественник грабил и притеснял своих подчиненных и что в виде милости государь назначил на его место говорящего, — заранее зная, что через два года новый воевода все это скажет про него самого. Правительство не делало себе иллюзий насчет достоинств своих слуг. Оно заранее знало, что кого бы ни назначить в Сибирь воеводою — он окажется взяточником и «разорителем». Не будучи в состоянии создать более усовершенствованную систему управления, оно отнюдь не считало себя в XVII в. обязанным покрывать своим авторитетом все злоупотребления местных властей, как это вошло в обычай позже, когда создалась мощная бюрократия, все члены которой чувствовали себя связанными как бы круговой порукой. Не в силах бороться с злоупотреблениями, правительство по крайней мере не

²⁹ Стб. 366, лл. 289—290.

лицемерило и наивно хотело отмежеваться от своих собственных агентов в глазах населения.

Население дорожило, однако, этим «жалованным словом» из столицы, видя в нем проявление внимания к своим нуждам со стороны центра. Служилые люди жаловались на Семена Дурново, что он «великого государя указу не исполнил»: «И как приехал он стольник Семен Дурново в Красноярск,— писали они в челобитной,— и не учинил нам, холопом твоим, смотру и не обнадежил нас, холопей твоих, твоим, великого государя, милостивым жалованным словом»³⁰.

Обязанности красноярского воеводы по управлению городом и уездом были изложены в «наказе» — особой инструкции, которую вновь назначенный воевода получал из Сибирского приказа. Текст наказа был общий для всех сибирских городов. Только в виде приложения к наказу приписывались «памяти» по каким-либо специальным вопросам, касавшимся данного города.

На воеводе лежали, во-первых, обязанности по военной защите вверенного города. Он должен был «береженье держать в остроге великое», «чтоб по сторожам и по караулам были сторожи крепкие», должен был проводить про внешних врагов — калмыцких тайшей и Кучумовичей, и по вестям писать в Томск о присылке ратных людей и наряда, но «задоров» с калмыками и другими туземцами «не вчинять», а в случае нападения с их стороны «поиск учинять».

Следующей основной функцией воеводского управления был сбор ясак. Воевода должен был принимать меры к призыву «немирных земель», следить за тем, чтобы ясачные сборщики не присваивали себе мягкой рухляди и не чинили насилия над ясачными людьми, «сыскивать в ясак» захребетников и недорослей и т. д. Воевода должен был также оказывать содействие торговле и следить за тем, чтобы доходы с нее в казну поступали правильно и чтобы торговые люди не нарушали ограничительных законоположений; в частности, ему предписывалось контролировать деятельность таможенных голов и ежемесячно проверять их по книгам, но в таможенные дела не «вступать». Из других обязанностей воеводы можно отметить принятие мер по развитию пашни; он назначал в деревни приказчиков и должен был наблюдать за их деятельностью; он же организовывал сбор выделного хлеба с частновладельческих земель. Одной из основных функций воеводы было производство «расправы», т. е. суда. Наконец, на воеводе лежали полицейские функции: борьба с корчемством, азартными играми и т. д. Ввиду того, что Красноярск с самого начала сделался пунктом ссылки особо важных преступников, на воеводу возлагались наблюдение над «опальными людьми» и забота об их устройстве, по возможности в пашню.

Наказы, при всей их детальности, отнюдь не могли, однако, перечислить всех дел по воеводскому управлению. Воеводе глухо предписывалось держать к населению «ласку и привет», «не жесточить, чтоб... жесточью в Красноярском ни в каких людех штатои не было», чинить «прибыли во всех статьях» и рекомендовать поступать по наказу и по прежним грамотам и наказ вычитывать «накрепко почаству».

Мы видим, таким образом, что воевода в своем лице объединял и военное командование, и полицейские функции, и судопроизводство, и финансовое управление.

Широта полномочий и фактически почти полное отсутствие контроля открывали возможность величайших злоупотреблений. Это отлично

³⁰ Стб. 366, лл 305, 197.

сознавало правительство, которое после «Мангазейской смуты» 1630—1631 гг.³¹ стало вносить в указы детальные предписания, имевшие целью обуздать сибирских воевод. Воеводам во избежание злоупотреблений запрещалось покупать хлеб у ружников и оброчников, т. е. у лиц, которые получали хлеб из казны через самого воеводу, участвовать в торговых операциях русских купцов и кредитовать их своими деньгами, покупать лошадей у служилых и калмыцких людей и «у тутошних у красноярских иноземцев», торговать с ясачными людьми, курить вино и т. д. Главную заботу правительства составляло не допускать каких-либо злоупотреблений с мягкой рухлядью; воеводам предлагалось покупать мягкую рухлядь «на гостине дворе и в торгу прямою ценою»; не позволялось покупать живых лисят для выкорма, торговым людям запрещалось провозить в Русь принадлежавшую воеводам пушнину и т. д.

Во всех этих предписаниях чувствуется одна мысль — охранить от жадности отдельных представителей господствующего класса, попадавших в Красноярск в качестве воевод, основное богатство края — мягкую рухлядь, поступавшую в казну в виде ясака и десятой пошлыны на нужды всего класса феодалов в целом. Отсюда «забота» о недопущении насилий над ясачным населением и над торговыми людьми. Другие стороны деятельности воевод подвергаются в указах гораздо менее внимательной регламентации.

3. ВОЕВОДСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

В распоряжении красноярских воевод для ведения письменной отчетности имелась канцелярия — «съезжая», или, как ее стали называть позже, «приказная изба», со штатом канцеляристов — подьячих.

Канцелярия эта сложилась не сразу. Снаряжая Андрея Дубенского на Красный Яр, ему в Тобольске подьячего не дали, и первое время канцелярские обязанности несло «войско». При Дубенском оно нанимало подьячего на свои средства. Преемник Дубенского Архип Федорович Акинфьев взял «к государеву делу» подьячего из служилых же людей»³². Позже подьячие были введены в штат.

В 1637 г. имелся один штатный подьячий, Сергей Ефремов, который получал 12 руб. жалованья. Вместе со сторожем съезжей избы Иваном Олферовым и «заплечным мастером» Григорием Яковлевым, получавшими по 4 руб., они составляли весь штат воеводской канцелярии и суда.

Несколько позже в штате состояло уже три подьячих с жалованьем по 12 руб.; в 1670 г. один из них получал 15 руб. В конце столетия работали четыре, иногда даже пять подьячих, причем старшие получали по 12 руб., а младшие — 7 и даже 5 руб. Кроме денежного жалованья, подьячим полагалось довольствие натурой: старшему подьячему — по 15 четей ржи и овса и 4 пуда соли, двум младшим — по 12 четей ржи и овса, по 6 четей круп и по 2 пуда соли. В 1698/99 г. весь расход на канцелярию выражался в 30 руб. денег, 16 четей осьмину 1 четверик ржи, столько же овса и 6 пудов соли³³.

Дела в приказной избе разделялись на три стола. В одном были сосредоточены «книги денежного и товарного приходу и расходу и расходный и денежный столп», а также челобитные, выписи и «иные какие дела»; в другом (хлебном) — «хлебного приему и расходу книги и в

³¹ О ней см. статью автора «Андрей Федорович Палицын». — С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. I, стр. 181—182.

³² Стб. 12, л. 518.

³³ Кн. 70, лл. 131—132; кн. 543, л. 119; кн. 811, л. 457; кн. 1354, л. 325 об.; стб. 1057

приеме хлебных запасов и соли и великого государя в жалованье красноярским всяких чинов служилым людям и во всякие неокладные расходы»; в ведении третьего (ясачный стол) был «денежный расход до ясачного сбора в соболиную казну»³⁴.

Воеводы испытывали большие затруднения при подыскании в канцелярию грамотных людей, знающих приемы тогдашней бухгалтерии и официальной отчетности. Приходилось обращаться и в данном случае, как и в ряде других, к наиболее образованной части населения — ссыльным, среди которых попадались иногда специалисты приказного дела, подьячие московских прикѣзов. Так, в Красноярск сослан был Посольского приказа подьячий Василий Еремеев и велено было быть ему в службе; шесть лет он был в казаках, но в 1650 г. воевода Андрей Бунаков взял его в съезжую избу к ясачному сбору и к судным и сыскным делам, о чем и писал в Москву, оправдываясь тем, «что таких людей, кого б с такое украинное твое великого государя дело стало, опричь его на Красном Яру нет». Но через 18 лет нашлись люди, которые вспомнили его происхождение. Подьячий, по поручению врагов влиятельного в Красноярске атамана Родиона Кольцова, написал на него изветную челобитную, в которой назвал его «ведомым изменником». В отместку атаман «завел на него, Василья, бунт, и городом смутил»; в Москву полетела соответствующая челобитная, и в 1666 г. из Томска, по распоряжению из столицы, был прислан сын боярский для производства сыска и выяснения, на каком основании ссыльный подьячий сидит у государевых дел. Воевода Герасим Никитин горячо защищал своего подчиненного, живо представляя затруднения, с которыми было связано комплектование канцелярии в Красноярске. Василий Еремеев, писал он, «сидит у государева дела со всеми воеводы 18 лет и о твоей, великого государя, соболиной ясачной казне и о ясачных людех радеет и работает беспрестанно, а поделки его ни в каких делах нет. А Красноярской, государь, острог самый украинный и иноземских украинных дел много, с мугальским царем и с калмыцкими тайшами и с иными ордами посольские приезды и отпуски живут частые, и с твои, великого государя, царственные и тобольские и томские отпуски его стало, а иных, государь, подьячих в Красноярском остроге нет, а которые и есть, и те бражники и с твои великого государя дела их не станет. А которые, государь, в Красноярском остроге воры объявились во многих воровствах, пытаны и кнутом биты, а иные разыскиваются, и он при всех воеводах те дела записывает и пишет к тебе, великий государь, по воеводским приказам отписки, и те воры его возненавидели, а которые, государь, добрые люди ни в каких воровствах не объявились, и те люди не челобитчики ни в чем. А буде ему в подьячих не быть, и на его место кому ты, великий государь, укажешь быти с иного города? А на Красном Яру у... ясачного сбора быть некому»³⁵.

В 1689 г. сослан был из Москвы в Красноярск в казачью службу другой подьячий, Семен Надеин, двоюродный брат знаменитого Федора Шакловитого; и он очень скоро из казачьей службы был переведен в приказную избу, где заслужил не меньшую ненависть, чем его предшественник. Сам он писал, что в приказную избу воеводы Петр Савинов Мусин-Пушкин и Алексей Игнатьевич Башковский его «имали из казачьей службы для письма в неволю, а не по моему, холопа твоего, хотенью»³⁶.

³⁴ Стб. 366, лл. 173—175.

³⁵ Стб. 380, л. 91 и сл.

³⁶ Стб. 1288, л. 253. О. С. Надеин см. «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», изд. Археогр. комиссии, т. I, СПб., 1884, стр. 878—887 и др.

Эти специалисты, которых с таким трудом выискивали в Красноярске среди ссыльной интеллигенции, по-видимому, умели использовать выгоды своего привилегированного положения. О злоупотреблениях красноярских подьячих говорят многие челобитные. Подьячие, будучи у государева дела, «забыв... государево крестное целование, чинят в государевой казне многую хитрость, указные грамоты и судные дела и поручные записи испродают и из съезжей избы выдают, и воровством своим в хлебной и в денежной казне немалую гибель чинят». Бить на них челом в Красноярске нельзя потому, что «как оне про то слышат, и то свое воровство загладят»³⁷.

При Андрее Бунакове подьячий Дементий Волков, сидевший «в хлебном столе», был обличен в том, что делал ряд неправильных записей в книге «воровством» («нехитростным делом»,— как утверждал он сам); кроме того, бражничал и зернью играл беспрестанно. Хотя злого умысла в действиях подьячего, по-видимому, не было, воевода признал, что «у государева дела быть ему нельзя», и его «за воровство от места отставил»³⁸.

В 1686 г. служилый человек Иван Суховар обвинил подьячих Семена Яковлева и Ивана Семенова в том, что они «в книгах денежных и хлебных за умерших записывают и на службу в имянные [книги] пишут и в приходных и в расходных книгах счету николи им не бывает, а ныне они в приказе с воеводою ходят и всякие дела переделают». Следствие установило, что в книгах были «многие выскребки и поправки», но не было выяснено, в какой мере это делалось злонамеренно³⁹.

Служебные подлоги могли быть до известной степени парализованы бдительным контролем над канцелярией со стороны воеводы. Но, естественно, если эти подлоги были также в интересах воевод, то последние не гнушались никакими средствами, чтобы не допустить разоблачения этих злоупотреблений.

Зато никакой контроль не мог помочь, когда сам воевода, как это не раз бывало, подпадал под влияние умного секретаря, начинал глядеть на все его глазами, и действовал «стакався» с ним.

От такого влиятельного подьячего начинались всякие «ссорные дела» между воеводою и «градскими всяких чинов людьми» и даже обострялись отношения с Енисейским разрядом. Небескорыстным руководителем своих начальников был фаворит воевод Андрея Бунакова и Герасима Никитина упомянутый подьячий Василий Еремеев, который «всякими небылыми словами смучал, и воеводы его речам верили, и нам,— жаловался сын боярский Степан Козловский,— от воевод убытки многие чинились и воевод смучал с ясачными людьми, и воеводы с ясачных татар брали посулы многие». «Наносил де на меня воеводам всякие небылые слова, и воевода де Андрей Бунаков по его Васильеву наговору сажал меня в тюрьму»,— показал посадский человек Василий Спиринов. «Воеводам на нас напрасно наносил»,— показывали крестьяне с. Бузимского. «Все войское от него плачет,— заявлял в 1666 г. ясаульский священник Дмитрий Григорьев,— делами, составленными воровски, на дома нападает, разоряет, сидит у государева дела, посулы и поминки большие емлет, и нам, священному чину, от него, вора, утеснение не малое, научал воевод на домишко мое напасти и разорити умышлением своим, и я от изгона хотел бежать с Красного Яра не по одно время. А тот вор Васька в городе нам отнюдь не надобен для ради своих воровских умыслов и составов».

³⁷ Сиб. приказ, стб. 446, л. 3.

³⁸ Стб. 380, л. 19 и сл.

³⁹ Стб. 980, лл. 6, 165.

«А от его де Васильевы изгони и наговору все мы обнищали и обедняли и деревнишек своих отстали и всякие промыслы стали», — плакались служилые люди. «Сидит на Красном Яру в съезжей избе в подьячих воровски, — показывали крестьяне Частоостровской деревни, — а нам, пашенным крестьянам, чинит пакости и налогу и тесноту большую... посулы и поминки емлет с нас большие, коньми и быками и коровами, и всяким животом житейским, и всякое зделье работаем»⁴⁰.

Понятна та неприязнь, с какой население города глядело на «уличного вора, на кровопроливца неповинной крови и на составщика письмом и подметчика», на ссыльного подьячего, «подпищика» и «воровским делам составщика»⁴¹.

Раздражение против приказных дельцов за то, что они «дела растут», нашло очень яркое выражение во время бурного 1695 г. 16 мая служилые люди пришли к приказной избе «скопом и многолюдством с ружьем, с копыи и с бердыши и с сулебами» и, схватив подьячего Семена Надеина из сеней, бросили его с крыльца на землю и были «смертным боем» и, завязав руки назад, поволокли в воду и хотели изрубить бердышами. Более благоразумные зарубить его не дали и отволокли за караул, но и на караульно приходили несколько раз и хотели его убить и бросить в воду. В тот же день вооруженная толпа приходила «скопом» к его дворишку, «жену его и детишек били, всячески ругали, замахивались ружьем и смертным убийством страшали» и разграбили все имущество. Самого его пытали и продержали за караулом и в тюрьме больше года, до 7 октября 1697 г. В промежуток была подана на него челобитная, «чтобы его за многие обиды сослать из Красноярску в дальний сибирский город»⁴².

Непременным сотрудником в воеводской канцелярии, без которого воевода не мог обойтись при исполнении своих судебных функций, был «заплечный мастер» — палач, вербовавшийся из местного гарнизона. Он получал в оплату за свой «труд» 4 руб. жалованья, 2 чети 1½ осьмины ржи, 4 чети овса и 1¾ пуда соли⁴³. Помимо жалованья, должность эта была сопряжена и с некоторыми доходами, судя по тому, что служилые люди давали воеводам взятки, чтобы добиться назначения на нее⁴⁴. Что это были за доходы, показывает жалоба конного казака Григория Плишкина, арестованного в сентябре 1695 г.: «А как его, Гришку, привели пытать, и в то де время в застенке снял с него, Гришки, заплечный мастер Пронька шубу недолисью под китайкою, опушена выдрю, цена 5 рублев, да он же заплечный мастер, да пристав Федоська сняли с него, Гришки, крест серебряный, цена 2 рубля, да денег из-за голенища выняли полтора рубля, да с него ж де взяли сапоги телятинные, цена 2 гривны, да чулки белые суконные, цена гривна, да рубашку холщевую, цена гривна ж»⁴⁵.

Последним штатным служащим канцелярии был сторож, получавший 5 руб. жалованья и тот же паек, что и палач⁴⁶.

⁴⁰ Стб. 380, л. 106 и сл.; стб. 980, л. 164.

⁴¹ Эту точку зрения на «воров подьячих, которые сосланы на пашню», разделяло и правительство. В 1700 г. было предписано подьячих, уличенных в «составах», «бив их кнутом и потём пятном городовым в спину запятив, отсечь им обеих рук пальцы, чтоб впредь к письму были непотребны, и отдать их в пашенную работу мужикам»; в случае попытки к побегу — повесить («Памятники сибирской истории XVIII в.», т. I, СПб.. 1882, № 9, стр. 38—52).

⁴² Стб. 1288, л. 247 и сл.

⁴³ Кн. 811, л. 480 об.; кн. 1057.

⁴⁴ Стб. 1417, л. 483.

⁴⁵ Там же, л. 368.

⁴⁶ Кн. 811, л. 480; кн. 1057.

4. ВОЕВОДСКИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ⁴⁷

Наказы, со всей их многоглаголивостью, конечно, не могли даже в слабой мере охранить население от притеснений и корыстолюбия воеводы. Вся система управления в XVII в., сосредоточившая в руках одного лица и судебную и исполнительную власть, способствовала развитию среди царской администрации всевозможных злоупотреблений, особенно в Сибири, где она, вдали от контроля центра, могла нарушать наказания почти безнаказанно. Если условия жизни за Уралом в XVII и XVIII вв. создали тип сибирского сатрапа, то в пограничной черте, на самом отдаленном краю русской колонизации, условия эти действовали с особой силой. Красноярский воевода выступает среди своих собратьев с исключительно яркими чертами «разорителя, грабителя и губителя».

Здесь воевода — одновременно вершитель и суда и кары — более чем где-либо в другом месте был маленьким царьком, всемогущим в гневе и беспощадным в мести.

О жестоких расправах красноярских воевод с подчиненными говорят многие челобитные. Воевода Семен Дурново «имал служилых людей в малый острог, бил их своими руками, ковал, садил в тюрьму и за караул безвинно, и в застенок водил, и стращал» и «из-за этой страсти» вымучивал у них какие хотел сказки и челобитные, а иных, сквав, отсылал в Енисейск. Так, он бил батогами конного казака Дорошку Тропина за то, что он пришел поздороваться с находившимся под арестом братом («и лежит ныне при смерти», — добавляют челобитчики); пешего казака Ивана Иконникова он бил до полусмерти своими руками за то, что он с караулу не пошел к нему «заходы чистить». По его приказанию били на смерть ясачного татарина Ахонку Калошина, «будет ли жив или нет, того не ведаем, и ясаку за него промышлять некому», — добавляли доносчики. Уверяли даже, что конного казака Алексея Смольянинова «с двора от него, Семена, с нижнего крыльца [свезли] убитого до смерти и многих людей переувечил и головы им проломал палками». Другой воевода, Мирон Башковский, сына боярского Михаила Ярлыкова «клещами жег и студеной водой обливал».

Документы живо рисуют картины арестов и обысков, производившихся по распоряжению Дурново. В одну из январских ночей 1698 г. он послал подьячих Кузьму Елисеева и Якова Муромцева с товарищи арестовать служилого человека Артемия Смольянинова. Они «у сеней и у избы двери вырубил и в избе половицу перерубили и две иконы божьи обрутали и дом его разграбили и животишки его растащили по себе, и жену и детей его обесчестили, и его, Артюшку, избил на смерть и в малый город стащили, и в малом городе воевода Семен Дурново его... своими руками бил палками и батоги на смерть и оковал руки и ноги». Многие из тех, которые опасались воеводского гнева, попрятались и жили «в побегах по лесам и по островам и по тайгам». Посланные воеводою ссыльные люди «с бердыши и с оружием» ходили по домам служилых людей, искали их по избам и клетям и вместо них забирали их жен и детей в приказную избу и сажали в тюрьму⁴⁸.

Аресты и жестокие наказания часто бывали средством удовлетворения воеводского корыстолюбия. От преследований и кар можно было от-

⁴⁷ Материалом для настоящей главы послужили главным образом сыские дела воевод Герасима Никитина (1666 г.), Григория Шишкова (1686 г.), Алексея и Мирона Башковских и Семена Дурново (1695—1698 гг.).— Сиб. прик., стб. 802, 980, 998, 366, 1288, 1417.

⁴⁸ Стб. 366 и 1417.

купиться, и можно только поражаться разнообразию взяток, которыми подданные умиловивляли своих грозных «игемонов».

Наиболее невинной формой взятки была «почесть» (т. е. добровольные приношения от подчиненных начальству), которая юридически даже не рассматривалась как взятка.

Когда новый воевода ехал по Красноярскому уезду, красноярцы разных чинов, и торговые, и промышленные, и гулящие люди, сносили ему в почесть соболей. На остановках, совсем как в древности удельный князь, он принимал дары. Когда Алексей Башковский приехал в Красноярский уезд, в деревню Алексея Ярлыкова, хозяин деревни преподнес ему хорошего соболя, ценой алтын в 20. Всего, пока он ехал, он набрал в почесть 1 сорок 23 соболя. «На приезде» в город красноярцы всякого чина, приезжие торговые и промышленные люди, и бухарцы, и подгородные служилые татары, «по обыкности своей» несли вновь назначенному сатрапу подарки соболями. Тот же Алексей Башковский получил на приеме 4 сорока 15 соболей. Семену Дурново, по приезде его, «ото всех красноярцев» привели в почесть коня, стоимостью в 10 руб.

В дальнейшем воеводе приносили в почесть соболей, лисиц и белку «в господские праздники», «на царские ангелы» и на собственные его именины. Наконец, ему и жене его делали подарки, когда они бывали у кого-нибудь из подчиненных в гостях. А. Башковский показал, что его «зывали в гости» подьячие, пятидесятники и даже рядовые служилые люди и поднашивали ему и его жене в доме у себя по соболю, и по два, и по три. Про Герасима Никитина говорили, что он «по деревням и по селам и по татарским юртам ездил пировати и для грабежу разъезжал». В почесть давали не только меха. Служилый человек Сергей Кузнецов отдал в почесть тому же Алексею Башковскому своего «ясыря» — парня «тубинского погрому». Принимали в почесть и хлебные запасы. Герасиму Никитину привозили в почесть рожь и муку туда по два и по три, за что он и потчевал вином; «а, если бы де,— оправдывался он,— посадским людем досадил, и они б де в том на него великому государю и сами били челом».

Где кончалась «почесть» и начиналась просто взятка, было не всегда легко определить. В 1695 г. служилые люди приступили к подьячему Семену Надеину с требованием, чтобы он написал для них сказку, будто Алексей Башковский отнял у них мягкую рухлядь, присланную им из Москвы в награду за «побой тубинцев». Надеин, однако, написал в сказке, что они принесли воеводе мягкую рухлядь сами, добровольно, в «почесть», а он за то их поил «разными питьи, а иные имали деньги».

Почесть была взяткой по взаимному соглашению; человек, подаривший что-нибудь в почесть, не претендовал на воеводу. Но в целом ряде случаев взятка принимала характер откровенного вымогательства. Воевода богател «служилых людей грабленными и обидными деньгами и всякими их животами».

Герасим Никитин, если верить поданной на него челобитной служилых людей, «у кого что у нас сведав, оружие доброе, лишали и платье мужское, и с жен наших с шеи ожерелье и серьги из ушей и платье, и кони, и рогатый скот, и коровы, и быки, и бараны, приметався бедами, всякие животы грабил». У воеводы были тысячи средств «вымучить» у своих подчиненных их «животы». То воевода велит служилым людям «из сел и деревень... в городе быть всем» и чинит «смотри частые, через день», и тех из них, «кто к смотру не успеет», сажает в тюрьму и мучит, пока они не выкупятся денежными и хлебными окладами, «а кому из тюрьмы выкупиться нечем», тех бьет кнутом и батогами нещадно; то берет посулы

при назначении служилых людей на должности; то заставляет на себя работать и не платит за работу «ни единой деньги». При отпуске в ясачные волости ясачных сборщиков брал с них высокие «окупы» в зависимости от доходности каждой волости; «с Удинского отпуска» Алексей Башковский взял с Трифона Еремеева 150 руб., а с Степана Иванова Верхотура еще больше — 200 руб.; за посылку в Канский острог Конон Самсонов и Федор Кольцов заплатили по 100 руб.; с камасинских ясачных сборщиков взыскивалось на много меньше — по 10 руб. с человека; Семен Дурново с ясачных сборщиков удерживал в свою пользу по 60 руб. из их жалованья. При выдачах жалованья воевода вообще склонен был оставлять себе некоторый процент: Григорий Шишков брал у посылаемых на годовую службу в Караульный острог «посулу» себе с каждого человека с рубля по 2 гривны. Воеводы брали взятки и с промышленных людей за своевременный отпуск на хмелевые и рыбные промыслы (Герасим Никитин «имал по 1 рублю денег да по пуду хмелю»).

Особенно страдали от корыстолюбия воевод туземцы, бесправные и совершенно не разбиравшиеся в законности воеводских требований. Герасим Никитин нагребил у них мягкой рухляди, куяков, лошадей, денег, ясыря на громадную сумму 1098 р. 20 к., причем «из коней да из куяков и для бобров и соболей» заморил в тюрьме трех ясачных людей. Алексей Башковский с подкочевавших под Красный Яр киргизов, под угрозой, что он выдаст их калмыцким послам, требовавшим их возвращения, взял двух коней, панцирь, шубу рысью, отнял у одного жену, у другого дочь и т. д. С ясачных людей он взял грабежом всякого имущества на 310 р. 40 к., в том числе коров и лошадей на 129 руб., мягкой рухляди на 85 руб., и т. д.⁴⁹

Способы эксплуатации туземцев были самые разнообразные. Самыми простыми были придирки при приеме ясака, вызывавшие споры, разрешавшиеся полюбовно после получения небольшой суммы. Далее, откровенно требовали «почести». Так, Герасим Никитин «накинулся нападками» на род тубинского князя Бурчана Коянова и велел «собрать на себя побор»; тот собрал ему и его семье 5 бобров и 2 лисицы на 18 р. 20 к. Брали взятки за освобождение из аманатов. Тот же Никитин захватил в город трех тубинских князцов и отпустил их, только получив с них 15 соболей на 30 руб. Он же вымогал подарки у выезжих киргизов под угрозой их выдачи. Наконец, в некоторых случаях проявлялась неимоверная изобретательность в сочинении предлогов для грабежа туземцев.

Широкое поле для злоупотреблений открывалось воеводам и близостью к «государевой казне». Особенно часто раздаются обвинения в том, что они спекулировали с денежными и хлебными окладами, пользуясь не полным соответствием штатов с наличным составом гарнизона, и брали себе «упалые и выбылые денежные, хлебные и соляные оклады, которые сотни были неполны». Такая спекуляция давала значительные доходы (при Никитине таких «упалых» и «выбылых» окладов насчитывалось до 40). Однако воеводы не брезгали и самыми ничтожными прибылями за счет казны: Григорий Шишков поставлял дрожжи на государеву винокурню по цене выше рыночной («за всякое ведро имал из государевы казны по гривне, а у градских людей можно де купить ведро дрожжей по алтыну»).

Воеводы пользовались своим положением для курения вина и незаконной торговли им. Это делалось, конечно, негласно, но все об этом знали. На воеводском дворе, где-нибудь на чердаке, под крыльцом, в чу-

⁴⁹ См. Сыскные дела про воевод. Сиб. прик., стб. 802, 980, 1317, 1417.

лане или «за хоромами под башнею», воеводские люди продавали вино всем желающим. В 1686 г. сын боярский Федор Айканов, взятый за караул, «с печали своей посылал к воеводе на двор купить вина к людям его с караулу караульщикова».

В 1688 г. постулил донос, что расход государеву вину на кружечном дворе потому «чинится мал», что у воеводы Игнатия Башковского на дворе в подклетьях торгуют вином его люди, Григорий повар и Филипп Андреев и ссыльный Василий Васильев, «а то де вино, покупая, пьют у них краснойярские и приезжие разного чина люди»⁵⁰.

У воевод был, однако, испытанный способ оправдания, если возникало дело о незаконном винокурении. Достаточно было сказать, что вино не продавалось за деньги, а подносилось «в почесть». Герасима Никитина обвиняли в том, что он из награбленных у служилых людей хлебных окладов «курил пива четыре поварки, и у себя на дворе кабак пивной держал, и вино продавал на денежные оклады и на хлебные и на соляные». Никитин на следствии пояснил, «как у него изошла московская присылка, и он де для своей нужды и иноземского приходу и для скорби своей вино курил и пиво варил не по одно время..., а которые де русские всяких чинов люди и иноземцы к нему в почесть приносили, и он де их за то подчивал вином и пивом, а не в продажу». Свидетели показали, что вином он поил, действительно, «в почесть», а пиво продавал по 40 коп. ведро, и служилые люди на том питье «оклады свои пропивали, и те де питухи от того обедняли, а продавали де пиво люди его Герасимовы все».

Трудно перечислить все возможные виды и формы злоупотреблений, в которых подчиненные уличали красноярских воевод, может быть, допуская и преувеличения, обобщая отдельные случайные эпизоды, иногда ставя в вину им явления, в которых они, в сущности, были совершенно невиновны, вроде несвоевременной доставки хлебного и денежного жалованья, и выражая в своих многочисленных челобитных одну мысль, с которой и правительство было совершенно согласно, что не было плутни и насилия, на какие не был бы способен заброшенный на далекую окраину московский администратор. В этом красноярский воевода мало чем отличался от других своих сибирских коллег. Может быть, он чувствовал себя несколько более уверенным в безнаказанности, будучи дальше от глаз правительства, чем другие, но методы, приемы, цели эксплуатации подвластного ему уезда были те же.

Пограничное положение Красноярска в одном отношении открывало красноярским воеводам возможности, которые не всегда бывали у других сибирских воевод. Приезды бухарских купцов, монгольских и джунгарских посланников и сношения с киргизами давали новые источники доходов. Герасим Никитин калмыцким и киргизским торговым людям и калмыцким посланцам чинил «нападки и непомерные взятки»; от его воровства и грабежа киргизы и тубинцы откочевали от Красного Яра и стали «воровать» и нападать на русские селения. От таких же обид и задоров при Даниле Григорьевиче Загряжском калмыки и киргизы войною приходили в одно лето дважды. Грабил и разорял калмыцких посланцев и торговых бухарцев и Алексей Башковский, требуя с них взятки для разрешения торговать. Про Григория Шишкова говорили, что он «бухарскими обидными товарами обогател». Семен Дурново «с калмыков и бухарцев брал себе великие взятки, нападками своими [за] товары ясыри сполна против цены денег им не додывал».

⁵⁰ Стб. 1067, л. 267.

Доносчики утверждали, что «непомерные взятки» и грабежи восвод не только мешали правильному ходу торговых сношений с соседними народами, но и нередко создавали серьезные политические осложнения, вызывая военные репрессии со стороны джунгарских властей и киргизов.

Через всю историю Красноярска проходит длинной полосой ряд воевод «разорителей и грабителей» — Данило Загрязский, Герасим Никитин, Григорий Шишков, Башковские — отец и два сына, Семен Дурново.

Не отставали от своих мужей и воеводские жены. Не следует представлять этих московских дам забытыми и робкими существами, как обыкновенно представляют себе даже относящуюся к дворянским кругам русскую женщину XVII в. Разделяя с мужьями тягости и опасности дальнего пути, они разделяли с ними и все выгоды положения. Когда подчиненные приглашали в гости воеводу, то с ним приглашали и его супругу, и за честь, оказанную им, преподносили ей подарки. Делались подарки и в других случаях. Жене Герасима Никитина, по его требованию, тубинский князец Бурчан Коянов преподнес от своего рода 2 бобра рыжих на шапку. Надо думать, что в Красноярске, как и в других сибирских городах, воеводша являлась небескорыстной посредницей между подчиненными и ее мужем. Отсюда ненависть к ним красноярцев. Во время «бунта» служилые люди хотели жен Алексея и Мирона Башковских «посадить в воду». Сын боярский Тит Саламатов грозился, что жену С. И. Дурново «будут ругать всячески».

Женой не ограничивалось окружение воеводы, требовавшее внимания и «почести» со стороны населения. С воеводой часто приезжали сыновья; их надо было тоже улаживать. Двум сыновьям Герасима Никитина, например, род Бурчана преподнес 2 лисицы. Один из них, Константин, если верить доносчикам, по поручению отца ездил торговать хлебом и вином в Туруханск. Сын Григория Шишкова, Степан, разъезжал по деревням, где приказные люди должны были угощать его.

Наконец, среди местных жителей образовывался круг лиц, приближенных к воеводе, «ушников» и «заговорщиков», которые пользовались близостью к главе администрации для обдывания своих личных дел. К челобитной на Герасима Никитина была приложена «ропись» таких фаворитов, «которые из нас, из войска, прикормлены у него, Герасима, ушники и заговорщики». Подгородные татары жаловались, в частности, что толмач, конный казак Андрей Скрипошнов, «выведывал у нас и высматривал, у кого у нас есть кони хорошие и ружья и кюяки хорошие под сукнами, и шишаки и наручи и шубы бобровые и рысьи, и бобры и соболи и лисицы хорошие, и быки большие и бараны убойные, и тот наш живот воеводе Герасиму Никитину высказывал налицо весь, и нам во всем он, Андрюшка, застрачивал и угрожал».

Единственным средством самозащиты населения против воеводских притеснений было заявление «государева дела». Под «государевым делом» подразумевался всякий поступок, который нарушал государственную пользу. Под это понятие, следовательно, легко подходили всякие преступления по должности. Этим средством и пользовались обиженные, тем более охотно, что к таким «изветам» правительство относилось очень внимательно и сыск по ним производился в высших инстанциях.

В 1638 г. к красноярскому воеводе Федору Михайловичу Мякинину из Москвы писал конфиденциально тесть Иван Старинский, прибегая в целях конспирации к латинской азбуке:

«Pisalie na tebie is Tobolska knias Michailo Temkin s towarischy u prislali pytosznie u rosprosnye reczy krasnoiarskich bieglych kosakow dwatcati czelowiek, a w rosprosnych rzeczach ich napisano, szto oni biesali

ot twoei isgoni, y to sie sdelalo milostiu bosia y pomoczy y bereseniem Mikifora Iwanowieczza (дьяка Сибирского приказа), weleno is nich czeterech czelowek povisit, a dostalnych, biw knutom soslat w Kuznetckou w pahatne. Boga radi, Fedor Michailowiz,— прибавлял корреспондент,— ziwi beresno beso wsiakowo durna y oglaski, stobi czelobitczykow na tebie nikakich liudi ni w czem nie bylo; a sdiesie na Moskwie goworiat pro sibirskich woiewod, na kowo budit czelobitziiki y syszczetsie kotoroia ich nieprawda, y im w Sibire ukasano budiet slusit. Dla boga oto wsiego oberegaysie»⁵¹.

Но «челобитье» не всегда доходило не только до Москвы, но даже до Томска или Енисейска.

В 1653 г. в Красноярск был командирован из Томска сын боярский Дмитрий Иванович Вятка. «И как я, Митька, поехал с Красного Яру, — рассказывал он в своем «доезде», — и еду я по улице, и являл мне старец Иона: скажи де ты, в Томской город приехав, стольнику и воеводам... за мною де есть государево великое дело, а челобитной де изветной писать никто не смеет, всякому де заказано, и в том де деле два человека посажены в тюрьму, и как де ты приехал, и воевода Михаил Скрыбин посадил их в тюрьму и не велел их выпущать, чтоб они тебе не извещали»⁵².

На воеводу Григория Ивановича Шишкова в Енисейск воеводе Константину Осиповичу Щербатому поступила жалоба от красноярских детей боярских Трифона Еремеева и Михаила Бернадского относительно неправильной выдачи денежного и хлебного жалованья; челобитчиков, по возвращении их в Красноярск, Шишков взял «за караул», палача приводил с кнутъем и хотел их пытать, и повинные челобитные у них вымучил в том, что они били челом о денежном и хлебном жалованье «ложно». Точно так же мучил он за караулом сына боярского Федора Айканова за то, что он «извещал на него» в Енисейске князю К. О. Щербатому, и выпустил его лишь на поруки. 17 марта 1686 г. Федор Айканов внезапно приехал в Красноярск из своей деревни и на площади при многих городских людях сказал за собою «великих государей слово» на воеводу. Об этом донесли воеводе, который послал за изветчиком сперва денщиков, а потом служилых людей, но Айканов не пошел, боясь «смертного убийства», и требовал, «чтоб де собрать к приказной избе служилых людей, а один де Федка без служилых людей идти к нему, Григорью, не смеет». К приказной избе он пришел с толпою служилых людей, что дало повод воеводе утверждать, что Ф. Айканов учинил «бунт и смятенье, допя до пьяна красноярских жителей, а своих друзей и хлебожцев», велел ударить в барабаны, колокола и набаты и пришел «к приказной избе с бунтом». Воевода Шишков вышел к толпе «на нижний рундук» приказной избы и стал допрашивать Айканова, какое он знает на него «великих государей дело». Айканов отвечал, «что де ему... того великих государей дела не скажет, да и сказать ему, Григорию, нельзя, а скажет де он, Федька, про то... дело в Енисейску в приказной избе стольнику и воеводе Степану Афанасьевичу Собакину, и чтоб де... отослать его в Енисейск».

⁵¹ «Писали на тебя из Тобольска Михайло Темкин (тобольский воевода.— С.Б.) с товарищи и прислали пыточные и роспросные речи красноярских беглых казаков, 20 человек, а в роспросных речах их написано, что они бежали от твоей изгони, и то ся сделано милостию божьею и помощью Микифора Ивановича (дьяка Сибирского приказа); велено из них четырех человек повесить, а достальных, бив кнудом, сослат в Кузнецкой в пахатные. Бога ради, Федор Михайлович, живи бережно, безо всякого дурна и огласки, чтобы челобитчиков на тебя никаких людей ни в чем не было; а здесь на Москве говорят про сибирских воевод, на кого будут челобитчики и сыщется которая неправда, и им в Сибири указано будет служить. Для бога ото всего оберегайся» (ЦГАДА, Отдел дворцовых фондов, стб. 41764, лл. 38—40).

⁵² Стб. 446, л. 2.

Все это он говорил чрезвычайно «невежливо», называл воеводу «вором» и «перстом махал». Воевода со своей стороны угрожал доносчику пыткой, — «какое де на меня дело знаешь?» и хотел его «пытать и жечь». За Айканова заступились служилые люди и били челом (по их уверенью — «вежливым челобитьем»), что «пытать Федьку нельзя, потому что сказал и говорит на него, стольника и воеводу Григория Шишкова..., великих государей дело, и послать бы с провожатым в Енисейск». Шишков кричал, что сам он честнее Собакина и порывался бить Айканова; тот побежал на площадь, а воевода со своими людьми гнался за ним, но служилые люди его не выдали и посадили временно за караул, чтобы затем доставить в Енисейск.

Если верить воеводе Шишкову, дело обстояло иначе: толпа не только силой отняла у него Айканова, но и его самого ударили в грудь и он едва не был убит, если бы не отняли его у «воров, от смертного убийства», несколько преданных ему служилых людей из ссыльных. На следующий день заявил «государево дело» на Шишкова другой служилый человек, сын боярский Трифон Еремеев. Шишков и по него посылал денщиков и служилых людей, но гарнизон не выдал его и тоже посадил за караул, требуя, чтобы обоих изветчиков воевода отпустил в Енисейск. «Когда де вы мне их не дали на руки и в тюрьму не посадили, и пытать мне не дали, — грозился Шишков, — и я де на вас на всех буду писать бунтовство к Москве к великим государям». «А мы, холопы твои, — заявили служилые люди в своей челобитной, — в Красноярском преже сего и ныне бунтовства никакого не чинили... и, рияся на нас, холопей ваших, бунтовство [воевода] затевает напрасно, избываючи своих дел». Служилые люди отпустили обоих изветчиков с провожатыми в Енисейск, и извету был дан законный ход⁵³.

27 января 1688 г. сказали «государево дело» на воеводу Игнатия Башковского сын боярский Тит Саламатов и сын его конный казак Василий при многих людях. Башковский за то их, «сковав в железа, посадил, а сына его Ваську под приказ» и «выпрашивал» у них повинную челобитную. Допрашиваемые в съезжей избе, они, однако, заявили, что скажут «государево дело» только в Енисейске стольнику Григорию Владимировичу Новосильцеву. Воевода Новосильцев, которому Саламатов ухитрился дать знать о своем извете, послал за ним сына боярского Никиту Зенбицкого, но Башковский не только не выдал доносчика, но самого Зенбицкого держал на постоялом дворе за караулом, «чтоб де к нему никто краснаярские люди не приходили и на него б, Игнатья, никто ни в чем не извещали».

«На пятой неделе великого поста» арестанты ухитрились бежать; Башковский послал за ними в погоню отряд в 30 чел., который настиг беглецов в 70 верстах от города. Когда везли в Красноярск Тита Саламатова, он по селам и деревням «являл» на Игнатия Башковского «великих государей великое комнатное дело». Башковский пытал его «накрепко» и допрашивал его, «какое... великое комнатное дело на него, Игнатья, он, Тит, знает», и посадил его за караул. Во избежание уведомления Енисейского разряда воевода поставил по всем селам и деревням заставы из служилых и посадских людей и пашенных крестьян и не велел никого пропускать в Енисейский уезд без «памятей». «И так де они, заставщики, и от воинских людей, от кыргызов, застав не имели, что ныне они на заставах караулят из Красноярска проезжих людей в Енисейск», — не без злости иронизировали враги воеводы. Титу Саламагову удалось, од-

⁵³ Стб. 980.

нако, отправить Григорию Новосильцеву «грамоту», в которой он красноречиво описывал преследования со стороны мстительного воеводы: «И он нас руки и ноги сковал и повинной выпрашивал и мучил нас 3 недели и с одним днем, и повинной мы не дали, а сказку он у нас вымучил, что мы дел государских не знаем. И мы вольному свету рады, что нас выпустил. И он у себя сказывал новые статьи, кто де скажет на воевод дела государевы, и велено пытать трою, а с пытки писать к великим государем к Москве... А ты, Григорий Владимирович, не верь той составной челобитной, а та челобитная составлена на воеводском дворе, а составили ту челобитную воевода, конной да пятидесятник, конные и пешие Ивашка Сиротинин, да Пянтюшка Кочергин, да Ларька Ростовец, да Сенька Пытылицын, а за нас руки приложены заочно. А теперече по всем уездам заставы поставлены, и уйти мне нельзя, и я к твоей милости буду по водосполю. А затем тебе мало пишу, а много челом бью»⁵⁴.

Если так трудно было добиться управы русскому человеку, занимавшему высокое положение в гарнизоне, то для туземца это было почти невозможно. Ястынский татарин Атайко Кызыгин извещал в с. Ясаулове на воеводу Григория Шишкова. Ясауловский приказчик Михаил Садовский «приметался» к нему и посадил его за караул, «что де он тем столыника и воеводу бесчестит», продержал его три дня за караулом, грозился отослать в город и выпустил, когда получил в виде взятки волчьую шкуру⁵⁵.

Как мера совершенно исключительная в отношении «лихого» воеводы «разорителя», применялся в Красноярске «отказ от воеводства». Мера эта была чрезвычайно характерна именно для Красноярска, где постоянное военное положение создавало особые отношения между местной администрацией и гарнизоном. Непрерывные военные действия способствовали развитию среди красноярской служилой массы навыков буйства и непокорства тем более, что красноярские служилые люди отлично сознавали, что стратегические условия Красноярска заставляют относиться бережно к той части его населения, которая несет бремя обороны границы от внешних неприятелей.

В первые десятилетия существования Красноярска приезжих воевод связывала с гарнизоном общность интересов. Шло энергичное объяснение окрестных туземцев. В успехе разбойничьих походов на братских и других иноземцев одинаково были заинтересованы и воеводы и подчиненные им служилые люди, как и в той борьбе за добычу, которая вспыхивала время от времени между красноярцами и енисейцами. Воеводы и гарнизон действовали рука об руку. У них были и общие противники — томские воеводы и их служилые люди, задерживавшие присылку хлебных запасов и денег на жалованье и соперничавшие с красноярцами из-за захвата пограничных новых «землиц», парализовавшие военные предприятия красноярцев, а иной раз подвергавшие Красноярск серьезной опасности упорным отказом в помощи и раздражавшие подчиненный острог вмешательством в его внутренние дела.

Положение изменилось в последней четверти XVII в. Все земли, которые могли быть объясачены, были захвачены; царство алтын-ханов пало под ударами джунгар. Галдан-хунтайчи, стремясь поддерживать с русскими дружественные отношения, был вместе с тем достаточно могущественным, чтобы импонировать Красноярску; невозможность завладеть «Киргизской землею» и прочно завоевать Тубу одними красноярскими си-

⁵⁴ Стб. 1067, лл. 264—280.

⁵⁵ Стб. 980, л. 355

лами выяснилась вполне определенно. При таких условиях из организаторов военных предприятий красноярские воеводы превращались в обычного типа администраторов, заинтересованных только в том, чтобы использовать свое положение для личного обогащения.

Опираясь на ссыльных людей красноярского гарнизона, которые по своему положению, как временные гости Красноярска, были мало связаны с основными кадрами служилого люда; с другой стороны, будучи зависимы от администрации и стремясь сделать карьеру искательством у властей,— воеводы оторвались окончательно от служилой массы и эксплуатировали ее совершенно беззащитно.

Отдаленность от центра позволяла красноярским воеводам свободно, с полной уверенностью в безнаказанности, развивать свою хищническую деятельность, пока Красноярском ведал Томск. Образование Енисейского разряда, приблизив к Красноярску контролирующую власть, открывало для красноярцев легкую возможность искать управы в Енисейске, и в событиях последних десятилетий XVII в. красноярский гарнизон нередко выступает в союзе с енисейскими воеводами против красноярских воевод. Этим объясняется, что в Красноярске часто имели место открытые выступления против воевод и «отказы» им от воеводства.

Первоначально красноярцы пытались, как это было в 1686 г. в отношении Григория Шишкова, добиваться смены неугодного им воеводы путем подачи челобитных царю, но в конце столетия «отказы» принимают характер самовольного смещения представителей власти и разворачиваются в бурное восстание, направленное против администрации, что знаменовало обострение классово-борьбы в условиях возраставшего гнета феодально-крепостнического государства.

5. КРАСНОЯРСКАЯ «СМУТА»

Конец XVII века был временем беспокойным в Русском государстве. Еще живы были впечатления от восстания под предводительством С. Т. Разина, встречавшего на дальней красноярской окраине живой отклик в служилых массах. Когда в 1695 г. осажденный в малом остроге восставшим гарнизоном воевода Мирон Башковский, выйдя на Спасскую башню, стал уговаривать красноярцев, «чтоб они ото всякие шатости перестали и не были б таковы, как преж сего воровал Стенька Разин», в ответ «непристойно» говорил служилый человек Игнатий Ендауров: «Степан де Тимофеевич Разин пришел на князей и на бояр, и на таких же воров, будто каков и он, Мирон», «и о казни того вора Стеньки Разина, он вор, Игнашка, непристойно говорил же»⁵⁶. Не могли не дойти до красноярских служилых людей и слухи о стрелецком восстании, во время которого их братья, мелкие служилые люди, расправлялись с князьями и боярами, сажали на престол царей, свержали и создавали правительства. Поэтому, когда Григорий Шишков «ворам и мятежникам статейную роспись, какова к нему прислана после Московского бунту, вычитал», то служилые люди «того не слушали, из них же Ефтихий Старцов той статейной выписи просил у подьячего и говорил, много де бумаги и чернил, и писати воровски вольно»⁵⁷. Наконец, первые действия молодого Петра не могли не дискредитировать представителей знатного вотчинного владения в глазах мелкого служилого люда. Семену Ивановичу Дурново, ехавшему на воеводство в Красноярск, уже предшествовала молва, что «ему на

⁵⁶ Стб. 1317, л. 161.

⁵⁷ Стб. 998, л. 9.

Москве великий государь... своими руками отрезал бороду и дал красноярцу Конону Самсонову (сыну боярскому) в руки и приказал в Красноярску, чтоб де он, Конон, ему, Семену Ивановичу, отрезал голову»⁵⁸.

В этой накаленной атмосфере, в которой жило все государство, брожение, вызванное в Красноярске произволом и злоупотреблениями воевод, принимало все более резкие формы. «Долго ли де нам перед воеводою без шапки стоять? Пора де друг за друга стать»,— говорил еще в 1684 г. отставной подьячий Василий Еремеев сыну боярскому Степану Пыховскому⁵⁹.

С 1695 по 1699 г. Красноярск переживает бурное «отказное время», восстание, направленное против администрации: под влиянием «ведомых воров и народных возмутителей» красноярцы «не похотели быть великого государя указу в обькном послушании, а у воевод под судом». Эта «великая красноярская шатость» вспыхнула в мае 1695 г.⁶⁰.

Воеводою в Красноярске был стольник Алексей Игнатьевич Башковский, человек жадный до наживы и не стеснявшийся в средствах для обогащения. Своими вымогательствами он сильно восстановил против себя гарнизон, только что переживший в 1694 г. неимоверно тяжкую годину неурожая и голода⁶¹. Недовольство усилилось благодаря двум обстоятельствам, чрезвычайно раздражившим красноярский служилый люд. Жалованье, поступавшее и всегда неаккуратно, при Алексее Башковском было прислано в такой ничтожной сумме, что каждый служилый человек получил на свою долю всего по 5 алтын. Задержка в уплате жалованья всегда, как это и естественно, ставилась в счет воеводе; на этот раз даже это ничтожное вознаграждение не осталось в руках служилых, так как Башковский «велел с теми деньгами приходить к нему». Еще больше раздражения вызвали злоупотребления с «государевым жалованьем», присланным с Москвы «за тубинскую службу» 1692 г., состоявшимся из мягкой рухляди. До красноярцев дошла лишь половина этого жалованья, хотя неясно, в какой мере повинен был в этом воевода, так как хлопоты в Москве о выдаче жалованья требовали значительных расходов со стороны красноярских челобитчиков. Зато несомненно, что розданная служилым людям рухлядь затем очень скоро перешла в руки воеводы, безразлично, с добровольного их согласия, в виде «почести», или по принуждению. Воевода же в виде почести забрал у многих служилых людей и тубинский их полон, 38 чел. По-видимому, история с жалованьем за тубинскую службу и послужила главным толчком к «бунту».

Мысль об отказе воеводе и конфискации его имущества для возмещения нанесенных им убытков назревала постепенно. Первоначально «дума де и совет у всех красноярских служилых людей были о том, что Алексею Башковскому отказать и животы его взять с Богоявленьева дня 203 (1695) года». Хотели организовать выступление именно на богоявление, но не успели, «и та у них мысль не состоялась для того, что на богоявление съехались и в сборе были не все».

Во главе движения стали влиятельные среди рядовых служилых людей, видные дети боярские Трифон и Матвей Еремеевы, Конон Самсонов,

⁵⁸ Стб. 1288. лл. 1—2.

⁵⁹ Стб. 998.

⁶⁰ История красноярского бунта была изложена Н. Н. Оглоблиным (в его книге «Красноярский бунт 1695—1698 гг.». Томск, 1902.), хотя и с некоторыми неточностями. Событие это, однако, имеет настолько крупное значение для истории Красноярска в XVII в., что мы не сочли возможным обойти его молчанием. В деталях, в частности в оценке роли отдельных лиц, мы несколько расходимся с уважаемым автором. Для этой главы использованы столбцы Сиб. приказа 366, 1288, 1417.

⁶¹ О неурожае в Красноярском уезде в 1694 г. и его последствиях см. стб. 1317.

Алексей Ярлыков, атаманы Дмитрий и Аника Тюменцовы; они развили сильную агитацию, писали и рассылали по деревням «смутные письма».

В середине мая в Красноярск стали съезжаться служилые люди из окрестных деревень; поехали в город и руководители возмущения и, не въезжая в город, двое суток укрывались в лесу вблизи города, ожидая, когда все будет подготовлено. 16 мая ударили в набат на Спасской башне. На площади у собора собралось человек 200 служилых людей. При звуках набатного колокола вооруженная копьями, бердышами и сулемами толпа двинулась на воеводский двор, взломала двери у хором и ворвалась внутрь. Воеводе заявили, что отказывают ему от воеводства и, по его словам, хотели его убить; казак Игнатий Ендауров сорвал у него с пальца перстень с яхонтом. Жена воеводы подверглась всяким оскорблениям: простоволосой ее повели в клеть, и Конон Самсонов заставлял ее кланяться себе в ноги. Воеводских людей били, рубили сулемами, мучили, женщин бесчестили. Воеводский двор разгромили и чуть было не подожгли, взломали амбары, все имущество Башковского в сундуках и ларцах забрали и до государева указа поставили под приказную избу; взяли и все письменные документы, которые нашли. Ненавистного фаворита воеводы, сыльного подьячего Семена Надеина вытащили из приказной избы, чуть не зарубили и посадили за караул, а двор его разграбили. Погром продолжался и в последующие дни; «раздували» и распивали воеводское вино. Искали сторонников, «знакомцев» воеводы и расправлялись с ними.

Городничий Савва Хлыновский 16 мая, услышав набат, «испужався», бежал за малый острог и укрылся в клету у вдовы подьячего Максима Павлова, но на следующий день под вечер его здесь нашли и повели в большой острог «в круг»; «ведучи, его били палками и топтунами»; привели в круг, чуть не убили, но за него заступился его зять Петр Ярлыков. Избитого городничего отпустили, и он пролежал полтора месяца от нанесенных побоев. Пострадали подьячие Кузьма Елисеев, Алексей Собакин и еще несколько человек. Главный сообщник Башковского, толмач Василий Тунгус, в самый опасный момент успел ухорониться в соборной трапезе. Его, а также целовальника, который был у приема казны, и подьячих таскали в круг и требовали от них «сказок», компрометирующих воеводу.

Таким образом, выступление, направленное первоначально против одного воеводы, «губителя и разорителя», разрасталось в восстание против всего приказного строя управления, от которого равно страдало и русское и туземное население уезда, против всех, кто имел то или иное отношение к этой системе,— подьячих, казенного целовальника, толмача, городничего.

Несмотря на бурный характер, который приняли события, руководители и участники бунта стремились придать ему известную видимость законности. Животы и мягкая рухлядь воеводы были конфискованы и опечатаны до государева указа за то, что будучи в Красноярске, он чинил всем людям грабеж и разорение, в частности за тубинскую мягкую рухлядь. Трифон Еремеев и Дмитрий Тюменцев пересматривали и переписывали конфискованное имущество при многих служилых людях; роспись писал площадной подьячий Пронка Муромцев. Вино было выдано толпе «по челобитью» и «по приговору» всяких чинов служилых людей.

Воевода был низложен и сидел за караулом, его канцелярия терроризована, а самая съезжая изба заперта и опечатана. Но город не мог оставаться без управления, и это озабочивало организаторов и руководителей

переворота. Спешно послали за престарелым атаманом Михаилом Злобиным, находившимся на приказе в Ясауловской, но хитрый старик выжидал дальнейшего и отказался приехать, хотя «ему и советовали, чтобы он... не упрямылся, в город ехал», иначе «по него» будут присланы из города «посыльщики». Но затем, когда к нему приехал его сын Иван, он с ним поехал в Красноярск. На площади он нашел сына боярского Григория Ермолаева, которого тоже, по его словам, насильно привезли в город, и Конона Самсонова с товарищи, стоявших «многолюдством». М. Злобина, тотчас привлекли к обсуждению вопроса о том, чтобы составить «градскую» челобитную на свергнутого воеводу и, снабдив ее росписью о том, «кому какая обида, разорение и налоги и обиды были, и с кого что он... имал в неволе сильно, и приложу к челобитной и росписи руки, выбрать челобитчиков и послать к государю к Москве». Затем решено было образовать на выборных началах временное управление «вместо б воеводы, до указа великого государя; для росправы меж ими, служилыми людьми, выбрать выборных», и дать им «выбор... во всяком послушании за руками». К образованию управления и приступили и, «собрався на площади», выбрали «всем городом» в «судейки» Григория Ермолаева, атамана Михаила Злобина, сотников Ивана Поспелова и Симанка Белянина, пятидесятников Петра Муруева, Лариона Ростовца, Ивана Поспелова и десятника Тимофея Потылицына, представителя влиятельной и многочисленной служилой семьи Потылицыных⁶². Служилые люди скрепили выборы официальным актом, «дали за руками», и «в том своем бунту» крест целовали «за них, Григорья с товарищи, стоять и их ни в чем не выдать».

Между тем в Москву были отправлены из Красноярска челобитчики на воеводу. Здесь они были смущены известием, что на место Алексея Башковского уже назначен к ним воеводою его родной брат Мирон. Добиться отмены его назначения не удалось, и в августе 1695 г. новый воевода прибыл на место службы.

Приезд Мирона Игнатьевича Башковского не мог внести успокоение. В красноярском гарнизоне далеко не улеглось брожение. Алексей Ярлыков, один из видных представителей красноярской служилой знати, грозил новому воеводе судьбою его брата: «поедут они многим собранием в Красноярск и Мирону Башковскому от воеводства откажут, а он де его, Мирона, зарежет ножом».

С другой стороны, и от нового воеводы нельзя было ожидать беспристрастного отношения к участникам бунта, жертвою которого оказался его собственный брат. С приезда своего в Красноярск Мирон Башковский стал «мстить на красноярцах брата своего всякую злобу». Вскоре начались преследования видных участников бунта и аресты. Отряды служилых людей, посланные воеводою, ездили по деревням, хватали по два-три человека, отвозили в малый острог, где воевода пытал их порознь и бил кнутъем. На уговоры служилых людей, «чтоб он их братью казаков не пытал до смерти», Мирон отвечал, «что де и всем то будет». Аресты популярных среди гарнизона детей боярских Трифона Еремеева (бывшего

⁶² Н. Н. Оглоблин видит в составе выборных признаки демократизма, так как в нем преобладает младшее офицерство (пятидесятники и десятники, которых он приравнивает к унтер-офицерам). Вряд ли это правильно. Душою мятежа были дети боярские Самсонов, Еремеевы, Ярлыков и атаманы Тюменцовы; если они не вошли, по тем или иным соображениям, в коллегию судеек, это не мешало им фактически воздействовать на ход дела; Конон Самсонов был послан в Москву в качестве челобитчика. На выборы могли влиять соображения совершенно случайного свойства. Тимофей Потылицын, конечно, участвовал в правительстве не в качестве простого десятника, а как представитель многочисленной и очень влиятельной служилой семьи, державшейся чрезвычайно крепко и дружно.

выборного судейки), Алексея Ярлыкова, Григория Ермолаева, заявивших «государево дело» на Башковского, которых воевода «перековал в кандалы и пытал разными пытками», послужили последней каплей. Среди деревенцев господствовало неимоверное возбуждение при слухах о том, что их арестованных товарищей в городе «пытают и рвут». Шла агитация за то, чтобы отказать от воеводства Мирону Башковскому, брата его Алексея посадить в особую избу «до указа» и «не спускать» их с братом вместе; сторонников воевод перебить, Тришку Еремеева выручить, денежную казну, которая идет в Красноярск на жалованье, отбить и взять свои оклады сполна, остальное же отослать в Красноярск; самим «сойти на Абакан и построить себе острог». Конный казак Евтихий Старцев ездил «собирать служилых людей в деревнях», чтобы, приехав в Красноярск «собранием», убить обоих Башковских, перебить ссыльных людей, «которые с воеводами за одно», а воеводских жен посадить в воду; «а естли они [служилые люди] такое дело не учинят, и у них де в Красноярску добра не будет».

В деревнях служилые люди разъезжали «с ружьями и с копьями, в пансырях и в бумажниках».

В начале ноября произошел взрыв. Деревенцы поднялись и двинулись на Красноярск под предводительством Федора Самсонова. Они стали многолюдным собранием против города в степи, на той стороне р. Качи. Их требования сводились к тому, чтобы Мирон Башковский в дело своего брата не вступался без государева указа и чтобы он перестал брать «деревенцев» в город, «а иных никого в городе не дадут, а взять ли де или не взять их деревенцев, служилых людей. А будет воевода из города с ссыльными людьми к ним выйдет на степь, а не на стену, и они им в руки живы не дадутся». Мирон Башковский, напуганный видом возбужденной толпы вооруженных людей, приказал выстрелить в нее из пушки с наугольной Качинской башни, и деревенцы разбежались.

4 ноября ударили в набат в Покровской церкви; по улицам забили барабаны, и на площади перед церковью собралась толпа служилых людей, русских и татар, человек с 300, со знаменами и оружием — пищалями, копьями, бердышами и сулемами. Образовался «круг», в котором, «усоветовав меж собою», постановили отказать Мирону Башковскому от воеводства и требовать освобождения Григория Ермолаева с товарищи, и за Григория Ермолаева с товарищи «в стоятельстве крест и святую икону целовали», и «на руки иконы подымали, что им всем стоять за одно и друг друга не выдать». Со сходки послали таможенного голову Евфимия Охлупина и приезжего торгового человека Петра Прохорова, лиц нейтральных, сообщить воеводе, наблюдавшему со Спасской башни за событиями на площади, постановление «круга» и сказать ему, «чтоб он в приказную избу не ходил и дел великого государя никаких не делал, а они... под суд к нему, Мирону, не пойдут, и чтоб де он, Мирон, людей своих и никого по воду и никуда не отпускал, а буде пойдут, и они де... будут побивать их до смерти и его де, Мирона, морить голодом», и требовать выдачи Алексея Ярлыкова и других, находившихся в тюрьме, под угрозой блокады. Остается невыясненным, сопровождалась ли эти заявления попыткой «приступить» к острогу и стрельбою из луков. Во всяком случае вокруг малого острога поставлены были вооруженные караулы и в течение дней десяти хлеба в малый город и воды не давали и «пролуби наземом засыпали»; «животы» Мирона Башковского, находившиеся в городе, разграбили на сумму будто бы 18 тыс. руб. Для управления городом были выбраны вновь судейки Трифон Еремеев и Дмитрий Тюменцев, и выбор им дали за своими подписями.

Между тем Мирон Башковский готовился к осаде и приступу, всю артиллерию повернул в сторону города, «заправя ее ядрами и дробью», «разбоем воровски» овладел пушкой с Алексеевской башни, чинил ядра, готовил порох; фитили горели. Осажденные подожгли (очевидно из стратегических соображений) несколько дворов. В целях устрашения воевода выходил из малого острога с пушками; он грозился, будто бы, красноярцев побить до смерти и дома их выжечь.

С своей стороны красноярцы готовили щиты для приступа. В городе царило сильное возбуждение: неоднократно били в набат у Покровской церкви и собирались сходки.

Положение в Красноярске принимало настолько серьезный характер, что по указу из Москвы в дело вмешался Тобольский разряд. «На перемену» Мирону Башковскому были временно назначены из Тобольска дворянин Федор Тутолмин и подьячий тобольской приказной палаты Василий Ипатьев. 18 февраля 1696 г. они прибыли в Красноярск. Когда Тутолмин явился под стенами малого острога в сопровождении Алексея Ярлыкова и толпы служилых людей, то Мирон Башковский в острог его не пустил и печати и казны ему не сдал. Раздраженный Тутолмин советовал морить строптивого воеводу голодом, а сам жил в деревнях, курил вино и устраивал пиры «судейкам». В августе ему дано было официальное поручение о производстве следствия по жалобам на Алексея Башковского, и он приступил к делу, всячески «норовя» красноярцам, от которых, как говорили, получил предварительно взятку.

За весь период времени от свержения Алексея Башковского в мае 1695 г. до приезда Семена Дурново в августе 1696 г., более года, Красноярск, таким образом, фактически управлялся властью восставших — коллегией выборных «воровских судеек», которые взяли на себя все воеводские функции. По «мирскому приговору» им было поручено, во-первых, ведать суд «меж служилыми и всякими жилецкими людьми и иноземцы, чинить всякую расправу и от всякого дурна унимать, и за вину чинить наказанье, бить батоги». Судейки не только судили, но и подвергали пыткам. Так, работника подьячего Семена Надеина приводили «в избу, где судили выборные их судьи»; здесь недоросль Яким Титов Саламатов, исполнявший обязанности палача, сняв с него опояску и, связав руки назад, «поднимал его на встряску». На судеек был возложен сбор всех государевых доходов, в первую же очередь «в сборе ясачной казны радеть». Они посылали для сбора ясака сборщиков в волости с наказными памятьми, отпускали на промыслы промышленных людей, назначали целовальников ко всяким сборам и принимали у них оброчные деньги и явочные «с пивного варенья»; к ним же поступали сборные деньги от таможенных голов, с кружечного двора и с квасной избы за вино и за пиво. Они же производили неотложные расходы: раздавали хлеб из сел и деревень служилым людям, которые не имели пашни, выдавали хлебное и денежное жалованье годовальщикам, которые по наряду посылались в Удинский и Караульный остроги и «в иные посылки».

У красноярского мира был и свой собственный фонд, из которого черпались средства на мирские нужды, — «животы» убитого сына боярского Степана Иванова. Отпуская челобитчиков в Москву бить челом на Алексея Башковского, выборные судьи и «все градские служилые люди» дали им «на подмог к Москве соболей и капры многое число». Судейки же ведали все текущие дела: «А как де они, Ивашко с товарищи, по выбору сидели в судебной избе, и в то де время челобитчики, которым приходилось о каких нуждах бить челом, приносили к ним челобитные, и те де челобитные у них челобитчиков они, Ивашко с товарищи, принимали».

«Судейки» не позволили себе, однако, заседать в съезжей избе, которая должна была находиться в ведении исключительно лица, назначенного из Москвы. Они «сидели» в собственной «судебной избе»; в сенях этой избы стоял постоянно «очередной караул». Была у них и своя канцелярия в лице «выборных судеек», подъячего Михаила Семенова, которому они поручили записывать «сборные деньги, ясачную и десятинную казну и расходы. Книги были «за руками» судей.

Очень сложный вопрос о том, как действовать, чтобы не превысить своих прав, был разрешен очень удовлетворительно. «Государевой печатью» судейки не пользовались, а вместо нее взяли у таможенного головы печать таможенную и, во избежание злоупотреблений, запечатали ею ящик, в котором хранилась подлинная государева печать. Челобитные писались на имя царя, а не на их, выборных людей, имя. «По-мет», т. е. письменных резолюций по поступавшим делам, они не выносили, но регистрировали все поступавшие заявления («клеили в столп»), — как челобитные, так и записки словесным челобитьям и изветам.

Власть «выборных судеек» всецело основывалась на доверии к ним «войска». Смены их происходили довольно часто. Так, председателя коллегии Григория Ермолаева служивые люди не только лишили должности, но и отвели в судную избе и приковали на цепь к стене, «хотели убить и отказали с бесчестием».

Слабой стороной выборной власти был, по-видимому, недостаток авторитетности. Когда, например, приказной избы пристав привел в судную избе казака Андрея Шухтея, по челобитью одного ясачного татарина, и судейки приказали его послать за караул, то он ударил пристава по щеке и ушел домой. Неумение вести дела сказалось и в понижении прихода; впрочем, кроме неумелости, тут могли быть и некоторые злоупотребления.

Наконец, 20 августа прибыл вновь назначенный из Москвы воеводою стольник Семен Иванович Дурново. Подъехав к воротам малого города, он сказал Мирону Башковскому и сидевшим с ним в осаде «государев указ» о своем назначении. Осажденные отперли город, и Дурново «в приказ вшел». Осадные сидельцы, надеясь «на великого государя милость», и не опасаясь «никакова дурна», разошлись по домам. Но красноярцы разоружили их и стали бить. «Дождав ночи, убоясь от них, воров, смертного себе убойства, многие бежали рекою Енисеем в лодках, покинув женишек и детишек».

Настроение в городе было настолько возбужденное, что Дурново считал за благоразумное «собрать в малый город» служивых людей, которые сидели в осаде с Мироном Башковским, и вытребовать обратно тех из них, которые бежали в Енисейск. На стенах малого острога стояли «беспеременные караулы».

Дурново начал с ликвидации войскового самоуправления: отобрал у них ясачную казну, что «у них при их бытности в выборных было собрано, и всякие письма в коробье из судной избы у них взял и запечатал своею печатью». С устранением обоих Башковских жизнь города, казалось, должна была постепенно войти в свое нормальное течение.

Но назначение Дурново, человека сурового и властного, не поправило положения. В Красноярске все еще было полно возбуждения, вызванного борьбою с Башковскими. Дурново, которому было поручено следствие, открыто стал, как и следовало ожидать, на сторону своих предшественников. Он не противился немедленному отъезду из Красноярска Мирона Башковского, который торопился уехать из страха смертоубийства, и отпустил его «ночною порой, не счетчи и не произведя расплаты с челобитчиками». Затем он, пользуясь своим положением, совместно с прислан-

ным для следствия из Енисейска сыном боярским Яковом Елагиным⁶³, принял все зависящие от него меры, чтобы затушить дело, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами. Чтобы заставить недовольных отказаться от своих показаний, он без вины бил их батогами «до полусмерти, без милости», таскал в застенки и, «нароя» Башковским, «намучивал сказок», благоприятных для них. Челобитчики, «видя такие страсти», давали Дурново на себя «сказки напрасные». «От соединения Дурново с Башковскими плачем мы, холопы твои, с женишками и детишками по 4 года»; «из желез ручных и назад руки скованы и из кандал небывали вовсе четырёх годы, лучше бы нам, холопам твоим, на твоей государственной службе головы свои положить, нежели быть от них, лихих воевод, в темницах закованным, томною голодною смертью помереть; и в ссылки нас, холопей твоих, в разные города ссылают, в Томской, в Енисейской и в Туруханской», — писали в челобитной служилые люди.

Положение сразу настолько обострилось, что Семен Дурново счел за лучшее последовать примеру своих предшественников и, видя всеобщую «шатость», сел в осаду в малом городе вместе с Василием Многогрешным, Микулой Вроблевским и другими ссыльными людьми. Тогда служилые люди приступили к форменной осаде неугодного воеводы, «стояли денно и ночью на карауле». Караулы были поставлены в нескольких местах, «с проезжей дороги от Енисея реки, в доме конного казака Сеньки Ульянова да у двора атамана Михаила Злобина». Со своей стороны и осажденный воевода принимал свои меры. Ворота были заперты, пушки повернуты «с приступной стороны» в сторону большого города; удачной вылазкой ночью «воровски» отбили у караульщиков «ломовую пушку» и оттащили в малый острог.

Весь Красноярск разделился на две стороны. Против воеводы стоял весь гарнизон в целом, возглавляемый влиятельными детьми боярскими и офицерством. Одну из первых челобитных на Дурново подписали 14 детей боярских, атаман, сотник, 44 конных казака и 63 пеших, другую; поступившую позднее, — 223 чел. служилых людей всякого чина и т. д. В союзе с русскими были подгородные татары, служилые и ясачные, также страдавшие от произвола администрации.

На стороне воеводы было меньшинство, довольно пестрое по составу: воеводская канцелярия (подьячие Алексей Пословин и Семен Надеин), высшее духовенство — введенский игумен Филипп, соборные протопоп Дмитрий Матвеев и дьякон Сергей Ковригин, таможенная администрация в лице таможенного головы и таможенного подьячего, ссыльные люди во главе с Василием Многогрешным и Микулой Вроблевским и атаман Федор Кольцов. Легко убедиться, что партию воеводы составляла светская и духовная администрация, и из служилых людей — преимущественно ссыльные и иностранцы. Не смели идти против воеводы посадские люди и крестьяне, подписи которых мы находим под челобитными, составленными в его пользу.

Дурново опасался захвата врасплох. Даже в большие праздники не отпирались ворота в малый острог, и красноярцы были лишены церковной службы, так как покровский священник Савинов Петр, замешанный в «бунте» против Мирона Башковского, был отправлен для сыска в Енисейск. Шли слухи, что на рождество, когда нельзя было не пустить молящихся в собор, служилые люди хотят «в церковь прийти и ружье принести под полами». Но рождественское богослужение прошло спокойно. Зато с первых же чисел января стали поступать тревожные известия.

⁶³ Федор Тутолмин был отозван по проискам Дурново.

В доме прежнего руководителя выступлений в Красноярске, атамана Михаила Злобина «в разных числах была дума», в которой участвовали сам хозяин, его сын Иван, прежние «бунтовщики» Конон Самсонов и Трифон Еремеев, и Илья и Петр Суриковы. Здесь обсуждался вопрос о том, чтобы «осадных людей всех вырубить»; колебались только в вопросе о том, отказывать ли воеводе, или ждать «великого государя указа». Конон Самсонов, уже уходя, в сенях говорил старику Злобину: «Ссылных де людей им лучше будет, как они вырубят, а стольнику и воеводе Семену Ивановичу от воеводства откажут, для того, де вся ссора идет в граде отсылных людей». Как и раньше, Михаил Злобин оказался осторожнее и уклонился от дальнейших разговоров. Но Конон Самсонов с товарищи продолжали «думать, чтоб де воеводе С. И. Дурново отказать, асылных людей, которые сидят в малом городе с стольником и воеводою... вырубить всех; и отписки, которые посланы... к Москве из Красноярского с пятидесятником Федькою Мосоловым с товарищи, хотели отнять». 1 января к старому атаману служилые люди, бывшие в заговоре, прислали его сына Ивана «про такое дело сказать». Атаман заклинал сына воздержаться от незаконных поступков: «естьи де он, Ивашко, так учинит. и их де укажет великий государь казнить смертию». Точно так же отступился от затейного дела другой активный участник выступления против Башковских, Трифон Еремеев, уговаривавший своего брата Матвея не примыкать к «злоумышлению»; «буде они то учинят, и их де велят всех перевешать».

3 января Михаил Злобин донес воеводе о планах захвата малого острога и не пощадил сына. Иван Злобин был арестован, но на очных ставках с отцом упорно отрицал свою причастность к заговору. Конон Самсонов выдавал своих товарищей направо и налево, стараясь только выгородить себя самого. 4 января имело место происшествие, которое воеводою было истолковано как покушение на его жизнь. Вечером в передней горнице на воеводском дворе был задержан служилый человек Емельян Смольянинов, у которого оказался нож.

Разоблачения Михаила Злобина и покушение Смольянинова дали повод для новых преследований. Аресты приняли грандиозный характер. Тогда опять началось брожение среди самой могущественной и наименее доступной воздействию воеводы части гарнизона — «деревенцев», которые «возмущают народ, и собираются по деревням и становятся кругами и говорят, Конон де Самсонов сидит ныне в Красноярску за караулом, и если [его] ...из-за караула не выпустят, и они де из уезду приедут все в Красноярск и осадных де людей всех вырубят, а над стольником и воеводою Семеном Ивановичем учинят против прежнего, что над прежними воеводами и стольниками Алексеем и Мироном Игнатьевичами».

Движение приняло угрожающие размеры в мае, когда Иван Злобин бежал из-за караула, сняв с себя «кайдалы»; с ним бежали Матвей Еремеев, Федор Чанчиков, Евтихий Старцев, всего 30 чел. Некоторые из беглецов подняли агитацию в уезде, возмущали жителей, возили с собою «неведомо какое воровское письмо» и собирали под ним подписи и грозили во всеуслышание «сорвать голову воеводе».

В самом городе дети боярские и казаки сходились на площадь и, «становясь кругами и собираясь по ночам тайно», чинили «умыслы и думы ко всякому злодейству и к бунту». Одновременно все, кто мог, бежали в Енисейск, где ждали приезда полномочной следственной комиссии, назначенной из Москвы для расследования деятельности всех сибирских воевод, в лице думного дьяка Данилы Полянского и дьяка Данилы Берестова, производивших нечто вроде сенаторской ревизии позднейшего времени.

С беглецами полетели в Енисейск коллективные челобитные от русских служилых людей и татар. От подгородного татарского служилого и ясачного населения энергично действовал качинский служилый татарин Корчик Тайларов, бежавший в Енисейск при попытке его арестовать.

Приезд думного дьяка Д. Л. Полянского в Енисейск приостановил военные действия в Красноярске. Обе стороны заняли выжидательное положение. Полянский с первых шагов был завален целым потоком коллективных челобитных на Дурново от русских служилых людей и качинских татар, из которых некоторые были покрыты сотнями подписей. После некоторых колебаний он счел нужным отозвать Дурново из Красноярска и 18 февраля 1698 г. назначил енисейского письменного голову Степана Степановича Лисовского временно исполняющим должность красноярского воеводы. В марте Лисовский был на месте, и 1 апреля Дурново спешно выехал в Енисейск, опасаясь «какого дурна», не успев даже формально сдать город своему заместителю. С приездом Дурново в Енисейск дело приняло, однако, иной оборот. Смещенный воевода стал упорно добиваться своей реабилитации. Его сторонники подали две челобитные, одну за 23, другую — за 76 подписями (в том числе повторными), с ходатайством о восстановлении его в должности.

Тотчас по приезде, 14 апреля, сам Дурново бил челом о сыске. Сыск, произведенный, по-видимому, под сильным давлением сыщиков, оказался благоприятным воеводе. 116 красноярских служилых людей, находившихся в Енисейске, допрошенные на съезде двора, показали, что никаких обид от воеводы не было; только 8 чел., только что привезшие новую, направленную против Дурново, челобитную, заявили, что «по той челобитной в очные ставки будут выборные из красноярцев челобитчики»; но когда за выборными специально послан был в Красноярск подьячий, то красноярцы заявили, что «выбрать им некого, потому что у них лучшие люди все в Енисейску рассажены по тюрьмам». Они требовали приезда Данилы Полянского в Красноярск в расчете, что здесь он будет податливее. «Присланы с Москвы... грамоты, велено ему для розыску ехать в Красноярск,— говорили они,— а он де живет в Енисейску неведомо зачем». Формально Дурново оказывался прав, и 24 июля 1698 г. состоялось постановление Данилы Полянского о назначении его вновь на Красноярский Яр.

Тут мы подходим к наиболее драматическому моменту красноярской «смуты», когда она достигла своей высшей точки. Дурново не стал медлить в Енисейске. В ночь на 2 августа он неожиданно приехал в Красноярск и никем не замеченный приехал в малый город. Он, по-видимому, ожидал сопротивления не только со стороны красноярцев, но и Лисовского, которого он призван был так быстро сместить, и торопился вступить в должность. Поэтому он прямо проследовал в приказную избу, куда спешно по его вызову явился весь канцелярский штат — подьячие Алексей Пословин и Кузьма Елисейев, казенные целовальники и сторож, а также преданный ему пятидесятник Федор Моисеев. Подьячего Кузьму Елисейева он послал за Степаном Лисовским, но так как тот (может быть, намеренно) медлил, то, не дожидаясь его, Дурново самовольно вынул государеву печать из ящика, в котором она хранилась, и повесив ее на шею, отправился в собор служить благодарственный молебен, а затем пошел в воеводский двор, где и вручил Лисовскому указ о своем назначении. При выходе Дурново из собора ему попался Артемий Смольянинов, брат скоропостижно умершего на воеводском дворе Алексея Смольянинова, который бранил его, «для чего де ты, вор, в Красноярск приехал, или тебе хочется быть в Красноярске воеводою? У нас де в Кра-

сноярску воевода есть, а ты нам не надобен!». Дурново на это ничего не отвечал и проследовал в воеводские хоромы.

Несмотря на ранний час, весть о возвращении свергнутого воеводы быстро распространилась по городу. На воеводский двор явились с хлебом-солью его сторонники — атаман Федор Кольцов, сын боярский Парфен Дорошкеев и др. Присутствовал и соборный протопоп, только что служивший благодарственный молебен. Но пришли также и «бунтовщики» — Федор Чанчиков, Артемий Смольянинов, Данила Старцев и др., нарушившие торжество официального приема своим поведением. Они кричали, что отказывают вернувшемуся к своим обязанностям воеводе, «что де ему, Семену, послушны они не будут, и в Красноярску де, он, Семен, воеводою быть не надобен», и называли его вором.

Подьячие и служилые люди, пришедшие с хлебом-солью, начали с ними спор, «для чего они, воры, самовольством... [воеводе] от воеводства отказывают?» и заявляли, что они с ними несолидарны и ему послушны. С своей стороны Дурново отвечал «бунтовщикам», «что он градским людям никакого зла не чинил и ныне чинить никому не будет», и повторил, что он прислан «по указу великого государя и во всем с Степаном Лисовским расписался», т. е. что уже вступил в исполнение своих обязанностей. Те продолжали бранить его вором и упорно говорили, «чтоб он конечно из города ехал безо всякого упрямства».

В это время под окнами воеводских хором собралась толпа русских служилых людей и татар и, вызвав в передние сени Степана Лисовского, «говорили ему, чтоб он его, Семена, в государевых хоромех отнюдь не держал и выслал вон». Наконец, все разошлись, и Дурново, пообедав, пошел спать в баню. Между тем, служилые люди, уйдя с воеводского двора, собрали на площади «круг» человек в 300, всячески бранили Дурново, кричали, что он «в Красноярску воровал, а ныне де он, Семен, в Красноярск приехал воровски, а думный де дьяк Данило Леонтьев, ставкав с ворами с воеводами, и взял с них посулы». Пошумев с час, толпа двинулась в малый острог, поставив у проезжих ворот караул.

Ничего не подозревавший Дурново спокойно почивал в бане, когда к нему постучался Степан Лисовский, чтобы переговорить о своем переезде из воеводских хором. Дурново отпер ему дверь, которая осталась незапертой. Пока они беседовали, к бане подошли служилые люди Афанасий Шалков, Федор Чанчиков, Петр Суриков, Артемий Смольянинов, Конон Савостьянов, Данила Старцев, Иван Мезенин и др. Увидав толпу, Лисовский подскочил к предбанным дверям, чтобы запереть их, но его оттолкнули и четыре человека — А. Шалков, Д. Старцев, И. Мезенин и Максим Черноусов ворвались в баню, стащили воеводу с постели за ногу, били его под бока и, схватив за руки и за волосы, в одном нижнем кафтане выволокли в предбанные сени и сбросили с лестницы. Потом, подобрав его на нижнем рундуке, его поволокли дальше, продолжая колотить и драть за волосы. Особенно отличился казачий сын Яков Потехин, который, прибежав в сени, «драл воеводу за волоса, и под бока и по щекам бил, и кричал, чтобы и все воры красноярцы на воеводский двор шли». Сбежалась толпа человек в 300. Федор Чанчиков кричал своей братье: «Робята де, принимайтесь за вора за Семена Дурново». Воеводу притащили к собору и поставили «в многонародный свой воровской круг». Тут прибежал Степан Лисовский, отбившийся от бунтовщиков, которые его держали, и стал отнимать Дурново, но его у него «из рук выхватили» и повели из малого острогу, все время продолжая бить. Выведя воеводу на площадь перед проезжей Спасской башней, снова образовали круг, на котором стали обсуждать вопрос, что с ним делать. Одни кричали, что надо «убить

его до смерти» на площади, другие — что утопить в воде. Федор Чанчиков, державший воеводу под руки, говорил вслух: «Поведите де его, Семена, к реке Енисею и бросьте в воду!». Раздавались голоса и за то, чтобы посадить его в тюрьму. Требовали, чтобы он выдал государеву печать, и порядком «потолкали». Наконец, за волосы поволокли его топить в Енисей и дорогой, «ведучи до Енисея реки, били по щекам и кулаками». а Яков Потехин даже ударил его палкой по голове.

Степан Лисовский шел с толпой, все время уговаривая ее перестать. Если в первую минуту его роль не представлялась вполне ясной, то теперь, увидав, что дело заходит слишком далеко, и испугавшись возможности трагического конца, он с опасностью для собственной жизни готов был защищать воеводу. Приведя свою жертву на берег Енисея, толпа поставила воеводу на плот и опять стала обсуждать вопрос, что с ним делать. «И у реки Енисея,— рассказывает сам Дурново,— держали меня в воровском кругу часа с два и приговаривали убить до смерти и бросить в воду, а иные притоваривали держать меня в тюрьме за караулом». Несколько сот человек обступали со всех сторон избитого воеводу с грозными криками: «Для чего ты к нам в Красноярск приехал, поедь от нас, покамест жив!»; его спрашивали, «для чего [он]... из Енисейска в Красноярск не привез думного дьяка Данилу Леонтьевича Полянского с собою, и называли его, думного дьяка, они вором, и если бы... его, думного дьяка, с собой привез, и у них бы... поплыли думный дьяк и он [Дурново] рекою Енисеем в Туруханск».

Пока шел галдеж, Степан Лисовский, к которому «круг» был настроен дружелюбно, отозвал в сторону коноводов толпы Федора Чанчикова и Данилу Старцева и шепотом переговорил с ними, после чего подошел к Дурново и успокоил его, что красноярцы его не убьют, «что он, Степан, ведает подлинно». В толпе между тем кричали, что Степан Лисовский «прислан от великого государя», а Дурново «приехал собою», «и послушны они Степану Лисовскому и что им Степан Лисовский делать велит, то и будут делать». В это время к плоту пригнали крытую лодку, до половины нагруженную камнями, и посадили в нее Дурново; с ним сели его люди и несколько преданных ему красноярцев. Лисовский тоже хотел было сесть в лодку, но Чанчиков и другие, «его ухватя за рукав, из лодки выдернули», крича, «что они его из Красноярска не отпустят для того, чтобы ему, Степану, у них быть в Красноярску вместо воеводы по прежнему». На это Лисовский отвечал: «разве де они его, Степана, связана в город поведут?».

Толпа не была удовлетворена своей мезтью. Многие кричали: «Возьмите вора Семена Дурново из лодки и бросьте его в тюрьму», и бранили его всячески. Вытащив Лисовского из лодки, Чанчиков отпихнул ее от плота. Толпа стала бросать в отчалившую лодку камни. Севшие с Дурново служилые люди поспешно выметали из нее камни, которыми она была нагружена, и она поплыла вниз по Енисею, унося героя драмы в Енисейск.

Среди всеобщей суматохи кто-то вспомнил про государеву печать. Спросили Лисовского, где она. Лисовский поспешил заверить, что печать у него, опасаясь, что Дурново догонят и убьют, если узнают, что она у него на шее. Толпа разошлась. Лисовский вернулся к себе на двор, куда к нему пришли перепуганные протопоп и подьячий Алексей Пословин узнать, что сталось с воеводою. Они просидели на паперти, пока шел мятеж, и знали только, что его повели к Енисею, «знатно, что топить в воду». Посетовав, «что де красноярцы учинили негораздо и Семена Дурново били и за волосы драли», Лисовский отвел подьячего из хором в задние

сени и поведаль ему «один на один», что «Семен де Дурново увез с собою красноярскую печать», и поручил ему ехать за нею в Енисейск.

Ночью на воеводском дворе, и за острогом по берегу Енисея, и на речке Каче был поставлен караул, очевидно чтобы воспрепятствовать попытке изгнанного воеводы вернуться в город.

Этот исключительный в своем роде случай расправы с неугодным воеводой особенно характерен для Красноярска XVII в., где в условиях военного стана хозяином положения было всегда «войсковое» с его своеобразным строем военного товарищества. Он являлся вместе с тем естественным последним звеном в красноярской «смуте», развитие которой мы проследили шаг за шагом. Ряд «отказов» воеводам должен был рано или поздно завершиться насильственным устранением того из них, кто не захотел бы подчиниться требованию города.

Надо признать, что в общем итоге для Дурново эпизод закончился благополучно, так как на следующий же день пошли разговоры, «напрасно де мы Семена Дурново отпустили жива, сделали то худо, что до смерти не убили».

Был момент, когда движение грозило превратиться в погром всей красноярской администрации. Степан Лисовский, которого во время смятения тоже поколотили было за его заступничество за Дурново, опасался сам, чтобы «и его, Степана, не побили до смерти». Точно так же боялся за свою судьбу сторонник воеводы протопоп Дмитрий Матвеев, который, как мы видели, скрылся на соборную паперть, где просидел больше часу. Он же советовал подьячему Алексею Пословину не ходить на берег Енисея, чтобы и его красноярцы не убили, и спрятал его с собою на паперти.

Когда первые минуты возбуждения прошли, среди участников выступления началась паника. Наиболее активные из них бежали; «за шатостью красноярцев» их ловить было трудно, но дворы их были опечатаны. Когда Чанчиков объявился в городе, Лисовский, согласно полученному приказанию, арестовал его и скованным отправил в Енисейск. Но и сам Лисовский был принят на подозрение. Дружелюбное отношение к нему красноярцев, его сношения с мятежниками во время бунта, наконец, его несколько двусмысленное поведение в первые моменты мятежа, все это давало повод верить инсинуациям Семена Дурново, который, прибыв в Енисейск, открыто выставлял Лисовского сообщником «Федьки Чанчикова с товарищи», забыв, что он ему обязан жизнью.

Уже 22 августа на место Лисовского был назначен московский дворянин Яков Бейтонов, который и прибыл в Красноярск 28 августа. Лисовский был отозван в Енисейск, и о его действиях во время мятежа было наряжено следствие, которое не подтвердило взводимых на него воеводой Дурново обвинений.

Вступление в должность Якова Бейтонова, назначенного на место популярного в Красноярске Лисовского, тоже не прошло вполне гладко. Возбуждение не могло так быстро улечься. Когда он прибыл в Красноярск, то на площади перед Спасской проезжей башней был остановлен толпою служилых людей во главе с Артемием Смольяниновым и Данилой Старцевым, которые его «многочудством многое время держали и в малый город не пускали». Ему кричали, что он «им на городе быть не надобен, а воевода де у них в Красноярску — Степан Лисовский есть, и кроме его, Степана, никто не надобен». Бейтонов объявил им «великого государя печать» как доказательство своих полномочий, но ему отвечали, «что де им государева красноярская печать на городе не надобна», и всячески поносили думного дьяка Данилу Полянского, называя его вором. Когда же 29 августа Бейтонов пошел вместе с Лисовским в приказную

избу, чтобы принимать город, опять ворвались Смольянинов и Старцев «многолюдством» и требовали, чтобы он «из приказа вышел и печать государеву взял с собою, а в приказе бы государевы печати в ящик не клал», грозя, что в противном случае поступят с ним, как с Дурново. Некоторые служилые люди приходили к нему и на воеводский двор и говорили, чтобы он «из государева двора вышел вон честью», иначе красноярцы выведут его «с бесчестьем». «И ныне я живу в Красноярску от них, красноярцев, с великим опасением», — писал Бейтонов Полянскому. Приняв у Лисовского город, он не смог его даже «счесть» «за шатостью красноярцев».

Наконец, из Москвы прибыл новый воевода Петр Савич Мусин-Пушкин, которому было поручено произвести следствие о красноярских событиях совместно с дьяками Полянским и Берестовым. Последние выехали в Красноярск для расследования на месте. Но в 40 верстах от Красноярска, против Айкановой шиверы, они были остановлены выехавшей навстречу к ним толпой служилых людей во главе с Артемием Смольяниновым; служилые люди взошли к ним в дощаник и «с невежеством, с криком и с шумом» грозились не пропустить их в город, продержали на месте в течение шести дней и заставили воротиться в Енисейск. Ревизия Полянского на этом прервалась довольно неожиданным образом: в Москву поступили жалобы на действия ревизора, и он сам попал под следствие.

Розыск в Красноярске новый воевода заканчивал уже один. Петр Мусин-Пушкин был умный человек. Убедившись, что нет возможности выявить виновных, и, вероятно, не желая навлекать на себя раздражение в городе, только что пережившем такое сильное потрясение, он пришел к выводу, что среди красноярских служилых людей «опричь ссыльных воров и которые, запершись в малом городе, были с воеводами, ничьей измены и никакого бунта кроме того, что они, красноярцы, без великого государя указу, Алексею и Миرونу Башковским от воеводства отозвали..., не явилось», он в марте 1701 г. представил соответствующий доклад, скромно оговариваясь, что до самого его, Мусина-Пушкина, приезда и «правдивого розыска» был «явный поклеп» со стороны Дурново и Башковских, «чтоб тот город со всеми в нем живущими людьми привести им во всеконечное разоренье». В Москве остались очень довольны таким благополучным исходом неприятного дела. Тонкий администратор заслужил милостивый рескрипт за свой «о красноярцах правдивый и тщательный со всякою прилежательною и явственною очисткою розыск». Для окончательного же завершения дела была организована специальная комиссия из трех воевод: самого П. С. Мусина-Пушкина, мангазейского воеводы Юрия Федоровича Шишкина и илимского — Федора Качанова, прежнего ревизора Федора Тутолмина и дьяка Данилы Берестова. Главной целью ревизии было выяснить, «от каких причин и от кого те смуты и мятежи... того многовременного в Красноярску смятения начались»⁶⁴.

Однако в Москве дело было, видимо, предрешено. Вся вина (и надо сказать, не без основания) возлагалась на воевод, которые, мстя за поданное на них челобитье, хотели «тот Красноярской город со всеми жители в конец разорить» и требовали «с Москвы и с городов для смирения [красноярцев] рати». Предписывалось в случае надобности пытаться сторонников, знакомцев и людей воевод; самим же виновным воеводам, «не отписываясь к Москве к великому государю, без всякой пощады и отговорки... казнь или наказание или животам взятья... учинить, а иные животы по правым свидетельствам отдать истцам в иск»; воеводских же сторонников

⁶⁴ «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. I, СПб., 1882, № 9, стр. 38—40, 50.

«жестоко наказать» и, «быв кнутъем..., отдать в пашенную работу», а пущих «составщиков и смутителей» из ссыльных — «дав время на неделю на покаяние, человек двух или трех повесить во унятие и в страх впредь будущим ссыльным вора»⁶⁵. Правительство Петра I с его новыми людьми брало на подозрение всю «творящую знать и поэтому отнеслось, как мы видим, к красноярской «смуте» не формально, но в достаточной мере вникнув в ее сущность⁶⁶.

⁶⁵ «Памятники сибирской истории XVIII в.», т. I, № 9, стр. 44—50.

⁶⁶ При характеристике Красноярского восстания С. В. Бахрушин не затрагивает ряда весьма существенных вопросов. Еще Н. Н. Оглоблин отмечал связь красноярских событий конца XVII в. с выступлениями в других городах Восточной Сибири (Иркутске, Селенгинске и др.). На это обстоятельство указывают и советские исследователи (см. Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939; В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.— «Исторические записки», кн. 59, стр. 282—286). Требуется уточнения также анализ движущих сил красноярского восстания, данный С. В. Бахрушиным.— *Примечание редакции.*

СИБИРЬ
И СРЕДНЯЯ АЗИЯ
в XVI и XVII вв.

I

Тесная связь между Средней Азией и Сибирью, установившаяся еще в глубокой древности, определялась тем обстоятельством, что издавна вдоль Иртыша шла большая торговая дорога из Мавераннахра в Восточную Европу.

Именно этим путем попадало, надо думать, на берега Камы сасанидское серебро. Позже этим же путем ходили торговые караваны в Волжскую Булгарию. Татаро-монгольское нашествие не разрушило издавна налаженных торговых отношений, и «старая Казанская дорога» «полем» продолжала служить связующей артерией между Средней Азией и Поволжьем. В татарской Казани с XVI в. упоминаются «тезики», т. е. таджикские купцы, давшие свое название «Тезицкому рву» в казанской цитадели. У перевала через Урал со стороны Азии уже в XV в. возник торговый город Тюмень; самый перевал долгое время носил название «Тюменского», в Казани существовали Тюменские ворота, и это определяет направление, каким пользовались «тезики» в их поездках в Казанское ханство.

Тюмень в XV в. стала центром самостоятельного юрта, объединившего татарские племена, обитавшие на Тоболе и по среднему течению Иртыша, и известного под названием «Сибирского юрта». Сибирский юрт сделался единственным перепутьем на дороге из Средней Азии в Восточную Европу. Когда впоследствии резиденция сибирских ханов была перенесена к устью Тобола — в Кашлык (или, по позднему наименованию, Искер), новая столица приобрела то же значение на пути в Зауралье. Таким образом, самое географическое положение Сибирского юрта обусловило установление очень ранних связей с Средней Азией, которые не прерывались и после присоединения ханства к владениям московских царей.

Направление пути из Кашлыка в Среднюю Азию в эпоху независимости Сибирского юрта может быть установлено лишь приблизительно. Дорога, несомненно, шла, как видно из отписок русских воевод от конца XVI и начала XVII в., на торговый город Сауран, расположенный недалеко от Сыр-Дарьи, к северу от г. Туркестана. До сих пор можно видеть развалины этого некогда цветущего торгового города, в котором, по выражению русского документа 1601 г., «владели торговые люди тезики»¹.

Из рассказа о гибели Ермака, вышедшего из Кашлыка навстречу бухарскому каравану, видно, что из столицы Кучума дорога шла на р. Вагай, но во избежание длительного пути по Вагаю, делающему большой изгиб, Вагайскую луку пересекали по прямой линии, своего рода хорде. Легенда утверждает, что Ермак нарочно выкопал «перекоп», т. е. канал, со-

¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, стр. 168, № 23.

единавший оба конца хорды, но возникновение этой легенды следует, по-видимому, объяснять наличием следов высохшей протоки.

Из Тобольска в XVII в. ехали «вверх по Иртышу реке до Колмыцкого перевоза до Шаншинских юрт 30 верст и, переправясь Иртыш на правый берег лугами через многие грязные речки... дубравами и борами», через Атбашский острог добирались до перевоза через Вагай в Капканинской волости. Это приблизительно соответствует направлению обычного варианта пути Ермака. Далее путь шел «на Ишимские пади», очевидно, так же, как он шел и в XVI в., до урочища Шанши-Карагая и «на вершину Ишима, на Каменный брод»; «а ход де бывает коньми и верблюды нужный, а телегами тем путем и идти невозможно», чем, вероятно, объясняется, что этим более коротким путем в XVI в. иногда предпочитали не пользоваться. Далее дорога оставляла влево горы Улу-Тау и шла по р. Сары-су. Перейдя Сары-су, двигались вдоль нее «до урочищ Кашаун и Кручин-куш, и в том де месте сошелся малопроездный с обеих сторон камень подле речки Сары-су... А проход де промеж тех камней в один человек, а шерингою и телегами идти невозможно». От урочища «Пятнадцать дерев» дорога тянулась песками «до камня» (гор). Миновав горы, выходили к г. Юзуганту, от которого «ходу... до Туркестану 3 дни». (Сауран, расположенный несколько выше по Сыр-Дарье, в XVII в. оставался в стороне). Далее конями шли полдня до р. Сыр-Дарьи («Сыртрека»), затем «до колодца название Дерт-Кутук, от него степью до колодца Аштлы и, наконец, «топкими безводными степьями», продовольствуясь водой, которую везли на верблюдах, достигали г. Бухары².

Учитывая происшедшие за столетие изменения, можно полагать, что маршрут 1697 г., из которого черпаются эти данные, довольно точно, как это видно и по новейшим картам, определял путь через Сауран, находившийся всего в трех днищах от г. Туркестана, на Бухару, как он шел с верховьев Ишима. Описанный путь соединял Бухару и Ургенч с Кашлыком.

Другой путь шел «вдоль Иртыша». Один из источников С. Ремезова подробно описывает вариант пути Ермака от Вагая вверх по Иртышу до Шиш-Тамака через «опасной крайной Кучумовской от калмак городок Куллары»³. В конце XVI в. в районе выше Тары были перевозы через Иртыш, которыми пользовались бухарские караваны. В 1596 г. с Тары был послан Илья Беклемишев с отрядом служилых людей «вверх Иртыша по перевозом в судех» для наблюдения за движением Кучумовичей. «А от нового города от Тары до Отчаира-перевозу ходу в судех 16 ден, — говорится в воеводской отписке по этому поводу, — а от Чаира перевозу велели... посылати по перевозом вверх по Иртышу до Окмаса перевозу и на низ по Иртышу до Оми и до Каратура перевозу, а до Откмаса де перевозу от нового города от Тары ходу в судех 20 ден»⁴. По вестям, Беклемишев «От Чаира перевозу пошел на Казьму перевоз... со всеми [служилыми], людьми, и пришел де на Казьму перевоз тое ж ночи рано до света», служилые люди перехватили бухарских людей, шедших к Кучуму⁵. Указанные перевозы локализуются довольно точно поселками Ачаирским и Большим и Малым Атмасами на правом берегу Иртыша выше Омска. Что касается Каратура, то это, может быть, основанный сыном Кучума Али Черный городок, который Миллером приурочивается к местности близ

² «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I. Л., 1933, стр. 262—266 (далее — «Материалы», ч. I).

³ «Сибирские летописи», изд. Археограф, комиссии. СПб., 1907, стр. 342—343.

⁴ «Материалы», ч. I, стр. 297.

⁵ Там же стр. 298.

Большого озера, между устьями рек Тары и Оми⁶. Дальше путь шел, вероятно, на вершины Ишима.

Иначе шел путь «на Тюмень по землям Бухарские земли», тоже сложившийся еще до «Ермакова взятия Сибири». Из Тюмени путь этот направлялся на татарский город Явлу-Тура (позже Ялutorовская слобода); здесь он соединялся с дорогой, которая вела из Кашлыка через Тарханский городок, бывший, по словам Ремезова, «заставным» городом царя Кучума⁷. От Явлу-Туры путь лежал к Цареву Городищу, тоже старинному татарскому городку, и шел «через степь» до Ишима: «степь ровная, гор нет, людям и скоту кормно». Переправясь через Ишим, двигались «большою лукою» (Улу-тага) до Каменного брода и дальше вышеописанной Туркестанской дорогой⁸.

В документах упоминается еще дорога на Тобольск «через Ямышозеро»⁹. Она, очевидно, была связана с одной из указанных выше дорог, вернее всего с Тарской.

Положение Сибирского юрта на древних путях из Средней Азии в Поволжье и собственное значение «Страны мрака» в поставке пушнины на среднеазиатские рынки способствовали довольно раннему установлению оживленных связей между Сибирью и торговыми городами Средней Азии. Даже после поражения Кучума к нему летом 1596 г. приходили торговые люди «из Бухар, из Ясырского города, да из Саурана городка»; их было 29 чел., но часть из них собиралась идти в русские города. По дороге их встретили бухарские люди (30 чел.), «которые у Кучума царя зимовали»¹⁰.

В 1601 г. к Кучумовым царевичам опять приезжали «из Бухар бухарские торговые люди из бухарского из Шаврана города 18 человек»¹¹. Именно из Средней Азии проникали на берега Иртыша дешевые предметы восточной роскоши вроде находимых на городище Искера серег с бирюзой и других украшений, ткани бумажные (мели, миткали) и шелковые, предметы одежды (в частности, кушаки), ковры, славившиеся в Азии бухарские луки, тулумбасы, лекарства (как известно, Кучуму, страдавшему глазами, из Бухары послан «юк конский с зельями») ¹². Бухарские купцы выступали также в качестве посредников между среднеазиатскими кочевническими хозяйствами скотоводов и сибирскими татарами, которым они доставляли лошадей; в 1601 г. сарайские купцы пригнали к Кучумовичам 150 коней. Уже тогда Бухара и Ургенч выступали в качестве посредников и в торговле с Китаем.

Через руки среднеазиатских купцов попали в развалины Искера черепки фарфоровой китайской посуды; упоминается находка ножиц с китайским клеймом и т. д. В обмен из Сибири в Среднюю Азию шла пушнина и отчасти охотничьи кречеты. Абдулла-хан несколько раз посылал к Кучуму за кречетами, соболями черными и лисицами черными.

Торговые связи Средней Азии с Западной Сибирью нашли отражение в том сильном воздействии, которое оказывали среднеазиатские торговые города на политические отношения в этой стране. Пока не было

⁶ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 294—295.

⁷ «Сибирские летописи», стр. 321.

⁸ «Материалы», ч. I, стр. 263—264; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 287—288, прил. № 188.

⁹ «Материалы», ч. I, стр. 411.

¹⁰ ЦГАДА, Сиб. прик, кн. 11, л. 24.

¹¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 168.

¹² Сиб. прик, кн. 2, лл. 138—139. В грамоте Абдуллы-хана («Материалы», ч. I, стр. 296) упоминаются в числе поминков: тулумбас, бархат червчатый, атлас лазоревой, две дороги, девять луков, девять мелей, девять кушаков, четыре миткаля.

поколеблено могущество Золотой орды и в ее руках сосредоточивались оба конечных пункта транссибирского караванного пути — Ургенч. и Поволжье, интересы среднеазиатской торговли были достаточно обеспечены. Но со второй половины XIV в. начинается распад Золотой орды, и Сибирь становится добычей то одного, то другого из соперничавших между собой претендентов на сарайский престол. Непрерывный переход Сибири из рук в руки, естественно, нарушал интересы государств, которые пользовались торговыми путями, шедшими через нее. Отсюда стремление, которое проявляют одновременно и Казань, и Ногаи, и далекая Москва, — подчинить эти пути своему контролю посредством создания в Сибири зависимого ханства. В этой борьбе за господство на Иртыше деятельное участие принимала Средняя Азия, для купечества которой было особенно важно утвердиться на путях в Восточную Европу. Уже в XIV в. хан Белой орды Тохтамыш, кочевавший на низовьях Сыр-Дарьи, распространил свою власть на Юго-Западную Сибирь. В 1388 г. Тохтамыш отпал от своего верховного сюзерена Тимура, и это послужило сигналом для восстания в Ургенче — обстоятельство, устанавливающее с несомненностью связи завоевателя Сибири с торговым центром Хорезма. Позже, в XV в., Сибирь вошла в состав Узбекской державы. Знаменитый узбекский хан Абулхаир, праправнук Менгу-Тимура, потомка сына Джучи — Шейбана, как известно, был избран в ханы в сибирском городе Туре, т. е., вероятно, Тюмени.

Во второй половине XV в. «тюменским царем» был другой шибанид, тоже праправнук Менгу-Тимура, Ибрагим Ибак¹³, а его преемником — его сын Кутлук. Таким образом, Сибирский юрт первоначально был как бы уделом Узбекской державы, почему русские источники называют сибирских ханов «шибанскими (т. е. узбекскими) царевичами», а сибирских татар — «шибанскими татарами». Эту связь Сибирского ханства с Узбекской державой хорошо отметила легенда сибирских татар об обращении в ислам жителей Западной Сибири. Согласно этой легенде, инициатором распространения ислама был бухарский «святой», знаменитый «ишан ходжа» Багауддин, белые куполы мазара которого до сих пор можно видеть со стен Бухары, а ближайшим его сотрудником был знаменитый узбекский завоеватель Шейбани-хан, покоритель Мавераннахра, который во главе 1700 героев ходил будто бы походом «на лошадах» к Иртышу, участвовал в священной войне и заслужил потому почетное прозвище Вали-хан, т. е. «святой царь»¹⁴.

С конца XV в. в Сибири началась борьба местных татарских феодалов за образование самостоятельного и независимого от узбекских ханов юрта с центром в Кашлыке. Это стремление сибирской знати, во главе которой стоял Тайбугин род, грозило порвать установившиеся политические связи между узбекским государством и татарскими землями на Иртыше и Тоболе и вызвало не только пристальное внимание в торговых городах Средней Азии, но и непосредственное вмешательство с их стороны. Несомненно, при их содействии «шибанский царевич» Кучум, внук Ибака, пришел из казахских степей на Сибирь и, убив хана Едигара из рода Тайбуги, овладел Сибирским юртом. О связях Кучума с среднеазиатским купечеством говорят приведенные выше данные. Последующие события показали близость Кучума к влиятельным кругам могущественного мусульманского духовенства Ургенча и Бухары, в частности к суфийским орденам. Он находился в союзнических отношениях с знаменитым бухар-

¹³ Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. СПб., 1899. Таблица к стр. 199

¹⁴ Н. Ф. Катанов. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири. — «Ежегодник Тобольского губ. музея», вып. XIV.

ским ханом Шибанидом Абдуллой, который оказал ему содействие в распространении ислама среди его сибирских подданных; у Абдуллы-хана он впоследствии искал помощи против русских.

В 1596 г. в «вестовых письмах» в Москву сообщалось, «что Кучум царь з бухарцы и с нагайцы ссылаетца и умышляет вместе и хотят на наши сибирские города приходи»¹⁵. Действительно, из ярлыка Абдуллы-хана к «государства защитнику, счастье обретших навывшему в государстве и в чести славному Кучуму», перехваченного русскими властями в 1595/96 г., видно, что Кучум просил рати у бухарского хана, но получил вежливый отказ. «А что еси просил у нас рати,— писал Абдулла,— и мы в те поры были в войне, для того и не послали есьмя»¹⁶.

Из этого же ярлыка явствует, что для Абдуллы-хана союз был важен исключительно с точки зрения торговли. Посылая в качестве поминков своему союзнику ткани (бархат, атлас, шелк, миткали), луки и другие предметы бухарского ремесленного производства, он в обмен ожидал от него сибирской пушнины и сибирских кречетов. Желание укрепить торговые связи с Сибирью руководило Абдуллой-ханом и в 1572 г., когда он так охотно удовлетворил просьбу Кучума о присылке духовных лиц для утверждения ислама в его владениях. Не надо забывать, что в среднеазиатской торговле мусульманскому духовенству принадлежало весьма значительное место. В 1596 г. среди бухарских торговых людей, ехавших к Кучуму, которые были перехвачены русскими, упоминается Усеин-абыз хафиз (почетный титул духовного лица).

Экономические и политические связи Кучума со Средней Азией были закреплены брачным союзом: одна из жен Кучума была оттуда родом; по крайней мере, когда Кучум отпустил ее «за старость», то она уехала жить в Сауран¹⁷. О тесной связи между Кучумовым юртом и Средней Азией говорит и уход части его подданных «в Бухары». Так, в 1596 г. целая группа «Кучумовых людей з женами и з детьми» пошла, вместе с бухарскими купцами, возвращавшимися на родину, «от Кучума царя в Бухары к Облахану царю служить»¹⁸.

В русских источниках начала XVI в. имеются сведения, почерпнутые из татарских преданий, что и соперник Кучума, Сеид Ахмат (Сейдяк), племянник убитого им хана Едигара, нашел себе убежище в Средней Азии. Когда положение Кучума пошатнулось в результате поражения, нанесенного ему Ермаком и его казаками, то Сеид-Ахмат, по летописному рассказу, пришел на него «из Бухар», очевидно при поддержке некоторых кругов среднеазиатского общества; позднейшая татарская легенда, записанная в первой половине XVIII в., отмечает его связи с мусульманским духовенством: он будто бы воспитывался у одного сеида.

Сохранилось довольно достоверное известие, что после поражения Кучума «торговые люди тезики» Средней Азии нашли для себя более выгодным устранить его и заменить другим ханом. По крайней мере впоследствии Кучума сын Канай отказывался «в Бухары в Шавран город ехати для того, что они отца де их Кучума, заманив в Колмаки оманом, убили»¹⁹.

После завоевания Сибирского юрта Москвою среднеазиатское купечество не сразу отказалось от мысли влиять на политические судьбы

¹⁵ «Материалы», ч. 1, стр. 108.

¹⁶ Там же, стр. 296.

¹⁷ РИБ, т. II, № 99, стб. 282 (см. также Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 168).

¹⁸ «Материалы», ч. 1, стр. 298.

¹⁹ РИБ, т. II, стб. 282—283; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 168.

Сибири. В 1601 г. к старшему сыну Кучума — Канаю приезжали из Саурана торговые бухарцы «звати в бухарской в Шавран город на княженье... а оне де учинят ево в том городе князем»²⁰.

Расположенный на границе казахских степей и бухарских владений, Сауран играл, как мы видим, очень крупную роль в политической жизни Сибирского юрта. Представляя собою, благодаря географическому своему положению на путях из Сибири в Среднюю Азию, крупный торговый пункт, он был местожительством влиятельного таджикского купечества, «а в том де у них городе в Шавране владеют тезики, торговые люди»²¹. Выше приведены сведения о приезде к Кучуму и Кучумовичам торговых людей из Саурана. Эти оживленные торговые сношения сауранских тезиков с Сибирским ханством в достаточной степени объясняют участие их в политических делах этого ханства. Сауранских жителей подозревали в подготовке вероломного убийства Кучума; позже купечество Саурана приглашало царевича Канаю «на княжение». В Сауране доживала свой век вдова Кучума, вероятно, сама бывшая родом из этого города. Все эти факты подтверждают высказанное выше мнение, что в судьбах Сибирского юрта главным образом было заинтересовано среднеазиатское купечество. Недаром московское правительство ревниво следило за поездками бухарских торговых людей к Кучуму из опасения сношений его через их посредство с Бухарой.

Тесные политические связи Средней Азии с Сибирью в XVI в. очень ярко отпечатлены в легендах, повествующих о прибытии Кучума и его брата Ахмет-Гирея из Бухары, о вызове ими мусульманских миссионеров из Ургенча и, наконец, о женитьбе Ахмет-Гирея на дочери «знатного бухарского князя Шигея» и о предательском убийстве Ахмет-Гирея тестем²². С другой стороны, создался цикл легенд, связанный с именем соперника Кучума — Сеид-Ахмата, нашедшего приют после гибели своего отца Бекбулата и дяди Едигара в Бухаре. Один из многочисленных вариантов этой легенды сохранился уже в русских повестях «О взятии Сибири», корень которых восходит к самому началу XVII в. Наконец, «Ведомость о Китайском государстве», составленная в Тобольске в 1669 г. «изысканием стольника и воеводы П. И. Годунова», сообщала версию о родоначальнике сибирских ханов Тайбуге, согласно которой отец его, казахский царь Мамык, был убит Чингисханом, а сам Тайбуга получил от Чингисхана в управление территорию будущего Сибирского ханства²³. Так своеобразно переплетаются в один клубок нити разнообразных легенд, связывающих историю образования Сибирского юрта с Средней Азией, отражая исторически верный по существу факт.

Торговые и политические сношения с центрами мусульманского просвещения в Средней Азии — Бухарой и Ургенчем способствовали распространению на берегах Туры и Тобола духовной культуры ислама. Когда, по выражению татарской легенды, «открылись пути» в Сибирь, то «вдоль Иртыша стали проходить караваны и наезжать сюда ради научения вере ученые, хаджи и ишаны». В Тюмень ислам проник, по-видимому, уже к концу XV в. из Золотой орды и Казани, и тюменская знать, находившаяся в постоянных сношениях с феодалами приволжских ханств, очень рано восприняла учение пророка. Но окончательное торжество мусульманского

²⁰ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 168.

²¹ РИБ, т. II, № 99, стб. 283; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 168.

²² Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 200—201; Н. Ф. Катанов. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухамеданских проповедников в г. Искер.— «Ежегодник Тобольского губ. музея», вып. VII, Тобольск, 1897, стр. 59.

²³ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 190.

вероучения и распространение его на собственно Сибирь явились результатом переворота, восстановившего на Сибирском юрте тесно связанной с Бухарой и Ургенчем династии «шибанских царевичей» в лице Кучума и его брата Ахмет-Гирея. При них и, если верить татарской легенде, по их инициативе бухарский хан Абдулла снарядил в 1572 г. «к Сибирскому народу для наставления его в вере» посольство во главе с одним из наиболее уважаемых шейхов из Ургенча — Шербети и сеидом Ярымом; а через несколько лет от него же в Сибирь прибыла новая миссия, в состав которой вошли тот же Шербети, ученый ургенчский богослов Дин-Али и другие ученые «с ахунами, мирзами и слугами». Торжество новой религии было ознаменовано установлением культа местных святых и чудотворцев — 300 шейхов, которые, как утверждала официальная легенда, задолго до Кучума распространяли с оружием в руках «истинную веру» в Сибири и «стяжали мученический венец» в борьбе с неверными. Одновременно были открыты для поклонения и мнимые могилы некоторых из этих вновь канонизированных мучеников ислама. Самое внедрение ислама в гущу населения Сибири позднейшая легенда связала, как мы видели, с именем популярного бухарского «святого» — Багауддина, основателя наиболее известного суфийского ордена Накшбенди, умершего в 1388 г.²⁴

После официального принятия ислама мусульманское духовенство в Сибирском юрте вербовалось из образованных выходцев из Средней Азии. Уроженец Ургенча Дин-Али-Ходжа, возглавлявший вторую миссию, посланную в Бухару, остался жить в Сибири и, по преданию, был женат на дочери Кучума — Нал-Ханише²⁵.

II

Отношения между Сибирью и Средней Азией не порвались после того, как Сибирский юрт вошел в состав владений московских царей. Бухарские торговые люди продолжали ходить по проторенным издавна дорогам к устью Тобола, где на месте бывшей столицы Кучума возник административный центр русской Сибири — Тобольск. «А ходу де от государства их,— рассказывал в 1671 г. в Москве посол бухарского хана Абдул-Азиса,— через калмыцкие улусы царского величества до города Тобольске 40 дней, и ход им на Тобольск податнее Астрахани»²⁶.

Уже тотчас после занятия Сибири Ермаком и его казаками по старой, веками налаженной дороге «идут в Сибирь с торгом бухарцы»²⁷. Русская администрация Сибири была заинтересована в поддержании торговых сношений со Средней Азией. Ермак выходил навстречу бухарскому каравану, чтобы охранить его от возможного нападения со стороны Кучума; он и погиб во время этой экспедиции. Московское правительство принимало самые энергичные меры для развития бухарской торговли в сибирских городах: «будет бухарцы с товары или нагаи с лошадьми торговые люди учнут к вам на Тюмень приезжать,— писали в 1596 г. из Москвы в Тюмень к воеводам,— и вы б тем бухарцом и нагайцом торговым людям велели с нашими с русскими людьми и с юртовскими и с ясашными татари на Тюмени торговать беспощлинно; а иных никаких таможенных пош-

²⁴ Н. Ф. Катанов. Предания тобольских татар...— «Ежегодник Тобольского губ. музея», вып. VII; его же. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина...— Там же, вып. XIV).

²⁵ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 201.

²⁶ «Материалы», ч. I, стр. 337.

²⁷ «Сибирские летописи», стр. 309.

лин с них имати не велели. И береженье к ним и ласку держали великую, и обиды б и насилства никоторого не было, чтоб им вперед повадно было со всякими товарами приезжати»²⁸. В 1595 г. в наказе к тарским воеводам точно так же предписывалось «береженье к торговым людем, к бухарцом и к ногаем держать, чтоб их впредь приучити»²⁹. По указу царя Бориса Годунова приказано было даже бухарских торговых людей угощать медом и вином³⁰. Впоследствии, когда бухарцы были достаточно «приучены», полная беспощинность была отменена, но в течение всего XVII в. они платили пошлину в половинном размере, т. е. вместо десятой пошлины — двадцатую.

В XVII в. мы наблюдаем довольно значительный, хотя далеко не равномерный приезд бухарских купцов в сибирские города. В Тобольск³¹, например, в 1639/40 г. приехало 114 чел., в 1644/45 — 39, в 1649/50 — 14, в 1654/55 — 26, в 1655/56 — 52, в 1657/58 — 51, в 1668/69 — 30, в 1670/71 — 32, в 1671/72 — 12 чел.; на Тару в 1637/38 г. — 15 чел., в 1645/46 — 26, в 1648/49 — 21, в 1653/54 — 58, в 1657/58 — 25, в 1658/59 — 25, в 1666/67 — 28, в 1696/97 — 21, в 1697/98 — 4 чел. Приезжали бухарцы также по-старому и в Тюмень. В 1647 г., например, туда прибыли калмыцкие послы, а с ними бухарцев, торговых людей и кашеваров 32 чел.³². Из Тюмени бухарцы направлялись в Туринск, а оттуда на Верхотурье. Из прочих западносибирских городов бухарцы посещали Томск (в 1696/97 г. — 6 чел., в 1697/98 г. — 8 чел.). Наконец, среднеазиатские купцы регулярно приезжали с товарами к Ямыш-озеру на ярмарку, происходившую здесь ежегодно, когда к приезду служилых людей из Тобольска за солью сюда прикочевывали калмыки. «И то Ямыш озеро от реки Иртыша верст с пять..., — сообщает Спафарий. — А в то время, как русские люди собирают соль из озера, учинится ярмарок. И приходят многие тысячи людей калмыки и бухарцы, и татары, и торгуют с русскими людьми»³³.

Проникали бухарцы со своими товарами и в Восточную Сибирь. Так, в Красноярск в 1671 г. приезжали четыре бухарца «с торжишком»; в 1672 г. пришли «с торгами» от джунгарского хунтайджи «купчины его бухарцы Дейна с товарищи» — 12 чел. В 1686/87 г. в приезде бухарцев было всего «человек три с малыми товарами»³⁴. В одном случае упоминается о караване бухарцев и калмыков в 30 верблюдов³⁵. В конце столетия имел место «приход бухарцев с товары» в Иркутск, где их принимали «со всяким удовольствием» и «торговали они повольно»³⁶.

Среднеазиатские купцы ездили не только по русским городам Сибири; они вели торговлю и с сибирскими народами, сохранившими еще в XVII в. свою независимость. Мы постоянно встречаем их в орде у Кучумовичей³⁷. С своей стороны и люди Кучумовы ходили «в Бухары» «для торгу»³⁸. Ездили бухарцы с товаром и «в Киргизы», т. е. к енисейским киргизам³⁹.

²⁸ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 150.

²⁹ Сиб. прик., кн. 11, л. 8.

³⁰ Там же, кн. 2, л. 18.

³¹ См. «Материалы», ч. I, таблицы, стр. 348—349, 354—355 и др.

³² Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 519.

³³ «Путешествие Спафария». — «Записки Русск. геогр. об-ва», т. X, СПб., 1882—1888, стр. 43.

³⁴ «Сибирские летописи», стр. 380.

³⁵ Сиб. прик., стб. 886; л. 223; стб. 715—716.

³⁶ ЦГАДА, Кн. Китайского двора, № 10, л. 1223.

³⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 444—445. Прил. 369, 370.

³⁸ Там же, стр. 443, № 368.

³⁹ Там же, стр. 316, № 222.

Как общее правило, бухарцы приезжали караванами, иногда очень многочисленными — в 20—30, даже в 79 чел., чаще же от 10 до 16 чел.⁴⁰. Во главе каравана стоял башлык, или «караванный голова», который выступал в качестве представителя интересов всех участников в караване. О размерах привоза товаров отдельным караваном дают представление следующие цифры: осенью 1653 г. на Тару прибыл караван из 11 чел., привезший 2240 мест разных товаров; товары эти не распределялись равномерно между всеми приезжими: около половины (1040 мест) принадлежало караванному голове Боянде Ширинду⁴¹. Караван в 79 чел., прибывший в июле 1640 г. в Тобольск с посольством бухарского хана Имам-Кули, привез 10 175 концов и 73 566½ аршин разных тканей, 1722 кафтана, 1512 кушаков, 1014 мерлушек и т. д.⁴². Очень большое участие в торговле принимало мусульманское духовенство. Среди приезжих на Тару бухарцев в 1653/54 г. упоминаются восемь мулл⁴³.

Нередко, в целях большей безопасности и льготности, купеческие караваны присоединялись к посольствам, ходившим из Бухары и Хивы в Тобольск и Тюмень. В 1622 г., например, в Тюмень пришел посол бухарского хана Имам-Кули, а с ним в караване пришли «всяких бухарских торговых людей и с кашевары — 19 человек»⁴⁴.

С его же послом прибыл в Тобольск в 1640 г., упоминаемый выше громадный по числу людей (79 чел.) и по количеству привезенных товаров караван.

Торговля среднеазиатских купцов в Сибири встречала деятельную поддержку со стороны государств, расположенных между оседлыми районами Средней Азии и границами русских владений. Скотоводческое хозяйство далеко не могло удовлетворить всех потребностей кочевников, и они должны были искать их удовлетворения либо в грабеже соседних народов, либо в торговом обмене. Отсюда заинтересованность владетелей кочевых улусов в правильном функционировании торгового аппарата. Поэтому и калмыцкие тайши, и Кучумовичи, кочевавшие в пограничных с русской Сибирью степях современного Казахстана, и джунгарские хунтайчи в Монголии одинаково покровительствовали бухарской торговле. Калмыцкие послы, ходившие на Тюмень, привозили с собою много торговых бухарцев. Так, в 1647 г. с послами хунтайчи Эрдени, жены тайши Тайчина, и ее сына Ешкепа прибыли 32 чел. торговых бухарцев и кашеваров⁴⁵. В Красноярск бухарцы приезжали в качестве купчин знаменитого джунгарского хунтайчи Галдана⁴⁶. С Баянком Бугонаковым, послом Девлет-Гирея, внука Кучума, в 1637 г. прибыли на Тару 22 бухарских купца⁴⁷, в 1649 г. с его же посланником Тек-Маметем в Тобольск приехали 28 торговых бухарцев⁴⁸ и т. д. Все они энергично отстаивали интересы бухарского купечества в Сибири, прибегая в случае надобности к дипломатическому воздействию. Галдан присылал воеводе в Красноярск «гостинцы большие для того, чтоб де их, бухарцов, ни в чем он не теснил и обид де и налог никаких им не чинил».

⁴⁰ «Материалы», ч. 1. Таблицы, стр. 348—349.

⁴¹ Сиб. прик., кн. 313, л. 368 об. и сл.

⁴² «Материалы», ч. 1, стр. 363.

⁴³ Сиб. прик., кн. 313.

⁴⁴ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 287, № 188.

⁴⁵ Там же, стр. 519, № 448.

⁴⁶ Сиб. прик., стб. 980, л. 159.

⁴⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 445, № 370.

⁴⁸ Сиб. прик., стб. 455, л. 810.

В 1690 г. вопрос о посылке Галданом в Иркутск «торговых людей, своих и бухарцов» был предметом официальных переговоров с полномочным послом Ф. А. Головиным. Джунгарские хунтайчи не останавливались даже перед применением военной силы для поддержания бухарской торговли. Так, например, набег на Красноярск джунгар и киргизов при воеводе Герасиме Никитине, по словам красноярских служилых людей, был вызван «нападками и непомерными взятками», которые воевода чинил «калмыцким и киргиским и бухарским торговым людям и калмыцким посланцам». «И после того, — заявляли служилые люди, — был в Красноярску... такой же воевода, разоритель и грабитель, Данило Загрязской, от таких его обид и задоров калмыки (джунгары. — С. Б.) и киргизы войною приходили одного лета дважды, села и деревни пожгли, скот и кони отогнали, жен и детей в полон поимали». Так решительно отстаивали джунгары интересы происходившей под их покровительством торговли⁴⁹.

Основным предметом бухарского ввоза в Сибирь из Средней Азии была продукция текстильного ремесленного производства. Уже в XVI—XVII вв. производство хлопчатобумажных и в меньшей мере других тканей было настолько развито в Средней Азии, что она была поставщицей дешевого текстиля для Сибири. Вследствие колониального характера ее хозяйства Сибирь не имела собственной промышленности и служила сырьевой базой (пушнина) для метрополии; сама же потребляла исключительно привозную мануфактуру, русскую и иноземную. Поэтому среднеазиатские ткани в течение всего XVII в. занимали видное место в сибирском ввозе⁵⁰. В Сибирь ввозились в первую очередь бумажные ткани среднеазиатского производства: выбойки широкие в узкие с набойным рисунком, бязи белые и лощенные, зендени и полузендени различных сортов и цветов, кисеи и полукисеи, чалдары, миткаль, сата (род сатина), пояса, бумажные. Уже в XVI в. отмечается производство в Средней Азии тканей из льна (мели) и пеньки (выбойки), которые тоже шли в значительном количестве на вывоз в Сибирь. Менее значителен был вывоз изделий из шелка, полушелковых материй (кутни, выделывавшиеся из бумажных и шелковых нитей), шелковой фаты и шелковых и полушелковых кушаков. Хотя «шелк бухарский» (сырец) и вывозился в Сибирь, но шелковое производство в Средней Азии было сравнительно с хлопчатобумажным распространено очень слабо. «Товары де у них киндяки, да зендени и китайки, — говорил в 1671 г. бухарский посол в Москве, — а камок и отласов мало, а которые есть и те обышные»⁵¹.

О размерах вывоза среднеазиатского текстиля в Сибирь дают представление следующие цифры. Зенденей в Тобольск бухарскими купцами было привезено в 1639/40 г. — 7959, в 1654/55 — 5160, в 1655/56 — 8680, в 1657/58 — 3155; на Тару в 1645/46 г. — 2082, в 1653/54 — 1780, в 1657/58 — 2420, в 1658/59 — 2300, в 1666/67 — 1000, в 1696/97 — 1260; выбоек в Тобольск в 1639/40 г. — 29940¹/₂ аршин и 642 конца, в 1654/55 — 2200 концов, в 1655/56 — 3796 концов; на Тару в 1653/54 г. — 4860 концов; пестрядей в Тобольск в 1639/40 г. — 2594, в 1657/58 — 2533; на Тару в 1657/58 г. — 1160 концов; бязи в Тобольск в 1639/40 г. — 68026 аршин и 191 конец, в 1655/56 г. — 20750 аршин и 932 конца, в 1857/58 — 17980 аршин и 100 концов; полукисеи на Тару в 1645/46 г. — 103 конца и т. д. Материи вывозились и в виде одежды (кафтаны, азямы, рубашек, штанов, чалм, куша-

⁴⁹ Сиб. приж., стб. 366, лл. 104—105; ЦГАДА, Кн. Кит. двора, № 10, л. 1333.

⁵⁰ Список товаров составлен в основном по сводным таблицам в «Материалах по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 342—347 и др.

⁵¹ «Материалы», ч. I, стр. 336.

ков) и предметов обихода: бухарских завес, скатертей и т. п. Одних кафтанов было привезено в Тобольск в 1639/40 г. 2128.

Привозилось также в Сибирь, в очень, впрочем, небольшом количестве, и текстильное сырье: «хлопчатая бумага», т. е. хлопок, употреблявшийся у русских на подбивку «бумажников», т. е. военных кафтанов (в Тобольск было привезено в 1639/40 г. 68 п. 27 ф., в 1657/58 г.— 15 п. 30 ф.), шелк-сырец (в 1655/56 г.— 13 пудов), бумага синяя шитья (в 1639/40 г.— 1 п. 39 ф.)⁵².

Кроме текстиля, из других предметов среднеазиатского ремесленного производства в Сибири имели спрос сафьяны бухарские и ковры бухарские — «шляпы» (желимы) и полазы, а из оружия — луки бухарские, которые славились еще в XVI в., в частности луки костяные (в 1649/50 г. в Тобольск был привезен 61 лук).

Значительную отрасль среднеазиатского ввоза в Сибирь составлял ремень, копытчатый и черенковый. Осенью 1653 г. в Тару прибыл караван из 33 бухарских купцов, которые привезли 577 пудов ревеню⁵³. Всего в Тару было привезено ревеню в 1653/54 г.— 826½ пудов, в 1657/58 — 594¼ пудов, в Тобольск в 1654/55 г.— 207 пудов, в 1655/56 г.— 116¼ пудов.

Среднеазиатские купцы по-прежнему служили посредниками между Сибирью и Китаем, почти монопольными до последней четверти XVII в., когда установились непосредственные сношения русского купечества со Срединной империей. В январе 1674 г. прибыли, например, в Красноярск четыре бухарских купца из Китая и сообщили, «что де они пришли из Бухар в Красноярский острог, а шли де через Китай, а из Китая через Калмыцкую землю»⁵⁴. В 1690-х годах туда же приехал бухаретин Олжа из китайского городка Шурги⁵⁵. Торговля китайскими товарами производилась также на ярмарке на Ямыш-озере⁵⁶. Среднеазиатские купцы в большом количестве ввозили в Сибирь китайские текстильные изделия; в Тару в 1666/67 г. было доставлено 10720 концов китайки, в Тобольск в 1668/69 г.— 3860, в 1671/72 г.— 3405½ концов; кроме камки китайской, ввозилась рединка китайская, китайское полукушачье, пояски китайские⁵⁷. Среди бухарских товаров упоминаются также зендени «пурбени», т. е. сделанные из китайского шелка, которые, вероятно, выделялись в Средней Азии, так как зендени в привозе из Китая в XVII в. не встречаются.

Большой спрос во второй половине XVII в. имел у русских чай и другие колониальные товары. В 1668/69 г. привезено было в Тобольск чаю китайского — 4½ пуда, в 1670/71 г.— 12½ пудов, в 1671/72 г.— 32¼ пуда; в Тару в 1666/67 г.— 5 пудов. Бадьяна (род аниса) доставлено было в Тобольск в 1668/69 г.— 116¾ пудов, в 1671/72 г.— 5¼ пудов, в Тару в 1666/67 г.— 5½ пудов; мускуса в Тобольск в 1670/71 г.— 10 фунтов, в 1671/72 г.— 1½ пуда. Привозилось и китайское лекарство — тензуй. Наконец бухарцы привозили в Сибирь ценную китайскую посуду (в 1671/72 г. в Тобольск привезено 1030 чашек ценных и 200 блюд ценных); из Китая же шли драгоценные камни и жемчуг⁵⁸.

⁵² «Материалы», ч. I. Таблицы, стр. 342—343, 346— 347, 350—351 и др.

⁵³ Сиб. прик., кн. 313.

⁵⁴ Там же, стб. 886, л. 301.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Сибирские летописи, стр. 380.

⁵⁷ Ср. Сиб. прик., стб. 980, лл. 168, 281; стб. 886, л. 301; кн. 1057, л. 2 об.; кн. 902, л. 160.

⁵⁸ Там же, стб. 980, л. 168.

Меньшее место занимали в среднеазиатской торговле с Сибирью транзитные товары из стран Передней Азии. Упоминается привоз выбоек и завес арабских. Возможно, что часть тканей, ввозившихся в Сибирь, была иранского происхождения, на что намекают персидские названия некоторых сортов зеиденей — «дюменди» («длюбенди» — двойной) и «семенди» («себенди» — тройной), хотя не лишено вероятия, что заимствованные из Ирана названия были присвоены тканям местного производства.

Наконец, следует остановиться на посредничестве среднеазиатского торгового капитала между Сибирью и кочевниками. Бухарские торговцы доставляли в сибирские юрты продукты кочевого хозяйства калмыков, казахов, узбеков и других кочевников. Уже в XVI в. упоминается пригоними лошадей. В XVII в., кроме лошадей, они пригоняли в сибирские города верблюдов, рогатый скот, овец и коз. Так, в 1639/40 г. бухарские торговые люди явили в Тобольск 299 лошадей, 417 баранов и коз, 97 верблюдов, в 1644/45 г. — 140 овец и коз, в 1655/56 г. — 85 лошадей и т. д. Они привозили также мерлушки, овчины, козлины, мешины, ергачины (жеребьячи шкуры), войлоки, полости валяные, попоны, кожаны и тулупы кожанные, в том числе козлиные, и ергаки.

Наряду с продуктами скотоводства, из Калмыцкой степи вывозились продукты охоты кочевников — лисьи шкуры (в 1655/56 г. в Тобольск привезено 888 штук) и корсаков, т. е. степных лисиц (в 1639/40 г. — 284 штуки)⁵⁹. Как редкость привозились шкуры «бáбров» (тигров) и барсов.

Те же кочевники поставляли на среднеазиатский рынок еще один выгодный товар — «ясырь», т. е. рабов, которые приобретались ими в результате бесконечных феодальных войн, раздиравших население степей, и набегов на соседние культурные страны. В 1645/46 г. бухарские купцы привезли, например, на Тару 13 чел. ясырю, в 1648/49 — тоже 13 чел., в 1676/77 — 10, в 1677/78 — 5, в 1690/91 — 19; в Тобольск в 1665/66 г. — 2 чел., в 1671/72 — 27 чел.⁶⁰ Из 36 чел., место происхождения которых известно, бóльшая часть были вывезены «из калмык» (28 чел.), трое — из пограничной с Калмыцкой степью Барабы, полукочевое население которой вело непрестанную войну с калмыками, и 5 чел. были «китайцы» — либо военнопленные калмыки, либо приобретенные бухарскими купцами в Китае. В Красноярск шел ясырь, приобретенный в Монголии. Так, в июле 1689 г. один калмык и один бухарец привезли туда «полоненного мугальского ясырю» 60 чел.⁶¹.

В обмен на ремесленную продукцию Средней Азии, китайские товары и продукты кочевого хозяйств степи среднеазиатские купцы приобретали в сибирских городах пушнину различных сортов, которую они затем перепродавали в Китай, и «зуб рыбий», который шел на черенки для ценных булатных ножей⁶² бухарской работы и на вывоз в Китай, где из него делали кольца для стрельбы из лука, а из предметов русского ремесленного производства — кожи красные и мостовые. Вывозились также и охотничьи птицы — кречеты и соколы, которые очень ценились среднеазиатской феодальной знатью. Бухарский хан Абдул-Азис обращался к московскому посланнику Борису Пазухину с личной просьбой, «чтоб великий государь поволит к нему присылать птиц кречетов, сколько поволит, потому что он любит кречеты тешиться лучше всех потех»⁶³. Однако при-

⁵⁹ Ср. Сиб. прик., стб. 1417, л. 46.

⁶⁰ «Материалы», ч. I, таблицы; Сиб. прик., кн. 491, лл. 36 об.— 37.

⁶¹ Сиб. прик., кн. 1172, лл. 24 об., 29 об., стб. 1052, лл. 110—116; стб. 366, л. 103, стб. 980, л. 480.

⁶² «Материалы», ч. I, стр. 98.

⁶³ Наказ Борису и Семену Пазухиним — РИБ, т. XV, под ред. А. В. Труворова. СПб., 1894, стр. 51.

обретение охотничьих птиц было сильно ограничено тем обстоятельством, что они составляли как бы монопольную собственность московских царей и почти все выловленные птицы поступали на царскую сокольню; поэтому большая часть соколов и кречетов попадала в Бухару и Хиву лишь в виде царских «поминков» местным ханам, а не непосредственно из Сибири, и они могли покупаться лишь в виде исключения, с особого разрешения царя⁶⁴. «Кречаты — потеха царская,— гласила дьячья помета от 15 февраля 1623 г.,— и посылает их государь от своей любви к великим государем... Велеть о кречатах заказат накрепко, чтоб их никто не ловил и с ними не ездил, а-хто учнет кречаты промышлять и их ловить и с ними ездить и тешитца, и тем быть кажненным, потому что те птицы потеха царская и ни х кому с ними ездить и тешитца не пригоже»⁶⁵.

В результате постоянных сношений между Средней Азией и русской Сибирью, в западносибирских городах осела довольно значительная группа «выезжих» бухарцев. Начало этой колонии относится еще ко временам независимого Сибирского юрта. Уже тогда образовалась на берегах Иртыша бухарская колония, сделавшаяся проводницей среди сибирских татар ислама и начатков мусульманской культуры. Она развивала большую миссионерскую деятельность и все время пополнялась из Средней Азии новыми представителями мусульманского духовенства, которых, за недостатком в Сибири грамотных и образованных людей, Кучуму и его брату Ахмет-Кирею приходилось выписывать из Ургенча и Бухары, бывших в то время средоточием мусульманского богословия и схоластической науки в Средней Азии. Еще в XVIII в. в Тадзымовых и Сабанакowych юртах близ Тобольска жила фамилия сеидов (потомков пророка Мухаммеда), возводивших свое происхождение от уроженца Ургенча Дин-Аул-Ходжи, прибывшего в Сибирь при Кучуме и женатого на его дочери; другие представители этой фамилии жили в Тобольске и на Таре⁶⁶.

После падения Сибирского юрта наплыв переселенцев из Средней Азии не только не прекращался, но, наоборот, имел тенденцию усиливаться. Уже в 1608 г. упоминаются в числе «тарских жильцов» бухарцы и «торговые сарты»⁶⁷. Московское правительство было заинтересовано в привлечении в новые русские города бухарских торговых людей и не скупилось на всякие льготы им. С другой стороны, и бухарцам в результате присоединения Сибири к России открывался доступ к рынкам европейского Зауралья. В 1644 г. сибирские бухарцы писали в челобитной царю Михаилу: «В прошлых, государь, годех при прежних государех и при твоей великой государьской державе выехали мы, сироты твои, с женишками и с детишками из Бухарские земли на твое царское имя в Сибирь, в Тобольск, оставя в Бухарской земле свой род и племя»⁶⁸. Действительно, из сохранившегося отрывка переписи тюменских бухарцев в 1700 г. видно, что большинство из них — дети «приезжих отцов», а сами они родились на Тюмени,— иначе говоря, главная часть тюменской бухарской колонии сложилась в течение XVII в., уже при русской власти⁶⁹. Приток

⁶⁴ «Материалы», ч. 1, стр. 102.

⁶⁵ Там же, стр. 137—138.

⁶⁶ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 201; Г. Н. Потанин. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в.— «Чтения ОИДР», 1868, II. Смесь, стр. 68.

⁶⁷ Сиб. прик., кн. 11, лл. 122, 124.

⁶⁸ Там же, стб. 134, л. 194. Ср. челобитную 1701 г. (ПСЗ, т. IV, № 1857, стр. 169), где говорится: «В прошлых де годах деды и отцы и они... выехали... в Сибирь в Тобольск». Точно так же и Витсен утверждает, что бухарцы переселились вследствие внутренних смут в Сибирь «лет за сто» (N. K. Witsen. Noorden Oast Tartarye..., II, стр. 754).

⁶⁹ Сиб. прик., кн. 1196 (отрывок этот сохранился, к сожалению, очень плохо).

бухарских выходцев не прекращался и в XVIII в. В 1709 г. вышли, например, из Бухарии Билихты Дранжан-Имачи Журбаев с товарищами, всего 41 чел., и поселились на Таре. Приблизительно в конце XVII и начале XVIII в. переселился в Сибирь Абаз-Бачки-шейх из г. Серайма, потомок пророка Али⁷⁰.

Местом жительства бухарцев в Сибири были главным образом города Тобольск, Тюмень и Тара и их ближайшие окрестности; упоминаются они также в Томске и Кузнецке⁷¹. В Тобольске в 1631/32 г. их было 59 чел., а через четыре года, в 1636 г.— 44 чел.; в Тарском уезде в 1623/24 г. жил в трех юртах 21 бухарец; в 1672 г. в самом городе Таре насчитывалось 53 бухарских двора; довольно многочисленны были, судя по сведениям переписи 1700 г., населенные бухарцами деревни и в Тюменском уезде. Под самым городом они образовали целую слободу — «бухарские юрты»⁷².

Среди сибирских бухарцев в XVII в. еще заметно присутствие очень большого числа духовных лиц, отчасти, может быть, потомков мусульманских иммигрантов XVI в. На Таре мы находим в 1672 г. целую семью бухарских «сеитов», т. е. сеидов. Здесь упоминаются дворы сеита Мирели Сеитова и Ак-сеита Сеитова, возможно, принадлежавших к потомкам Дин-Али-Ходжи⁷³. Среди бухарской колонии Тобольска духовные лица занимали почетное положение; в 1701 г. представителем интересов сибирских бухарцев выступает мулла Максютка Алимов⁷⁴; некоторые из них были крупными собственниками⁷⁵. Наряду с официальными представителями мусульманского духовенства среди сибирских бухарцев встречались и «шейхи», т. е. почитаемые за святость жизни старцы⁷⁶. Таким образом, и в XVII в., подобно их предкам, прибывшим по вызову Кучума и Ахмет-Кирея, выходцы из Бухары служили проводниками ислама среди сибирских народов и живой связью с среднеазиатскими центрами православия.

Главным занятием сибирских бухарцев была торговля. По словам официального документа, они «в Тобольску, на Тюмени [владеют] лавками и, отъезжая в сибирские города, русскими и бухарскими товары и мяскою рухлядью торгуют и в колмаки для торгов же ездят». Они, рассказывает немецкий офицер, бывший в Тобольске в 1660-х годах, «имеют в верхнем городе Тобольске свои лавки и ларьки, в которых они сидят и продают; и если они наверху имеют большой убыток, то продают они больше под горой в своих домах». Два раза в год бухарские караваны приходят и уходят обратно с товаром. По отзыву иностранцев, это — «люди богатые». По официальной справке, у тобольских бухарцев было в торговле как в самом Тобольске, так и в других городах в 1632/33 г. товара на 3106 р. 67¹/₂ к., в 1633/34 — на 2738 р. 75 к. и в 1634/35 — на 1827¹/₂ руб. В Тобольске бухарцам принадлежало шесть лавок⁷⁷.

⁷⁰ Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 71.

⁷¹ ПСЗ, т. IV, № 1857, стр. 169.

⁷² Сиб. прик., стб. 81, л. 60; кн. 925, лл. 130—133; кн. 1196, лл. 22—78; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 544, № 483; Н. Н. Оглобин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, стр. 298.

⁷³ Сиб. прик., кн. 925, л. 130; Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 68.

⁷⁴ ПСЗ, т. IV, № 1857, стр. 169. Укажу еще мулле Кучекова, упоминаемого в 1630-х годах (Сиб. прик., стб. 11, л. 28; стб. 81, лл. 36, 60).

⁷⁵ Сиб. прик., кн. 1196, л. 58 об. (бухарец Гулечко; мулла Бакин, один из самых богатых землевладельцев Тюменского уезда).

⁷⁶ «Ших Черной» в 1636 г. (Сиб. прик., стб. 81, л. 64).

⁷⁷ Сиб. прик., стб. 81, лл. 35, 41, 45, 48, 49; М. П. Алексеев. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в.— «Исторический архив», т. I, М., 1935, стр. 169.

Среди сибирских бухарцев встречались довольно крупные купцы. Так, в 1632/33 г. Алим Сулейманов, владелец двух лавок, торговал на 696 руб. с лишком, в следующем году — на 278 руб. с лишком, а в 1634/35 г. — на 376 руб.⁷⁸; у Авеска Бакиева в привозе товару было в те же годы на 523 рубля с лишком, у Кул-Мамета Сеит-Маметова — на 929 руб. с лишком и т. д. Наконец, Атейко Базиев явил в 1632/33 г. русского товара на 1356 р. 40 к.; вероятно, сыном ему приходился «сибирский тезик» Аблы Атеев, владелец двух лавок в Тобольске, который в следующие два года явил бухарских и русских товаров на 964 рубля с лишком⁷⁹. Такие же сравнительно крупные цифры торговых оборотов как тобольских, так и тарских бухарцев дает тарская таможенная книга 1653/54 г.; например, тарский бухарец Кулайко Агулин послал и сам отвез мягкой рухляди в Тобольск на 411 р. 20 к. и привез оттуда русского товара на 425 руб.⁸⁰.

Бухарская торговля в Сибири питалась связями с среднеазиатскими рынками. Крупные торговцы из бухарцев торговали главным образом «бухарским товаром», который они привозили из «Бухарской земли», — в первую очередь тканями: бязью, пестредами, выбойками, зенденями «розных цветов», кафтанами — азиями зенденными, кушаками бумажными и шелковыми и т. п. Так, осенью 1655 г. два тобольских бухарца привезли на Тару 860 зенденей семенди, 201 выбойку широкую и узкую, 20 бязей узких и 1000 аршин бязи широкой, 5 пестредей, 18 дорог (персидские ткани), 6 аязмов зенденных, 49 кушаков шелковых, 3 килима (ковра) бухарских, 13 пудов шелка-сырца⁸¹. Помимо самостоятельных операций, сибирские бухарцы служили агентами приезжих бухарских купцов в Тобольске, скупая для них русские товары⁸².

Сибирские бухарцы ездили также для торговли «в калмаки; иногда присоединялись для этой цели к калмыцким послам, возвращавшимся на родину, и вывозили от них рабов (калмыцкий ясырь), рогатый скот, лошадей и верблюдов, меха «лисиц степных калмыцких». Из «степи» же доставляли они в Сибирь корень драгоценного ревеня⁸³.

Во второй половине XVII в. сибирские бухарцы ходили более или менее регулярно караванами в Китай. «Эти бухарцы, — говорит автор немецкого дневника 1669 г., — ведут большую торговлю товарами, которые их факторы ежегодно вывозят из Китая и из большой империи Хины..., так как русские не ведут ни дружбы, ни торговли с китайцами и жителями Хины, не доверяя друг другу, поэтому такую торговлю ведут за них бухарцы... Таким образом, они приводят сюда (в Тобольск. — С. Б.) по четыре, пяти и больше верблюдов, тяжело нагруженных дорогими товарами»⁸⁴. И по русским данным, бухарцы «в Китайском государстве... бывали с товары, а ходили с Тары степью через Барабинскую волость на верблюдах и на лошадях, а ходили калмыцкими улусы». Они вместе с татарскими торговыми людьми «из Тобольска собирают караван великой

⁷⁸ Сиб. прик., стб. 81, лл. 40, 42—44, 46, 47. (в общую сумму вошли торги его брата и племянника, ведших, по-видимому, общее с ним дело).

⁷⁹ Там же, стб. 81, лл. 40—48. О крупных денежных средствах в руках бухарцев см. А. А. Титов. Сибирь в XVII в. М., 1890, стр. 138.

⁸⁰ Сиб. прик., кн. 313, лл. 426, 438 об., 447 об., 460 об. Ср. лл. 427 об., 459 и др.

⁸¹ Там же, кн. 313, лл. 356—357, 362, 385—386. Ср. М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 169.

⁸² Сиб. прик., кн. 313, лл. 428 об., 449, 461 об.

⁸³ Там же, кн. 313, лл. 356, 358—359, 440; стб. 81, лл. 35, 38 и сл.; стб. 450, лл. 443, 519, 522, 595. Ср. стб. 158; в числе дел 133 (1624/25) г. список бухарцев, «которые отпущены в калмаки для торгу... и по них брались поручные записи».

⁸⁴ М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 169. Ср. Witsen, II, стр. 754, 817; Путешествие Сп а ф а р и я..., стр. 42, 106—107, 109—110; ПСЗ, т. III, № 1474.

и ходят в Китай». По словам одного русского купца, посетившего Пекин, он застал там «их бухарской и татарской кораван.. с 3000 человек». Некоторые бухарцы жилали в Китае по нескольку лет. Главным предметом вывоза в Китай были «всякие мягкие товары и оружие и ясыри»⁸⁵.

Проникая глубоко в Азию, сибирские бухарцы, с другой стороны, ездили «для торгового промыслу» в русские города — Казань, Астрахань, поморские города. На Русь они везли «сибирские товары», главным образом пушнину, и привозные бухарские товары. Так, в 1632/33 г. Алим Сулейманов отпустил в Казань мягкой рухляди на 662½ рубля. В 1667 г. мимо Невьянской слободы проехали на Уфу тобольские и тюменские бухарцы с бухарским товаром на 15 лошадях. Обрато они провозили «русский товар» (частично западноевропейского привоза): сукна, юфти кож красных, рубахи ярославские, мыло, металлические изделия, бумагу писчую, пряности и т. д. В 1683 г., например, с Руси через Верхотурье вернулись 13 тобольских бухарцев и при них 20 кашеваров; они везли на 20 подводах русских товаров на 432½ рубля. О размерах своих зауральских торгов сами бухарцы писали, прибегая к условной преувеличенной формулировке тогдашних купеческих челобитен: «А мы, сироты твои, в прошлом во 152 г. (1643/44) году торговали своими товары у города Архангельского на корабельной пристани и тебе, государю, в казну с своего товаренка пошлины платили больши 1000 рублей»⁸⁶.

Одновременно сибирские бухарцы вели оживленный торг между городами Западной Сибири. Из Тобольска они посылали русские товары и деньги в Тару и Томск и оттуда привозили лосины, шкуры степных лисиц и другую мягкую рухлядь. Тарские бухарцы с своей стороны отправляли в Тобольск свои товары, в частности мягкую рухлядь, для дальнейшей отправки на Русь, и сами ездили с торговыми целями в Тобольск, где покупали русские товары, в Томск и другие города. В Томске приезжие из других сибирских городов бухарцы сидели на гостинице дворе в лавках⁸⁷. Ездили бухарцы и в Барабу⁸⁸. Некоторые производили крупные операции с ямышевской солью, как, например, известный Сеиткул Аблин, который посылал на Ямыш-озеро «по соль» большой дощаник с своим приказчиком — пашенным крестьянином Шадрой Сонкиловым. Принимали сибирские бухарцы деятельное участие и в ежегодной ямышевской ярмарке, на которой, в частности, приобретали у приезжих из Средней Азии купцов бумажные ткани, а у калмыков — ясырей⁸⁹.

Таким образом, эта маленькая, но энергичная среднеазиатская торговая колония широко раскидывала нити своих торговых операций: сибирские бухарцы привозили из-за границы бухарские и китайские товары и ремень, скупали в сибирских городах мягкую рухлядь и лосины, направляли азиатские товары и меха на Русь, оттуда вывозили русские и немецкие ткани и поставляли их вместе с тканями бухарскими и китайскими в окраинные сибирские города; вместе с тем они снабжали внутренние рынки Западной Сибири «калмыцким ясырем» и ямышевской солью.

⁸⁵ ЦГАДА. Дела Китайского двора, кн. 3, лл. 318, 372 об., 414 об.; «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. I, № 29. Здесь даны маршруты бухарских купцов: через Тару к Ямыш-озеру, оттуда в Джунгарню на р. Имиль и в Китай; обратно — на р. Абакан через Киргизскую землю в Томск.

¹⁶ Сиб. прик., стб. 134, л. 200; стб. 788; кн. 747.

⁸⁷ Там же, стб. 81, лл. 41, 44—47; кн. 313, лл. 372, 395 об.—396, 412—413, 417, 419, 426, 434, 437, 438 об. и др.; кн. 717, л. 120 об.; РИБ, т. VIII, № 11 (LXXI), стб. 614, «Томск в XVII в.» (изд. Головачева), стр. 143—144.

⁸⁸ Сиб. прик., стб. 455, лл. 133, 164.

⁸⁹ Там же, стб. 81, л. 48; кн. 717, лл. 11—11 об.; «Томск в XVII в.», стр. 148.

Ремесло, по-видимому, играло меньшую роль в хозяйстве сибирских бухарцев, хотя отдельные известия о ремесленном производстве имеются, например, о шитье азымов «из купленных сукон». Но, очевидно, потребности в платье удовлетворялись на дому работой женщин, которые, по словам немца-наблюдателя, «в своих домах сидят за красивыми занавесками, прилежно работают над шитьем и вышиваньем — шелком, серебром и золотом, шьют сами платья для себя и для своих мужей, обходясь совсем без портного». Позднейшие известия приписывают бухарцам распространение на Тюмени и в других сибирских городах кожевенного производства⁹⁰.

Наряду с торговлей и ремеслом сибирские бухарцы занимались частично земледелием. Первоначально на землю осаживались те из них, которые не имели своего торгового поста, поселяясь в деревнях у татар «по доброте и для того, что де угодей нет». Таких бухарских захребетников в 1636 г. в татарских деревнях Тобольского уезда было 13 чел.: «живут де они по рекам и озерам, кормятся рыбою, и для скотинного выпуска, да для своей де скудости упрашивая у татар, и припахивают понемногу ярового и всякого хлеба», «по упросу невелика, по чети и больше и меньше»⁹¹. Однако уже в 1620-х годах среди осевших в уездах бухарцев выделяется группа сравнительно состоятельных землевладельцев. Таков мулла Кочекочев, владелец лавки в Тобольске, влиятельный член колонии; по данным 1620/21 г., в дер. Япанче у него имелось «в дуброве», «паханные добрые земли во всех трех полях чети на две, да непаханные добрые земли по смете ж на 150 ч., и ту де ненапаханую землю мулла называет заимкою своею»; у него же «паханой земли вверх по речке Селитрее в трех полях чети на три и непаханой на пять»⁹².

Начавшись со скромных размеров, бухарское землевладение в Сибири быстро расширяется и крепнет. Бухарцы не только цепко держатся за право «припахивать» и «присеивать» на уступленных им татарами клочках земли, но последовательно округляют свои владения «пашенными купленными и закладными и данными землями и покосами». Перепись земель, приобретенных тюменскими бухарцами у русских людей, произведенная в 1699 г.⁹³, показывает, с каким успехом эти предприимчивые люди забирали в свои руки русские земли в уезде. На приобретенных землях новые владельцы вели сравнительно крупное хозяйство. Например, мулла Тюляк Бакин, живший в конце столетия в Шакчинских юртах на р. Турой в Тюменском уезде, пахал 1 дес. ржи, 5 дес. овса и ячменя в поле; кроме того, ему принадлежали 7 дес. земли непаханой и сенокосы на р. Пышме (150 копен); у него было 4 лошади и 8 голов рогатого скота; хозяйство он вел подневольным трудом двух «дворовых купленных людей калмыцкой породы»⁹⁴. В Акиарских юртах на р. Пышме в том же уезде «приезжий бухаретин» Итячко Кобашев и его сыновья владели 8 дес. ржи, 12 дес. овса и ячменя, 22 дес. непаханой земли, сенокосами на 1850 копен, 25 лошадьми с жеребятами, 25 головами рогатого скота и 15 овцами⁹⁵. У других тюменских бухарцев запашка была редко меньше

⁹⁰ Сиб. прик., кн. 717, л. 120 об.; М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 168. Эти известия, однако, сильно преувеличены. К концу XVII в. хорошо знакомое русским ремесленникам кожевенное производство в ряде городов Сибири (прежде всего в Тобольске) развивалось среди русского населения довольно успешно, чему способствовал рост производительных сил Сибири, явившийся результатом народной колонизации и втягивания Сибири в орбиту формирующегося всероссийского рынка.— *Примечание редакции.*

⁹¹ Сиб. прик., стб. 81, лл. 59—60, 63; стб. 134, л. 194.

⁹² Там же, стб. 81, лл. 52, 54, 60.

⁹³ Там же, кн. 925, л. 207 и сл. (сохранилась не целиком).

⁹⁴ Там же, кн. 1196, лл. 58 об.— 59.

⁹⁵ Там же, лл. 70 об.— 72.

4—5 дес. в поле; некоторые, кроме ржи, овса и ячменя, сеяли пшеницу; количество скота было тоже довольно значительное: нередко упоминаются стада коров в 10—12 голов⁹⁶.

Среди татарского населения Сибири бухарцы выделялись сравнительно высоким образованием. По сведениям Витзена, в Тобольске имела «арабская школа», т. е. училище, где преподавалось чтение корана на арабском языке. Преподавателем был, по выражению Витзена, «араб», т. е. один из бухарских ходжей или сеидов, выводивших свой род от Мухаммеда и других халифов. Эта школа и была рассадником грамотности среди татарского населения города. «А в Тобольске,— говорится в одной воеводской отписке,— татаровя и бухарцы грамоте умеют многие». Через бухарских посредников проникали в Тобольск и образцы среднеазиатской литературы исторического и богословского характера. Миллер нашел у тобольских бухарцев «рукописную книгу Абулгазиеву», отрывки из которой для него перевел один человек духовного чина, бухарец по происхождению. В XVIII в. имела хождение арабская рукописная книга «Деяния Спасителя»⁹⁷.

Бухарцы образовали в Тобольске особую общину, которая, по сведениям одного иностранца, бывшего в Сибири в 1666 г., возглавлялась, по видимому, духовными лицами. «Их старшины,— пишет названный автор,— которых они сменяют каждый год, обвязывают кругом своих шапок белые повязки (чалмы)»⁹⁸; далее он сообщает о призыве к молитве, совершаемой «одним из старшин».

Составляя значительную по числу, состоятельную экономически и в культурном отношении сравнительно высоко стоявшую группу торгового населения сибирских городов, бухарцы, особенно тобольские, привлекались русской администрацией, наряду с лучшими людьми русского посада, к исполнению различных ответственных финансовых поручений. Они участвовали, например, в оценке казенной мягкой рухляди⁹⁹. На них же вместе с русскими посадскими людьми возлагались обязанности целовальников при таможенных головах в Тобольске и на Таре¹⁰⁰. До 1635 г. на Собскую и Обдорскую таможенные заставы ежегодно посылались из Тобольска с таможенным головою два целовальника из тобольских жильцов (один русский посадский человек и один бухарец)¹⁰¹.

Точно так же и на Киртасскую заставу первоначально назначались один русский человек и один бухарец. Бухарцы же командировались для сбора «государевой десятой рыбы» «на ирвом плесе» на нижней Оби¹⁰². Наконец, они ездили в качестве торговых агентов на ярмарку к Ямыш-озеру (2 чел.), а также на Устюг, «для покупки меду, сукон, холстов и всяких судовых запасов» (1 чел.), и в сибирские города для покупки хлебных запасов.

Насколько высоко ценило правительство деловую опытность бухарских купцов и какое доверие они умели снискать, показывает факт посылки в

⁹⁶ Сиб. прик., кн. 1196, лл. 22—78, *passim*.

⁹⁷ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, стр. 197; Г. Н. Потанин. О караванной торговле..., стр. 73; Witsen, II, стр. 754; Сиб. прик., стб. 656; стб. 1066, лл. 7—8 об.

⁹⁸ М. П. Алексеев. Указ. соч., стр. 167.

⁹⁹ Сиб. прик., стб. 11, л. 28 (во главе оценщиков бухарцев — мулла Кучеков); стб. 94, л. 41 (угощение бухарских оценщиков, наряду с русскими, вином); стб. 772; стб. 1028 (197 г.).

¹⁰⁰ Например, на Таре в 1653/54 г. при голове, посадском человеке Калине Прянишникове целовальник бухарец Мамедейко Муллоранов (Сиб. прик., кн. 313, л. 360); в Тобольске в 1665/66 г. при таможенном голове Якиме Данилове юртовский бухарец Уразмамет Усеинов; в 1676/77 г. при Борисе Дехтереве — Касим Раимов.

¹⁰¹ Сиб. прик., стб. 60, л. 332; стб. 81, л. 65; стб. 134, л. 194.

¹⁰² Там же, стб. 134, лл. 194, 196.

Китай с казенными товарами бухарца Бабурелия Бабаева в 1654 г. и Сеиткула Аблина в 1657 и 1658 гг.¹⁰³

Торговые поездки сопровождались и дипломатическими поручениями, и в лице Сеиткула Аблина мы имеем не только торгового агента правительства, но и доверенного дипломата. В 1654 г. он послан был в Китай в качестве разведчика перед выездом посольства Байкова, и в последующие годы при посылке его с «государевыми» товарами он исполнял те же функции. С торгово-дипломатическими целями командировались бухарцы и к калмыкам¹⁰⁴.

Бухарская колония в XVII в. пользовалась исключительным покровительством со стороны московского правительства, дорожившего ее торговым посредничеством с азиатскими рынками и финансовыми службами ее членов. Далеко не щедрое на льготы собственным подданным, оно в отношении к выходцам из Бухары держалось особой точки зрения, смотрело на них как на иностранцев, знания и капиталы которых оно было заинтересовано привлекать в Русское государство, и охотно наделяло их всякими преимуществами «для их иноземчества и за выезд». Такой взгляд на бухарцев правительство усвоило с первого момента после присоединения Западной Сибири, когда перед ним встала задача восстановления и закрепления торговых связей новых владений в Сибири со Средней Азией и приходилось поэтому «береженье держать, чтоб приучать бухарцев и ногайцев»¹⁰⁵. С своей стороны сами бухарцы, более грамотные и культурные, чем общая масса коренных жителей Сибири, не только умели использовать такие настроения правительства и выхлопывать себе ряд привилегий, но и зорко следили за тем, чтоб не потерять этих привилегий, и всякий раз, как делались попытки их сократить, спешили напомнить, что в качестве иностранцев они имеют свои особые права: «А твое государево уложение есть,— писали они в челобитной царю Михаилу Федоровичу,— кто из коей орды ни есть выедет на твое государево имя иноземцы, и русские люди их к себе в тягло не притягивают и служб с них не спрашивают, и живут по твоей государевой вотчине и торгуют, и твою государеву пошлину платят с своих товаров, а тягла твоего государева с сошными людьми никакого не платят и городского и острожного дела не делают». И тут же челобитчики многозначительно намекали, что их сородичи, приезжающие из Средней Азии в Тобольск с торгами, «кои бы и похотят в Тобольском на твое государево имя оставаться», откажутся от этого намерения, если увидят притеснения, которым здесь подвергаются местные бухарцы¹⁰⁶.

Права среднеазиатской колонии в Сибири были закреплены рядом жалованных грамот 1644¹⁰⁷, 1645, 1649, 1669 и 1686 гг., создавших сибирским бухарцам совершенно привилегированное положение не только среди коренного, но даже русского населения Западной Сибири. Само правительство в 1698 г. отметило, «что те иноземцы живут многие годы на льготе и землями владеют и промыслами всякими промышленяют и в вере их бусурманской им свобода, и утеснений и обид никаких им нет».

Согласно жалованным грамотам, бухарцы были, во-первых, освобождены от тягла и оброков». Этой свободой они фактически пользовались

¹⁰³ ЦГАДА, Дела Кит. двора, кн. 3, лл. 165, 307; Сиб. прик., стб. 535 и 885 (цит. у Н. Н. Оглоблина. Обзорение..., т. IV, стр. 18, 340); «Путешествие Сп а ф а р и я», прил., стр. 154—155, 165, 166 и предисл., стр. 24; АИ, IV, № 75, стр. 201—202.

¹⁰⁴ РИБ. т. II, № 138 (4), стб. 452—453.

¹⁰⁵ Сиб. прик., кн. 11, л. 7.

¹⁰⁶ Там же, стб. 134, л. 194.

¹⁰⁷ Две грамоты от 3 ноября 153 г.

уже задолго до 1644 г., когда царской резолюцией от 3 ноября официально было воспрещено их «в тягло притягивать для того, что и преж сего в тягле не бывали». Бухарцев нельзя было поэтому «с посадскими рускими людьми в тягло писать и никакими службами утеснять»; в частности, они не несли ямской повинности. Далее, на них не распространялись экстренные сборы пятой и десятой деньги. Когда в 1669 г. администрация попыталась взыскать с них «деньгу», то они заявили протест на том основании, что с них никогда «десятые и пятые деньги не имано», и протест их был уважен¹⁰⁸. С принадлежавших бухарцам земель «исстари никаких оброков не бывало», и с них не брали на пятинного хлеба, ни денежного оброка. На случай поездок на Русь бухарцы получили в 1644 г. особую грамоту, обеспечивавшую им содействие властей и несудимость по каким-либо делам, «опричь заемных кабал и разбойных и душегубных дел». В 1687/88 г. «проезжая» грамота об отпуске их из Тобольска в русские города была возобновлена и снова подтверждена в 1689 г.¹⁰⁹

Только в 1698 г. правительство решилось наложить оброк на бухарские земли, но уже в 1701 г., по ходатайству «бухарской колонии», оброк этот, хотя и не был отменен совершенно, был значительно уменьшен.

---

¹⁰⁸ Сиб. прик., стб. 348, л. 290

¹⁰⁹ Там же., стб. 1066, л. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ
г. КРАСНОЯРСКА
И КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА
1671 г.

Лета 7180-го году, сентября в 30 день по указу и по грамоте великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Иоанна Алексеевича [т.] книги переписные Красноярского острогу и уезду детем боярским и подьячим и иноземцам, и поляком, и атаманом, и пятидесятником, и десятником, и рядовым служилым людям, конным и пешим, и пушкарем, и затинщиком, и ружником, и оброчником, и братьям их, и племянником, и захребетником, и посадчим и новокрещеным, и пашенным крестьянам, и всяких чинов людям, где хто живет в городе и в слободах, и в селах, и в деревнях, и у кого хто живет — и то писано в сей книге порознь, по статьям¹.

Дети боярские

Иван Кирилов с. Сухотин, ж-т в д. на Кубекове, а у него с. Никита 7 л., да пасынок ево с-а боярского Алексея Яковлев с. Ярлыков 8 л., да людей ево Самко Созонов, Ивашко Турчанин, Матюшка Михайлов, да мугальской Ивашко Артемьев, новокрещен.

Михайло Марков с. Ярлыков ж-т в Красноярском о-ге, а у него с. Михайло 10 л., да людей у него Ивашко Иванов, да куплены[е] его мугальские Стенька, да Петрушка, новокрещеные.

Федор Лукьянов ж-т в Надпорожной Спаской слободе, а детей у него Данилко 20 л., Лучка 15 л., да людей у него купленных мугальских Ивашко Борисов, Ивашко Иванов, Мижитка Иванов, новокрещеные.

Михайло Ульянов с. Дедков ж-т в д. на Балчюге, а у него внучек ево Гришка Андреев 13 л.

Иван Михайлов с. Почирской ж-т Надпорожной слободы на ялане, а детей у него Данилко 8 л., Федька 6 л., да купленной ево мугальской малой Ивашко новокрещен.

Иван Архипов с. Айкан, ж-т в д. на Шивере, а детей у него Фока 16 л., Стенька 9 л., да людей у него купленные мугальские новокрещеные Ивашко, Федька, да Ивашко ж, Андрюшка, да Васька.

Григорий Никитин с. Ермолаев, а ж-т в Красноярском о-ге, а у него брат Ивашко 12 л., да детей у него, Григорья, Мишка 11 л., Федька 6 л., да купленной ево мугальской малой Петрушка новокрещен.

Трифан Васильев с. Еремеев, а ж-т в д. в Мату и с отцом Васильем, а у него, Трифана, брат Матюшка 15 л., да людей у них дворовых мугальских купленных Матюшка, Ивашко, да Матюшка ж, новокрещеные.

Иван Никитин с. Ермолаев, а ж-т в д. на Кубекове.

Яков Милославов с. Кольцов ж-т в селе Ясаулове, а у него брат ево Гаврилко 7 л., да человек ево купленной мугальской Давыдко новокрещен.

Костянтин Родионов с. Кольцов ж-т в д. с отцом.

Дмитрей Емельянов с. Тюменцов ж-т с отцом своим Емельяном пониже Быка, а у него с. Ивашко 6 лет.

Григорей Власьев с. Плишкин ж-т в д. Бугачевской, а у него с. Афонька 8 л.

Тит Федоров с. Саламатов ж-т в селе Ясаулове, а у него детей Данилко 16 л., Васька 11 л., Родька 9 л., Семейка 6 л.

Григорей Матвеев с. Замараев ж-т в д. Хлопуновской, а у него детей Федька 16 л., Матюшка 8 л., да пасынок ево казачей с. Тимошка Алексеев Горбунова 10 л.

¹ Употребляемые сокращения: с.—сын, ж-т—живет (живут), д.—деревня, л.—лет, о-г — острог, г-д — город.

Съезжие избы подьячие

Михайло Семенов с. Каменев, а у него Ивашко новокрещен 10 л.
 Борис Ульянов, а у него ж-т племянник ево казачей с. Петрушка Фирсов 8 л.
 Семен Яковлев, а у него два с-а, Ивашко 10 л., Кирилко 7 л.
 Ссылной подьячей Посольского приказу Василей Еремеев.

Иноземцы

Яков Семенов с. Твиди ж-т в д. на Усть-Кубековки, а у него с. Лучка 20 л., не в службе, да купленной их мугальской малой Ивашко новокрещен.

Леонтей Васильев с. Свищов ж-т в селе Ясаулове, да купленной ево мугальской малой Коземка.

Михайло Якимов с. Садовской ж-т в том же селе Ясаулове, а у него людей Ивашко, да Пашко.

Ян Станковский ж-т в том же селе.

Михайло Бернацкий ж-т в д. в Мату.

Иноземцы живут в Красноярском остроге:

Петр Рачковской.

Парфен Дорожские, а у него пасынок ево Федька Степанов с. Толмачев 7 л., да скормленник ево же, Степанов, Мишка 14 л.

Сава Щуплев, а у него детей Фролко 14 л., Микитка 6 л.

Иван Козмин с. Собачевской, а у него пасынок казачей с. Петрушка Петров с. Черкашенина 12 л.

Юрье Остафьев с. Саковский.

Роман Григорьев с. Скварский.

Иван Яковлев с. Андросов.

Степан Пыховский.

Михайло Вороблевский.

Андрей Любимский.

Василей Войтохов с. Метельской, а у него детей Пашка 18 л., Алешка 15 л., Гришка 12 л.

Яков Васильев с. Метельской.

Драгунсково строю

Коземка Слижевской.

Ивашко Злотников.

Марчко Дубровской.

Городничей Павел Иванов с. Волховицкой, а у него с. Ивашка 12 л., да пасынок ево Мишка 20 л., не в службе, а ж-т он, Мишка, в д. на Осыпном Яру.

Конная сотня

Атаман Михайло Злобин ж-т в д. на Березовке, а у него с. Ивашко 10 л., да людей у него купленных мугальских Илюшка, да Федька, оба новокрещенные.

Пятидесятник Иван Андреев с. Сиротинин ж-т в Красноярском о-ге, да с. у него Родька 8 л.

Васька Павлов ж-т в д. Павловской:

Якунка Савастьянов ж-т в д. на Базаихе, а у него с. Левка 20 л., не в службе, да человек ево Бориско, новокрещен.

Ивашко Ошаров ж-т в Красноярском о-ге, а у него детей Гаврилко 14 л., Васька 12 л., Ивашко 6 л., да у него ж Ивашка ж-т казачьи дети Ивашко Ярафеев 16 л., Микитка 6 л.

Гришка Афонасьев ж-т в д. Лодейской, а у него брат Игнашка 8 л.

Семейка Иванов с. Зубрицкой ж-т в д. на Осыпном Яру, а у него детей Тимошка 22 л., Савастьянко 20 л., оба не в службе.

Пашко Степанов с. Худогов ж-т в селе Ясаулове, а у него Стенька 8 л.

Митка Юрьев с. Кошель ж-т в г-де, а у него с. Алешка 14 л., не в службе.

Петрушка Пятков Сидорова, ж-т в г-де.

Федка Борисов ж-т в г-де.

Десятник Роман Яковлев с. Торгошин ж-т в д. с отцом своим с Яковом, а у них живет племянник ево Яковлев, Ивашко Петров, не в службе, да человек их Якупка Васильев, да у них ж-т Ромашка Павлов новокрещен, не в службе, да зятя их Фомы Павлова человек ево Ивашка Григорьев новокрещен.

Микифорко Григорьев ж-т в селе Ясаулове, а детей у него Алешка 16 л., Коземка 14 л., оба не в службе.

Оська Григорьев с. Ковригин ж-т в д. Нахвальново, а у него детей Гришка 10 л., Ивашко 6 л.

- Ивашко Кирилов с. Лебедев ж-т в г-де, а у него с. Наумко 16 л., не в службе.
Андрюшка Михайлов с. Шахматов, а у него с. ево Петрушка 15 л., не в службе, да купленной ево малой мугальской Елеска новокрещен, а ж-т он, Андрюшка, в г-де.
Мишка Тропин ж-т в д. Хлопуновской, а детей у него Митька 14 л., не в службе, Федька 10 л., Гришка 7 л.
Ларька Тарасов с. Ростовец ж-т в г-де.
Жданко Степанов с. Шиленок ж-т в городе, а детей у него Матюшка 14 л., не в службе, Ивашко 12 л.
Ивашко Семенов с. Шар ж-т в селе Ясаулове.
Стенька Исаев с. Бархатов ж-т в том же селе Ясаулове, а у него с. Ивашко 14 л.
Десятник Григорей Иванов с. Кавригин ж-т в г-де, а у него детей Сергушка 18 л., не в службе, Тимошка 10 л., Ивашко 9 л.
Мишка Иванов с. Рогов ж-т в г-де.
Микишка Яковлев с. Лалетина ж-т в д. в Торгошине, а у него ж-т гулящей человек Андрюшка Семенов.
Федька Семенов с. Черкашенин ж-т в г-де, а детей у него Алешка 13 л., Микитка 6 л.
Меркушка Курбатов ж-т в г-де.
Васька Юдин ж-т в г-де.
Пантюшка Иванов с. Черкасов ж-т в д. на Березовке.
Семейка Емельянов с. Плотников ж-т в г-де, а у него малой ево купленной мугальской Митька, новокрещен.
Андрюшка Васильев с. Терсково ж-т в г-де.
Семейка Яковлев с. Зырянов ж-т в д. на Базаихе у отца своего, у Якова.
Десятник Алексей Давыдов ж-т в г-де, а у него с. Ивашко 8 л.
Тимошка Иванов с. Потылицын ж-т в г-де.
Петрушка Павлов с. Черкашенин ж-т в г-де.
Коземка Елфимов с. Соловьев ж-т в г-де.
Васька Савельев с. Коркунов ж-т в д. на Усть-Кану, а у него детей Андрюшка 15 л., не в службе, Алешка 7 л.
Гришка Григорьев с. Черкашенин ж-т в г-де.
Федька Севастьянов ж-т в д. против Кану реки, а у него с. ево Максимко 6 л., да купленной ево братцкой малой Ивашко новокрещен, да у него ж живет племянник ево казачей с. Васька Федоров Капкарин 8 л.
Лучка Спиридонов с. Кропива ж-т в д. на Балчюге, а у него с. ево Митька 8 л., да у него ж живут казачьи дети Трифанко Ильин с. Середкина 13 л., брат ево Стенька 8 л.
Мишка Титов ж-т в г-де.
Ивашко Емельянов с. Плотников ж-т в г-де.
Десятник Василий Трифанов с. Терской ж-т в г-де, а у него детей Филька 18 л., не в службе, Васька 12 л., Фомка 10 л.
Коземка Клементьев с. Арзамазец ж-т в д. на Усть-Мань.
Еремка Ильин с. Ковригина ж-т в г-де.
Семейка Григорьев с. Ковригин ж-т в г-де.
Гришка Иванов с. Чермново ж-т в г-де, а у него два брата, Прохорко 18 л., Ивашко 14 л., оба не в службе.
Матюшка Васильев с. Терсково ж-т в г-де.
Ермолка Иванов с. Потылицын ж-т в г-де.
Пашко Григорьев с. Пучеглазов ж-т в г-де.
Тишка Григорьев с. Шагин ж-т в д. Казанцовых.
Якунька Яковлев с. Торгошин ж-т в д. у отца своего.
Пятидесятник Дружина Петров с. Кочергин ж-т в д., детей у него Мишка 13 л., Микитка 11 л., да купленной ево Дружинин братцкой малой Омелька новокрещен, да у него ж Дружины ж-т гулящий человек Васька Иванов Шаршин.
Онисимко Игнатьев с. Путимцов ж-т в г-де, а детей у него Стенька 12 л., Андрюшка 9 л.
Микитка Алфимов с. Шестаков ж-т в д. с Казанцовыми, а у него братьей Лучка 15 л., Егорка 14 л., оба не в службе, Меркушка 11 л., Пантюшка 9 л., да у них же живет казачей с. Тимошка Степанов с. Суздальца 11 л.
Офонька Мосеев ж-т в г-де.
Гришка Микитин с. Губин ж-т в д. с Казанцовыми, а у него брат Кирилко 18 л., не в службе.
Андрюшка Поликарпов с. Скрыпошиков ж-т в г-де, а у него с. Федька 8 л., да у него ж живет казачей с. Елфимко Иванов 19 л., не в службе.
Гришка Ильин с. Шадра ж-т в д. на Осыпном Яру, а у него с. Тимошка 13 л., да купленной братцкой малой Якунко новокрещен, да у него ж ж-т Мишка новокрещен.

- Пронька Иванов с. Петлишной ж-т в г-де.
 Ивашко Осипов с. Скрыпошчиков ж-т в г-де.
 Пантюшка Дружинин с. Кочергин ж-т в д. у отца своего.
 Десятник Панкрат Семенов с. Лалетин ж-т в г-де.
 Кирилко Григорьев с. Косово ж-т в г-де, а у него три брата, Афонька 15 л., не в службе, Антонко 11 л., Митрошка 10 л.
 Калинка Зиновьев ж-т в селе Ясаулове, а у него с. Алешка 18 л., не в службе.
 Семейка Тропин ж-т в г-де, а у него детей Ивашко 15 л., не в службе, Дорофейко 13 л., Анофрейко 10 л., да у него ж-т шурин ево, казачей с. Ивашко Жданов 15 л., не в службе.
 Федька Федоров с. Чанчиков ж-т в д. на Шивере.
 Андриюшка Яковлев с. Попрядухин ж-т в г-де.
 Пашко Дементьев с. Зыков ж-т в д. на Березовке, а у него с. Матюшка 8 л.
 Ивашко Прокопьев с. Майковской ж-т в г-де.
 Агишка Семенов с. Сорокин ж-т в селе Ясаулове.
 Тишка Сергиев с. Черкасов ж-т в г-де, а у него два брата, Петрушка 16 л. не в службе, Артюшка 7 л.
 Десятник Яков Семенов с. Хлоптун ж-т в д. ниже Быка, а у него с. Ивашко 17 л.
 Ивашко Осипов с. Усов ж-т в д. на Шивере, а у него брат Антипка 15 л., не в службе.
 Федька Андреев с. Куварша ж-т в д. повыше Осыпново Яру, а у него детей Максимо 25 л., Ивашко 19 л., оба не в службе.
 Замятня Селиванов ж-т в г-де, а у него с. Пронка 8 л.
 Семейка Иванов с. Потылицын ж-т в г-де.
 Ивашко Фокин с. Малово ж-т в д. Овсянкине, а у него с. Онтонко 10 л.
 Ивашко Никитин с. Шихматов, а у него брат Прохорко 18 л., Ивашко 14 л., оба не в службе, ж-т в г-де.
 Васька Иванов с. Тунгус ж-т в г-де.
 Андриюшка Семенов с. Лалетин ж-т в г-де.
 Федоско Ильин с. Черкашенина ж-т в д. повыше Осыпново Яру.
 Десятник Иван Ефремов с. Байкал ж-т в селе Ясаулове.
 Васька Ульянов ж-т в д. на Кубекове, а у него с. Ивашко 12 л., Пронка 7 л.
 Гришка Алексеев с. Лалетина ж-т в г-де, а у него с. Мишка 6 л.
 Мишка Шумков с. Вострово ж-т в д. на Березовке.
 Спирышка Иванов с. Трофимова ж-т в г-де, а у него с. Митрошка 10 л.
 Спирышка Степанов с. Худоногов ж-т в селе Ясаулове.
 Кирилко Иванов с. Зобко ж-т в д. на Березовке.
 Ермолка Яковлев с. Торгошин ж-т в д. с отцом и з братьями.
 Данилко Федоров с. Толоконников ж-т в г-де.
 Петрушка Григорьев с. Шахворостов ж-т в д. на Кубекове.
 Десятник Лазарко Федоров с. Лалетин ж-т в г-де, а у него человек ево купленной мугальской Исачко новокрещен.
 Тимошка Яковлев с. Лалетина ж-т в г-де.
 Федька Ананьин с. Зырянов ж-т в г-де.
 Ивашко Иванов с. Шувайко ж-т в г-де.
 Стенька Иванов с. Трофимова живет в д. в Лодейках, а детей Ивашко 16 л., не в службе, Ларька 12 л., Герасимко 10 л., Микитка 6 л.
 Гришка Федоров с. Волченков ж-т в г-де, а детей у него Андриюшка 13 л., Матюшка 12 л., Ивашко 6 л.
 Коземка Петров с. Чагин ж-т в г-де.
 Микулка Михайлов с. Немчин ж-т в Бузимском селе.
 Якунька Григорьев с. Черкашенин ж-т в д. на Усть-Кубековки.
 Пронька Федоров с. Чанчиков ж-т в г-де.

Пешие служилые люди

- Атаман Родион Иванов с. Кольцов ж-т в д. Милославовской, а у него детей Федька 17 лет, да три человека ево купленные братцкие, Ивашко, да Якунька, да Гришка, новокрещенные.
 Пятидесятник Ларион Иванов с. Турчанин ж-т в г-де, а у него с. Васька 6 л.
 Ивашко Перфирьев с. Галичанин ж-т в г-де.
 Федька Юрьев с. Софьин ж-т в д. на Овсянке, а у него детей Ивашко 17 л., не в службе, да Ивашко ж 11 л.
 Максимо Степанов с. Внуков ж-т в г-де.
 Андриюшка Денисов с. Малыгайко ж-т в г-де, а у него братья, Афонасевы дети, Мишка 20 л., Самко 18 л., Фефило 15 л., ж-т они не в службе.
 Минька Федоров с. Зырян ж-т в г-де.

- Федька Ларионов, с. Турчанинов, ж-т в д. на Березовке.
Малафейко Калинин ж-т в селе Ясаулове.
Мишка Дементьев с. Зыков ж-т в д. на Березовке.
Пронька Елфимов с. Шошин ж-т в г-де.
Десятник Григорей Иванов с. Фотиев ж-т в г-де, а у него с. Митька 8 л.
Харька Мартынов ж-т в г-де.
Ярофейко Петров с. Надежка ж-т в г-де.
Ульянко Евдокимов с. Потылицын ж-т в д. в Лодейках.
Карпунька Иванов с. Потылицын ж-т в той же д. Лодейской.
Данилко Фомин с. Казанцов ж-т в д. Казанцовых.
Ивашко Прокопьев с. Перов ж-т в д. Лодейской.
Мартышко Степанов ж-т в г-де.
Игнашка Елфимов с. Шошин ж-т в г-де.
Володька Иванов с. Сургуцкова ж-т в д. на Березовке.
Десятник Прокопей Исаев с. Быков ж-т в г-де, а у него детей Тимошка 20 л.,
Ивашко 15 л., оба не в службе, Бориско 10 л., Федька, да Мишка 7 л.
Митька Григорьев с. Ременников ж-т в г-де.
Васька Антонов с. Вятка ж-т в г-де, а у него ж-т пасынок ево, казачей с. Митька
Иевлев 16 л., не в службе.
Ивашко Алексеев с. Даур ж-т в селе Ясаулове, а у него два пасынка ево, казачьи
деги, Евдокимка Борисов 14 л., Якушка 8 л.
Якушка Степанов с. Сорочка ж-т в д. против Кану реки.
Васька Микитин с. Шахматов ж-т в г-де, а у него живут два пасынка, казачьи
деги, Алешка Петров 10 л., Илюшка 6 л.
Микитка Иванов с. Ошаров, ж-т в г-де.
Евдокимко Силуянов с. Потылицын ж-т в д. Лодейской, а у него с. Лучка 13 л
Ивашко Кирилов с. Таскин ж-т с братьями в Хлоптуновской д-е.
Евдокимко Харитонов ж-т в г-де.
Десятник Василий Селиверстов с. Ревень ж-т в г-де.
Семейка Петров с. Шахматов ж-т в д. на Шивере.
Якушка Федоров с. Софьин ж-т в д. на Овсянке у отца своего.
Алешка Иванов с. Лапкин ж-т в д. Казанцовых, а у него брат ево Ларька Ива-
нов 20 л., не в службе, да у него ж живет казачей с. Стенька Яковлев Просвирнин
18 л., не в службе.
Кипрушка Анофреев с. Зырян ж-т в г-де.
Перушка Андреев с. Вычегжанин ж-т в селе Ясаулове, а у него с. Петрушка 9 л.
Васька Ананьин с. Зырянов ж-т в г-де.
Игнашка Козмин с. Таскин ж-т в селе Ясаулове.
Костя Кирилов с. Таскин ж-т в д. Хлоптуновской.
Микифорко Тимофеев с. Мамонов ж-т в г-де.
Десятник Митька Елфимов с. Шошин ж-т в г-де.
Сидорко Васильев с. Затрутин ж-т в г-де, а у него два брата, Ивашко 10 л.,
Петрушка 7 л.
Елфимко Аверкиев с. Говорухин ж-т в г-де, а у него детей Стенька 15 л., не в
службе.
Федотко Яковлев ж-т в г-де.
Давыдко Герасимов ж-т в селе Ясаулове.
Пашко Федоров с. Зосимин ж-т в г-де.
Бориско Куваршин ж-т в д. повыше Осыпново Яру.
Семейка Яковлев с. Хлоптунов ж-т в д. у отца своего.
Калинка Васильев с. Коркунов ж-т в д. на Усть-Кану.
Савка Сидоров с. Толстиков ж-т в д. Нахвальново.
Пятидесятник Семен Степанов с. Арзамазец ж-т в г-де, а у него два сына, Ма-
тюшка 20 л., Андрюшка 10 л.
Овдейко Зырян ж-т в г-де.
Васька Агафонов с. Булыгин ж-т в г-де.
Андрюшка Михайлов Потылицын ж-т в д. Лодейской.
Васька Андреев с. Сауров ж-т в г-де.
Ларька Игнатъев с. Колегов ж-т в г-де.
Ортюшка Макаров с. Быкасов ж-т в г-де.
Оська Шестаков ж-т в д. Казанцовых.
Левка Борисов с. Красиков ж-т в д. на Березовке.
Аврамко Антонов с. Бугаев ж-т в г-де.
Десятник Первушка Прокопьев с. Заусай ж-т в г-де.
Стенька Стахеин с. Потылицын ж-т в г-де.
Андрюшка Дмитриев с. Каскоменцов ж-т в г-де.
Стенька Трофимов с. Лалетин ж-т в г-де.

- Федька Розкашиков ж-т в г-де.
 Афонька Иванов с. Шалков ж-т в г-де.
 Якимко Еремеев с. Зырянов ж-т в г-де.
 Мишка Михайлов с. Потылицын ж-т в Лодейской д-е.
 Ивашко Андреев с. Бузунов ж-т в г-де.
 Герасимко Иванов с. Ошаров ж-т в г-де.
 Десятник Оска Афонасьев с. Ярославец ж-т в г-де.
 Девятко Данилов с. Ерш ж-т в г-де, а у него с. Якимко 11 л.
 Юрка Дорофеев с. Кривой ж-т в г-де.
 Петрушка Васильев с. Мамаев ж-т в д. Казанцовых.
 Пашко Юрьев с. Маслеников ж-т в г-де.
 Федька Яковлев с. Рожа ж-т в г-де.
 Остапка Андреев с. Ленивцов ж-т в г-де.
 Силка Евсеев ж-т в г-де.
 Семейка Матвеев с. Черкашенин ж-т в д. на Усть-Кану, а у него с. Ермолка 9 л,
 да купленной ево мугальской малой Якунка новокрещен.
 Алешка Фокин с. Малово ж-т в д. на Овсянке.
 Десятник Роман Иванов с. Рыдар ж-т в г-де.
 Федька Титов с. Толоконник ж-т в г-де.
 Елфимко Автамонов с. Глубокой ж-т в селе Ясаулове.
 Пашко Антонов с. Ковригин ж-т в д. Торгошине против г-да.
 Мишка Елфимов ж-т в селе Ясаулове.
 Трошка Елисеев с. Хозин ж-т в г-де.
 Ивашко Михайлов с. Казанец ж-т в г-де, а у него два пасынка, казачьи дети,
 Калинин Григорьев 9 л., Коземка 7 л.
 Ивашко Иванов с. Пьянково, малой, ж-т в г-де.
 Федька Яковлев с. Коркунов ж-т в д. на Овсянке.
 Коземка Козмин с. Чагина ж-т в г-де.
 Десятник Иван Абросимов с. Козел ж-т в г-де.
 Исачко Карпов с. Потылицын ж-т в д. Лодейской.
 Ивашко Григорьев с. Ременников ж-т в г-де.
 Никонко Павлов с. Шураков ж-т в г-де.
 Еремка Дорофеев с. Плехан ж-т в г-де.
 Ивашко Иванов с. Пьяново ж-т в г-де.
 Самко Ларионов с. Лопаткин ж-т в г-де.
 Гришка Григорьев с. Косово ж-т в г-де.
 Максимко Климов новокрещен ж-т в селе Бузимском.
 Семейка Дмитриев с. Каскомельцов ж-т в г-де.
 Атаман Емельян Васильев с. Тюенцов ж-т в д. пониже Быка, а у него с. Оника
 14 л.
 Пятидесятник Михайло Климов ж-т в г-де, а у него с. Гришка 8 л.
 Акимка Яковлев с. Даурской ж-т в г-де, а у него с. Дейко 16 л.
 Ларька Семенов с. Дергач ж-т в д. на Березовке, у него пасынок ево, казачей
 с. Алешка Федоров 15 л.
 Афонька Афонасьев с. Золотарь ж-т в г-де.
 Ивашко Андреев с. Комариченин ж-т в д. на Быку, а у него пасынок ево, каза-
 чей с. Гришка Григорьев с. Зырянов, 10 л.
 Игнашка Сергиев с. Кручинин ж-т в Лодейской д-е.
 Федька Аникин с. Пузырев ж-т в д. на Быку, а у него с. Коземка 10 л.
 Ивашко Алексеев с. Горбунов ж-т в д. Нахвальново.
 Ивашко Лазарев ж-т в селе Ясаулове.
 Васька Мекерин новокрещен ж-т в г-де.
 Десятник Иван Сергеев с. Чагин ж-т в г-де.
 Ивашко Максимов с. Бумашка ж-т в г-де.
 Еремка Андреев с. Салдатов ж-т в д. Нахвальново
 Мишка Иванов с. Чагин ж-т в г-де.
 Елизарко Кирилов с. Таскин ж-т в д. Хлоптуновской.
 Ивашко Олферьев с. Потылицын ж-т в Лодейской д-е.
 Герасимко Емельянов ж-т в г-де.
 Трошка Андреев с. Ярышка ж-т в г-де.
 Ортюшка Токмаков ж-т в г-де.
 Мишка Шахов ж-т в д. на Быку.
 Десятник Афонька Артемьев Чермпой ж-т в г-де.
 Марко Архипов с. Пайвин ж-т в д. Лодейской.
 Серга Яковлев с. Путимцов ж-т в г-де, а у него ж-т казачей с. Васька Ошанин
 16 л., не в службе.
 Андриюшка Яковлев с. Путимцов ж-т в г-де.

- Ивашко Андреев с. Салдатов ж-т в д. Нахвальново.
 Лучка Савин с. Кривогорницы ж-т в д. Овсянские.
 Данилко Иванов с. Белослудов ж-т в г-де.
 Васька Акилин с. Даурского, ж-т в г-де.
 Мишка Карпов с. Мосеевых ж-т в д. на Березовке.
 Костыка Дрожин ж-т в г-де.
 Десятник Николко Кулаков живет в д. на Березовке, а у него с. Васька 18 л.,
 не в службе, да у него ж племянник ево Софонка Степанов 18 л., не службе.
 Максимко Григорьев с. Толстиков ж-т в д. Нахвальново.
 Ивашко Гаврилов с. Шалюков ж-т в г-де, а у него с. Ивашко 15 л.
 Самко Еремеев с. Тарабанов ж-т в г-де.
 Конка Елфимов с. Мормышев ж-т в г-де.
 Артюшка Калинин с. Плотников ж-т в селе Ясаулове.
 Семейка Ульянов живет в д. на Кубекове.
 Микишка Микитин с. Губин ж-т в д. Казанцовых.
 Гарасимко Поликарпов с. Скрыпошиков ж-т в г-де.
 Родыка Залесов ж-т в г-де, а у него с. Васька 12 л.
 Десятник Васька Иванов с. Тюшев ж-т в г-де.
 Кирилко Жданов ж-т в г-де.
 Кирилко Алексеев с. Горбунов ж-т в д. Нахвальново.
 Игнашка Аникин с. Пузырев ж-т в д. на Быку, а у него детей Федька 13 л.,
 Микитка 10 л.
 Ивашко Трофимов с. Соловьев ж-т в д. Нахвальново.
 Семейка Елфимов с. Черноус ж-т в г-де.
 Ивашко Иванов с. Кононова ж-т в д. Нахвальново.
 Ивашко Микитин с. Губин ж-т в д. Казанцовых.
 Меркушка Петров с. Журжин ж-т в г-де, а у него с. Мишка 11 л.
 Петрушка Зиновьев с. Горев ж-т в д. Казанцовых.
 Пятидесятник Осип Семенов с. Мезенин ж-т в д. на Шивере, а у него с. Мишка
 9 л., да человек купленной мугальской Ивашко новокрещен.
 Лазарко Ксенефонтов с. Тюменец ж-т в г-де.
 Мартышко Романов ж-т в г-де, детей у него Ивашко 15 л., Давыдко 13 л.
 Алешка Васильев с. Барабанщик ж-т в г-де.
 Илейка Марков с. Томской ж-т в д. на Шивере, а у него детей Ивашко 8 л., да
 пасынок ево Афонько Ивлев 15 л., не в службе.
 Лучка Тропин ж-т в д. Хлопуновской у брата.
 Левка Иванов с. Потылицын ж-т в д. Лодейской, а у него с. Якунька 14 л.
 Ивашко Петров с. Журжин ж-т в селе Ясаулове, а у него с. Фефилко 11 л.
 Пронька с. Григорьев ж-т в д. Павловской, а у него с. Янкидинко 20 л., не в
 службе.
 Ларька Андреев с. Важанина, ж-т в г-де.
 Десятник Богдаска Яковлев с. Вятчанин ж-т в г-де.
 Пронька Климов с. Важанин ж-т в д. на Березовке, а у него детей Ивашко 17 л.,
 не в службе, Федька 9 л.
 Матюшка Яковлев новокрещен ж-т в г-де.
 Петрушка Логинов ж-т в д. Казанцовых.
 Савка Григорьев с. Пучеглазов ж-т в г-де.
 Митька Васильев с. Коркунов ж-т на Усть-Кану у отца своего.
 Митька Васильев с. Юдина ж-т в г-де.
 Ивашко Степанов с. Кожюховского ж-т в г-де.
 Сысойко Петров с. Черниев ж-т в д. Нахвальново.
 Мишка Скрыпошиков ж-т в г-де.
 Десятник Ивашко Ларнонов с. Кузнец ж-т в д. на Усть-Кану.
 Ивашко Федоров с. Ваньков ж-т в г-де, а у него детей Ивашко 16 л., не в служ-
 бе, Матюшка 13 л.
 Онисимко Леонтьев с. Говорухин ж-т в г-де.
 Гришка Костянтинов с. Веселко ж-т в г-де.
 Офонька Михайлов с. Потылицын ж-т на Усть-Кану, а у него детей Ивашко 18 л.,
 Васька 16 л., оба не в службе.
 Нифанко Сергиев с. Кручинин ж-т в д. Лодейской.
 Филька Трофимов с. Шахов ж-т в г-де.
 Васька Григорьев ж-т в Лодейской д-е у братьев.
 Якимко Петров с. Журжин ж-т в селе Ясаулове.
 Петрушко Сидоров с. Воротников ж-т в г-де.
 Десятник Левка Аверкиев с. Говоруха ж-т в г-де.
 Пятко Афанасьев ж-т в г-де.
 Гаврилко Яковлев с. Песегов ж-т в д. на Кубекове у отца своего.

Митька Архипов ж-т в д. Лодейской.
 Филька Сидоров с. Песегов ж-т в г-де.
 Ивашко Яковлев с. Песегов ж-т в д. на Кубекове.
 Кипрушка Песегов ж-т в г-де.
 Коземка Елизарьев с. Таскин ж-т в д. на Усть-Кану, а у него с. Юрка 15 л.
 Ивашко Дмитриев с. Байкалов ж-т в селе Ясаулове.
 Игнашка Кирилов с. Кочнев ж-т в том же селе.
 Десятник Петрушка Кочергин ж-т в г-де.
 Костя Олексеев ж-т в г-де.
 Якунька Песегов ж-т в д. на Кубекове.
 Гришка Автамонов с. Глубокой ж-т в селе Ясаулове.
 Гришка Осипов с. Ковригин ж-т в д. Нахвальново.
 Захарка Стахеин ж-т в д. на Кубекове.
 Макоимко Семенов с. Черноусов ж-т в г-де у отца своего.
 Васька Бугров ж-т в д. Куваршинской.
 Митька Козмин с. Шарыгин ж-т в д. на Усть-Кану, а у него людей два малые купленные мугальские Ивашко, да Данилка, новокрещеные.
 Евтюшка Тимофеев с. Старцова, а у него брат ево Данилко 15 л., да племянник их Дорофейка Иванов 6 л.

Черкасы

Пятидесятник Иван Михайлов с. Потылицын ж-т в г-де, а у него детей Ивашко 12 л., Фомка 9 л., да племянник ево, казачей с. Парфенко Перфирьев 11 л.
 Гришка Деметьев с. Черкашенин ж-т в д. на Кубекове.
 Евся Агиев с. Зырян ж-т в г-де.
 Власко Иванов ж-т в г-де.
 Трошка Васильев с. Черкашенин ж-т в селе Бузимском.
 Микитка Сидоров с. Колейщиков ж-т в г-де, а у него пасынок Гришка 7 л.
 Кипрушка Никифоров с. Середкин ж-т в селе Бузимском.
 Ивашко Степанов с. Рыков ж-т в д. на Березовке.
 Нефедко Рыков ж-т в д. на Березовке.
 Евтюшка Роднонов ж-т в д. на Шивере.
 Десятник Пятко Никитин с. Соловьев ж-т в г-де.
 Микитка Прокопьев с. Скобелкин ж-т в г-де.
 Офонька Осипов с. Киселев ж-т в г-де.
 Алешка Наумов с. Колча ж-т в д. Лодейской.
 Коземка Григорьев ж-т в д. Кубековской.
 Тимошка Ларионов с. Тюменец ж-т в д. Овсянкине, а у него два пасынка: Спирка 10 л., Тишка 7 л.
 Федька Якимов ж-т в г-де.
 Максимка Григорьев Черкашенин ж-т в г-де.
 Тимошка Григорьев с. Кожевник ж-т в г-де.
 Семейка Трофимов ж-т в г-де.
 Десятник Ивашка Анофреев с. Потехин ж-т в г-де, а у него с. Любимко 16 л.
 Симанко Афонасьев ж-т в городе, а у него детей Васька 8 л., Фадейко 6 л.
 Самко Еремеев с. Зырянов ж-т в д. на Березовке.
 Спирька Иванов с. Потехин ж-т в г-де.
 Васька Афонасьев с. Дружинин ж-т в д. Лодейской.
 Костя Васильев с. Черкашенин ж-т в г-де, а у него детей Гришка 8 л., Васька 9 л.
 Стенька Юрьев с. Тетерин ж-т в г-де, а у него два брата, Алешка 15 л., Пуд 12 л., да у него ж ж-т новокрещеной Алешка Автамонов с. Ишкейко.
 Ивашко Трофимов с. Черкашенин ж-т в с. Бузимском.
 Дорофейко Трофимов ж-т в г-де, а у него детей Данилко 16 л., Максимко 8 л.
 Ивашко Васильев с. Жмака ж-т в г-де.
 Десятник Петрушка Птицын ж-т в д. на Быку, а у него детей Ивашко 16 л., Гаврилко 7 л.
 Алешка Мартынов ж-т в д. Казанцовых.
 Ивашко Осипов с. Дудка ж-т в г-де.
 Гурка Анаьин с. Попков ж-т в г-де, а у него пасынок, казачей с. Млшка Яковлев Кадцын 8 л.
 Петрушка Литвин Глухой ж-т в г-де.
 Ивашко Яковлев с. Зырянов ж-т в г-де.
 Остатка Карпов ж-т в д. Лодейской.
 Фарафонко Тютин ж-т в г-де.
 Алешка Терентьев ж-т в г-де, а у него четыре брата: Сергушка 14 л., Ярофейко 13 л., Игнашка 12 л., Петрушка 9 л.

Андрюшка Чернухин кузнец ж-т в селе Ясаулове.
 Десятник Мартышко Яковлев ж-т в г-де.
 Микифорка Созонов ж-т в д. Лодейской.
 Серга Титов ж-т в г-де, а у него пасынок ево, казачей с. Ивашко Андреев 8 л
 Федька Богданов ж-т в г-де.
 Петрушка Трофимов с. Черкашенин ж-т в селе Бузимском.
 Зиновейко Малафеев с. Потылицын ж-т в д. Лодейской, а у него братья Ивашко
 17., да Сидорко 15 л.
 Дениско Поликарпов ж-т в г-де, а у него брат Федька Поликарпов 18 л., не в
 службе.
 Ортюшка Давыдов с. Барабанщик ж-т в д. Казанцовых.
 Сергушка Васильев с. Кузнецов ж-т в д. Лодейской, а у него брат Ивашко 15 л.
 Федька Ильин ж-т в г-де.

Толмачи

Ивашко Худяков ж-т в г-де, а у него детей Савка 12 л., Васка 9 л
 Ивашко Борисов с. Красиков ж-т в г-де, а у него три пасынка, казачьи дети
 Тимошка Козмин 13 л., Ивашко 10 л., Потапко 7 л.

Пушкарри

Ивашко Белослуд ж-т в г-де.
 Елеска Ефремов с. Кузнец ж-т в г-де.
 Семейка Иванов с. Крестешников ж-т в г-де.
 Матюшка Тухташев ж-т в г-де.
 Ивашко Федоров с. Кузнец ж-т в г-де.
 Затинщик Гришка Осипов ж-т в г-де.

Кузнецы

Кондрашка Мосеев, а у него с. Мишка 8 л.
 Максимко Мосеев, а у него детей Гаврилко 16 л., Юрка 13 л., Пронка 12 л., ж-г
 они, кузнецы, в г-де.

Попы

Автамон Степанов, а у него малой купленной мугальской Сергушка новокрещен
 Иван Дмитриев, а у него детей Гришка 15 л., Данилко 13 л., Якунька 11 л.
 Дьякон Яков, а у него с. Мишка 8 л.
 Дьячек Ивашко Автамонов, а у него с. Семейка 7 л.
 Пономарь Ивашко Яковлев, а у него с. Гришка 16 л.

Острожной воротник Оверка Щербак.
 Съезжей избы сторож Тимошка Максимов.
 Тюремной сторож Федька Коровин.
 Палач Федька Кирилов.

Детей боярских дети

Левка Федоров с. Чанчиков ж-т в г-де.
 Кондрашка Савастьянов с. Самсонова. В службу поспели, а ни в какую не
 написаны.
 Киевсково полковника Семена Третьяка с. Мишка 5 л.
 Переяславского Фомы Тризнична с. Ивашко 5 л.
 Каза чьи дети, а отцы их побиты, а у иных собою померли, а в службу они
 поспели, а не приверстаны, а иные малы, в службу не поспели.
 Андрюшка Ситников 20 л. ж-т в г-де.
 Ефимко Иванов с. Медников 19 л. ж-т в г-де.
 Коземка Худкин 20 л., брат его Петрушка 16 л.
 Лучка Золин 18 л.
 Артюшка Первово Ошанина 17 л., да брат ево Митька 12 л.
 Пронька Микитин с. Куранов 10 л., да брат ево Якунка 9 л.
 Савка Микитин с. Кочергин 12 л., да брат ево Лучка 10 л.
 Микитка Михайлов с. Мелково 10 л., да казачей племянник Мишка Семенов 20 л
 Петрушка Шудров 10 л., брат ево Игнашка 8 л.
 Стенька Агиев с. Плотникова 10 л., да брат ево Тимошка 7 л.

Ромашка Леонтьев с. Коркина 15 л.
Трифанко Ильин с. Середкин 13 л., да брат ево Стенька 8 л.
Гришка Дмитриев с. Кожевин 12 л.

Посадцкие люди ж-т в Красноярском о-ге:

Захарко Ошаров, а у него с. Лучка.
Васька Федоров с. Смольянинов, а у него с. Артюшка.
Никитка Иванов с. Гущеед.
Васька Спиридонов.
Семейка Петров, а у него ж-т пасынок ево пушкарской с. Васька Иванов, с. Аталыкова 7 л.
Кирилко Максимов.
Дрока Стахеев, а у него ж-т пасынки его, казачьи дети, Ивашко Михайлов с. Кохтуров 17 л., Гришка 15, Демка 13 л., не в службе.
Васька Кривонос.
Гришка Иванов с. Почекуй.
Мишка Екимов с. Темкин, а у него ж-т пасынок ево казачей с. Микитка Павлов с. Коромыслов 6 л.

Посадцкие ж люди ж-т по деревням

Петрушка Евсеев с. Соколов ж-т в д. Лодейской.
Васька Агафонов с. Медник.
Кирилко Яковлев.
Костя Иванов с. Салдатов. Ж-т они в селе Ясаулове.
Ивашко Агафонов с. Медник.
Ивашко Носко ж-т в Частостровской д-е.
Ивашко Петров с. Халева ж-т в д. на Шивере.
Яжунька Яковлев, а у него с. Левка 10 л., да купленной его мугальской малой Федька новокрещен.
Федька Аврамов.
Андрюшка Петров Колуга, а у него пасынок ево Гришка Микифоров 10 л., а ж-т они, посадцкие люди, в селе Бuzимском.

Деревня Нахвальново, ж-т в ней посадцкие люди
Савка Евдокимов, а у него ж-т брат ево Гришка Саламатов.
Ивашко Оникеев.
Гаврилко Тимофеев с. Клочко.
Федька Иванов, а у него детей Ивашко 8 л., Максимко 6 л., да у него же брат ево родной, гулящий Петрушка Скобела.
Климко Зырян.

Деревня Павловская, ж-т посадцкие люди
Силка Якимов.

Пашко Григорьев, а у него братья, Степка 13 л., Давыдко 11 л., Микифорко 8 л.

Слобода Надпорожная Спасская, ж-т посадцкие люди:
Семейка Симанов, а у него два брата, Фадейко, да Микифорко, а у Семейки с. Митка 10 л., да Оська 8 л., а у Фадейко детей Гришка 6 л., да купленной их малой мугальской Трошка новокрещен.
Стенька Григорьев с. Красава.
Семейка Митрофанов, а у него ж-т казачьи дети Ивашко Микитин Войбрюхоз 20 л., Пашко 12 л., Васька 8 л.
Исачко Иванов с. Розорва, а у него детей Стенька 9 л., Ивашко 6 л.
Ивашко Грановитик, а у него с. Ивашко 14 л.
Мишка Меньшиков, а у него два брата, Стенька 14 л., Ларка 6 л.
Ивашко Васильев с. Рунов, а у него два брата, Гришка 20 л., Пашко 15 л.
Коземка Порофеев, а у него брат Ивашко 8 л.
Оксенко Спиридонов с., а у него ж-т отец ево Спиридон в гулящих людех, да у него ж Оксенка ж-т гулящий человек Курбатко Семенов.
В той же Надпорожной слободе ж-т поп Калинин Васильев, а у него с. Оника в пономорех.
Церковный дьячек Максимко Павлов, а у него с. ево Мишка 10 л. Да тое ж Надпорожной Спасской слободы посадцкие люди ж-т в деревнях на Яланех.

Ивашко да Максимко Прокопьевы дети, а у него, Ивашка, детей Микитка 22 л., Гаврилко 10 л.

Микитка Родионов с. Ключ.

Мишка Афонасьев, а у него с. Стенька 10 л.

Мишка Филипов, а у него с. Федька 16 л.

Федька Данилов с. Белозер.

Ивашко Турухан, а у него с. Герасимко 8 л.

Ивашко Юрьев, а у него два пасынка ево, казацки дети Ермолка Иванов с. Кондаков 13 л., Логинко 10 л.

Ивашко Иванов Важанин.

Якунька Тарарин, а у него два брата, Ярафейко 12 л., Матюшка 7 л.

Андрюшка Данилов с. Черново.

Пятко Филипов, а у него с. Ивашко 10 л.

Феодулко Насонов с. Высота, а у него с. Елфимко 20 л.

Семейка Романов с. Корела, а у него пасынок ево казацей с. Якунка Андреев с. Старцова 6 л.

Петрушка Анцыфоров з братом Ивашком.

Шестачко Ермолин, а у него с. Мокейло 8 л.

Ивашко Григорьев с. Коновал.

На той же Елане ж-т бобылек Митька Филипов.

Бугачевская деревня, ж-т в ней пашенные крестьяня:

Сергушка Кирилов, а у него детей Васька 25 л., Ивашко 22 л., Петрушка 20 л., Епишка 14 л., да купленной их мугальской малой Стенька новокрещен.

Стенька Елистратов, а у него два брата, Ивашко, да Ондрюшка.

Лучка да Бориско Тимофеевы дети Кукарсково, а у них ж-т племянник их Агафонко Федоров 7 л., а у Лучки пасынок ево, пашенново крестьянина с. Андрюшка Иванов с. Пузырев 10 л.

Васька Петров с. Новопашенной, а у него с. Борька 8 л.

Трошка Сергиев, а у него ж-т племянник ево Стенька Петров 10 л.

Гришка Орешник, а у него ж-т два внука Родька Тихонов 13 л., Ивашко 8 л.

Левка Федоров с. Зырян, а у него с. Митька, да у него ж-т зять ево Оська Исаев.

Кирилко Андреев, а у него ж-т пасынок ево, пашенного крестьянина с. Семейка Иванов 7 л.

Васька Боталов, а у него два брата, Костя 16 л., Уварко 8 л.

Моська Морозко.

Андрюшка Иванов с. Шелунин, а у него детей Калинка 14 л., Мартемьянко 12 л., Ларка 10 л.

Еремка Дроздов, а у него пасынок ево Федотко Васильев 11 л.

Васька Дементьев, а у него два племянника, пашенново крестьянина дети Ивашко Мартемьянов 12 л., Алешка 8 л.

Алешка Яковлев.

Семейка Елистратов, а у него с. Васька, а у них ж-т купленной их мугальской малой Трошка новокрещен.

Ивашко Алексеев с. Черепан, а у него с. Агишка 8 л.

Пашко Иванов с. Мекерин.

Герасимко Ксенефонтов Зырян.

Мишка Собачкин.

Село Ясаулово, а ж-т в нем пашенные крестьяня:

Федька, да Костя Малафеевы, дети Пинегины.

Ивашко Леонтьев с. Попков, а у него ж-т братья ево родные, Андрюшка 20 л., Данилко 18 л., Лучка 12 л.

Марко Исаев.

Алешка Яковлев с. Вячанин.

Терешка Сидоров, а у него детей Афонька 14 л., Бориско 8 л., Ивашко 6 л.

Якунька Афонасьев с. Делково, а у него братья ево родные *... 12 л., Семейка 6 л.

Федька Иванов с. Петухов.

Тимошка Сергиев, с. Калмак а у него детей Федька 18 л., Мишка 16 л., Стенька 6 л.

Жданко Володимиров, а у него племянник Ивашко Спиридонов.

Петрушка Игнатъев.

Ивашко Григорьев с. Чернок, а у него с. Петрушка 6 л., да купленной ево мугальской малой Гришка новокрещен.

Гришка Павлов с. Перевалов, а у него четыре брата: Оська, да Ивашко, да Ми-

* Имя не указано.

кифорко, да Гришка ж., 16 л., а у Гришки детей Илюшка 13 л., Петрушка 6 л., а у Оськи детей Ивашко 6 л., да пасынок ево Стенька Екимов 6 л.

Баженко Трофимов.

Петрушка Чюхломин.

Вахрушко Дудолад, а у него с. Афонка 15 л.

Дениско Козмин, у него с. Федька.

Левка Семенов с. Кузаков, а у него с. Мишка 7 л.

Климко Гаврилов с. Чюхломин.

Бориско Мосеев с. Чермной.

Васька Иванов с. Мекерин.

Калинка Пянегин, а у него детей Федька 13 л., Семейка 9 л., Карпунка 6 л.

Данилко Иевлев, а у него пасынок ево Кипрушка Кужлев, да с. ево Данилков Евфимко 11 л., да зять их Савка Васильев.

Трошка Иванов с. Мартюшов, а детей у него Ивашко 20 л., Терешка 18 л., Стенька 16 л., Петрушка 8 л.

Илюшка Завьялов, а брат у него Микитка 20 л.

Трошка Прокопьев с. Зырян.

Кондрашка Елисеев.

Дениско Никитин, да зять ево Тимошка.

Да в том же селе ж-т Спаской поп Семен Иванов, а у него живут братья евродные Митька 18 л., Коземка 13 л.

Церковный дьячек Филька Филипов.

Пономарь Ивашко Дмитриев.

Кондрашка Елисеев с. Пинежанин.

Частоостровская деревня, а в ней ж-т пашенные крестьяня:

Лучка да Семейко Михайловы, дети Шихонина.

Афонка Борисов с. Чюрак, а у него с. Микитка 7 л., да пасынок ево пашенново крестьянина с. Федька Леонтьев 15 л., Коземка 12 л.

Ивашко Гаврилов, а у него с. Семейка 6 л.

Андрюшка Борисов с. Вотяк.

Ивашко Силкин, а у него ж-т казачьи дети Максимко Иванов с. Бугрова 7 л., Ивашко 6 л.

Мишка Борисов с. Калмак.

Артюшка Брагин.

Васька Афонасьев с. Слинко, а у него детей Сергушка 19 л., Петрушка 14 л.

Федька Григорьев с. Нохрок.

Терешка Афтамонов с. Чюхломин.

Митька Кобылкин.

Наумко Степанов с. Галкин, а у него брат ево Афонка 6 л.

Ивашко Черней.

Левка Федоров.

Мишка Григорьев с. Безпалово.

Антонка Федоров с. Серебреников.

Балчюжская деревня, живут в ней пашенные крестьяня:

Мишка Семенов с. Осетров, а у него ж-т племянник ево Данилко 13 л.

Бориско Юдин з братом Матюшкой.

Матюшка Иванов с. Мекерин.

Гришка Федоров с. Каменской, а у него ж-т пасынок ево пашенново крестьянина с. Ларка Козмин 12 л.

Яжунька Семенов с. Пермяков, а у него два брата: Ивашка 16 л., Алешка 10 л.

На Бузиме село Ильинское, а живут в нем пашенные крестьяня:

Федька Емельянов с. Черкашенин, а у него с. Васка 8 л.

Тишка Алексеев.

Левка Иванов Черкашенин, а у него детей: Аверка 17 л., Игнашка 14 л., Гришка 12 л., Ивашко 6 л.

Офонька Фирсов с. Глухой, а у него детей Федька 13 л., Аврамко 8 л., Гришка 6 л.

Якимко Никитин с. Подпора, а у него детей: Игнашка 16 л., Терешка 6 л.

Васька Павлов с. Корноух.

Ивашко Кондратьев с. Налоба, а у него брат Филька 11 л.

Семейка Федоров.

Кондрашка Матвеев с. Черкашенин.

Андрюшка Матвеев с. Башкаков.

Андрюшка Филипов, а у него пасынок ево пашеннова крестьянина с. Максимко Фомин 10 л.

Савка Иванов, а у него с. Андрюшка 13 л.
 Семейка Антонов, а у него детей: Федька 7 л., да пасынок ево Меркушка Антонов 8 л.
 Лучка Леонтьев, а у него с. Данилко 14 л.
 Евся Микитин с. Подсекин.
 Петрушка Васильев с. Черкашенин.
 Евтюшка Косогор.

В том же селе живут
 Поп Матвей Иванов.
 Церковный дьячек Федька Федосеев.
 Пономарь Федька Матвеев.

Павловская деревня. Живут пашенные крестьяня:
 Ивашко Семенов с. Юшков, а у него детей: Якунка 11 л., Потапко 10 л.
 Игнашка Мартынов, а у него с. ево Самко 10 л.

В Красноярском уезде Введенской монастырь на Березовке, а в нем:
 Игумен Павел з братьею и со вкладчики, и на монастырском дворе живут работники:

Коземка Афонасьев Чермной.
 Елфимко Степанов.
 Алешка Федоров.
 Илейка Семенов.
 Васька Ильин.
 Федька Кондратьев.
 Пронька Никитин.
 Микитка Прокопьев.
 Митька Семенов с. Устьяков.
 Микитка Никитин, с. Новокрещен.
 Мишка Гаврилов Новокрещен.
 Нифанко Антонов.
 Ивашко Никитин.
 Афонька Мокеев.
 Федька Афонасьев.
 Матюшка Володимиров.
 Ярафейко Афонасьев.
 Пашко Борисов Новокрещен.
 Митька Сергиев Репа.

Того ж Введенского монастыря крестьяня ж-т на Березовке:

Ивашко Петров.
 Лучка Соболев.
 Кондрашка Алексеев Шаля, а у него брат Микофорко 10 л.
 Ивашко Павлов с. Кобяков, а у него детей Мишка 17 л., Васька 12 л., Ивашко 10 л.
 Петрушка Арефьев.
 Федька Осипов с. Глухой, у него брат Якунка 15 л.
 Ивашко Коновал, а у него три пасынка: Николко Борисов 14 л., Андрюшко 13 л., Якунка 7 л.
 Еремка Григорьев, у него с. Петрушка 14 л.
 Мишка Конанов, а у него детей Алешка 12 л., Гришка 7 л.,
 Лучка Васильев, а у него с. Кипрушка 7 л.
 Микитка Власьев, а у него скормленик Микитка Андреев 7 л.
 Андрюшка Григорьев, а у него с. Андрюшка 10 л.
 Семейка Григорьев с. Остяк, а у него с. ево Андрюшка 11 л.

Того ж монастыря деревня на Подъемной реке, живут монастырские крестьяня:

Федька Семенов с. Даур.
 Федька Якимов.
 Андрюшка Семенов.
 Сидорко Тимофеев.
 Ивашко Сергиев.
 Якимко Семенов.
 Левка Васильев.

А те монастырские крестьяня пашут хлеб на монастырь и на себя, а великим государем с пашен своих ничево не платят.

Да присланы с Москвы в вынешнем во 180 году по грамоте великого государя иноземцы в дети боярские.

Матвей Полуцкий.

Степан Критцкой.

Василей Копец.

Матвей Близневской.

Ян Моричевской

Филип Цыбольской.

Да ис Тобольска по отпискам боярина и воеводы князь Ивана Борисовича Репнина с товарищи присланы:

иноземец Леонтей Урбановский,

да полковника и головы Якова Соловцова стрелец Трифанко Челюскин.

Да в Красноярском уезде два острожка в Удинской в Братцкой земле острожек Удинской; да в Канской земле острожек Канской, а в те острожки посылаются на годовые с приказными людьми человек по тридцать в Удинской, а в Канской по пятнадцать человек для ясашново збору.

По полям книги: К сем переписным книгам воевода Алексей Сумороков руку приложил.

Помета: 181-го Генваря в 20-й день таковые переписные книги присланы ис Красноярсково с сыном боярским с Иваном Печерским и ис тех книг выписать на роспись в доклад.

(Сиб. приказ, кн. 566, лл. 162—213). Подлинник.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаз-Бачки, шейх, «сибирский бухарец» 208
Абалаков Михаил, енисейский пятидесятник 158, 159
Абдулла (Абдаллах II), бухарский хан, шейбанид 197, 199—201
Абдул-Азиз, бухарский хан 201, 206
Аблай (Облахан), калмыцкий тайша 199
Аблин Сеиткул, сибирский бухарец, торговый человек 210, 213
Абулхаир, узбекский хан 198
Абыдаев (Абытаев) Татуш, аринский князец 14, 22, 36, 65—67
Абыдай Абытай, аринский князец 36, 65
Аврамов Федор, красноярский посадский человек 226
Автамонов Иван, церковный дьячок 225
Автоном (Автамон) Степанов, красноярский священник 92, 225
Агулин Кулайко, «тарский бухарец» 209
Айкан (Айканов) Иван Архипов, сын боярский 32, 33, 44, 98, 99, 110, 130, 140, 217
Айканов Матвей, сын боярский, внук Айкана 98, 110, 140
Айканов Семен, сын боярский 100
Айканов Степан, сын боярский 52
Айканов Федор, сын боярский 73, 89, 102, 157, 173—176
Айкановы, красноярские служилые люди 68
Акараков Степан, служилый человек 44
Акинфьев Архип Федорович, красноярский воевода 23, 25, 26, 62, 80, 99, 121, 152, 166
Александров В. А. 192
Алексеев Василий, атаман 14—16
Алексеев М. П. 208, 209, 211, 212
Алексеев Тихон, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
Алексеев Федот, ссыльный, иконописец 11, 120, 121
Алексей Михайлович, царь 90, 161, 217
Али (Алей), татарский царевич, сын Кучума 196
Алимов Максут, мулла, сибирский бухарец 208
Алтур, ясачный татарин 50
Алтын-Кашка, киргизский князец 48
Алтын-хан (Ирдень-Зайсан), монгольский завоеватель 12
Алыка, качинский татарин 132
Андреев Ефим, посадский человек 131
Андреев Кирилл, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
Андреев Филипп, «человек» воеводы Игнатия Башковского 173
Андреев Харитон, енисейский посадский человек, кузнец 126
Андрей, «купленный человек» Ивана Злобина 144, 145
Андросов Иван Яковлев, сын боярский 110, 218
Аничков Матвей Осипович, красноярский воевода 161, 162
Антонов Нифонт, монастырский работник 229
Антонов Семен, пашенный крестьянин с. Ильинского 229
Анцыфоров Петр, красноярский целовальник 163, 227
Аргаматов Василий Алексеевич, енисейский воевода 24
Аргамачка Яков — см. Максимов А.
Аргачев (Аргачек), котовский князец 36
Арефьев Петр, монастырский крестьянин 229
Арзамасец Козьма Клементьев, конной сотни служилый человек 221
Арзамасец Семен Степанов, пеший служилый человек, пятидесятник 221
Арсеньев Ю. В. 29
Артемьев Вторка, служилый человек 148
Архипов Дмитрий, пеший служилый человек 224
Архипов Иван — см. Айкан
Аршинский Богдан, сын боярский 16
Астраханец Иван, тобольский сын боярский 132
Атеев Аблы, «сибирский тезик» 209
Атейко Базиев — см. Базиев Атейко
Атласов Владимир Васильевич, сын боярский, «покоритель Камчатки» 96
Атобай, остяцкий князец, брат Намака 14
Афонасий, олончанин, вкладчик Введенского монастыря 146
Афонасьев Андрей, лавочный сиделец Филатьева 125
Афонасьев Григорий, конной сотни служилый человек 218
Афонасьев Михаил, красноярский посадский человек 87, 147
Афонасьев Пятко, пеший служилый человек 223
Афонасьев Семен (Симанко), «черкас», служилый человек 224

- Афонасьев Федор, монастырский работник 229
- Афонасьев Ярофей, монастырский работник 229
- Ахмет-Гирей (Кирей), султан, старший брат Кучума 200, 201, 207, 208
- Бабаев** Бабурелий, сибирский бухарец, торговый человек 213
- Бабрак, бурятский князец 41
- Бабук — см. Татушев Бабук
- Багауддин, ишан-ходжа, бухарский поповедник 198, 201
- Базараков Силоша, качинский татарин, потомок князца Татуша 36, 37
- Базиев Атейко, сибирский бухарец, торговый человек 209
- Байга, камасинский князец 40
- Байкал Иван Ефремов, конной сотни десятник 220
- Байкалов Иван Дмитриев, пеший служилый человек 224
- Байкашин Михаил, сын боярский 17
- Байков Федор Исакович, сын боярский, русский посол в Китай 213
- Байтерек, князец Онпальской земли 14
- Бакиев Авеска, сибирский бухарец, торговый человек 209
- Бакин Тюляк, бухарский мулла, земле-владелец 208, 211
- Бакланова Н. А. 4
- Балакирев Федор, дворцовый крестьянин 61
- Барабанщик Алексей Васильев, пеший служилый человек 223
- Барабанщик Артемий Давыдов служилый человек 225
- Бархатов Степан Исаев, конной сотни служилый человек 219
- Баскаков Алферий Петрович, красноярский воевода 43, 84
- Бахрушин С. В. passim*
- Башкаков Андрей Матвеев, пашенный крестьянин 228
- Башковский Алексей Игнатьевич красноярский воевода 123—125, 128—130, 134, 146, 162, 167, 170—174, 179—186, 191
- Башковский Игнатий Васильевич, красноярский воевода 58, 62, 81, 100, 101, 117, 124, 136, 158, 159, 173, 174, 176
- Башковский Мирон Игнатьевич, красноярский воевода 101, 104, 126, 162, 170, 174, 178, 181—186, 191
- Беспалов Михаил Григорьев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Безрукий Кулак, аринский татарин 58
- Бейтонов Яков, красноярский воевода 190
- Бекбулат, отец сибирского хана Сеид-Ахмата 200
- Бекетов Петр, служилый человек, сотник 19
- Беклемишев Илья, сын боярский 196
- Белобородов Митрофан, доверенный человек Гаврилова Х. 127
- Белослуд Иван, пушкарь 225
- Белослудов Данила Иванов, пеший служилый человек 223
- Белянкин Симанко, казачий сотник 181
- Берестов Даниил, дьяк 186, 191
- Бернацкий Михаил, иноземец, сын боярский 175, 218
- Билихты Журбаев — см. Журбаев
- Близненский Матвей, иноземец, сын боярский 230
- Бобровские, торговые люди Лальского погоста 126, 182
- Бобровский Андрей, лалич, торговый человек 126
- Бобровский Леонтий, лалич, торговый человек 126
- Бобровский Михаил, сольвычегодский торговый человек 87, 126, 134
- Богданов М. М. 30
- Богданов Федор, черкас, служилый человек 225
- Борашков Иван, торговый человек 124
- Борбектейко, иноземец, служилый человек 73
- Борис Федорович Годунов, царь 202
- Борисов Михаил, «колмак», крестьянин дер. Частоостровской 140
- Борисов Федор, конной сотни служилый человек 18
- Баталов Василий, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Бошохту-хан — см. Галдан
- Боянда, башлык бухарского торгового каравана 203
- Брагин Артемий, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Брагин Василий, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 84
- Братай, бурятский князец 41
- Бронников Иван, красноярский дьячок, живописец 102, 120
- Бугаев Аврам Антонов, пеший служилый человек 221
- Бугаев Агафон (Ганька), служилый человек, скорняк 150
- Бугонаков Баян, посол хана Девлет-Гирея 203
- Бугров Василий, пеший служилый человек 224
- Бузунов Иван Андреев, пеший служилый человек 222
- Бульгин Василий Агафонов, пеший служилый человек 221
- Бумашка Иван Максимов, пеший служилый человек 222
- Бунаков Андрей Андреевич, красноярский воевода 44, 47, 161, 162, 167, 168
- Быкасов Артемий Макаров, пеший служилый человек 221
- Быков Прокофий Исаев, пеший служилый человек, десятник 221
- Былин Василий, томский сын боярский 80, 103, 155
- Вавила, старец, «строитель» Спасской Ангарской пустыни 118
- Важанин Иван Иванов, посадский человек 227
- Важанин Ларнон Андреев, пеший служилый человек 223
- Важанин Прохор Климов, пеший служилый человек 223

- Ваньков Иван Федоров, пеший служилый человек 223
- Василий, посадский человек, медник 86, 149
- Василий, «отпущенник» Айкианова Матвея 140
- Васильев Василий, ссыльный, человек воеводы И. В. Башковского 173
- Васильев Калинин, священник Надпорожной слободы 226
- Васильев Леонтий, монастырский и пашенный крестьянин 229
- Васильев Лука, монастырский крестьянин 229
- Васильев Петр, оконичный плотник 150
- Васильев Сергей, казак 149
- Васильев Федор, «симбирятин», ссыльный 61
- Васильев Якуп, человек Торгошинных 143
- Верхотур Иван, красноярский служилый человек 172
- Верхотур Степан Иванов, красноярский ясачный сборщик 172
- Веселко Григорий Константинов, пеший служилый человек 223
- Витсен (Витзен, Witsen) Николас, голландский географ и путешественник 101, 103, 207, 209, 212
- Владимиров Иван, ссыльный человек, иконописец, 120, 121
- Власов Кирилл, пятидесятник 68
- Власьев Никита, монастырский крестьянин 229
- Внуков Максим Степанов, пеший служилый человек 220
- Волков Дементий, красноярский подьячий 168
- Володимеров Ждан, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Володимеров Матвей, монастырский работник 229
- Волховицкий Павел Иванов, казачий десятник 40, 218
- Волченко Григорий Федоров, конной сотни служилый человек 220
- Воробьев Сила Васильев, устюжанин, торговый человек 126
- Воротников Петр Сидоров, пеший служилый человек 223
- Выропаев Михаил, лалич, торговый человек 126
- Вострово Михаил Шумков, конной сотни служилый человек 220
- Вотяк Андрей Борисов, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Врублевский (Врублевский, Вороблевский) Микудай, ссыльный поляк, служилый человек 93, 185, 218
- Вындомский Марк, енисейский сын боярский 76, 155
- Высота Федул Насонов, посадский человек 227
- Вычегжанин Первой Андреев, пеший служилый человек 221
- Вятка Василий Антонов, пеший служилый человек 221
- Вятка Дмитрий Иванов, томский пятидесятник 155, 156, 175
- Вяткин Василий, промышленный человек, покрученик 116
- Вятчанин Алексей Яковлев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Гаврилов Иван, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Гаврилов Семен, казак, кузнец 149
- Гаврилов Харитон, енисейский торговый человек 127, 136
- Галасейн Иван, сын боярский, ссыльный 61, 64
- Галдан (Бошохту-хан), джунгарский хунтайчи, 59, 122, 177, 203, 204
- Галичанин Иван Порфирьев, пеший служилый человек 220
- Галкин Наум Степанов, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Герасимов Давыд Герасимов, пеший служилый человек 221
- Глубокой Григорий Автамонов, пеший служилый человек 224
- Глубокой Елфим Автамонов, пеший служилый человек 222
- Глухой Афанасий Фирсов, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
- Глухой Петр, черкас, служилый человек 224
- Глухой Федор Осипов, монастырский крестьянин 229
- Гмелин (Gmelin) Иоганн Георг, путешественник, ученый 28, 37, 38, 109, 110, 118
- Говоруха Леонтий Аверкиев, пеший служилый человек, десятник 223
- Говорухин Ефим Аверкиев, пеший служилый человек 221
- Говорухин Онисим Леонтьев, пеший служилый человек 223
- Годунов Матвей Михайлович, тобольский воевода 17
- Годунов Петр Иванович, тобольский воевода 64, 161, 200
- Гоздаво-Голомбиевский А. К. 64
- Голенищев-Кутузов Федор Иванович, кузнецкий воевода 14
- Головин Трифон, тюменский стрелецкий сотник 127
- Головин Федор Андреевич, боярин 204
- Горбунов Иван Алексеев, пеший служилый человек 222
- Горбунов Кирилл Алексеев, пеший служилый человек 223
- Горев Петр Зиновьев, пеший служилый человек 223
- Грановитин Иван, посадский человек 226
- Григорий, повар воеводы Игнатия Башковского 173
- Григорьев Андрей, монастырский крестьянин 229
- Григорьев Артемий, плотник 150
- Григорьев Василий, пеший служилый человек 223
- Григорьев Дмитрий, священник с. Ясаулова 168
- Григорьев Еремей, монастырский крестьянин 229
- Григорьев Козьма, черкас, служилый человек 224

- Григорьев Никифор, конной сотни служилый человек 218
- Григорьев Павел, посадский человек 226
- Григорьев Прохор, пеший служилый человек 223
- Григорьев Тимофей, посадский человек кожевник 150
- Губарев (Губарь) Янко, ссыльный казак, «гулящий человек» 61, 80
- Губин Григорий Никитин, конной сотни служилый человек 219
- Губин Иван Никитин, пеший служилый человек 223
- Губин Никита Никитин, пеший служилый человек 223
- Гука Никифор Леонтьев, посадский человек, мясник 86, 87
- Гулечко, бухарец 208
- Гущеед Никита Иванов, посадский человек 226
- Давыдов Алексей, конной сотни десятник 219
- Давыдов Федор, лавочный сиделец 126
- Даин Мерген Ланза Лаба, монгольский лама 47
- Данилов Яким, тобольский таможенный голова 212
- Даур Иван, промышленный человек, по-крученик 116
- Даур Иван Алексеев, пеший служилый человек 221
- Даур Федор Семенов, монастырский и пашенный крестьянин 229
- Даурский Аким Яковлев, пеший служилый человек 222
- Даурский Василий Акимов, служилый человек 104, 223
- Девлет-Гирей (Кирей), сибирский хан, внук Кучума 203
- Деятка, служилый человек 49
- Дедков Михаил Ульянов, сын боярский 217
- Дежнев Семен Иванович, мореход 11
- Дейна, бухарский купец 122, 202
- Делков Яков Афанасьев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Дементьев Василий, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Денисов Иван, служилый человек, кожевник 150
- Дергач Ларион Семенов, пеший служилый человек 222
- Дехтерев Борис, тобольский таможенный голова 212
- Джучи, монгольский хан 198
- Дин-Али (Аул) Ходжа, мусульманский ученый, зять Кучума 201, 207, 208
- Дмитриев Иван, пономарь 225, 228
- Дмитрий, красноярский священник 134
- Добрынин Логин, ярославский купец, гость 125
- Долгих Б. О. 4, 28
- Долгой Василий, служилый человек, раскольник 96, 111
- Дорогобужский Петр Алексеев, ссыльный, кузнечный мастер 149
- Дортombай, бухарец, башлык торгового каравана 122
- Дорошкеев (Дорожскеев) Парфен, иноземец, сын боярский 188, 218
- Дробыш Крон, «рудознатный мастер» 117
- Дроздов Еремей, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Дрокин Константин, пеший служилый человек 223
- Дружинин Василий Афанасьев, черкас, служилый человек 224
- Дубенский Андрей Ануфриевич, красноярский воевода 17—22, 24, 25, 36, 40, 62, 69, 71, 73, 100, 101, 106, 138, 152, 166
- Дубровский Марк (Марчко), драгунского строя служилый человек 150, 218
- Дудка Иван Осипов, черкас, служилый человек 224
- Дудолад Вахромей, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Дурал-Табун Даин Лаба, монгольский князь, родич Лауцзана 47
- Дурново М. Ф., красноярский воевода 49, 51—53, 58, 83, 150
- Дурново Семен Иванович, красноярский воевода 35, 48, 51, 56, 63, 67, 90, 102, 141, 162—165, 170, 171, 173, 178, 179, 183—190
- Дючка, бурятский князец 30
- Евдокимов Савва, посадский человек 226
- Евсеев Сила, пеший служилый человек 222
- Еговцев Микита, «тобольский переведенец» 146
- Едигар (Едигер, Эдигар), сибирский хан 9, 47, 199, 200
- Едомский Андрей Васильев, приказчик гостя Филатьева Остафия 125
- Елагин Яков, енисейский сын боярский 185
- Елисеев Кондратий, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Елисеев Кузьма, красноярский подьячий 163, 164, 170, 180, 187
- Елистратов Семен, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Елистратов Степан, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Елфимов Михаил, пеший служилый человек 222
- Елфимов Тимофей, годовальщик Караульного острога 97
- Емельян, иконник 121
- Емельян (Омелька), струговой плотник 150
- Емельянов Василий, новокрещенный бохтинец, толмач 98, 145
- Емельянов Герасим, пеший служилый человек 222
- Емельянов Иван, лавочный сиделец Филатьева 125
- Ендауров Игнатий, красноярский служилый человек 178, 180
- Епея, остяк Кадысской волости 14, 16
- Еремеев Андрей Трифонов, сын боярский 104
- Еремеев Василий, подьячий красноярской съезжей избы, ссыльный 85, 116, 155, 167—169, 179, 218
- Еремеев Василий, крестьянин 83
- Еремеев Матвей Васильев, сын боярский, активный участник красноярской смуты 179, 186

- Еремеев Трифон Васильев, сын боярский, ясачный сборщик 68, 98, 104, 110, 140, 172, 175, 176, 179, 181, 182, 186, 217
- Еремеевы, дети боярские, руководители красноярского восстания 181
- Еремей-псковитин, енисейский посадский человек 126
- Ерениак — см. Ишеев Ерениак
- Ерка Гарха, родовой представитель Саянского улуса 45
- Ермак Тимофеевич, «покоритель Сибири» 8, 196, 201
- Ермолаев Григорий Никитин, сын боярский 124, 181, 182, 184, 217
- Ермолаев Иван Большой, сын боярский 111, 143
- Ермолаев Иван Меньшой, сын боярский 110, 111
- Ермолаев Иван Никитин, сын боярский 217
- Ермолаев Федор Григорьев, недоросль, племянник Ермолаевых 110, 143
- Ермолин Шестак, посадский человек 227
- Ерш Девятка Данилов, пеший служилый человек 222
- Ешкеп, участник калмыцкого посольства в Россию 203
- Ефремов Сергей, подьячий красноярской съезжей избы 166
- Жданов Кирилл, пеший служилый человек 223
- Жмака Иван Васильев, черкас, служилый человек 224
- Журбаев Билихты Дранжан-Имачи, выходец из Бухары, житель г. Тары 208
- Журжин Аким Петров, пеший служилый человек 223
- Журжин Иван Петров, пеший служилый человек 223
- Журжин Меркул Петров, пеший служилый человек 223
- Завьялов Илья, пашенный крестьянин с Ясаулова 228
- Загряжский Данила Григорьевич, красноярский воевода 122, 173, 174, 204
- Зайцев Любим, казачий голова 64
- Залесов Родион, пеший служилый человек 223
- Замараев Григорий Матвеев, сын боярский 217
- Заровняный (Заровня) Андрей, тобольский торговый человек 124, 127
- Затрутин Сидор Васильев, пеший служилый человек 221
- Затыка, подгородный аринский князец 66
- Зенбицкий Никита, енисейский сын боярский 176
- Зиновьев Калин, конной сотни служилый человек 220
- Злобин Дементий Андреевич, атаман красноярского гарнизона 23, 42, 71, 143, 145
- Злобин Иван Михайлович, конный десятник, атаман 23, 42, 71, 97, 142, 144, 145, 181, 186
- Злобин Михаил Дементьевич, сын боярский, атаман красноярского гарнизона 68, 71, 96, 112, 121, 132, 181, 185, 186, 218
- Злобин Никита Михайлов, сын атамана Злобина М. Д. 132
- Злобин Прохор Иванов, сын атамана 144
- Злобины, красноярские служилые люди 72, 113
- Злотников Иван, драгунского строя служилый человек 218
- Зобко Кирилл Иванов, конной сотни служилый человек 220
- Золотарь Афанасий Афанасьев, пеший служилый человек 222
- Зосимин Павел Федоров, пеший служилый человек 221
- Зубрицкий Семен Иванов, конной сотни служилый человек 218
- Зыков Михаил Дементьев, пеший служилый человек 221
- Зыков Павел Дементьев, конной сотни служилый человек 220
- Зырян Авдей, пеший служилый человек 221
- Зырян Герасим Ксенофонов, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Зырян Есей Агиев, черкас, служилый человек 224
- Зырян Киприян Анофриев, пеший служилый человек 221
- Зырян Клим, посадский человек 226
- Зырян Леонтий Федоров, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Зырян Михаил (Минька) Федоров, пеший служилый человек 220
- Зырян Трофим Прокофьев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Зырянов Василий Ананьин, пеший служилый человек 221
- Зырянов Иван Яковлев, черкас, служилый человек 224
- Зырянов Самко Еремеев, черкас, служилый человек 224
- Зырянов Семен Яковлев, конной сотни служилый человек 219
- Зырянов Федор Ананьин, конной сотни служилый человек 220
- Зырянов Якомко Еремеев, пеший служилый человек 222
- Ибак Ибрагим, «томенский царь» 198
- Иван (Ивашка), галичанин, тюремный караульщик 104
- Иван, грек, торговый человек 124
- Иван, медник 86
- Иван, посадский человек, медник 86, 126, 149
- Иван Алексеевич, царь 159, 217
- Иванов Влас, черкас, 224
- Иванов Елисей, пушкарь, кузнец 149
- Иванов Матвей, священник с. Ильинского 229
- Иванов Оксен, томский крестьянин 83
- Иванов Потешка, красноярский кузнец 148
- Иванов Роман, «немец», новокрещен 94
- Иванов Савва, пашенный крестьянин с. Ильинского 229
- Иванов Савва, тобольский казачий сын 134
- Иванов Семен, священник 228
- Иванов Степан, сын боярский 56, 78, 183

- Иванов Степан, удинский приказчик 129, 130, 133, 172
 Иванов Федор, посадский человек 226
 Иванов Федор, устюжанин, торговый человек 128
 Игнатов Петр, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
 Игумнов Федор Парфенов, устюжанин 125
 Иевлев Иван, ссыльный сын боярский 61, 72
 Иевлев Данила, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
 Ижиней, киргизский князец 99
 Изеней (Изень), бурятский князец, аманат, сын Оилана 43, 47, 48
 Иконников Афанасий Ерофеев, сольвычегодец, торговый человек 126
 Иконников Иван, пеший казак 170
 Иконников Тимофей, сын боярский 85
 Иланко, бурятский князец — см. Оилан.
 Ильин Василий, монастырский работник 229
 Ильин Федор, черкас, служилый человек 225
 Ильчихан, канский татарский князец, сын Темсенека 55
 Илья, медник 150
 Имам-кули, бухарский хан 203
 Именек, татарский князец 31, 42, 50
 Иона, старец 175
 Ипатьев Василий, подьячий тобольской приказной избы 183
 Исаев Марк, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
 Истопников Иван, красноярский торговый человек 134
 Истопников Григорий Иванов, красноярский торговый человек 134
 Истопников Михаил Степанов, красноярский торговый человек 134
 Истопников Федор Иванов, красноярский подьячий, ссыльный 124
 Истопников Федор Степанов, красноярский торговый человек 134
 Истопниковы, красноярские жители, торговые люди 134
 Ишеев Айкан Ерушку, киргизский князец, брат Ереняка 48
 Ишеев Ейзан, киргизский князец, брат Ереняка 48
 Ишеев Ереняк, киргизский князец 33, 47, 48, 59, 99, 130, 136
 Казанец Иван Михайлов, пеший служилый человек 222
 Казанцов Данила Фомин, пеший служилый человек 221
 Казанцов Павел, красноярский служилый челсвек 131
 Казанцовы, красноярские служилые люди 109
 Какажеучи, «князец Саянской земли» 29
 Калинин Малафейко, пеший служилый человек 221
 Каймак Михаил Борисов, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
 Каймак Тимофей Сергеев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
 Калошин Ахонка, ясачный татарин 170
 Каменев Михайло Семенов, подьячий красноярской съезжей избы 218
 Каменской Григорий Федоров, пашенный крестьянин дер. Балчужской 228
 Канай, сибирский царевич, сын Кучума 199, 200
 Кангаров Дмитрий, крестьянин, новокрещен 140
 Канкарин Василий, красноярский житель 146
 Карамышев Никита Иванович, томский воевода 27, 42, 66, 121, 145, 152—154
 Карпов Остапий, черкас, служилый человек 224
 Каскоменцов Семейка Дмитриев, пеший служилый человек 222
 Каскомельцев Андрей Дмитриев, пеший служилый человек 221
 Катанов Н. Ф. 198, 200, 201
 Катушев Ойдак, аринский татарин 132
 Качанов Федор, илимский воевода 191
 Келчикенев Мунза, киргизский князец, родич Ешеева Ереняка 48
 Кизлак, ястынский татарин 133
 Кириллов Герасим, енисейский пашенный крестьянин 117
 Кириллов Сергей, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
 Кириллов Федор, красноярский палач 225
 Киселев Афанасий Осипов, черкас, служилый человек 224
 Киштайка, инголоцкий князец 43
 Клементьев Дмитрий, красноярский священник 90, 98
 Клементьев Дмитрий (Дмитриев), красноярский священник 91
 Клепиков Федор, енисейский подьячий 122, 147, 156
 Климов Максим, пеший служилый человек 222
 Клочко Гаврил Тимофеев, посадский человек 226
 Клубков-Мосальский Семен Васильевич, томский воевода 156
 Ключой Никита Родионов, посадский человек 227
 Кобашев Итячко, сибирский бухарец 211
 Кобылкин Дмитрий, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
 Кобяков Иван Павлов, монастырский крестьянин 229
 Ковригин Григорий Иванов, конной сотни десятник 219
 Ковригин Григорий Осипов, пеший служилый человек 219, 224
 Ковригин Еремей Ильин, конной сотни служилый человек 219
 Ковригин Осип Григорьев, конной сотни служилый человек 218
 Ковригин Павел Антонов, пеший служилый человек 222
 Ковригин Семен Григорьев, конной сотни служилый человек 219
 Ковригин Сергей, красноярский дьякон 185
 Ковригин Тимофей, десятник 143

- Ковригины, служилые люди г. Красноярска, владельцы заимок в дер. Торгошной 63, 71
- Кодогунь, бурятский князец 41
- Кожа, инголецкий князец 43
- Кожевник Тимофей Григорьев, черкас, служилый человек 224
- Кожераков Абай, татарин 132
- Кожуховский Иван, красноярский служилый человек 123
- Кожуховсково Иван Степанов, пеший служилый человек 223 - -
- Козел Иван Абросимов, пеший служилый человек, десятник 222
- Козловский Степан, красноярский сын боярский 168
- Козмин Денис, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Козырев Федор, посадский человек 147
- Кокорев Василий, служилый человек 26, 27
- Коктей, корчунский бурятский князец 31, 46
- Колегов Ларин Игнатьев, пеший служилый человек 221
- Колмак Алексей, отпущеник Т. Еремеева 140
- Колуга Андрей Петров, посадский человек 226
- Колча Алексей Наумов, черкас, служилый человек 224
- Кольцов Гаврила Милославов, сын боярский 115, 136
- Кольцов Иван, стрелецкий атаман 22, 24, 112
- Кольцов Константин Родионов, сын боярский 136, 217
- Кольцов Милослав Иванов, сын боярский 131, 143
- Кольцов Милослав Яковлев, красноярский атаман 40, 42, 43, 45, 71, 72
- Кольцов Родион Иванов, пеший атаман, красноярский пятидесятник 47, 99, 132, 167, 217, 220
- Кольцов Федор Родионов, атаман, ясачный сборщик 112, 147, 172, 185, 188
- Кольцов Яков Иванов, красноярский пеший атаман 71
- Кольцов Яков Милославов, сын боярский 72, 217
- Кольцов-Мосальский Андрей Михайлович, князь, томский воевода 47, 154
- Комариченин Иван Андреев, пеший служилый человек 222
- Конгор, бурятский князец, сын Изеня 47
- Кондаков Василий, енисейский посадский человек 120
- Кондратий, бронник 104
- Кондратьев Федор, монастырский работник 229
- Кондырев Василий, служилый человек 147
- Кондырев Ждан Васильевич, енисейский воевода 26
- Коновал Иван, монастырский крестьянин 229
- Коновал Иван Григорьев, посадский человек 227, 229
- Коновалов Андрей, казачий сын 115
- Кононов Иван, сын боярский 109
- Кононов Иван Иванов, пеший служилый человек 223
- Кононов Илья, тобольский торговый человек 127, 129
- Кононов Михаил, монастырский крестьянин 229
- Копейщиков Никита Сидоров, черкас, служилый человек 224
- Копоц Василий, иноземец, сын боярский 230
- Корела Семен Романов, посадский человек 227
- Корелин Иев, служилый человек, владелец заимки 143
- Коркунов Василий Савельев, конной сотни служилый человек 219
- Коркунов Дмитрий Васильев, пеший служилый человек 223
- Коркунов Калинин Васильев, пеший служилый человек 221
- Коркунов Петр, служилый человек 78
- Коркунов Федор Яковлев, пеший служилый человек 222
- Коркуновы, служилые люди 219—223
- Корноух Василий Павлов, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
- Коровин Федор, тюремный сторож 225
- Коромыслов Роман, красноярский служилый человек 131
- Корчун, киргизский князец, сын Ереняка 136
- Косицын Иван, торговый человек 16
- Косицын Мамрук, торговый человек 15, 16
- Косицыны, торговые люди 15, 16
- Косово Григорий Григорьев, пеший служилый человек 222
- Косово Кирилл Григорьев, конной сотни служилый человек 220
- Косогор Евтей, пашенный крестьянин с. Ильинского 229
- Кочек (Кучек), сибирский бухарец, мулла 208, 211, 212
- Кочергин Дружина Петров, конной сотни пятидесятник 219
- Кочергин Никита, десятник 109
- Кочергин Михаил, «отставленный козак» 109
- Кочергин Пантелей Дружинин, конной сотни служилый человек 177, 220
- Кочергин Петр, пеший служилый человек, десятник 224
- Кочергины, служилые люди 71
- Кочнев Игнатий Кирилов, пеший служилый человек 224
- Кошель Дмитрий, конной сотни служилый человек 218
- Коштанов Григорий, новокрещеный холоп 99
- Коян, тубинский князец 40
- Коянов Бурчан, тубинский князец 172, 174
- Краженовский Иван, енисейский посадский человек 126
- Красава Степан Григорьев, посадский человек 226
- Красиков Иван Борисов, толмач 225
- Красиков Леонтий Борисов, пеший служилый человек 221

- Крестешников Семен Иванов, пушкарь 225
 Кривонодницын Лука Савин, пеший служилый человек 223
 Кривой Юрий Дорофеев, пеший служилый человек 222
 Кривонос Василий, посадский человек 226
 Критский (Критцкой) Степан, иноземец, сын боярский 93, 230
 Кропива Лука Спиридонов, конной сотни служилый человек 219
 Кручинин Игнатий Сергеев, пеший служилый человек 222
 Кручинин Нифонт Сергеев, пеший служилый человек 223
 Крюков Андрей Ларионов, торговый человек 126, 129
 Крюков Ларион Федоров, торговый человек 126
 Кубан, татарин 37
 Кубасов Сергей, енисейский сын боярский 96
 Куварша Федор Андреев, конной сотни служилый человек 220
 Куваршин Борис, пеший служилый человек 221
 Куваршин Иван, житель дер. Куваршиной 110
 Кудрявцев Ф. А. 192
 Кузаков Леонтий Семенов, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
 Кузей, аринский татарский князец 65
 Кузнец Елисей Ефремов, пушкарь 225
 Кузнец Иван Ларионов, пеший служилый человек, десятник 223
 Кузнец Иван Федоров, пушкарь 225
 Кузнецов И. П. 32, 75, 94
 Кузнецов Сергей Васильев, черкас, служилый человек 171, 225
 Куйбан — см. Кубан
 Кула, качинский татарин 132
 Кулак — см. Безрукий
 Кулаков Николай, служилый человек, десятник 223
 Кулаковский Матвей, томский сын боярский 155
 Кул-Мамет — см. Сеит-Маметов
 Куракин Иван Семенович, боярин, тобольский воевода 13
 Куралок Никифор, новокрещен 98
 Курбатов Меркул (Меркушка), конной сотни служилый человек 219
 Курсин Федоска Михайлов, торговый человек 16
 Курта, качинский татарин 32, 98, 130
 Курчек, канский татарин 50
 Куташев Омочай, аринский князец, аманат 36, 67
 Кутлук, сибирский хан 198
 Кукарсково Борис Тимофеев, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
 Кукарсково Лука Тимофеев, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
 Кучеков, бухарский мулла 212
 Кучум, сибирский хан, внук хана Ибака 9, 10, 195—201, 203, 207, 208
 Кучумовичи, сибирские царевичи 165, 197, 202, 203
 Кызыгин Атайко, ястынский татарин 177
 Лавров Петр, сын боярский 68
 Лазарев Иван, пеший служилый человек 222
 Лалетин Андрей Семенов, конной сотни служилый человек 220
 Лалетин Григорий Васильев, конной сотни служилый человек 220
 Лалетин Лазарь Федоров, конной сотни десятник 73
 Лалетин Микита, владелец заимки в дер. Торгошиной 143
 Лалетин Михаил, владелец заимки в дер. Торгошиной 143
 Лалетин Никифор Яковлев, конной сотни служилый человек 219
 Лалетин Панкрат Семенов, конной сотни десятник 220
 Лалетин Степан Трофимов, пеший служилый человек 221
 Лалетин Тимофей Яковлев, конной сотни служилый человек 220
 Лапка Иван, крестьянин, затем «казак» 84
 Лапкин Алексей Иванов, пеший служилый человек 221
 Ларионов Иван, десятник, кузнец 149
 Ласковский Ф. Ф. 101
 Лауцзан, монгольский алтын-хан 47, 62, 66, 68, 71, 117
 Лебедев Иван Кириллов, конной сотни служилый человек 219
 Левандианис А., рудознатный мастер 117, 119
 Левшин Б. В. 4
 Ленивцев Остафий Андреев, пеший служилый человек 222
 Леонтьев Данила 188
 Леонтьев Лука, пашенный крестьянин с. Ильинского 229
 Леонтьев Микита Яковлев, казак, житель дер. Торгошиной 143
 Лисовский Степан Степанович, енисейский письменный голова 102, 163, 164, 187—190
 Логиннов Петр, пеший служилый человек 223
 Лопаткин Самко Ларионов, пеший служилый человек 222
 Лузин Семен, московский торговый человек, гость 125
 Лузин Ярослав Семенов, московский торговый человек 124
 Лука, москвич, «проведыватель Обского устья» 8
 Лукьянов Федор, сын боярский 217
 Любимский Андрей, иноземец, красноярский сын боярский 149, 218
 Лягалов Иван, красноярский посадский человек 87
 Мазалов Иван, торговый человек 126
 Майковский Иван Прокофьев, конной сотни служилый человек 220
 Макарий, архиепископ Сибирский 89
 Максимов Аргамачка (он же Аргамачка

- Яков), киргиз-кайсаk, новокрещен 123, 136, 146
- Максимов Тимофей, сторож съезжей избы 225
- Максимов Филипп, красноярский пушкарь 70
- Малов Алексей Фокин, пеший служилый человек 222
- Малово Иван Фокин, конной сотни служилый человек 220
- Малыгайко Андрей Денисов, служилый человек 220
- Малыгайко Андрей Степанов, пеший служилый человек
- Мамаев Петр Васильев, пеший служилый человек 222
- Мамонов Никифор Тимофеев, пеший служилый человек 221
- Мамык, казахский «царь» 200
- Мартынов Алексей, черкас, служилый человек 224
- Мартынов Игнатий, пашенный крестьянин дер. Павловской 229
- Мартынов Харитон, пеший служилый человек 221
- Мартюшов Трофим Иванов, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Маслеников Павел Юрьев, пеший служилый человек 222
- Матвеев Дмитрий, красноярский соборный протопоп 185, 190
- Матвеев Федор, пономарь 229
- Матвей, казак-кузнец 117
- Матвей, бузимский кузнец 149
- Матонин Леонтий, красноярский казак
- Матохин Яков, красноярский посадский человек 87
- Медведников Василий, казак 143
- Медник Василий Агафонов, посадский человек 226
- Медник Иван Агафонов, посадский человек 226
- Мезенин Иван Осипов, сын пятидесятника, участник красноярской смуты 68, 71, 188
- Мезенин Осип Семенов, пятидесятник 71, 223
- Мекерин Василий, новокрещен, пеший служилый человек 222
- Мекерин Василий Иванов, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Мекерин Матвей Иванов, пашенный крестьянин дер. Балчюжской 228
- Мекерин Павел Иванов, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Менгу-Тимур 198
- Меньшиков Михаил, посадский человек 226
- Метельской Василий Войтохов, иноземец 218
- Микитин Григорий, торговый человек 120
- Микифоров Борис, бронник и часового дела мастер 149
- Миллер Герард Фридрих, историограф 20, 37, 40, 42, 46, 195—203, 207, 212
- Милославов Яков, сын Милослава Кольцова 72
- Минин Яков (Якушка), казанец, торговый человек 16
- Митрофанов Семейка, посадский человек 226
- Михаил Федорович, царь 11, 17, 148, 207, 213
- Михайлов Иван, пятидесятник, черкас 72
- Михайлов Перша, пеший десятник у черкас 71—72
- Мишка-немчик, пушкарь 70
- Могогрешный Василий Игнатович, ссыльный черниговский полковник, брат гетмана 63, 64, 72, 79, 104, 185
- Многогрешный Демьян Игнатович, ссыльный украинский гетман 64
- Многогрешный Дмитрий, сын боярский, племянник гетмана 64
- Многогрешный Петр, сын боярский, племянник гетмана 64
- Моисеев Кондратий, «записной мастер» бронного дела 149
- Моисеев Федор, красноярский пятидесятник 163
- Мокеев Афанасий, монастырский работник 229
- Молвьянинов Андрей Афанасьевич, томский воевода 153
- Моричевский Ян, иноземец, сын боярский 93, 230
- Мормышев Конон (Конка) Елфимов, пеший служилый человек 223
- Мороз Дмитрий, человек десятника П. Муруева 128
- Морозко Мосей, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Мосеев Афанасий, конный казак 219
- Мосеев Кондратий, кузнец 225
- Мосеев Максим, кузнец 225
- Мосеевых Михаил Карпов, пеший служилый человек 220
- Мосиев Назарка, гулящий человек 84
- Мосолов Федор, красноярский пятидесятник 186
- Мотовилов Даниил Харитонович, красноярский воевода 62
- Мула, бухарец 123, 131
- Муллоранов Мамеделейко, сибирский бухарец, тарский целовальник 212
- Мунгат, качинский знатный татарин 35
- Мунгатов Балка, знатный татарин, служилый человек 67
- Мунгатов Удечка, служилый татарин, глава Мунгатова улуса 67
- Мурад, грек, торговый человек 124
- Муромцев Прохор, красноярский площадной подьячий 180
- Муромцев Яков, красноярский подьячий 170
- Муруев Петр, красноярский пятидесятник 95, 105, 128, 133, 181
- Мусин-Пушкин Петр Савич, воевода 76, 80, 101, 119, 162, 167, 191
- Мусин-Пушкин Алексей Петрович, сын воеводы 162
- Мякинин Федор Михайлович, красноярский воевода 42, 48, 140, 144, 162, 174, 175
- Мухаммед, пророк 207, 211
- Надежка Ярофей Петров, пеший служилый человек 221
- Надеин Семен, подьячий красноярской съезжей избы 61, 105, 167, 169, 171, 180, 183, 185

- Налоба Иван Кондратьев, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
- Нал-Ханише (Лейла-Каныш), дочь Кучума 201
- Намак, остяцкий князец 13, 14
- Наталья, вдова атамана Федора Кольцова 112
- Нащокин Никифор Осипович, томский воевода 155, 156
- Немтинов (Немтин) Николай Михайлов, конной сотни служилый человек 111, 220
- Никитин Герасим Петрович, красноярский воевода 37, 51, 57, 78, 91, 99, 116, 122, 129, 131, 132, 134, 167, 168, 170—174, 204
- Никитин Денис, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Никитин Иван, монастырский работник 229
- Никитин Констатин Герасимович, сын воеводы 174
- Никитин Прохор, монастырский работник 229
- Новокрещен Никитин Никита, монастырский работник 229
- Новокрещен Михаил Гаврилов, монастырский работник 229
- Новокрещен Павел Борисов, монастырский работник 229
- Новопашенной Василий Петров, крестьянин дер. Бугаческой 227
- Новосильцев Григорий Владимирович, енисейский воевода 158, 159, 176, 177
- Номча, бурятский князец 43
- Норицын Федор, лалич, торговый человек 126
- Носко Иван, посадский человек 226
- Нохрок Федор Григорьев, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Обозотинка, удинский татарин, аманат 49
- Обухов Федор, красноярский служилый человек 44
- Обытай, князец Тюлкиной земли 22
- Огафон, человек воеводы Мякинина Ф. М. 162
- Оглоблин Н. Н. 179, 181, 192, 208, 213
- Оилан (Иланко), бурятский князец 31, 42—44, 46—48, 131
- Олексеев Константин, пеший служилый человек 224
- Олжа, бухарец 121, 205
- Олферов Иван, сторож красноярской съезжей избы 166
- Омочаев Балык, аринский татарский князец 36, 66, 67
- Омочай — см. Куташев О.
- Оника, пономарь 226
- Оникеев Иван, посадский человек 226
- Орешин Григорий, пашенный крестьянин дер. Бугаческой 227
- Осетров Михаил Семенов, пашенный крестьянин дер. Балчюжской 228
- Остафьев (Евстафьев) Ермак, атаман 22, 40
- Осипов Григорий, пушкарь 225
- Остафьев Михаил, московский торговый человек 124
- Остяк Семейка Григорьев, монастырский крестьянин 229
- Отяев Василий Петрович, кетский воевода 156
- Охлупов (Охлупин) Евфимий, красноярский таможенный голова 87, 134, 182
- Ошанин Андрей Леонтьевич, енисейский воевода 14—16, 18
- Ошаров Герасим Иванов, пеший служилый человек 222
- Ошаров Захар, посадский человек 226
- Ошароз Иван, конной сотни служилый человек 218
- Ошаров Никита Иванов, пеший служилый человек 221
- Павел, игумен Введенского м-ря 229
- Павлов Василий, конной сотни служилый человек 218
- Павлов Максим, красноярский подьячий 180, 226
- Павлов Максим, церковный дьячок Надпорожной слободы 226
- Павлов Роман, новокрещен 143
- Павлов Фома, зять Торгошинных 143
- Пазухин Борис Андреевич, русский посол в Бухару, Хиву и Балх 206
- Пазухин Семен Иванович, русский посол в Бухару, Хиву и Балх 206
- Пайвин Марк Архипов, пеший служилый человек 222
- Пахомов Наум, торговый человек 15
- Пашков Афанасий Федорович, енисейский воевода 44, 155
- Перевалов Григорий Павлов, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Перов Иван Прокофьев, пеший служилый человек 221
- Пермяков Яков Семенов, пашенный крестьянин дер. Балчюжской 228
- Песегов Гаврила Яковлев, пеший служилый человек 223
- Песегов Иван Яковлев, пеший служилый человек 224
- Песегов Киприан, пеший служилый человек 224
- Песегов Федор Филиппов, красноярский казачий сын 134
- Песегов Филипп Сидоров, пеший служилый человек 224
- Песегов Яков, пеший служилый человек 224
- Пестряков Кирилл, лавочный сиделец Остафьева 125
- Петлишной Прохор Иванов, конной сотни служилый человек 220
- Петр I, царь 92, 159, 178, 192
- Петров Иван, крестьянин дер. Торгошиной, десятник 29
- Петров Иван, монастырский крестьянин 229
- Петров Иван, десятник 29
- Петров Козьма, приказчик Боровского Леонтия 126
- Петров Ларка, калмык, «купленный ясырь» 131
- Петров Михаил, лавочный сиделец гостя Лузина 125
- Петров Семен, посадский человек 226
- Петухов Федор Иванов, пашенный крестьянин с. Ясаулова 109, 227

- Печерский Иван, красноярский сын боярский 230
- Пинегин Калин, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Пинегин Константин Малафеев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Пинегин Федор Малафеев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Пинегины, жители дер. Частоостровской 93
- Пинежанин Кондратий Елисеев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Плехан Еремей Дорофеев, пеший служилый человек 222
- Плишкин Григорий Власей, конный казак, сын боярский 169, 217
- Плотников Артемий Калинин, пеший служилый человек 223
- Плотников Иван Емельянов, конной сотни служилый человек 219
- Плотников Семейка Емельянов, конной сотни служилый человек 219
- Погирский Иван, енисейский сын боярский 159, 160
- Подсекин Евсей Никитин, пашенный крестьянин с. Ильинского 229
- Подпора Яким Никитин, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
- Поликарпов Денис, черкас, служилый человек 225
- Полуцкий Матвей, ссыльный поляк, сын боярский 93, 230
- Полянский Данил Леонтьевич, думный дяк 186, 187, 189—191
- Попков Гурий Ананьин, черкас, служилый человек 224
- Попков Иван Леонтьев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Попов Фома, енисейский торговый человек 134
- Попрядухин Андрей Яковлев, конной сотни служилый человек 220
- Порофеев Козьма, посадский человек 226
- Поскочин Лев Миронович, красноярский воевода 89, 101, 106
- Пословин Алексей, красноярский подъязычий 163, 164, 185, 187, 189, 190
- Поспелов Иван, казачий сотник 181
- Потанин Г. Н. 207, 208, 211
- Потехин Иван Ануфриев, черкас, служилый человек, десятник 224
- Потехин Спиридон Иванов, черкас, служилый человек 224
- Потехин Яков, казачий сын, участник красноярской смуты 189
- Потылицын Андрей Михайлов, пеший служилый человек 221
- Потылицын Афанасий Михайлов, пеший служилый человек 223
- Потылицын Дмитрий, служилый человек 63, 163
- Потылицын Евдоким Силуянов, пеший служилый человек 221
- Потылицын Ермолай Иванов, конной сотни служилый человек 219
- Потылицын Зиновий Малафеев, черкас, служилый человек 225
- Потылицын Иван Михайлов, черкас, служилый человек, пятидесятник 224
- Потылицын Иван Олферьев, пеший служилый человек 222
- Потылицын Исаак Карпов, пеший служилый человек 222
- Потылицын Леонтий Иванов, пеший служилый человек 223
- Потылицын Карп Иванов, пеший служилый человек 221
- Потылицын Лука, конный пятидесятник 72
- Потылицын Михаил Михайлов, пеший служилый человек 222
- Потылицын Семейка Иванов, конной сотни служилый человек 220
- Потылицын Семен, красноярский казак 128, 133, 177, 220
- Потылицын Степан Стахеин, пеший служилый человек 221
- Потылицын Тимофей, конный казак, красноярский десятник 115, 181, 219
- Потылицын Ульян, конный пятидесятник 72
- Потылицын Ульян Евдокимов, пеший служилый человек 221
- Потылицыны, служилые люди г. Красноярска 63, 71, 72, 143, 181
- Почекуй Григорий Иванов, посадский человек 226
- Почирской Иван Михайлов, енисейский сын боярский 217
- Преображенский А. А. 4
- Прокопьев Иван, посадский человек 227
- Прокопьев Максим, посадский человек 227
- Прокопьев Первой, пеший служилый человек 221
- Пронский Петр Иванович, князь, томский воевода 25, 27
- Пронька, заплочный мастер 169
- Протасьев Петр Ануфриевич, красноярский воевода 40, 43, 46, 52, 69, 83, 111, 114, 131, 139, 153, 154
- Протопопов Еким Семенов, устюжанин, торговый человек 125
- Прохоров Петр, лалич, торговый человек 126, 182
- Прянишников Калинин, тарский голова 212
- Птицын Петр, черкас, служилый человек, десятник 224
- Пузырев Игнатий Аникин, пеший служилый человек 223
- Пузырев Федор Аникин, пеший служилый человек 222
- Пустохин Михаил Осипов, лавочный помещалец 126
- Путимцов Андрей Яковлев, пеший служилый человек 222
- Путимцов Онисим Игнатьев, конной сотни служилый человек 219
- Путимцов Сергей Яковлев, пеший служилый человек 222
- Пучеглазов Павел Григорьев, конной сотни служилый человек 219
- Пучеглазов Савва Григорьев, пеший служилый человек 223
- Пшенишников Василий, ясачный сборщик 13

- Пыховский Степан, иноземец, сын боярский 134, 179, 218
- Пьянково (Пьяново) Иван Иванов, пеший служилый человек 222
- Радлов В. В. 38
- Раимов Қасим, сибирский бухарец, тобольский целовальник 212
- Разин Степан Тимофеевич, руководитель крестьянского восстания 178
- Рачковский Иван, ссыльный поляк, служилый человек 93
- Рачковский Петр, ссыльный поляк, служилый человек 93, 119, 218
- Ревень Василий Селиверстов, пеший служилый человек, десятник 221
- Ремезов Семен Ульянович, тобольский сын боярский, историк, географ Сибири 29 100—113, 196, 197
- Ременников Дмитрий Григорьев, пеший служилый человек 221, 222
- Ременников Иван Григорьев, пеший служилый человек 222
- Репа Дмитрий Сергеев, монастырский работник 229
- Репнин Иван Борисович, князь, тобольский воевода 161, 230
- Римский-Корсаков Дмитрий Степанович, красноярский воевода 81
- Рогов Михаил Иванов, конной сотни служилый человек 219
- Родионов Евтей, черкас, служилый человек 224
- Родионов Константин, сын боярский 72
- Розкащиков Федор, пеший служилый человек 222
- Розников Елизар, сын боярский, «еретик» 96
- Розорва Исаак Иванов, посадский человек 226
- Рожа Федор Яковлев, пеший служилый человек 222
- Романов Мартын, пеший служилый человек 223
- Ромодановский Иван Иванович, князь, томский воевода 66, 154
- Ростовец (Ростовцев) Ларион Тарасов, конной сотни пятидесятник 115, 177, 181, 219
- Рунов Иван Васильев, посадский человек 226
- Рыдар Роман Иванов, пеший служилый человек, десятник 222
- Рыдарь Роман Иванов, красноярский горюдничий 79
- Рыков Иван Степанов, черкас, служилый человек 224
- Рыков Нефед, черкас, служилый человек 224
- Сабанский Петр, сын боярский 46, 49
- Савва Французенин, тобольский сын боярский, ссыльный 61, 72, 94
- Савин Вихорко, служилый человек 25
- Савинов Петр, священник г. Красноярска 90, 91, 185
- Савостьянов Конон, служилый человек 110, 188
- Савостьянов Федор, конной сотни служилый человек 219
- Савостьянов Яков, конной сотни служилый человек 73, 147, 218
- Садовский Михаил, ясаульский приказчик 91, 177
- Садовский Михаил Якимов, иноземец, сын боярский 218
- Саковский Юрий, иноземец, сын боярский 64, 136, 218
- Саламатов Василий Титов, конный казак 176
- Саламатов Тит Федоров, сын боярский 133, 156, 174, 176, 217
- Саламатов Яким Титов, недоросль 183
- Саламатовы, красноярские служилые люди 112
- Салбаров Бубя, татарин, служилый человек 67
- Салбаров Тара, татарин, служилый человек 67
- Салбаров Татычко, ясачный татарин, 67
- Салдаатов Еремей Андреевич, пеший служилый человек 222
- Самойлович Иван Самойлович, украинский гетман 64
- Самсонов Андрей Федоров, служилый человек 110
- Самсонов Конон, сын боярский, ясачный сборщик 132, 179—181, 186
- Самсонов Петр, сын боярский 72
- Самсонов Степан Иванов 172
- Самсонов Федор, сын боярский 72, 182
- Санкай, татарская девушка, полонянка 32, 98, 130
- Сауров Василий Андреев, пеший служилый человек 221
- Свешников Даниил, сын боярский 109
- Свищов Леонтий Васильев, иноземец 218
- Святогоров Яков, «бездомовный казак» 77, 102
- Сейд Ахмат (Сейдяк), сибирский хан 199, 200
- Сейт-Маметов Кул Мамет, сибирский бухарец, торговый человек 209
- Сейтов Ак-Сейт, бухарский выходец, житель г. Тары 208
- Сейтов Мирели, бухарский выходец, житель г. Тары 208
- Селиванов Замятин, конной сотни служилый человек 220
- Семенов Андрей, монастырский и пашенный крестьянин 229
- Семенов Григорий, кузнец 148
- Семенов Григорий, судовой плотник 150
- Семенов Илья, монастырский работник 168, 229
- Семенов Клим, приказчик с. Ясаулова и дер. Частоостровской 139
- Семенов Курбат, гулящий человек 000
- Семенов Михаил, подьячий выборных «судеек» 184
- Семенов Семен, красноярский посадский человек 87, 147
- Семенов Яким, монастырский и пашенный крестьянин 229

- Сенге, тайша «черных калмыков» 12, 62—64, 68, 69, 105
- Сергеев Тимофей, «колмак», крестьянин с. Ясаулова 227
- Сергиев Иван, монастырский и пашенный крестьянин 229
- Сергиев Трофим, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Серебренников Антон Федоров, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
- Середкин Киприан Никифоров, черкас, служилый человек 224
- Серков Секир, татарин 132
- Сети, аринский татарин 34
- Сидоров Дружинка, есаул 42, 43
- Сидоров Петр Пятков, конной сотни служилый человек 218
- Сидоров Терентий, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
- Сидорко Егор, пастух 84
- Силкин Иван, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Силошин Шаячка, татарин, служилый человек 67
- Симанов Семейка, красноярский посадский человек 109, 226
- Симанов Фадей, красноярский посадский человек 109
- Сиротинин Иван, сын боярский, красноярский пятидесятник 68, 123, 143, 177, 218
- Сиротинины, владельцы заимок в дер. Торгошиной 143
- Слижевский Козьма, драгунского строя служилый человек 218
- Слинко Василий Афанасьев, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Скварский Роман Григорьев, иноземец 218
- Скобеев Василий, енисейский торговый человек 126
- Скобелкин Никита Прокопьев, черкас, служилый человек 224
- Скорняк Ефрем, служилый человек 150
- Скрыпощиков (Скрипошнов) Андрей Поликарпов, конный казак, толмач 174, 219
- Скрыпощиков Герасим Поликарпов, пеший служилый человек 223
- Скрыпощиков Иван Осипов, конной сотни служилый человек 220
- Скрыпощиков Михаил, пеший служилый человек 223
- Скрябин Михаил Федорович, красноярский воевода 40, 44, 47, 68, 73—74, 77, 82, 83, 90, 94, 129, 135, 138, 148, 155, 156, 163, 175
- Смирнов В. А. 20
- Смольников Гаврил Агафонов, устюжанин, торговый человек 126
- Смольянинов Алексей, конный казак 170, 187
- Смольянинов Артемий Васильев, служилый человек, участник красноярской смуты 187, 188, 190, 191
- Смольянинов Василий Федоров, красноярский посадский человек 226
- Смольянинов Емельян, служилый человек, участник красноярской смуты 186
- Собакин Алексей, подьячий красноярской съезжей избы 119, 180
- Собакин Степан Афанасьевич, енисейский воевода 156—160, 175, 176
- Собачевский Иван Козьмин, иноземец 218
- Собачкин Михаил, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Соболев Лука, монастырский крестьянин 229
- Созонов Никифор, черкас, служилый человек 225
- Сокин Андрей, красноярский служилый человек 132
- Соколов Петр Евсеев, посадский человек 226
- Соколов Пятунка, красноярский посадский человек, ссыльный 86
- Солдатов Еремей Иванов, пеший служилый человек 226
- Солдатов Иван Андреев, пеший служилый человек 223
- Солдатов Константин Иванов, посадский человек 226
- Соловцов Яков, полковник 230
- Соловьев Иван Трофимов, пеший служилый человек 223
- Соловьев Козьма Елфимов, конной сотни служилый человек 115, 219
- Соловьев Пятко Никитин, черкас, десятник 224
- Соннилов Шадра, бухарец, приказчик Аблина С. 210
- Сорокин Аггей Семенов, конной сотни служилый человек 220
- Сорокин Андрей, служилый человек 58
- Сорокин Яков (Якушка), служилый человек 110
- Сорочка Яков Степанов, пеший служилый человек 221
- Софьин Федор Юрьев, пеший служилый человек 220
- Софьин Яков Федоров, пеший служилый человек 221
- Софья Алексеевна, царевна 61
- Спафарий Николай, русский посол в Китай 29, 92, 95, 202, 209, 213
- Спиридонов Василий, посадский человек 226
- Спиридонов Оксен, посадский человек 226
- Спиридонов Остап, медник 149
- Спирин Василий, красноярский посадский человек 168
- Станковский Ян, иноземец 218
- Старинский Иван, тесть воеводы Мякинина Ф. М. 174
- Стародубов Тимофей, красноярский пеший казак 109
- Старцев Данила Тимофеев, служилый человек, участник красноярской смуты 188, 190, 191, 224
- Старцев Евтихий Тимофеев, служилый человек, участник красноярской смуты 178, 182, 186, 224
- Стахеев Дрока, посадский человек 226
- Стахеин Захар, пеший служилый человек 224
- Степанов Автамон — см. Автоном С.

- Степанов Евсевий, красноярский кузнец 148
 Степанов Елфим, монастырский работник 229
 Степанов Мартын, пеший служилый человек 221
 Степанов Олферий, сторож красноярской приказной избы 163
 Стрижов Василий, красноярский посадский человек, мясник 87, 128, 134
 Стэнли Лен-Пуль 198
 Строгановы, промышленники 8—10
 Сулейманов Алим, сибирский бухарец, торговый человек 209, 210
 Сулешев Юрий Яншеевич, князь, тобольский воевода 15
 Сумароков Алексей Иванович, красноярский воевода 47, 57, 91, 107, 149, 230
 Сургуцков Владимир Иванович, пеший служилый человек 221
 Суриков Илья, служилый человек, участник красноярской смуты 186
 Суриков Петр, служилый человек, участник красноярской смуты 186, 188
 Суховар Иван, красноярский служилый человек 168
 Сухотин Иван Кириллов, сын боярский 217
 Тайбуга, родоначальник сибирских ханов 198, 200
 Тайларов Корочик, качинский служилый татарин 35, 67, 68, 97, 131, 187
 Тайчин, калмыцкий тайша 203
 Талай, тубинский татарский князец 59
 Тарабанов Самко Еремеев, пеший служилый человек 223
 Тарарин Яков, посадский человек 227
 Тасейка, тунгусский князец 15
 Таскин Елизар Кириллов, пеший служилый человек 222
 Таскин Иван Кириллов, пеший служилый человек 221
 Таскин Игнатий Козьмин, пеший служилый человек 221
 Таскин И. Т. казак, плотник 150
 Таскин Козьма Елизарьев, пеший служилый человек 224
 Таскин Константин Кириллов, пеший служилый человек 221
 Таскины, красноярские новоприверстанные крестьяне 109
 Татуш — см. Абыдаев Татуш.
 Татушев Бабук, аринский служилый татарин, сын Татуша 36, 66, 67
 Татушев Бугачей, служилый татарин, сын Татуша 36, 67
 Татушев Омочай, аринский татарский князец, сын Татуша 48, 66
 Татушев Ойдан (Ойданка), аринский знатный татарин, аманат 48
 Таян, котовский татарский князец 31, 42
 Твидин (Твиди) Яков Семенов, иноземец новокрещен, сын боярский 93, 218
 Тек-Мамет, посол Девлет-Гирея 203
 Тексенев Чегулак (Чегулачко), служилый татарин 67
 Темкин Михаил Екимов, красноярский посадский человек 226
 Темкин Михаил, тобольский воевода 175
 Темкин Федор, красноярский служилый человек 116
 Темсенек, котовский татарский князец 40, 55
 Терентьев Алексей, черкас, служилый человек 224
 Терские, служилые люди Красноярского уезда, казаки 93
 Терсков Андрей Васильев, конной сотни служилый человек 219
 Терской Василий Трифионов, конной сотни десятник 219
 Терской Малафей, служилый человек, владелец заимки 143
 Терской Матвей Васильев, конной сотни служилый человек 219
 Тетерин Степан Юрьев, черкас, служилый человек 143, 224
 Тимофеев Сидор, монастырский и пашенный крестьянин 229
 Тимур (Гамерлан), основатель Среднеазиатской империи 198
 Титов А. А. 209
 Титов Михаил, конной сотни служилый человек 219
 Титов Сергей, черкас, служилый человек 225
 Токмаков Артемий, пеший служилый человек 222
 Токмаков Петр, енисейский посадский человек 126
 Толоконников Данила Федоров, конной сотни служилый человек 220
 Толоконник Федор Титов, пеший служилый человек 222
 Толстиков Максим Григорьев, пеший служилый человек 223
 Толстиков Савва Сидоров, пеший служилый человек 221
 Томский Илья Марков, пеший служилый человек 223
 Торгошин Ермолай Яковлев, конной сотни служилый человек 143, 220
 Торгошин Иван Петров, житель дер. Торгошиной 143
 Торгошин Роман Яковлев, конной сотни десятник 143, 218
 Торгошин Яков Яковлев, конной сотни служилый человек 143, 147, 218, 219
 Тохтамыш, хан Золотой орды 198
 Третьяк Семен, сын боярский, киевский полковник 225
 Тропин Дорофей, конный казак 170
 Тропин Лука, пеший служилый человек 223
 Тропин Михаил, конной сотни служилый человек 219
 Тропин Семейка, конной сотни служилый человек 220
 Трофимов Бажен, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
 Трофимов Дорофей, черкас, служилый человек 224
 Трофимов Семейка, черкас, служилый человек 224
 Трофимов Спиридон Иванов, конной сотни служилый человек 220

- Трофимов Степан Иванов, конной сотни служилый человек 220
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, тобольский воевода 18
Трубчанинов Максим, сын боярский 17
Трухин Исай, посадский человек, житель дер. Разорвиной 118
Тунгус Василий Иванов, конной сотни служилый человек, толмач 180, 220
Турухан (Туруханок) Иван, красноярский посадский человек 87, 147, 227
Турчанин Ларион Иванов, пеший служилый человек, пятидесятник 220
Турчанинов Федор Ларионов, пеший служилый человек 221
Тутолмин Федор, тобольский дворянин, член Комиссии по расследованию красноярской смуты 183, 185, 191
Тухташев Матвей, пушкарь 225
Тымак, котовский татарский князец 36, 40, 50, 55
Тымаков Пантык, котовский татарский князец, сын Тымака 36
Тюменец Лазарь Ксенофонов, пеший служилый человек 223
Тюменец Тимофей Ларионов, черкас, служилый человек 224
Тюменцов Аника, красноярский атаман 180
Тюменцов Василий Васильевич, тарский атаман 29, 71
Тюменцов Дмитрий Емельянов, сын боярский, выборный судейка 180, 182, 217
Тюменцов Елисей, красноярский атаман 43, 44, 46
Тюменцов Емельян Васильевич, родоначальник пеших атаманов Тюменцовых 42, 71, 110, 217, 222
Тюменцов Петр Аникиев, красноярский атаман 110
Тюменцовы, красноярские атаманы, руководители красноярской смуты 71, 72, 181
Тютин Фарафон, черкас, служилый человек 224
Тюшев Василий Иванов, пеший служилый человек, десятник 223
- Угодский (Уготцкий) Степан, тобольский дьяк 19
Узун, бурятский князец 44
Улухай, качинский татарин 55
Ульянов Борис, подьячий красноярской съезжей избы 218
Ульянов Василий, конной сотни служилый человек 220
Ульянов Семейка, пеший служилый человек 223
Ульянов Семен, красноярский конный казак 223
Урбановский Леонтий, ссыльный поляк, сын боярский 72, 93, 230
Урна, аринский татарин 34
Ус Игнатий, служилый человек 78
Усеин-абыз, бухарец, торговый человек 199
- Усеинов Уразмамет, юртовский бухарец 212
Усов Иван Осипов, конной сотни служилый человек 220
Устьяков Дмитрий Семенов, монастырский работник 229
Ушаков Давыд, енисейский торговый человек 127
Ушаков Иван, енисейский торговый помещалец 127
Ушаков Михаил, сын боярский 17
Ушаков Тимофей, казачий голова 64
Ушаковы, енисейские торговые люди, затем гости 127
- Федор Алексеевич, царь 217
Федор Иванович, царь 8
Федоров Алексей, монастырский работник 229
Федоров Григорий, крестьянин Кириллова м-ря, торговый человек 126
Федоров Григорий, человек воеводы Башковского 124, 128
Федоров Еремей, томский крестьянин 83
Федоров Иван, дьяк 19
Федоров Иван, новокрещен 93—94
Федоров Козьма, служилый человек, владелец заимки 143
Федоров Леонтий, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
Федоров Петр, каргополец, торговый человек 124
Федоров Семейка, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
Федосеев Федор, церковный дьячок 229
Феодосий, «черный священник» Введенского м-ря 91
Фефилов Торопка, красноярский служилый человек 78
Филатьев Остафий, московский и торговый человек, гость 125, 128, 192
Филипп, игумен Введенского м-ря 146, 185
Филиппов Андрей, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
Филиппов Дмитрий, бобыль Спасской Надпорожной слободы 227
Филиппов Митрофан, бобыль 227
Филиппов Михаил, посадский человек 227
Филиппов Пятко, посадский человек 227
Филиппов Филипп, церковный дьячок с. Ясаулова 228
Фирсов Дмитрий, сын боярский 44
Фотиев Григорий Иванов, пеший служилый человек, десятник 221
- Хабаров Ярофей Павлович, якутский сын боярский, землепроходец 11
Халев Иван Петров, посадский человек 226
Харитонов Евдоким, пеший служилый человек 221
Харитонов Федор, промышленный человек 116
Хлебников Иван Максимов, устюжанин, торговый человек 125, 129
Хлоптун Яков Семенов, конной сотни десятник 220

- Хлопунов Семейка Яковлев, пеший служилый человек 221
 Хлопуновы, служилые люди 110
 Хлыновский Савва, городничий Красноярского острога 104, 180
 Хмелевский Павел Павлович, тобольский сын боярский 17
 Хованский Андрей Андреевич, князь, тобольский воевода 18—20, 89
 Хозин Трофим Елисеев, пеший служилый человек 222
 Холопов Меркулий Тимофеев, торговый человек 131
 Хомяков Марчко, годовальщик Караульного острога 97
 Хрипунов Яков Игнатьевич, енисейский воевода 16—19, 41, 47, 121, 129
 Худоногов Павел Степанов, конной сотни служилый человек 218
 Худоногов Спиридон Степанов, красноярский сын боярский 133, 220
 Худяков Иван, толмач 225
- Цыбульский (Цыбольской) Филипп, ссыльный поляк, сын боярский 93, 230
- Чагин Иван Сергеев, пеший служилый человек, десятник 222
 Чагин Козьма Козьмин, пеший служилый человек 222
 Чагин Козьма Петров, конной сотни служилый человек 220
 Чагин Михаил Иванов, пеший служилый человек 222
 Чагун, киргизский князец, сын Ишеева Ереняка 47
 Чанчиков Прохор Федоров, конной сотни служилый человек 220
 Чанчиков Федор Федоров, конной сотни служилый человек, участник красноярской смуты 186, 188—190, 220
 Челышев Чеботай Федорович, кетский воевода 13
 Челоскин Трифон, стрелец 230
 Черепан Иван Алексеев, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
 Черкасов Пантелей Иванов, конной сотни служилый человек 219
 Черкасов Тихон Сергеев, конной сотни служилый человек 220
 Черкасский Дмитрий, сын боярский 28
 Черкашенин Григорий Григорьев, конной сотни служилый человек 219
 Черкашенин Григорий Деметьев, черкас, служилый человек 224
 Черкашенин Иван, служилый человек, владелец заимки 143
 Черкашенин Иван Трофимов, черкас, служилый человек 224
 Черкашенин Кондратий Матвеев, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
 Черкашенин Константин Васильев, черкас, служилый человек 224
 Черкашенин Леонтий Иванов, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
 Черкашенин Максим Григорьев, черкас, служилый человек 224
- Черкашенин Петр Васильев, пашенный крестьянин с. Ильинского 229
 Черкашенин Петр Павлов, конной сотни служилый человек 219
 Черкашенин Петр Трофимов, черкас, служилый человек 225
 Черкашенин Семейка Матвеев, пеший служилый человек 222
 Черкашенин Степан, конный казак 112
 Черкашенин Трофим Васильев, черкас, служилый человек 224
 Черкашенин Федор Емельянов, пашенный крестьянин с. Ильинского 228
 Черкашенин Федор Семенов, конной сотни служилый человек 219
 Черкашенин Федосей Ильин, конной сотни казак 112, 220
 Черкашенин Яков Григорьев, конной сотни служилый человек 96, 111, 220
 Чермного Григорий Иванов, конной сотни служилый человек 219
 Чермной Афанасий Артемьев, пеший служилый человек, десятник 222, 229
 Чермной Борис Мосеев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
 Чермной Козьма Афанасьев, монастырский работник 229
 Черней Иван, пашенный крестьянин с. Ясаулова 102, 228
 Черниев Сысой Петров, пеший служилый человек 223
 Черницын Павел, ярославец, торговый человек 125
 Черново Андрей Данилов, посадский человек 227
 Чернок Иван Григорьев, пашенный крестьянин с. Ясаулова 227
 Черноус Семен (Семейка) Елфимов, «отставленный» пеший казак 68, 223
 Черноусов Максим Семенов, пеший служилый человек 188, 224
 Чернухин Андрей, черкас, кузнец 225
 Черный, бухарский шейх («ших») 208
 Черный Иван, плотник 102
 Чигарин Андрей, енисейский посадский человек 126
 Чиначейко, татарин 37
 Чиначей, бурятский князец, племянник Ойлана 44
 Чингисхан (Темучин), монгольский завоеватель, основатель Монгольской империи 200
 Чюрак Афанасий Борисов, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
 Чюхломин Клим Гаврилов, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
 Чюхломин Петр, пашенный крестьянин с. Ясаулова 228
 Чюхломин Терентий Автомонов, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Шагин Тихон Григорьев, конной сотни служилый человек 219
 Шадра Григорий Ильин, конной сотни служилый человек 219
 Шадрин Михаил, казачий сын 146
 Шадрины, красноярские служилые люди 110

- Шадрихин Юшка, томский служилый человек 132
- Шаковитый Федор Леонтьевич, думный дьяк Стрелецкого приказа 61, 120, 167
- Шалков Афанасий, кожевник, участник красноярской смуты 150, 188
- Шалков Афанасий Иванович, пеший служилый человек 150, 188, 222
- Шалюков Иван Гаврилов, пеший служилый человек 223
- Шаля Кондратий Алексеев, монастырский крестьянин 229
- Шанбирей, аринский татарский князец 65
- Шангин Яков, енисейский торговый человек 134
- Шанда, киргизский князец 132
- Шандык, тубинский татарский князец 64
- Шар Иван Семенов, конной сотни служилый человек 219
- Шаршин Василий Иванович, гулящий человек 219
- Шарыгин Дмитрий Козьмин, пеший служилый человек 224
- Шахворостов Петр Григорьев, конной сотни служилый человек 220
- Шахматов Андрей Михайлов, конной сотни служилый человек 219
- Шахматов Василий Никитин, пеший служилый человек 221
- Шахматов Григорий, служилый человек 128
- Шахматов Семен Петров, пеший служилый человек 219, 221
- Шахов Михаил, пеший служилый человек 147, 222
- Шахов Филипп Трофимов, пеший служилый человек 223
- Шаховской Семен Иванович, князь, енисейский воевода 26, 62, 138
- Шаховы, красноярские служилые люди 110
- Шейбани-хан (Вали-хан), узбекский заведатель 198
- Шейбаниды, династия в Ср. Азии 9, 198
- Шелунин Андрей Иванович, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Шербети-шейх, глава бухарского посольства в Сибирь 201
- Шестаков А. Ф., якутский казацкий голова, мореходец 96
- Шестаков Никита Алфимов, конной сотни служилый человек 219
- Шестаков Осип, пеший служилый человек 221
- Шигей (Шыгай), бухарский князь, тесть Кучума 200
- Шиленок Ждан Степанов, конной сотни служилый человек 219
- Шихматов Иван Никитин, конной сотни служилый человек 220
- Шихонин Лука Михайлов, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Шихонин Семен Михайлов, пашенный крестьянин дер. Частоостровской 228
- Шишкин Юрий Федорович, мангазейский воевода 33, 191
- Шишков Григорий Иванович, красноярский воевода 51, 84, 85, 89, 102, 106, 117, 120—122, 156—160, 162, 170, 172—178
- Шишков Степан Григорьевич, сын воеводы Шишкова Г. И. 157, 162, 174
- Шорин Михаил, стрелецкий десятник 14
- Шорло-мерген, киргизский князец 59
- Шорох Иван, красноярский казенный целовальник 163
- Шошин Дмитрий Елфимов, пеший служилый человек, десятник 221
- Шошин Игнатий Елфимов, пеший служилый человек 221
- Шошин Прохор Елфимов, пеший служилый человек 221
- Шпаковский Яков, ясачный сборщик 13
- Шувайко Иван Иванович, конной сотни служилый человек 220
- Шунков В. И. 4, 74
- Шураков Никон Павлов, пеший служилый человек 222
- Шухтей Андрей, красноярский казак 184
- Шербак Аверьян, острожный воротник 225
- Щербак Григорий, струговой плотник 150
- Щербатов Константин Осипович, князь, енисейский воевода 85, 156, 158, 175
- Щербатой Осип Иванович, князь, томский воевода 153
- Щуплев Савва, иноземец 218
- Эрдени, джунгарский хунтайчи, отец Лазуцана 47, 203
- Юдин Борис, пашенный крестьянин дер. Балчужской 228
- Юдин Василий, конной сотни служилый человек 219
- Юдин Дмитрий Васильев, пеший служилый человек 223
- Юдин Матвей, сын боярский 30
- Юринский Павел, важский торговый человек 126
- Юрков Степан, плотник 150
- Юрьев Иван, посадский человек 227
- Юшков Иван Семенов, пашенный крестьянин дер. Павловской 229
- Ядровский Дмитрий, служилый человек 17
- Якимов Афанасий, лавочный сиделец торгового человека Филатьева 125
- Якимов Сила, посадский человек 226
- Якимов Федор, монастырский и пашенный крестьянин 229
- Якимов Федор, черкас, служилый человек 224
- Яков, дьякон 225
- Яков, красноярский священник 91
- Яков, новокрещен, купленный человек атамана Кольцова Р. И. 220
- Яковлев Алексей, пашенный крестьянин дер. Бугачевской 227
- Яковлев Богдан, десятник 223
- Яковлев Григорий, красноярский «запленный мастер» 166
- Яковлев Иван, пономарь 225
- Яковлев Кирилл, посадский человек 226
- Яковлев Ларион, пушкарь, скорняк 150

- Яковлев Леонтий, томский крестьянин 83
Яковлев Мартын, черкас, служилый человек, десятник 225
Яковлев Матвей, новокрещен, пеший служилый человек 223
Яковлев Семен, подьячий красноярской съезжей избы 218
Яковлев Трофим, каменщик 150
Яковлев Федот, пеший служилый человек 221
Яковлев Яков, посадский человек 226
- Ярлыков Алексей Яковлев, сын боярский, активный участник красноярской смуты 104, 109, 171, 180—183, 217
Ярлыков Михаил Марков, сын боярский 44, 45, 68, 217
Ярлыков Михаил, удинский приказчик 112, 145, 155, 170
Ярославец Осип Афанасьев, пеший служилый человек, десятник 222
Ярым, сеид из Бухары, член посольства Абдуллы-хана в Сибирь 201
Ярышка Трофим Андреев, пеший служилый человек 222
-

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
НАЗВАНИЙ

- Абакан, р., приток Енисея 38, 107, 115, 117, 119, 161, 181, 210
Абаканская степь 38
Абаканский острог 12
Абыгатов кашинский улус 29, 36
Абыдаев (Абытаев) аринский улус 35, 36
Агалицкий братский улус 31
Азия (Передняя, Центральная) 7, 9, 114, 195, 197, 206, 210
Айканова, дер. Красноярского у. 110, 143
Айканова речка, приток Енисея 217
Айканова Шивера 191
Акианков саянский улус 29
Акиаровы (Алиаровские) юрты на р. Пышме 211
Алтай 10
Алтырцы 117
Алышпаев улус в Канской земле 29
Амур, р. 93
Амыл, р. 119
Ангара (Верхняя Тунгуска), р., приток Енисея 44
Ангатская волость 29
Ангатский улус в Канской земле 29
Анзельская степь 106
Араксеев порог на р. Кан 40
Араксеев улус в Канской земле 29, 35, 40
Аринская земля 36, 51, 55
Аринская степь 106
Аринские татары (аринцы) 22, 26, 32—36, 39, 43, 48, 49, 97
Архангельск, г. 8, 94, 125, 210
Асанская волость 28
Асаны (васаны, асанские люди) 13, 14, 28
Аскыз, р., приток Абакана 38
Астрахань, г. 201, 210
Атаманова, дер. Красноярского у. 113, 142
Атаманов о-в на Енисее 107, 142
Атбашский (Вагайский) острог 196
Атмасы (Большой и Малый), поселки на правом берегу Иртыша 196
Афонтова гора под Красноярском 106
Ачаирский поселок на Иртыше 196
Ашахабатский улус 30
Ашахабаты, удинские буряты 30
Аштлы, колодец 196

Базаиха, рчк. 113, 147, 218, 219
Байгин улус в Канской земле 29, 35
Байгиринский бурятский улус 31
Байкотовские люди 48
Балаганский острог 44
Балчужская (Балчунская, Балчуг), дер. 111, 217, 219
Барабанова, дер. 110
Барабинская волость 209
Барабинская (Бараба) степь 10, 206, 210
Белое море 8
Березов, г. 75
Березов о-в на Енисее 112, 142
Березовка, р. 85, 90, 112, 113, 142, 145, 146, 219—224, 229
Березовская, дер. 142
Березовская заимка 144, 145
Бирюса, р., приток Ангары 107, 115, 116
Большая Нахвальная, дер.— см. Нахвальная дер.
Большая Курья, р., приток Енисея 112
Большая сопка (близ. Красноярска) 112
Большое оз. в низовьях рек Тары и Оми 197
Борщевик, урч. близ Красноярска 142
Ботой, р. 111, 112, 114
Ботойские промыслы 111
Бохтинская (земля) 13, 55, 98
Бохтинские татары (бохтинцы) 13, 14, 98
Брабант, область в С.-З. Европе 94
Братская (Бурятская) земля 23, 24, 30, 39, 41—45, 53, 130, 153, 154
Братские люди (буряты) 14, 17, 18, 30, 31, 39—44, 97, 121, 129—132, 177
Братские улусы по р. Кан 24, 31, 41, 44—46, 97, 130—132
Братский острог — см. Удинский острог
Братский перевоз в Канской земле 31, 40, 73, 108
Бугач, р. 106, 111
Бугачевская (Бугач), дер. 82, 106, 107, 111, 115, 142, 217, 227
Бугачеев (Бугочаев) улус камасинских татар 29, 35
Бугачеевский взвоз 106
Бузима, р., приток Енисея 106, 109, 110, 228
Бузимская верхняя дорога 99
Бузимское-Никольское, с. 82, 90, 107, 109, 117, 120, 140, 147, 168, 220—226
Булагатская «Большая земля» 44
Булагаты 30, 44
Бухара, г. 196, 198, 200, 203, 207
Бухария (Бухарская земля, Бухары) 58, 121, 197, 200—203, 206—209, 213
Бухарцы (сибирские, тарские, тобольские) 116, 122, 123, 136, 171, 173, 197, 199—203, 206—208, 212, 214

- Быковская (Бык), дер. 111, 115, 147, 217, 220, 222—224
 Быстрая, р. 112
- Вага, г. 126
 Вагай, р., приток Иртыша 195, 196
 Васанская (Асанская) земля по р. Кан 13, 14, 24, 25, 28
 Введенский монастырь на р. Березовке 85, 91, 92, 106, 107, 112, 131, 145, 146, 229
 Великий Новгород, г. 7
 Верхотурье, г. 131, 202, 210
 Веснинка, рчк. 111
 Вилой, приток Лены 11
 Вогулы (вогуличи, манси) 7
 Воеводский взвоз в Красноярске 106
 Волжская Булгария 195
 Восточная Европа 8, 195, 198
 Восточная Сибирь 192, 202
 Вымь, р., приток Вычегды 7
- Глубокий Луг, урч. 106
 Глухой Камень, урч. 112
 Готское заморье 7
 Греки 124
 Гремучий Яр, урч. 106
 Громовая гора 110
- Даурская земля (Даурия, Дауры) 11, 126
 Даурские казаки 93, 94
 Дерт-Кутук, колодец 196
 Даниловское, дворцовое село 61
 Джунгария 12, 210
 Дружинина (Кочергина), дер. 109, 143
 Дурное, оз. 109
 Дючки, братский улус 30
- Европейская Россия 127, 148
 Еловая, рчк., приток Ангары 106
 Елогуй, р., приток Енисея 110
 Ельник, рчк. 117
 Енисей (Верхний, Нижний), р. 10, 11, 13, 14, 16—18, 20—22, 24, 38, 39, 60, 73, 90, 99, 102, 105—113, 115, 117, 118, 126, 136, 142, 143, 145, 184, 185, 189, 190
 Енисейск, г. 12, 14—16, 19—21, 23, 25, 26, 41, 44, 45, 56—58, 68, 69, 72, 73, 76, 85, 87, 94, 114, 116, 121, 123, 124, 126, 129, 133, 134, 137, 138, 146, 149, 152, 154—160, 163, 170, 175, 176, 184, 185, 187, 190
 Енисейские киргизы — см. Киргизы
 Енисейский острог 11, 14, 16, 17—27, 41, 62, 83, 95, 126, 127, 129, 138
 Енисейский уезд 24, 28, 30, 44, 45, 60, 76, 82, 94, 95, 100, 101, 108, 109, 114, 117, 118, 137, 142, 152, 161
 Еремеева, дер. 110
 Есаулово — см. Ясаулово
 Еуштинские татары 10
 Еюдинцы — см. Удинские буряты
- Заволочье 7
 Западная Европа (Запад) 8, 11, 125, 127, 210
 Западная Сибирь 8, 10, 60, 62, 93, 197, 198, 210, 213
 Зауралье 95, 117, 152, 195, 207
- Зауральские остяки 7
 Змеинный Камень (Змеинцы), урч. 109, 113
 Золотая орда 198, 200
- Ивановщина, дер. 109
 Иланков братский улус 30, 31
 Илимск, г. и острог 125, 129, 134, 149
 Илинаков котовский улус 35
 Ильинское, с. 228
 Именевов котовский улус 29, 35
 Имилы, р. 210
 Инголоцкая («Инголоцкая») братская земля 29, 32, 42, 43
 Иркеты 30
 Иркутск, г. и острог 31, 34, 45, 77, 95, 134, 149, 192, 204
 Иркутский уезд 30, 152
 Иртыш, р. 8, 10, 20, 195—198, 200, 207
 Искер — см. Кашлык
 Иские корчуны 30
 Ишим, р., приток Иртыша 196, 197
 Ишимские пади, урч. 196
 Июсы (Белый и Черный), реки 38, 119.
- Кадысская (Кадцкая) волость 13, 14, 16
 Казаки (донские, терские, яицкие) 94, 140, 141
 Казанская старая дорога 195
 Казанцова, дер. — см. Юкеевская дер.
 Казанское ханство 195
 Казань, г. 7, 9, 148, 195, 198, 200, 210
 Казахстан 203
 Казьма, перевоз 196
 Кайсотская братская земля (улусы) 45, 55
 Кайсоты 30
 Калгаты 30
 Калмыки 10, 11, 35, 46, 68, 69, 70, 97, 108, 121—123, 131, 149, 154, 173, 177, 196, 201, 204, 206, 210, 213
 Калмыцкий перевоз на Иртыше 196
 Калмыцкая степь 206
 Кама, р., приток Волги 7—9, 195
 Камасинская земля 29, 34, 50, 52, 53, 72, 132, 135
 Камасинцы (камасинские люди) 28, 29, 32, 48, 135
 Каменная гора («пониже Змеинцев») 113
 Каменный брод в верховьях Ишима 196, 197
 «Камень» — см. Урал
 Камский путь 8
 Кан, р., приток Енисея 29, 31, 32, 39—41, 45, 50, 81, 107, 109, 111, 112, 142, 149, 219, 221—224
 Канбирев, аринский улус 35
 Кангасский, братский улус 31
 Канск, г. 111
 Канская земля (край) 23, 28, 29, 31, 33, 34, 36, 40—43, 45, 50—52, 55, 68, 81, 114, 116, 132, 230. См. также Котовская земля
 Канские татары 32, 34, 35, 37, 40, 41
 Канский острожек 31, 40, 41, 56, 72, 81, 107, 230
 Канский уезд 114
 Капканинская волость 196
 Караноты 30

- Каратур, перевоз 196
 Караульная р. — см. Межевая, р.
 Караульный (Верхний) острог на Енисее 12, 29, 73, 100, 106, 107, 115, 117, 124, 136, 183
 Каргачайский улус 132
 Кармагинский братский улус 31
 Карчитаев саянский улус 29
 Каспийское море 80
 Кача, р., приток Енисея 11, 15, 16, 37, 40, 45, 60, 80, 101, 106, 138, 182, 190
 Качинская земля 15, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 35, 36, 45, 51, 55, 66, 89, 100, 121, 137
 Качинские татары (качинцы) 22, 23, 25, 26, 32, 34, 36, 39, 48, 49, 97, 101, 129, 132, 135, 187
 Качинский острог — см. Красноярский острог
 Кашаун, урч. 196
 Кашинская земля (в верховьях р. Маны) 29, 55
 Кашинские люди (кашинцы) 29, 35
 Кашлык (Искер), г. в устье Тобола, столица Сибирского юрта 195—198
 Кемчуг Большой, р., приток Чульма 32, 107, 115, 116
 Кемь, р., приток Енисея 38
 Кетск, г. и острог 13, 14, 156
 Кетские остяки 13
 Кетский уезд 152
 Кеть, приток Оби 11, 13, 16, 19, 20, 100, 137
 Кижижүльская степь, близ Красноярска 106
 Кизылы (кизыльские люди) 39
 Киковка, дер.— см. Торгошина, дер.
 Киковка, рчк. 112, 143
 Кирбиты 30, 45
 Кыргызская (Крыгижская, Киргизы) земля 15, 35, 36, 39, 46, 47, 49, 53, 58, 66, 68, 69, 118, 119, 123, 124, 130, 134, 136, 177, 202, 210
 Кыргызская степь 12
 Киргизы (енисейские киргизы) 12—14, 16, 18, 23, 27, 28, 34, 35, 39, 40, 43—50, 52, 59, 66, 70, 79, 81, 82, 99, 107, 108, 117, 122, 123, 128—130, 132, 136, 139—142, 154, 165, 172, 173, 176, 202, 204
 Киртасская таможенная застава 212
 Китай (Хина, Китаи) 8, 58, 95, 121, 124—126, 135, 205, 206, 209, 210, 213
 Кодские остяки (ханты) 10
 Коегов (Коецкий) саянский улус 29, 45
 Кокурская (Матонина), дер. 109, 143
 Колмогоры (Холмогоры), г. 8
 Кома, р. 29
 Коми (зыряне) вычегодские 8
 Конный, о-в на Енисее 142
 Коркунова, дер. на р. Бузиме 109
 Корчунская бурятская земля 46
 Корчунские люди (улусы) 30, 31
 Котовская земля 28—36, 39—41, 108, см. также Канская земля
 Котовские татары (котовцы) 28, 31—35
 Кочемарский братский улус 30, 31
 Коштак, р. 17, 119
 Красноярск, г. на Енисее 4, 7, 11—13, 17, 23, 26, 29—32, 34, 35, 37, 39, 40, 43—49, 51, 53, 56, 57, 61—83, 86—88, 90, 91, 93, 94, 96, 100—102, 105, 182, 183
 Красноярский (Канский) край 37, 60, 95, 114, 137
 Красноярский (Красный Яр, Красный, Новый Качинский) острог и посад 13, 17, 18, 21—27, 34, 39—41, 47—49, 55, 59—62, 65—69, 71, 74, 77, 78, 80, 82, 83, 86—90, 92, 94, 95, 98—106, 114, 115, 118, 121, 125—129, 137, 139, 144, 148, 154, 160, 167, 178—192, 205, 217, 218, 226
 Красноярский уезд 28, 30, 34—37, 44—47, 51—53, 58, 60, 61, 77, 80—85, 90, 92—100, 127, 130—137, 147, 152, 155, 158, 161, 171, 179, 215, 217, 229
 Красноярское зимовье 31
 Красный Яр — см. Красноярский острог
 Красный острог — см. Красноярский острог
 Кручин-Куш, урч. 196
 «Крыгижская земля» — см. Киргизская земля
 Кобалицкий братский улус 31
 Кубековка, рчк. 106, 110, 217—220, 223, 224
 Кубеково, оз. 115
 Кубековская, дер. 106, 110, 111, 140, 217, 218, 220, 223, 224
 Куваршина, дер. 110, 143, 224
 Кузнецк, г. 29, 120, 175
 Кузнецкий острог 10, 12, 14, 18, 28
 Кузнецкий уезд 152, 154
 Куйгин камасинский улус 29, 35
 Куликова, дер. 111
 Куллары (Кулсары, Куларов, Кучумов), городок 196
 Кургулов кашинский улус 29, 35
 Кызыр, р. 119
 Лальский погост 126
 Лена, р. 11, 73, 126, 154
 Ленский волок (Илимск) 73
 Лодейская (Лодейки, Лодейная), дер. 107, 112, 140, 142, 143, 149, 218, 221—226
 Лодейский луг 112, 142
 Ломовская дорога 108
 Ломовский «тайный» караул на р. Б. Кемчуг 107
 Мавераннахр, территория междуречья рек Аму-и Сыр-Дарьи 195, 198
 Майский медный рудник 118
 Маковский волок 15
 Маковский (Макутский) острог на р. Кеть 11, 14, 19, 20, 21, 23, 25, 73, 137, 138
 Малая, рчк. 111
 Мана, р., приток Енисея 29, 40, 73, 113, 115, 142, 219
 Мангазейский уезд 117, 152
 Мангазея (Molgomzaia) 8—10, 127, 129, 134—135
 Мангерики 30
 Мангилиев братский улус 30
 Мара, р. 43
 Матохина (Мат), дер. 217, 218
 Межевая (Караульная), р., приток Енисея 100, 108, 109
 Мезенина, дер. 143
 Мелесский острог 25, 28
 Мемьюль, р. 110

- Мирославская, дер. 143, 220
 Минусинский район Сибири 137
 Монастырская гора под Красноярском 113
 Монголия (Мунгальская земля) 47, 66, 123, 130, 136, 203, 206
 Монголы (мунгалы, салтановы люди) 12, 34, 45—47, 69, 79, 97, 121, 122, 131
 Москва, г. 17—19, 21, 23—26, 41, 43, 45, 47, 57, 61, 62, 66, 68, 69, 72—75, 77, 78, 81, 86, 90, 92—94, 98—101, 106, 111, 117, 119, 120, 125, 126, 130, 132, 134, 135, 138, 145, 149, 152—154, 157, 158, 160—162, 167, 174, 176, 177, 179, 181, 184, 186, 191, 198, 199, 201, 204
 Моторская (Мутарская) земля 14, 72
 Моторцы (моторские люди) 15
 Мунгатов (Мунгатков) качинский улус 29, 35
 Мунтуков кашинский улус 29

 Надпорожная Спасская слобода 28, 60, 82, 86—88, 90, 107—109, 140, 147, 217, 226
 Наляги 24
 Нанжюльская степь под Красноярском 106
 Нарым, г. 10
 Нарымский уезд 152
 Нахвальная (Большая Нахвальная, Нахвальская), дер. 111, 140, 218, 221—224, 226
 Нахвальная Малая, дер. 109
 Невьянская слобода 210
 Немцы 93, 94
 Нерчинск, г. 87, 114, 124, 125, 127, 134
 Нижняя Караульная, дер. 82
 Никитин бор под Красноярском 136
 Ногайская земля (Ногаи) 198
 Ногайцы 199, 201

 Обдорская таможенная застава 212
 Обраев киргизский улус 15
 Обь, р. 8—10, 13, 212
 Овсянка, р. 113, 115, 220—222
 Овсянкина (Овсянская, Овсянка), дер. 107, 113, 140, 145, 220, 222—224
 Ока, р., приток Ангары 31, 41, 400
 Окмас (Откмас), перевоз вверх по Иртышу 196
 Омск, г. 20, 196
 Омь, р., приток Иртыша 196, 197
 Она, р. 28
 «Онпальская земля» 13, 14
 Орлец, г. на Сев. Двине 7
 Осыпной Яр, урч. 110, 113, 140, 145, 218—221, 223, 224
 Отчаир (Чаир), перевоз 196
 Оя, р., приток Енисея 23

 Павловская, дер. 82, 109, 140, 218, 223, 226, 229
 Пантыков (Тымаков) улус в Канской земле 29, 36
 Пегай орда — см. Селькупы
 Пекин, г. 10, 210
 «Пелегунская земля» 50
 Пельмские вогуличи (манси) 10
 Передняя Азия — см. Азия
 Пермская земля 7

 Персия (Иран) 12, 125, 206
 Печорский путь 7,8
 Пинега, р., приток Сев. Двины 93
 Поволжье 93, 197, 198
 Погорельская, дер. 82
 Погромная, р., приток Ангары 117
 Погурская (Тогурская) волость 35
 Подкаменная, дер. 142
 Подкаменная Курья под Красноярском 112
 Подпорожная енисейская слобода 108, 138
 Подъемная (Большая), рчк. 85, 109, 145, 146, 229
 Покровский городок — см. Удинский острог
 Покровский острог — см. Удинский острог
 Польша 63
 Поляки 70, 75
 Поморские города 210
 Поморы 93
 Поморье (Северное Поморье) 8, 93, 125
 Посадный остров 107
 Посолка, рчк., приток Енисея 118
 Початский улус в Канской земле 29
 Предивная гора близ Красноярска 109
 Прибалтика 7
 Пышма, р., приток Туры 211
 «Пятнадцать дерев», урч. 196

 Разорвина, дер. 109, 118, 119
 Разорвина, рчк., 109
 Рославль, г. 61
 Рославльский уезд 61
 Ругодив, торговый порт [на Балтийском море 8
 Русское государство (Россия, Русь) 7—9, 57, 59, 61, 95, 96, 119, 125, 126, 132, 144, 166, 178, 207, 210, 213, 214

 Сабанакovy юрты близ Тобольска 207
 Савостьянова, дер. 110
 Саратов, р., приток Маны 143
 Сары-Су, р. в Средней Азии 196
 Сауран (Шавран), г. в Средней Азии 195—197, 199, 200
 Саянская земля (Саяны) 29, 32, 45, 56, 134
 Саянская степь 38
 Саянские горы (Саянский камень), 29, 32, 45
 Саянские люди (саянцы) 16, 30, 32, 45
 Саянский острог 12, 118
 Саянский порог 29
 Северная Двина, р. 7
 Селенгинск, г. 192
 Селитрея, рчк. 211
 Селькупы (Пегай орда), самоедо-остяцкие племена 10
 Серайм, г. 208
 Сибирь (Сибирское ханство, Кучумово царство) 3, 4, 7—12, 16, 18, 23, 41, 46, 53, 57, 59—61, 93, 95, 114, 117, 118, 127, 129, 132, 135, 137, 147, 148, 152, 161, 162, 164, 175, 193, 195, 197—201, 203—213
 Силошин качинский улус 35, 36
 Симанкова, дер. Красноярского у. 109
 Симанова, р., приток Енисея 109
 Сисим, р., приток Енисея 119
 Слизнева (Слижнева), рчк. 113, 145
 Сметанин, о-в 112, 145
 Смоленский уезд 7

- Собакина, р. 106
 Собская таможенная застава 212
 Соль Камская, г. 8
 Основные мысы под Красноярском 106
 Спасская Ангарская пустынь 118
 Спасская слобода — см. Надпорожная слобода
 Сполошный, о-в 108
 Средняя Азия 3, 4, 8, 121, 193, 195, 197, 199—201, 203, 204, 206, 207, 210, 213
 «Страна мрака» — см. Сибирь
 Сургут, г. 10, 75, 137
 Сургутский уезд 152
 Сыр-Дарья (Сырт-река) 195, 196
- Тавда, р., приток Тобола 10
 Таганакон, татарский улус 29, 35
 Тагы, улус в Канской земле 29
 Тадзымовы юрты (близ Тобольска) 207
 Тазовская губа 10
 Тара (Тарский, Новый), г. на Иртыше 10, 66, 204—210, 212
 Тара, р., приток Иртыша 196, 197, 203
 Тарская дорога 197
 Тарханский «заставный» городок 197
 Татары 23, 39, 56, 59, 68, 70, 99, 131, 135—137, 140, 185, 188, 197, 211
 Татушев, о-в на Енисее 107, 115, 142
 Татушев, аринский улус 36
 Тахчея, территория бассейна р. Туры 9
 Теленгутская (Пеленгутская) волость 29
 Тель, р. 111
 Темсенов улус в Канской земле 29, 35
 Тингусия 9, 13
 Тобол, р. 7, 8, 10, 195, 198, 200, 201
 Тобольск, г. 10, 13, 16—22, 25, 26, 61, 62, 66, 69, 70, 80, 89, 106, 119, 126, 127, 129, 131, 137, 152, 161, 166, 175, 196, 197, 200—214, 230
 Тобольский уезд 211
 Толдат, р. 33
 Толкона, рчк. 111
 Томск (Томской), г. 10, 12, 14, 18—20, 25—27, 43, 47, 49, 66, 68, 72, 74, 80, 83, 122, 123, 133, 148, 153—156, 161, 175, 178, 185, 202, 210
 Томский уезд 39, 44, 116, 152
 Томь, р., приток Оби 10
 Торгошина (Жиковка), дер. 112, 113, 143, 147, 219, 222
 Торгошины речки 112
 Торсуков улус в Канской земле 29
 Тотаров улус в Камасинской земле 29
 Туба, р. — см. Упса
 Тубайков улус кашинских татар 29, 36
 Тубинская земля (Туба) 14, 29, 35, 40, 50, 51, 55, 130, 177
 Тубинские татары (тубинцы) 15, 16, 23, 27, 39, 40, 45, 46, 48, 59, 81, 117
 Тубочаков улус качинских татар 29
 Тумансет, р. 29
 Тунгуска, р. 13, 41, 138
 Тунгусы (эвенки) 15, 34
 Тупораков асанский улус 28, 29
 Тура, г. 198, 200, 211
 Тура, р., приток Тобола 9, 10, 211
 Туралицкие буряты (туралики) 30
- Туринск, г. 80, 202
 Туркестан, г. 195, 196
 Туркестанская дорога 197
 Туруханск, г. 127, 128, 185
 Туруханский край (Турухан) 128, 134
 Туста, р. 110, 111, 113
 Тымаков (затем Пантыков) котовский улус 35, 36
 Тюлкина земля 11, 13—17, 24, 26, 129
 «Тюлкины люди» 14, 16, 22, 24, 25
 Тюменский перевал 195
 Тюменский уезд 131, 211
 Тюменцова, дер. 143
 Тюмень, г. 80, 127, 152, 195, 197, 198, 201, 203, 207, 211
 Тюркские племена 12, 45, 47
- Угро-финские племена 7
 Убей, р. 29
 Угуманов кашинский улус 29
 Уда, р., приток Селенги 23, 41, 43, 44, 46, 107
 Удинская земля 230
 Удинские буряты 30, 41, 48, 49, 58
 Удинский (Покровский) городок 44
 Удинский (Покровский, Братский) острог 31, 44, 45, 50, 56, 72, 106—108, 118, 120, 129, 132, 133, 138, 147, 150, 183, 230
 Удинский (Еюдинский) братский улус 30
 Удинский уезд 33, 34, 130
 Удинское зимовье 31
 Узбеки 206
 Узбекское ханство (Узбекская держава) 198
 Узунов братский улус 30
 Улуулаг, лука на р. Ишиме 197
 Улу-Тау, горы 196
 Унга, р., приток Ангары 44
 Упса (Туба), р., приток Енисея 35, 40, 45, 115, 119
 Урал 7—9, 11, 170, 195
 Ургенч (Юргенч), г. в Ср. Азии 196—198, 200, 201, 207
 Ургунская волость в верховьях р. Кана 29
 Усолка, р., приток Ангары 28
 Устюг Великий, г. 7, 125, 212
 Уфа, г. 210
 Ухарцы, бурятское племя 30
- Хантонов (Хайтонов) улус котовских татар 35
 Хайсотская земля братских людей 30
 Ханты, зауральские остяки 36
 Хахив саянский улус 29
 Хива, г. 207. См. также Ургенч
 Хлоптуновская, дер. 110, 143, 217, 219, 221, 222
 Холуеватая, рчк. 111
 Хорезм, г-во в Ср. Азии 198
- Царево городище, г. на Тоболе 197
- Чадобская (Сасанская) волость 28
 Чаир — см. Отчаир
 Частоостровская, дер. 82, 84, 93, 96, 107, 110, 140, 169, 228
 Частоостровская дорога 111
 Черемховая, рчк. 106
 Черкасы (украинцы) 70, 93, 94

- Черные калмыки 136
 Черный городок в низовьях Тары и Оми 196
 Чертолье, местность в Москве 161
 Чипогуры 24
 Чукотский мыс 11
 Чусовая, р., приток Камы 9
- Шавран, г.— см. Сауран
 Шавчигаев, саянский улус 29
 Шадрина, дер. 110
 Шакчинские юрты в Тюменском уезде 211
 Шалашкин, улус камасинских татар 28, 29
 Шанши-Карагай, урч. близ р. Ишима 196
 Шаншинские юрты 196
 Шараитский, бурятский улус 30, 31
 Шараиты, 30, 45
 Шахова, дер. 110
 Шиверская (Шивера), дер. 98, 110, 140, 217, 220—224, 226
 Шиверские (Верхняя и Нижняя) речки 99, 110, 144, 217, 221, 223, 224
 Широпоты, 30
 Шиш-Тамак, татарские юрты в верховьях Иртыша 196
 Шишкет, р. 117
 Шиштамаа, р., приток Иртыша 196
- Шоломоты, братские люди 30, 45
 Шурга, китайский городок 121
- Югорский Камень, урч. 9
 Юго-западная Сибирь 198
 Юзугант, г. 196
 Юксеевка, р. 145
 Юксеевская (Казанцова), дер. 109, 140 219, 221—225
- Явлу-Тура, г. (затем Ялуторовская слобода) 197
 Якутск, г. 129
 Якуты 37
 Ямышево (Ямыш), оз. 197, 202, 205, 210, 212
 Япончинская (Япанча), дер. 211
 Яргаши, улус кашинских татар 29
 Яринская земля в верховьях Енисея 28, 29
 Яркетархи, саянский улус 29
 Ярославль, г. 134
 Ясаулово, с. 39, 82, 90, 96, 103, 111, 112, 115, 117, 136, 140, 181, 217—227
 Ясаулов погост 111
 Ястынская земля 55
 Ястынцы (ястынские татары) 33, 39, 48
 «Ясырский город» 197

КРАТКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Азям (армяк, зипун) — верхняя одежда халатного покроя из домотканной материи
Аksamит — ткань, род бархата
Албан — дань
Аманат — заложник

Бадьян — лекарственная трава
Басманник (хлеба) — казенная весовая единица хлеба
Башлык — начальник бухарского торгового каравана
Башмак — ножная деревянная колодка у арестованных
Бердыш — широкий топор на длинной рукоятке
Беспенный (товар) — беспошлинный
Бобровые гоны — места ловли речного бобра
Бумажник — стеганный кафтан военного покроя

Вагази — промышленные (промысловые) артели «охочих людей»
Ватажник — член промысловой артели
Верши — рыболовные снасти из прутьев
Воротник — привратник, сторож у крепостных ворот
Выбойка — пеньковая ткань в одну краску

Годовальщик — 1) работник промышленной артели на договорном найме; 2) служилый человек, состоящий на годовой отъезжей службе

Даба — китайская бумажная ткань, род холста
Дороги — шелковая полосатая или клетчатая ткань (кит., перс, тур.)
Доцаник — плоскодонное речное судно

Елань — открытое место, прогалина в лесу
Елец — рыба семейства карпов
Ергак — меховой тулуп
Ергачина — выделанная жеребьячья шкура
Ертаульные струги — передовые суда, несущие разведочную (караульную) службу

Животы — домашние пожитки, недвижимое имущество

Затин — укрытое место в острожке
Затинщик — крепостной (затынный) стрелок у затинной пушки

Заповедный товар — запрещенный
Зверобой — лекарственная трава
Зелейный погреб — пороховое хранилище
Зелье — порох
Зендень — восточная бумажная ткань различных цветов
Зипун — кафтан без воротника из домотканной материи
Золотная ткань — с введенными золотыми и серебряными нитями, парча
Зуб рыбий — клыки моржа
Зуфь — хлопчатобумажная ткань

Извет — клевета, донос

Кабаргинная струя — см. *Мускус*
Кайра — ароматическое вещество
Камасы — сапоги из оленьей и лосиной шкуры
Камка — цветная шелковая ткань с рисунком, разводами
Камлание — обрядовые действия шаманов
Карабин — короткоствольное ружье с широким дулом
Кат, каты — защитные приспособления в острожках
Келим — домотканый восточный ковер
Киндяки — одноцветная (перс.) бумажная ткань; также кафтаны особого покроя
Китайка — гладкая (кит.) бумажная ткань
Китайка «большой руки» — широкая китайка
Кобылка — вредное насекомое, сибирская стрекоза
Кожа мостовая — выделанная, выдубленная кожа
Корольки — каралловые бусы
Корельчатые ложки — выделанные из карельской березы
Кочи сибирские — речные и морские весельные и парусные суда
Кош — стойбище кибиток, кочевое жилье у сибирских кочевых народов
Кошлок — молодой бобер, выдра
Кошма — полость, войлок из овечьей или верблюжьей шерсти
Крашенина — лощеный холст, обычно синего цвета
Кречет — ловчая птица
Кричное железо — выплавленное сыродутным способом, необработанное (с примесью шлака)
Кумач — бумажная ткань красного цвета

Курлык — сорт дикой гречихи в В. Сибири
Куртуяки — священные камни, изваяния
Кутня — восточная полупелюшковая ткань в виде атласа
Куяки — наборные латы из металлических кованых пластинок
Лалы — драгоценные камни (рубин, яхонт и др.)
Лан — китайская золотая и серебряная монета, а также мера веса
Летчина — сорт сукна польского производства
Лешие промыслы, лешня — лесные охотничьи промыслы, зверованье
Лядунка — сумка для ружейных зарядов
Макуйли — дикие коты
Малахай — меховая шапка-ушанка
Марал — южносибирский (алтайский) олень
Мель — льняная ткань
Мензиры — каменные столбы, статуи. См. также *Куртуяки*
Миткаль — бумажная белая ткань без рисунка
Мишура — серебряные и золотые швейные нити для отделки
Мускус (кабаргинная струя) — ароматическое и лечебное вещество
Муксун — рыба, сибирский сиг
Мушкет — короткое боевое ружье
Наволоки — низменный берег, заливаемый водой во время разлива, речная отмель, нанос
Напарье — сверло, бурав с коловоротом (предмет судового строительства)
Нарты — сани для езды на собаках и оленях
Наручи — металлические налокотники, часть «ратной сбруи»
Наряд — артиллерия со всем снаряжением
Настрафиль — сорт западноевропейского сукна среднего качества
Натруска — порошница для насыпки пороха, а также ремень для ношения охотничьих принадлежностей
Недоросли — дети служилых людей, не достигшие призывного возраста
Недособоль, недорость — молодой соболь с негустой шерстью
Нельма — сибирская рыба, род лосося
Немецкие товары — вообще заграничные, западноевропейские
Обламы (обломы) — защитные сооружения с выступом на острожной стене
Обмет (соболиный, волчий) — сеть, тенета для промысловой ловли зверей
Оборотни — судовая снасть
Объярь — плотная шелковая ткань в виде репса, для верхней одежды
Огниво звероловное — трут и кремь для высекания огня
Одекуй — сорт дисера или мелких бус, предмет меновой торговли с сибирскими народами

Однорядка — верхний однобортный кафтан без воротника с длинными рукавами
Окол — край шапки, меховая опушка
Окуп — здесь взятка (воеводам) за назначение на доходную ясачную волость
Опашень — верхняя (муж. и жен.) одежда с длинными рукавами
Ослоп, ослопые — окованная дубинка

Павозок (паузок) — речное судно для перегрузки глады с больших судов
Пазник — прямое долото (тесло) в судостроительной снасти
Панцирь — кульчужная рубаха до колен из металлических пластинок, с короткими рукавами
Переда чарошныя — кожаная заготовка для обуви (чар)
Пестрядь — пеньковая полосатая ткань
Пешня — железный лом
Пищаль — старинное огнестрельное орудие
Пищаль затинная — крепостная старинная пушка
Платье золотное — сшитое из парчевой материи
Повалуша — летнее холодное помещение для спанья
Поворотные деньги — пошлина с ворот (воротная)
Подголовок — ларец для хранения ценных вещей, денег и документов, помещаемый обычно в изголовье постели
Подклеть — нижнее помещение жилого дома или избы
Поддубрусок (поддубрусник) — женский головной убор, повойник
Подчеревь — подбрюшная часть бобрового меха
Покрута — наем охотчих людей в промышленные зверовые и рыболовные артели
Покручник — издольный (на паях) работник промышленной артели
Полаз — ковровая дорожка, половик
Половинка сукна — отрез определенной меры (например, в 20—25 арш.)
Полоть (ветчины) — полтуши свиного мяса
Полузендень — среднеазиатская ткань
Поминки — дарственное приношение воеводам, гостинец (например, «поминочный соболь»)
Портище — 1) отрез ткани, 2) торговая мера для тканей и сукна
Посопный хлеб — натуральный хлебный оброк
Постав — единица при продаже тканей: «штука», «кусок»
Посул (воеводе) — взятка
Проскурак, просвирица — пекари просфор (хлебцев)
Противень — копия документа
Пупки собольи — подбрюшный соболий мех
Пурбени — сорт китайского шелка
Ровдуга (ролдуга) — шкурка оленя или лосиная, выделанная под замшу
Романья — сладкая настойка на заграничном (фряжском) вине

- Росомаха* — хищный пушной зверь
Руга — хлебное и денежное содержание духовенства
Рундук — крытая площадка со ступенями, крыльцо
- Саадак* — прибор военного снаряжения: лук с налучником, колчан со стрелами
Сакма — степная дорога, шлях, широкая колея
Саксаул — степной кустарник, употребляемый для топлива
Сафьян — выделанная козловая кожа цветной окраски
Скора — пушной товар, также кожа
Слега — мелкое дерево для стройки, жердь
Сорок соболей — набор собольего меха в 40 шкур
- Стамед* — плотная шерстяная ткань
Струг — речное судно, гребное и парусное
Сулица — метательное копье, также рогатина
Сукно «амбургское» — гамбургское сукно
Сырец — невыделанный (несученый) шелк
- Тафта* — шелковая плотная ткань
Тезики — таджикские и вообще среднеазиатские купцы
Тензуй — китайский лечебный корень
Тесло — плотничное орудие в судостроительной снасти
Толмач — устный переводчик
Травчатая ткань — с узором в виде трав
Трунцало золотное — блестящая нитяная канитель для отделки
Тулумбас — военный музыкальный инструмент, род барабана
Тюшак — тюфяк, подстилка для сиденья или спанья
- Указная* — пошлина — ежегодный поголовный налог с приезжих в Сибирь
- Фата* — покрывало, женский убор из прозрачной ткани
- Финифть* — разноцветная эмаль по металлу
Ферязь — зимняя и летняя одежда (муж. и жен.)
- Цевка* (золота) — моток золотых нитей
Ценинная посуда — глиняная расписная и фаянсовая посуда
Целовальник — должностное лицо, даввшее присягу («целование креста»)
- Чалдар* — бумажная лощеная ткань белого цвета
Чалма — мужской головной убор у мусульман
Чарки (чары) — сибирская обувь
Чаровый — узорчатый
Чедыги — мягкая легкая обувь из сафьяна, сукна, бархата и т. д.
Черчатый (червлёный) — ярко-малинового цвета
- Шайтан* — сатана, злой дух у сибирских народов
Шаман — знахарь, колдун
Шерть, шертованье — присяга у сибирских народов, сопровождаемая символическими обрядами
Ширинка — узкий отрезок ткани в виде короткого полотенца
- Юфть* — 1) кожевенный товар. 2) кожа, выделанная на чистом дегте
- Язык* — пленный
Ясак — подать (преимущественно пушной) с нерусского населения
Ясачные земли — обложенные податью, ясаком
Ясыри — взятые в плен в виде добычи и обращенные в рабов сибирские кочевники
Яхонт — драгоценный камень различных цветов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА В XVII в.	
Введение	7
Глава I. Основание Красноярского острога	13
Глава II. Народы Красноярского края	28
1. Быт народов лесостепи	28
2. Объясчение народов Красноярского края	39
3. Ясак	45
Глава III. Русская колонизация и русское население Красноярского края	60
1. Общие замечания	60
2. Военная колонизация. Служилые люди	62
3. Крестьяне	80
4. Посадские люди	86
5. Духовенство	89
6. Итоги колонизации Красноярского уезда	92
7. Территория Красноярского уезда в XVII в.	100
Глава IV. Хозяйство русского населения Красноярского уезда в XVII в.	114
1. Промыслы	114
2. Торговля Красноярска в XVII в.	121
3. Земледелие и скотоводство	136
4. Ремесло и мелкая промышленность	147
Глава V. Управление Красноярском в XVII в. Классовая борьба	152
1. Томский и Енисейский разряды	152
2. Воеводское управление	161
3. Воеводская канцелярия	166
4. Воеводские злоупотребления	170
5. Красноярская «смута»	178
СИБИРЬ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XVI И XVII вв.	
Приложение	
Переписные книги г. Красноярска и Красноярского уезда 1671 г.	215
Указатель имен	231
Указатель географических и этнографических названий	249
Краткий терминологический словарь	255

Сергей Владимирович Бахрушин

* * *

«Научные труды»,

том IV

* * *

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР*

* * *

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *С. Г. Маркович*

* * *

РИСО 4—27 Р. Сдано в набор 5/VII 1958 г.
Подписано к печати 9/I 1959 г. Формат 70×108³/₁₆
Печ. л. 16,25+1 вкл.=22,26 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 23,5.
Тираж 2000 экз. Издат. № 2937. Тип. зак. № 1156
Цена 16 р. 10 к.

* * *

Издательство Академии наук СССР,
Москва Б-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я тип. Издательства Академии наук СССР,
Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
36	17 св.	и Базаракова	Базаракова
50	6 сн.	аманатом	аманатам
71	19 св.	черкесской	черкасской
76	19 св.	1891	1691
79	6 сн.	раннего	раннего
87	4 сн.	выше	ниже

